
И.В. Балкова

**ИСТОРИЯ
БИБЛИОТЕЧНОГО
ДЕЛА**

Москва
«Пашков дом»
2013

УДК 02(091)(075.8)
ББК 78г.я73-2
Б 20

Балкова, И. В.

Б 20 История библиотечного дела : курс лекций / И. В. Балкова. —
М. : Пашков дом, 2013. — 415 с.
ISBN 978-5-7510-0575-7

Когда появились первые библиотеки? Какую роль выполняли библиотеки в развитии культуры, образования? Как менялась библиотечная мысль?

Этим и многим другим вопросам посвящен курс лекций специалиста в области библиотечного дела И.В. Балковой. Автор прослеживает этапы развития библиотечного дела в России и за рубежом: от библиотек Древнего мира и раннефеодальных библиотек Киевской Руси до наших дней.

Книга будет интересна не только студентам высших и средних специальных учебных заведений, преподавателям, библиотечным работникам, но и всем интересующимся историей библиотечного дела.

УДК 02(091)(075.8)
ББК 78г.я73-2

ISBN 978-5-7510-0575-7

© И. В. Балкова, автор, 2013
© В. В. Покатов, художественное оформление, 2013
© ФГБУ «Российская государственная библиотека»,
издательство «Пашков дом», 2013

Содержание

Введение 5

Глава I

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В РОССИИ

§ 1. Раннефеодальные библиотеки Киевской Руси..... 17
§ 2. Библиотеки на Руси в XIV–XVII вв. 28
§ 3. Библиотеки в XVIII в. 52
§ 4. Библиотечное дело в XIX в. 91
§ 5. Библиотечное дело в конце XIX —
начале XX в. 152
§ 6. Библиотечное дело в РСФСР 212

Глава II

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА ЗА РУБЕЖОМ

§ 1. Библиотеки Древнего мира 307
§ 2. Библиотеки Средневековья и эпохи
Возрождения 324
§ 3. Библиотечное дело в новой истории 348
§ 4. Развитие библиотек в Америке 369
§ 5. Библиотечное дело за рубежом в период
новейшей истории 392
Заключение..... 406
Указатель имен 407

Предисловие

Как большинство научных и учебных дисциплин, библиотековедение состоит из трех частей: история — теория — практика. История библиотечного дела изучается в рамках курса общего библиотековедения, который помимо настоящего курса состоит еще из двух теоретических разделов: учение о библиотеке и учение о библиотечном деле. Практической частью общего библиотековедения являются курсы «Библиотечный фонд», «Библиотечные информационно-поисковые системы», «Библиотечное обслуживание», «Библиотечный менеджмент» и др.

Ключевое для всех указанных выше курсов понятие «библиотека» имеет множество определений. В рамках общего библиотековедения, и нашей дисциплины в том числе, под «библиотекой» понимается «специальное учреждение, осуществляющее индивидуальное по форме организации обеспечение общественных потребностей в информации, сосредоточенной в ее фонде публикаций» [22, с. 7]. При этом имеется в виду, разумеется, не конкретная библиотека, а ее обобщенный образ. Под «библиотечным делом» понимается «область профессионального труда, назначением которой является удовлетворение информационных потребностей общества с помощью информационных ресурсов, сосредоточенных в библиотеках, а также совокупность библиотек, действующих на той или другой территории» [22, с. 7].

Объектом изучения библиотековедения (и истории библиотечного дела как его части) является реально существующая система «книга — библиотека — читатель» [10, с. 34].

Объект изучения далеко не всегда дан исследователю непосредственно. В данном курсе он предстает перед исследователем не сам по себе, а как совокупность различных эмпирических сведений. Мы можем сказать, что объект истории библиотечного дела поддается изучению лишь через источники истории библиотечного дела, которые отражают разные стороны историко-библиотечного процесса и тем самым позволяют раскрыть суть историко-библиотечных явлений, определить тенденцию их развития. Предметом истории библиотечного дела являются закономерности возникновения и развития библиотечного дела [22, с. 44].

История библиотечного дела выявляет закономерности развития библиотечного дела; вскрывает общественную роль библиотек, их значение для развития культуры, образования, науки, техники, производства; показывает общественные условия развития библиотек, устанавливает социальную потребность в них, степень обслуживания библиотечными учреждениями населения; прослеживает эволюцию организационных форм библиотечного обслуживания и методов работы; анализирует развитие библиотечной мысли и библиотечного образования; освещает деятельность теоретиков и организаторов библиотечного дела на разных этапах развития общества.

Хотя история библиотечного дела в собственном смысле слова обращена в прошлое, функции ее, по существу, этим не ограничиваются. Исследование процесса развития библиотек, воззрений на организацию общественного пользования книгами,

критическое освоение и использование опыта, накопленного в области библиотечного строительства, помогает раскрыть основные закономерности развития библиотечного дела на современном этапе.

В настоящее время идет процесс, который можно назвать «осовремениванием» и футуризацией исторических наук в целом. Историк библиотечного дела призван анализировать его состояние с точки зрения того, какие тенденции прошлого получили дальнейшее развитие, какие совсем ушли или пошли на убыль, какие новые явления имеют право на существование и закрепление в будущем, что идет вразрез с закономерностями развития библиотечного дела. Историк, вооруженный знанием прошлого и пониманием закономерностей возникновения и развития библиотечного дела, подготовлен к предвидению будущего и экстраполяции основных явлений в развитии библиотечного дела. Поэтому прогнозирование библиотечного дела связано с изучением его истории.

История библиотечного дела неотделима от истории культуры и составляет ее часть. Важнейшая задача историка культуры — определить взаимодействие различных учреждений культуры, историка библиотечного дела — показать место библиотеки в культурном строительстве. Поэтому развитие библиотечного дела должно быть показано на фоне историко-культурного процесса.

Связи истории библиотечного дела и истории книги определены недостаточно четко. Несомненно, книга в широком понимании этого слова, как произведение печати или письменности, составляла в недавнем прошлом весь фонд библиотеки, а ныне — его основную часть. Поэтому в определенном смысле история развития библиотечных фондов

есть история рукописной и печатной книжной продукции. Однако нельзя ставить знак равенства между историей библиотечного дела и историей книги даже на первых порах существования библиотек.

Чрезвычайно важно определить взаимосвязи истории библиотечного дела с библиотековедением. Данные развития библиотечного дела в прошлом могут и должны широко использоваться при прогнозировании его развития, особенно при использовании метода экстраполяции. История библиотечного дела предоставляет в распоряжение современных библиотековедов и практиков библиотечной работы богатейший материал, связанный с организацией, формами и методами библиотечного обслуживания. Например, открытый доступ к библиотечным фондам считается прогрессивной формой обслуживания читателей. Между тем первые попытки открытого доступа имелись еще в XIX в., но представляли собой единичное явление. В 20–30-х гг. XX в. открытый доступ внедрялся во многих библиотеках СССР. Проблемы этой системы обслуживания обсуждались на совещаниях и в печати. Однако ввиду многих серьезных недостатков открытый доступ в государственных массовых библиотеках РСФСР по решению Наркомпроса в 1933 г. был отменен. Возобновили его примерно через четверть века, в 50-х гг. XX в.

Важнейшая часть библиотековедения — библиотечное обслуживание, которое предусматривает изучение читателей. Оно довольно интенсивно велось в России еще в конце XIX — начале XX в. Ряд публикаций освещает мероприятия по изучению читателя и руководству чтением в 20-е и 30-е гг. Несомненно, этот важный материал необходим каждому, кто приступает к изучению современного читателя.

Приведенные примеры убедительно показывают, как история библиотечного дела помогает изучить его современное состояние.

История библиотечного дела призвана изучать как практическую деятельность библиотек, так и развитие библиотечной мысли, теории. Это необходимо для того, чтобы представить развитие библиотечного дела как процесс, а не как ряд последовательных состояний объекта. Следовательно, в историю библиотечного дела входит и история библиотековедения. Но всегда следует исходить из того, что эта дисциплина (как и другие дисциплины, например история каталогов) составляет неотъемлемую часть единой науки — библиотековедения.

В самостоятельной работе по изучению истории библиотечного дела можно использовать учебники, учебные пособия разных лет издания, монографии. Вот их краткий обзор.

Более или менее целостное обобщение опыта советского периода библиотечного строительства началось в конце 1950-х гг. Тогда же появился учебник, который стал «первой попыткой систематически изложить курс истории библиотечного дела в СССР» [Васильченко В.Е. История библиотечного дела в СССР : учебник для библиотечных институтов. М. : Сов. Россия, 1958]. Впоследствии К.И. Абрамовым был создан более капитальный, охватывающий (хотя и бегло) дореволюционные этапы, учебник [Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР : учебник для библиотечных факультетов институтов культуры, педагогических вузов и университетов. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Книга, 1980].

60–70-е гг. XX в. характеризуются общим подъемом исторической науки. Появляются работы, обобщающие опыт библиотечного строительства

в отдельные периоды его развития, труды, раскрывающие историю отдельных крупных библиотек.

Капитальные исторические исследования были созданы в связи с юбилейными датами крупнейших библиотек страны: Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина [19], Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина [20] и Библиотеки Академии наук [18]. Об усилившемся внимании к разработке проблем истории библиотечного дела свидетельствует издание важных в теоретическом отношении монографических трудов К.И. Абрамова [1], М.И. Слуховского [26–27], С.П. Луппова [23–24], посвященных историко-библиотечным событиям XI — начала XVIII в. и первых лет Советской власти.

Лучше стала освещаться деятельность видных теоретиков и практиков библиотечного дела. В серии «Деятели книги» в 50–70-е гг. вышли серьезные труды о А.А. Покровском [15], Н.А. Рубакине [25], Л.Б. Хавкиной [16], В.В. Стасове [28] и других.

В области монографических исследований намечается тенденция к более капитальному изучению начальных, формирующих этапов становления советской системы коллективного использования книжных богатств [Абрамов К.И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти (1917–1920). М. : Книга, 1974]. В начале 1980-х гг. появляется учебник, который «впервые излагает в обобщенном виде путь формирования технических библиотек в нашей стране» [Каратыгина Т.Ф. История технических библиотек в СССР : учебник для библиотечных факультетов институтов культуры, педагогических вузов и университетов. М. : Книга, 1981].

В Ленинградском (позднее — Санкт-Петербургском) институте культуры выходит ряд учебных пособий по истории библиотековедческой мысли

в России [6–9]. Ю.Н. Столяров в книге, посвященной его научному руководителю Ю.В. Григорьеву, публикует незаконченный труд библиотековеда [17], что также значительно расширяет историографию библиотечного дела в нашей стране.

В конце XX в. происходит переосмысление отечественной истории. Крупный историк библиотечного дела К.И. Абрамов подготовил учебно-методическое пособие, в котором по-новому рассматривает историко-библиотечную концепцию, делает попытку ликвидации «белых пятен» отечественной истории библиотечного дела, обращения к недавно открытым архивно-документальным фондам и печатным источникам спецхранов [2].

Что касается истории библиотечного дела за рубежом, долгое время она была представлена единственной работой [29]. Изданный в Советское время учебник отражает идеологическое разделение библиотековедения на буржуазное и социалистическое, но тем не менее помогает проследить путь, пройденный мировым библиотечным делом. Частично заполняет пробел в этой проблематике краткий обзор истории библиотечного дела, который делает известный американский библиотековед Дж. Шира в своей книге «Введение в библиотековедение» [30].

Подарком всем любителям книг, библиотек стал выход книги Б.Ф. Володина «Всемирная история библиотек» [13] — прекрасно иллюстрированное издание, с богатым справочным аппаратом. В этой работе на примере отдельных библиотек показывается развитие библиотечного дела в широком историческом аспекте: от древнего мира до информационного общества.

В издательстве «Пашков дом» выходит серия «Отечественная история библиотечного дела» [5; 14],

проводится конференция «Библиотека в контексте истории», материалы которой издаются; достаточно много появляется статей исторической тематики в профессиональной периодике.

Литература

1. *Абрамов К.И.* Библиотечное строительство в первые годы Советской власти (1917–1920) / К.И. Абрамов. М., 1974.
2. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР : учебник для библиотечных факультетов культурно-педагогических вузов и университетов / К.И. Абрамов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1980.
3. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России : учеб.-метод. пособие для студентов, преподавателей и библиотекарей-практиков / К.И. Абрамов. Ч. 1. М. : Либерия, 2000; Ч. 2. М. : Либерия, 2001.
4. Библиотека в контексте истории : тезисы докладов и сообщений науч. конф. (Москва, 8–10 июня 1995 г.) / РГГУ, МГУК. М., 1995.
5. Библиотечное дело в Российской Федерации: (апр. 1953 — окт. 1964): док. и материалы: в 2 ч. / авт.-сост. А.Л. Дивногорцев. М. : Пашков дом, 2010.
6. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в СССР (1917–1959) : учеб. пособие / А.Н. Ванеев ; ЛГИК. Л., 1976.
7. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России в XI–XVIII веках : учеб. пособие / А.Н. Ванеев. СПб., 1992.
8. *Ванеев А.Н.* Библиотековедение в России во второй половине XIX века : учеб. пособие / А.Н. Ванеев ; СПбГАК. СПб., 1999.
9. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России в начале XX века : учеб. пособие / А.Н. Ванеев ; СПбГАК. СПб., 1999.
10. *Ванеев А.Н.* Библиотечное дело. Теория. Методика. Практика / А.Н. Ванеев. СПб. : Профессия, 2004.

11. *Варфоломеева М.В.* Роль массовых библиотек в культурной революции в СССР (1928–1941) / М.В. Варфоломеева. М., 1974.
12. *Васильченко В.Е.* История библиотечного дела в СССР : учебник для библиотечных факультетов / В.Е. Васильченко. М., 1958.
13. *Володин Б.Ф.* Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. СПб. : Профессия, 2002.
14. *Глазков М.Н.* Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939 гг.) / М.Н. Глазков. М. : Пашков дом, 2001.
15. *Григорьев Ю.В.* А.А. Покровский (1879–1942) / Ю.В. Григорьев. М., 1956.
16. *Григорьев Ю.В.* Л.Б. Хавкина (1871–1949) / Ю.В. Григорьев. М., 1973.
17. *Григорьев Ю.В.* История русского библиотековедения (1700–1860) // *Столяров Ю.Н.* Ю.В. Григорьев. М., 1979. С. 69–208.
18. История библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964. М.; Л., 1964.
19. История Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина за 100 лет: 1862–1962. М., 1962.
20. История Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963.
21. *Каратыгина Т.Ф.* История технических библиотек в СССР : учебник для библиотечных факультетов культурно-педагогических вузов и университетов / Т.Ф. Каратыгина. М., 1981.
22. *Карташов Н.С.* Общее библиотековедение : учебник / Н.С. Карташов, В. Скворцов. М., 2002. Ч. 1.
23. *Луппов С.П.* Книга в первой половине XVIII века / С.П. Луппов. Л., 1973.
24. *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740) / С.П. Луппов. Л., 1976.
25. *Мавричева К.Г.* Н.А. Рубакин (1862–1946) / К.Г. Мавричева. М., 1972.
26. *Слуховский М.И.* Библиотечное дело в России до XVII века: из истории книжного просвещения / М.И. Слуховский. М., 1968.
27. *Слуховский М.И.* Русская библиотека XVI–XVII вв. / М.И. Слуховский. М., 1973.

28. *Стефанович В.Н.* В.В. Стасов (1824–1906): очерк библ. деятельности / В.Н. Стефанович. М., 1956.

29. *Талалакина О.И.* История библиотечного дела за рубежом : учебник для библ. фак. ин-тов культуры / О.И. Талалакина. М., 1982.

30. *Шира Дж.* Введение в библиотековедение: основные элементы библ. обслуживания / Дж. Х. Шира ; пер. с англ. В.В. Скворцова, Э.Г. Азальдова. М., 1983.

Глава I

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА В РОССИИ

§ 1 Раннефеодальные библиотеки Киевской Руси

Появление библиотек на территории нашей страны тесно связано с образованием древних феодальных государств на Кавказе, в Средней Азии и Киевской Руси. Раннефеодальные государства славились высоко развитой культурой и просвещением, оригинальными произведениями литературы, распространением научных и практических знаний. В этих государствах создавались замечательные памятники архитектуры, развивались художественные ремесла. Народы нашей страны в прошлом внесли ценный вклад в мировую культуру и оказали значительное воздействие на культуру Европы и всего мира.

Возникновению библиотек в древних феодальных государствах предшествовало изобретение письменности и распространение первых рукописных книг. Растущая потребность общества в знаниях способствовала накоплению книжных собраний и других памятников письменности при храмах, монастырях и учебных заведениях, а также в руках частных лиц. Первые библиотеки возникли преимущественно в городах и крупных населенных пунктах.

Откуда же пошла наша славянская письменность, были ли грамотны русские люди в те далекие времена? В неповторимый мир Древней Руси нас вводят былины.

Не обошли былины и такого важного вопроса, как грамотность героев, распространенность образования вообще. И это не удивительно: ведь они повествуют о временах, когда на Руси были распространены письмены на бересте, то есть о времени довольно широкого внедрения в народ умения читать и писать. Заглянем в текст былин, посмотрим, что в них говорится по этому поводу.

«То Владимир-князь да стольно-киевский брал-то книгу он посылную, да и грамоту ту распечатывал, и смотрел, что в грамоте написано, и смотрел, что в грамоте да напечатано» [9, с. 25].

Умели читать Добрыня Никитич и Алеша Попович, Василий Буслаев. Садко, перед тем как идти в синее море к царю морскому, обращается к своей «дружинушке хороброй» с просьбой «принести ему чернильницу вальячную», «перо лебединое», «бумаги гербовой», чтобы написать завещание [9, с. 60].

Надо думать, что сказания, былины, песни верно отражают характерную черту русской жизни: образование, тем более грамотность, не представляло большой редкости.

А как фольклорные сведения подтверждаются письменными источниками, документами? Когда и где возникла славянская письменность? Когда появились первые книги, литературные произведения, первые читатели и библиотеки? Такие документы, такие источники существуют.

Прежде всего вспомним о возникновении письменности на Руси. Удивительно, но долгое время господствовало убеждение, что она пришла к нам вместе с принятием христианства в конце X в. Но постепенно стали накапливаться материалы, опровергающие такое представление.

Тексты договоров Руси с Византией, относящиеся к первой половине X в., доказывают, что письменность была распространена до официального «крещения Руси». Уже в договоре 911 г., заключенном князем Олегом, сказано о привычке русских купцов делать письменные завещания на случай смерти. В договоре, заключенном князем Игорем в 944 г. с греками, говорится о посылных и гостевых грамотах, которые вручались послам и купцам, отправляющимся в Византию.

Таким образом, не вызывает сомнения, что письменность у славян, в том числе и у восточных, появилась довольно рано. Древнейшее славянское письмо в виде черточек и зарубок, родовых и личных знаков было не пригодно для записи более сложных документов — военных и торговых договоров, богослужебных текстов, исторических хроник. Для этого славяне использовали

греческие и латинские буквы. Такое письмо они применяли по крайней мере в течение двух — трех веков, постепенно приспосабливая его к передаче фонетики своего языка. Вполне возможно, что у разных племен письмо было различным.

Упорядочили славянскую азбуку просветители Кирилл и Мефодий. Из Болгарии азбука попала в Киевскую Русь и попала, надо сказать, на благодатную почву. Здесь в сложившемся феодальном государстве были все условия для широкого развития письменности.

Расположенный на торговом «пути из варяг в греки», шедшем от Балтики по рекам Неве, Волхову, Ловати и Днепру к Царь-граду, Киев еще в IX–X вв. становится центром Древней Руси. Он приобретает мировую славу. Его называют «прелестью мира», соперником Константинополя.

Князь Владимир Святославович (980–1015), при котором Киевская Русь приняла христианство, оставил своим преемникам огромный многолюдный город. Его сын князь Ярослав Мудрый (1019–1054), вступивший на престол через четыре года после смерти отца, приумножил славу Киева. Он решил на высоких холмах Днепра выстроить «новый Константинополь».

О сыне Владимира Ярославе один летописец писал: «...он был хромоногий, но ум у него был добрый и на рати храбр». Ярослав Мудрый был выдающимся государственным деятелем. Имя этого киевского князя знали далеко за пределами Руси, во многих европейских государствах. Ярослав был образованным для своего времени человеком. Он высоко ценил книгу. По словам летописца Нестора, автора «Повести временных лет», Ярослав любил читать «во дни и нощи».

Ярослав Мудрый прекрасно понимал, что, укрепляя новую церковную организацию, способствуя распространению христианства, он тем самым укреплял и собственную княжескую власть. Но для распространения христианского учения и образования нужны были школы, книгохранилища. Еще князь Владимир приказал отбирать у знатных родителей детей и отдавать их учиться грамоте. С этого времени на Руси появились первые школы.

Ярослав стал усиленно собирать книги. Прежде всего он постарался приобрести в Болгарии существовавшие там в большом количестве переводы книг на славянский язык и организовал их переписывание. Вот что рассказывается об этом в «Повести временных лет»: «Ярослав собрал много писцов и переводил книги с греческого на славянский язык. Ярослав любил очень книги, и написав многие, положил в храме святой Софии» [12, с. 302–303].

Однако Ярослав не был таким альтруистом, который затрачивал значительные средства на создание библиотеки из абстрактной любви к книге и чтению. Им двигали совершенно четкие политические интересы укрепления через книгу и библиотеку влияния феодальной власти и церкви. И эта политика проводилась в библиотеках Древней Руси четко и определенно. Они осуществляли деятельность, которую мы сегодня назвали бы руководством чтением.

Руководство чтением выражалось прежде всего в целенаправленном формировании библиотечных фондов, в недопущении в них «еретических» сочинений. Не случайно, что параллельно с организацией первых библиотек появляются списки «отреченных книг», подлежащих изъятию из библиотек и уничтожению. Первый такой список «истинных» и «ложных» книг был включен уже в «Изборник» Святослава 1063 г. и преследовал цель направить читательские интересы в определенное предписанное церковью русло. Отечественный историк Б.В. Сапунов, анализируя этот документ, отмечает, что, поскольку «Изборник» предназначался для великого князя Киевского, «в этом вопросе позиции церковников и государственной власти были едины» [13, с. 27].

Первое известное русское книгохранилище, как об этом рассказывает Нестор, Ярослав Мудрый основал в Софийском соборе где-то около 1037 г. В нем было представлено самое полное собрание письменных памятников Древней Руси. Здесь хранились важнейшие государственные документы. Некоторые историки предполагают, что в книгохранилище Софийского собора находилось более 500 книг: евангелия, книги пророков, жития

святых. Таким количеством книг в то время могли похвастаться немногие библиотеки мира.

Итак, что же читали наши предки, что могло быть в княжеской библиотеке, кроме богослужебных книг? Охотно читали апокрифы — полурелигиозные, полулегендарные произведения, не признанные официальной церковью. В переводе слово «апокриф» означает «тайный», «сокровенный». Апокрифы пользовались успехом на протяжении столетий. Широко распространялись и различные жития святых. Многие из таких житий послужили образцом не только для древнерусских писателей, но и для писателей позднейшего времени. Некоторые рассказы А.И. Герцена, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова, В.М. Гаршина представляют собой обработку житийных произведений. Имелись сочинения энциклопедического характера — «Изборники», «Шестидневны», «Физиологи». В них содержались философские, исторические, географические, астрономические сведения. Их познавательная ценность, несмотря на богословскую окраску, была значительна.

Тот факт, что в монастырских библиотеках была и литература, не имеющая прямого отношения к богослужению, не меняет общей картины. Эта литература попадала в библиотеки, как правило, в виде «выморочного» имущества или «вкладов» отдельных лиц, то есть не являлась объектом целенаправленного комплектования. В фондах монастырских библиотек книги светского содержания составляли всего 2% [3, с. 10]. Более того, книги, поступившие в библиотеки покладам, но внушавшие подозрение со стороны их благонадежности, не выдавались читателям. На них имелись соответствующие записи о запрещении их выдачи для чтения.

О читателях библиотеки мы ничего не знаем, известно только, что богатствами княжеской библиотеки пользовался, по всей вероятности, составитель «Изборника» князя Святослава Ярославича по имени Иоанн. В конце труда он пишет: «Избрано из многих книг княжьих...»

Сохранить библиотеку в то время было делом весьма сложным. Можно даже говорить о том, что Софийский собор

насчитывал ряд библиотек: одни гибли, а на их месте возникали новые. В 1169 г., например, Мстислав, сын Андрея Боголюбского, взял Киев, за три дня разграбил собор и вывез книги. В 1203 г. Софию грабили половцы в союзе с русскими князьями, и опять пострадал книжный фонд. 6 декабря 1240 г. город разграбили татары. Дальнейшая судьба библиотеки неизвестна. Никаких следов ее до сих пор не найдено. Но, с другой стороны, нет ни одного упоминания о ее гибели. Поэтому можно предполагать, что она и по сей день остается в подземельях киевского собора.

Образование Древнерусского государства, рост экономических и культурных связей с соседними странами, распространение грамотности, развитие устного и письменного творчества создали необходимые условия в Древней Руси для возникновения библиотек. При крупных монастырях — Троице-Сергиевском, Соловецком, Киево-Печерском — появляются книгохранилища. Академик Б.Д. Греков пишет: «Библиотеки были введены в русские монастыри вместе со студийским монастырским уставом. Библиотеки находились в ведении особого брата-библиотекаря. Братия по его распоряжению должна была являться в определенные часы для чтения книг. Были свои библиотеки и архивы при соборных храмах в Киеве, Новгороде, Полоцке, Ростове».

Киево-Печерский монастырь особенно прославлен тем, что в нем жил и работал первый историк восточных славян Нестор. Этот человек владел многими языками, был знаком с широким кругом исторических первоисточников. «Повесть временных лет» — этот замечательный летописный свод — Нестор создавал не на пустом месте, а изучив и переработав труды своих предшественников — летописцев. Начитанность Нестора, его ссылки на многочисленные источники дают основание для предположения, что многие из этих источников находились в библиотеке монастыря.

По примеру Ярослава русские князья стали создавать свои библиотеки. Сын Ярослава Мудрого Святослав (1027–1076) имел в Чернигове библиотеку. Другой сын Ярослава Всеволод (умер

в 1093 г.) владел пятью языками и страстно увлекался собиранием рукописей. У Константина, сына Всеволода Большое Гнездо, имелось книжное собрание, насчитывающее 1000 томов. Библиотека после смерти Константина перешла к училищу, которое он организовал. Внук Ярослава Владимир Мономах много читал, собирал книги и сам писал. Князь Святополк тратил на книги большие средства и дарил их Печерскому монастырю.

К XII в. книгохранилища возникли во Владимире, Рязани, Чернигове, Ростове, Суздале, Муроме, Полоцке, Смоленске, Пскове и во многих других русских городах.

Славная страница в развитии культуры Древней Руси связана с именем старинного русского города Новгорода. Как известно, там было найдено особенно много берестяных грамот.

На легендарный русский город, второй культурный центр Древней Руси, приходится более половины дошедших до нас рукописей XI–XIV вв. Многие из этих сокровищ находились в Софийском соборе, который был построен в 1045–1051 гг. сыном Ярослава, новгородским князем Владимиром. Здесь и сложилась крупная библиотека.

Слава о собрании книг в Новгороде шла «по всей Руси великой». В библиотеку приезжали монахи из отдаленных русских монастырей и переписывали здесь книги. Как выглядела библиотека? Где хранилась? Это поразительно, но знаменитую библиотеку собора можно осмотреть в наши дни. Сейчас она открыта там же, где размещалась прежде, — в длинной анфиладе залов на хорах собора.

Книжный фонд, собранный сейчас в Новгородской Софийской библиотеке, насчитывает около тысячи рукописных книг в кожаных переплетах и старопечатных изданий. Есть, например, уникальный трактат «Наказ писцам», подлинные письма Петра I, первый топографический план Москвы, напечатанный на титульном листе Библии, различные лечебники, хронографы и др. Обстановка в библиотеке воссоздает атмосферу древности. Здесь даже можно зажечь свечи, и воображение легко перенесет вас во времена, давно минувшие.

Новгородская библиотека сохранила много древнейших рукописей. Эта удивительная кладовая старины подарила нам и первый датированный письменный памятник Древней Руси — знаменитое «Остромирово Евангелие» (1057). Огромная — в 294 листа большого формата — книга написана на пергаменте крупным уставом и украшена высокохудожественными миниатюрами и заставками. Она была создана дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира, родственника князя Изяслава. Евангелие это — подлинное произведение искусства, шедевр, дошедший до нас через толщи девяти столетий. Отлично выработанный белый пергамент, его фон подчеркивает четкость начертания текста, написанного в 2 столбца. Каждая буква, каждый инициал выполнены с удивительным мастерством. Дальнейший путь рукописи таков. Иван Грозный, наряду с другими книгами, вывез рукопись в Москву, где она хранилась в ризнице Воскресенской церкви, «в большом сундуке», как значится в описи. Потом, в 1720 г., по указу «из государственной штатс-контор коллегии» ее отправили в Петербург. Там «Остромирово Евангелие» нашло пристанище в Сенате, а потом вместе с другими рукописями было передано в кабинет Екатерины II. В 1805 г. совершенно случайно книга была найдена в гардеробе императрицы. Как и когда она туда попала, никому не было известно. Ни в каких описях книга — древнейший памятник русской книги — не значилась. Потом «Остромирово Евангелие» было передано в Публичную библиотеку.

Исследователи предположительно определили и количество книг, накопленных к началу татаро-монгольского нашествия. Историк Б.В. Сапунов считает, что за период XI–XIII вв. на Руси должно было обращаться не менее 85 тыс. одних только церковных книг, а «общее количество книг, бывших в обращении в Древнерусском государстве с X в. по 1240 г., должно исчисляться порядком сотен тысяч единиц» [13].

Подсчитано и число грамотных людей того времени. По мнению Сапунова, не менее 2% населения страны владели грамотой, а это приблизительно 100 тысяч человек.

Но в Древней Руси не только эти 2% людей были знакомы с книжностью, с произведениями литературы. Чтобы лучше представить себе объем средневековой книжности, ее распространенность, надо помнить, что книги не только читались, но и слушались. Тогда были даже специальные чтецы, для которых чтение вслух стало профессией. Причем чтение было распространено не только в «книгохранильнице», но и при работах в различных монастырских службах, в больнице, при трапезе и т. п.

Академик Б.А. Рыбаков, суммируя все это, заметил, что каждую древнерусскую книгу мы должны представлять себе не только как объект поочередного индивидуального пользования, но и как источник общих чтений.

Средневековые авторы рассматривали книгу как духовного руководителя. Поэтому они подчеркивали, что следует не вообще читать, а читать строго определенный круг избранных текстов. В «поучениях» мы находим не только призывы к чтению, но и советы, как читать и как относиться к книге, многие из которых и в наши дни звучат так же актуально. Например, в одном из первых документов такого рода — в «Слове о почитании книжном», включенном в «Изборник 1076 г.», говорится: «Когда читаешь книгу, не торопись дойти до другой главы, но поразмысли, что говорят книги и словеса те и трижды обращай к одной главе» [11, с. 151–154]. Это позволяет говорить о том, что уже в Древней Руси начала складываться система взглядов, которые мы сегодня обозначаем понятием «культура чтения».

До наших дней не сохранилось ни одного русского письменного памятника, созданного до XI в. Общее количество уцелевших книг от начала письменности и до XV в. оказалось ничтожным — около 700 трудов. Сохранились они благодаря древним библиотекам, или «книгохранильным палатам», как их тогда называли. Значение этих «палат», пусть с небольшим фондом, с крайне ограниченным числом читателей, огромно. Если бы, к примеру, не случайная находка в конце XVIII в. в провинциальной монастырской библиотеке единственного списка «Слова о полку Игореве», то наше представление о древней русской

литературе было бы значительно беднее. В то время, кроме «Слова о полку Игореве», создавались, видимо, и другие подобные произведения, но время не пощадило их.

Крепкие стены Кирилло-Белозерского монастыря, где была богатая библиотека, сберегли древнейший список «Задонщины», а в книгохранительной палате Троице-Сергиевой лавры Н.М. Карамзин нашел «Хождение за три моря» Афанасия Никитина. А сколько выдающихся памятников сберегла Новгородская София!

Нашествие многочисленных врагов: с востока — татарских полчищ, с северо-запада — тевтонских рыцарей и ливонцев, пожары и междоусобные войны, сопровождавшиеся разрушением городов и монастырей, в которых были сосредоточены книжные богатства, погубили тысячи драгоценных письменных памятников прошлого. Это было тяжелое время в истории развития русской книги и библиотек.

Лишь с возвышением Москвы и ряда других городов в период образования в XV в. сильного Московского государства, когда в кровопролитной борьбе Русь освободилась от ига татарской орды, возникли условия для нового развития культуры и подъема книжного дела и библиотек.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Когда появилась первая известная библиотека на Руси?
2. Кто содействовал сбору книг, созданию библиотек?
3. Какова роль христианства в распространении библиотек на Руси?
4. Что представляли собой библиотеки Древней Руси?

Литература

1. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР : учебник / К.И. Абрамов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1980. 352 с.
2. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России : учеб.-метод. пособие / К.И. Абрамов. М. : Либерия, 2000. С. 20–24.

3. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России в XI–XVIII веках. СПб., 1992. С. 6–14.

4. *Васильченко В.Е.* История библиотечного дела в СССР : учебник для библиотечных ин-тов / В.Е. Васильченко. М., 1958. 216 с.

5. *Володин Б.Ф.* Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. СПб. : Профессия, 2002. 352 с.

6. *Глухов А.* В лето 1037 / А. Глухов. М., 1974. 192 с.

7. *Глухов А.* Реки, напоющие Вселенную / А. Глухов // Библиотека. 1992. № 11–12. С. 58–61.

8. *Глухов А.Г.* Ревнители просвещения России X–XVIII веков : учеб. пособие / А.Г. Глухов. М. : Университет. кн., 2007. 438 с.

9. «Гой еси вы, добры молодцы» : русское народно-поэтическое творчество. М., 1979.

10. *Горбачевский Б.С.* Люди, книги, библиотеки : науч.-попул. очерки / Б.С. Горбачевский. М., 1963. 200 с.

11. Изборник 1076 г. М., 1965.

12. Повесть временных лет. Ч. 1. М.; Л., 1950.

13. *Сапунов Б.В.* Книга в России в XI–XIII вв. / Б.В. Сапунов. Л., 1978.

14. *Слуховский М.И.* Библиотечное дело в России до XVIII в. / М.И. Слуховский. М., 1968. 232 с.

15. *Шапошников А.Е.* История чтения и читателя в России (IX–XX вв.) / А.Е. Шапошников. М. : Либерия, 2001. 79 с.

§ 2

Библиотеки на Руси в XIV–XVII вв.

Объединение русских земель вокруг Москвы после феодальной раздробленности и иноземного ига сопровождалось в Московском государстве консолидацией русской культуры. Этому в немалой степени содействовало распространившееся в XIV и XV вв. по всем феодальным княжествам и областям «книгоделание». Этим термином следует заменить традиционное «книгописание»: русская книга с самого начала своего существования рассматривалась ее создателями и потребителями как синтез словесного, изобразительного, а иногда и музыкального искусства.

Книгоделание в России в XV в. отмечалось значительным расширением репертуара переписываемых текстов и чрезвычайным разнообразием художественного оформления книги. Репертуар русской книги складывался тогда на основе оригинальных и переводных памятников литературы Киевской Руси, отдельных феодальных княжеств и областей XII–XIV вв. При этом русские книжники отбирали и старались распространять преимущественно те сочинения, которые были созвучны духу времени — всенародному патриотическому объему, которым сопровождалось создание единого и могучего Московского государства.

В середине XVI столетия, в 1563 г., в Москве появился печатный станок. Царь Московской Руси Иоанн Васильевич Грозный приказал построить печатный двор. 1 марта 1564 г. мастера печатного дела Иван Федоров и Петр Мстиславец закончили свой славный труд — книгу «Деяния апостольские», которую чаще всего называют «Апостолом». Книгопечатание упростило и удешевило процесс создания книг и открыло широкую дорогу

библиотекам. Однако если в большинстве европейских стран начало книгопечатания сразу же нанесло удар по рукописной книжности, то особенностью истории русской культуры является то, что это событие далеко не сразу снизило роль рукописной книги в жизни общества.

Испокон века книгоделание на Руси совмещалось с библиотеками, в первую очередь монастырскими. Основателями библиотек древнерусских монастырей в большинстве случаев считаются их основатели. Источником этих сведений являются жития знаменитых деятелей русского монашества. Во многих из них описывается типологически сходная ситуация: монастырь был первоначально беден, и его немногочисленные обитатели должны были сами обеспечивать свое существование необходимыми материальными и духовными благами. В числе последних обязательно называются книги, в первую очередь необходимые для совершения богослужения и келейного правила. Пространственный и красноречивый образец такой ситуации находится в житии крупного и авторитетного церковно-политического деятеля своего времени Сергия Радонежского.

Сергий Радонежский — человек широкого кругозора и большой государственной прозорливости — энергично способствовал объединительной политике московских князей, внес большой вклад в развитие культуры того времени. В основанном Сергием Радонежским монастыре возникла вскоре библиотека. Начало ей положил сам Сергий, который в возрасте 23 лет пришел сюда, в дремучий лес — «в пустыню» — с двумя книгами. Из-за бедности Сергий и его ученики первоначально писали книги не на пергаменте или бумаге, а на бересте. Такова версия о зарождении в XIV в. книгописания в одном из крупнейших и знаменитейших русских монастырей.

Монастырь возник в то время, когда непрестанные распри удельных князей терзали русскую землю, а татаро-монгольское иго тяжелым бременем лежало на плечах народа. Великокняжеская Москва, ставшая инициатором объединения русских земель, боролась против феодальной раздробленности, собирала

силы для отпора врагу. И Москва искала опоры у богатой церкви, поддерживала строительство монастырей. Результаты такой политики не замедлили сказаться: между 1340 и 1440 гг. на Руси основано до 150 новых монастырей. Вместе с накоплением богатств, расширением владений, большим строительством монастырь становится и значительным культурным центром, местом производства рукописных книг.

Учениками Сергия Радонежского было основано много монастырей, преимущественно в Москве и ее окрестностях. И почти в каждом из них с самого начала было организовано книгописание, причем книги начинали писать сами основатели монастырей, и не всегда из-за бедности последних. Порой можно встретить утверждение, что монастырские книгохранилища имели, как правило, литературу церковного содержания. Это далеко не так.

По описям XV–XVII вв. книги церковно-богослужебные составляли лишь треть общего числа книжных собраний. В монастырях находились летописи, хронографы, «Еллинский летописец», «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, «Александрия», различные хождения, повести. Имелись книги по географии и медицине, художественная литература.

Исследователь Б.В. Сапунов, который изучил дошедшие до нас описи 93 монастырских, церковных и частных библиотек XVII в., обнаружил в них античную литературу. Судя по числу списков, наиболее читаемым был Аристотель. Он вообще считался источником мудрости. Затем шел Гомер, причем русский читатель того времени явное предпочтение отдавал динамичной «Одиссее» перед «Илиадой», которая оказалась только в одном списке. Были в библиотеках труды Плутарха, Демосфена, Геродота, Софокла. Причем сочинения античных авторов читались в оригиналах: 835 единиц было на греческом языке. Явное преобладание греческого языка легко объяснить традиционными связями России с Грецией, откуда постоянно поступала религиозная литература на среднегреческом языке. Знали в Москве классическую, а также вульгарную латынь — официальный язык европейского Средневековья и первых веков Нового времени.

Об этом говорила 181 книга на латинском языке, сведения о которых сохранились в описях.

Изучение описей библиотек XVII в. позволило выявить еще одну, так сказать, негативную особенность интересов русских читателей тех лет. По всей видимости, произведения корифеев литературы Нового времени стран Западной Европы были практически неизвестны русскому читателю XVII в. По крайней мере в просмотренных списках библиотек не удалось найти записей о бытовании в России сочинений Ф. Рабле, М. Сервантеса, Лопе де Вега, Д. Мильтона, Ж.Б. Мольера, Ж. Расина. Это явление нельзя объяснить тем, что сложившаяся в те годы система международных коммуникаций России была не в состоянии обеспечить своевременное поступление на внутренний книжный рынок шедевров европейской литературы. Причина заключалась в другом. Русский читатель, воспитанный в традициях художественно-эстетических взглядов Средневековья, не мог без определенной психологической подготовки воспринять художественную структуру, систему образов литературы Нового времени. После чтения Патериков, Псалтири, Миней, Житий, Прологов невозможно сразу перейти к Гамлету, Дон Кихоту или Тартюфу. Для освоения новой европейской литературы необходим был иной уровень художественной культуры читателя, иная социальная психология.

Но вернемся в XVI в. Пожалуй, никакая другая библиотека не вызывала такого жгучего интереса, как книжное собрание московских князей. Оно издавна было окружено ореолом таинственности, романтической загадочности и породило множество всевозможных легенд о подземельях, где за тридевятью замками спрятаны неслыханные сокровища. Эта библиотека вызвала ожесточенные споры специалистов. Одни из них посвятили всю свою жизнь, чтобы доказать, что никакой библиотеки не было и быть не могло. Другие отдали свою жизнь, чтобы доказать, что она не только существовала, но и сохранилась до наших дней.

Что же в действительности известно науке о сказочно богатой библиотеке? Кто и когда ее видел, какие свидетельские

показания сохранились, кто занимался ее поисками? Наконец, немаловажен и вопрос ее происхождения.

Начнем с самого первого упоминания о библиотеке, самого раннего по времени сообщения. Оно содержится в «Житии Максима Грека». Максим Грек — образованный человек, полиглот, книжный знаток, подлинный ученый-энциклопедист. Жил он в Ватопедском монастыре на Афоне, который славился своими книжными сокровищами. В марте 1515 г. на Афон была послана грамота Московского великого князя Василия Ивановича, который просил прислать в Москву для разбора княжеской библиотеки старца Савву. Но Савва был слишком стар для такой далекой поездки, и выбор пал на Максима Грека. Согласно «Сказанию о Максиме» великий князь Василий III привел приезжего книжника в свою царскую книгохранительницу и показал ему бесчисленное множество греческих книг. Инок поклялся, что никогда не видел такого множества книг.

В «Сказании» больше ничего не говорится о библиотеке Василия III; нет сведений о том, составил ли Максим Грек каталог, какие книги вошли в состав библиотеки, какие произвели особенно сильное впечатление. Известно, однако, что он перевел вначале на русский язык «Толковую псалтырь», а потом, по просьбе великого князя, занимался переводом и исправлением других богослужебных книг.

Второе свидетельство о московской библиотеке уже записано со слов очевидца; оно отличается большей обстоятельностью и конкретными деталями о тройных замках и о двух сводчатых подвалах. Кто же этот очевидец? И кто записал его рассказ?

Бывший рижский бургомистр Франц Ниенштедт в том же XVI в. составил «Ливонскую хронику». В нее включен рассказ о выселении в 1565 г. немцев из Дерпта (Тарту) в русские города. Эта мера была вызвана тем, что Иоанн Грозный подозревал жителей в тайных связях с врагами России. Среди выселенных в Москву оказался и пастор одной из церквей Дерпта — магистр Иоанн Веттерман. Царь уважал пастора за ученость и распорядился показать ему некоторые книги из своей библиотеки.

Книжные сокровища хранились будто бы «замурованными» в двух подвалах, которые не открывались свыше 100 лет. Царь приказал вынести и дать в руки немцам несколько рукописей. Это были древние произведения, исчезнувшие в Европе вследствие войн и пожаров. Веттерман в восторге заявил, что, несмотря на бедность, охотно дал бы за такие книги все свое имущество, лишь бы передать их в протестантский университет.

Какие же конкретно книги привели в восхищение Максима Грека и Иоанна Веттермана? Ни тот, ни другой ничего по этому поводу не сказали. Оказывается, существует список литературы, хранимой в свое время в подземельях Кремля, куда вошли исключительные редкости античного мира. Безвестный немецкий пастор перечислил редкие книги московской царской библиотеки. Документ относится к XVI в. Пастор называет огромную цифру — 800. Столько книг, греческих и латинских, написанных на пергаменте, видел он своими глазами. Сам он перечисляет лишь некоторые из них. Аристофановы комедии, Пиндаровы стихотворения, «История» Тита Ливия, Цицероновы книги «Де республика» и 8 книг «Историарум», «Тацитовы истории» и «Энеида» Вергилия, «Оратории и поэмы» Кальвуса, «Юстинианов кодекс конституций и собрание новелл» — что ни строка, то неожиданность. Многие из этих книг не сохранились.

Слухи о таинственной библиотеке распространились по странам Европы уже в XVI в. Во всяком случае, известно, что в Московию посылались специальные разведчики, которые включались в официальные посольства. Оправдывая свой неуспех, они утверждали, что библиотеки нет и никогда не было. А что же сами русские? Неужели они абсолютно ничего не знали о тех 800 томах, что спрятаны в подземельях Кремлевского дворца. Ведь даже по свидетельству иностранцев, русские чиновники присутствовали при знакомстве хотя бы с несколькими книгами.

Библиотеку неоднократно пытались отыскать. Ранние сведения об этом относятся еще к петровскому времени. Производились раскопки в Кремле, однако безрезультатно. Затем раскопки производились спустя 170 лет, в начале 90-х гг. XIX в. Вокруг

таинственной библиотеки разгорелась жаркая полемика. В спорах удалось выяснить множество любопытных деталей. Тем не менее книжное сокровище, точно сказочный клад-оборотень, оставалось неуловимым.

История древнейшей и богатейшей библиотеки византийских императоров, которая явилась негласным приданым царевны Софьи (Зои) Палеолог в браке с Иваном III и которая стала основой бесценной библиотеки Ивана IV Грозного, полна тайн. Не один десяток лет она привлекает к себе внимание как широкой публики, так и ученых-специалистов. Судьбу ее пытались проследить С.А. Белокуров, Н.П. Лихачев, А.И. Соболевский, Н.Н. Зарубин, М.И. Слуховский, М.Н. Тихомиров, С.О. Шмидт, А.А. Амосов и многие другие. Одни исследователи считали, что она сгорела в пожарах 1547, 1571, 1611 гг. (Н.П. Лихачев, И.Е. Забелин, Фр. Клоссиус). Другие утверждали, что она разграблена поляками в Смутное время. Третьи уверены, что она растворилась в Синодальной и других библиотеках (С.О. Шмидт, М.И. Слуховский). Четвертые убеждены, что она и по сей день хранится в кремлевских подземных палатах. «К последним принадлежал Игнатий Яковлевич Стеллецкий: неутомимый искатель библиотеки, посвятивший этому делу более 40 лет», — говорит Т.М. Белоусова, автор предисловия к книге И.Я. Стеллецкого «Мертвые книги в московском тайнике» [11]. Начав раскопки в Москве еще до революции, в начале 1930-х гг. Стеллецкий вел поисковые работы в подземельях Московского Кремля, которые были прекращены после убийства С.М. Кирова. Книга должна была состоять из трех частей (томов): в 1-м томе прослеживается история библиотеки, рассказывается о хранившихся в ней уникальных книгах; во 2-м описывается начальный этап поисков. Отсутствие 3-го тома, таинственно исчезнувшего, в определенном смысле восполнено дневниками автора, которые читаются как приключенческий роман.

Поиски библиотеки продолжаются и поныне, при разного рода ремонтных работах в Кремле, но безуспешно. Пока ответ такой: факт существования библиотеки с греческими и латинскими

книгами у большинства исследователей сомнений не вызывает. Она была. А в вопросе о том, сохранилась ли она до наших дней, мнения резко расходятся. И все же хочется верить, что где-то, может быть, в подземельях Кремля, или в Коломенском, или в Александровой слободе сохранились дубовые сундуки, окованные железом, а в этих сундуках — заветные книжные сокровища...

XV в. знает уже различные типы библиотек: монастырские, церковные, личные и такие, которые мы теперь назвали бы ведомственными. Не случайно появление библиотек при приказах относится к XVII в. — периоду расширения и укрепления государственного аппарата в России после тяжелых потрясений Смутного времени. Такие важные по выполняемым задачам государственные учреждения, как Посольский и Аптекарский приказы, московский Печатный двор уже не могли обходиться без специально подобранных для них книжных собраний. Так возникли на Руси первые специализированные библиотеки, в основном светского характера, в которых наряду с прочей литературой, попавшей в библиотеки иногда случайно, подбирались книги по профилю учреждения. В библиотеке Аптекарского приказа, например, имелась литература по лечебному делу, фармакологии, анатомии, химии, ботанике, минералогии, географии, математике и т. д. В библиотеке Посольского приказа имелись книги по конституции, законодательству, истории, внешней политике соседних с Россией государств.

Состав книжных фондов специализированных русских библиотек, в которые все в большем количестве проникает серьезная литература, включая и книги последних лет издания, отражает возрастание культурного уровня страны накануне Петровских реформ, наличие в ней людей, способных вести целенаправленное комплектование книжных фондов.

Интерес к книге, стремление иметь ее под рукой пробуждается в самых различных слоях населения. А спрос на книги обуславливался распространением грамотности, и наоборот: удовлетворение такого спроса способствовало росту грамотных. Историки свидетельствуют, что грамотность на Руси отнюдь

не была привилегией только высшего круга. Еще до XVII в. в среде торговцев и ремесленников было немало грамотных. В XVII в. с развитием торговых отношений их число неминуемо должно было расти. Грамотные люди нередко встречались среди жителей посадов, крестьян. Ведь преимущественно этим, самым демократическим читательским кругам была адресована возникшая в ту эпоху бытовая и сатирическая литература, которая пользовалась огромной популярностью и имела широкое хождение.

Русские люди ценили и глубоко чтители книгу. В имущественных описях, например, она занимала второе место после икон, что помимо материальной ценности говорило и об особом значении для ее обладателя. Хранились книги обычно в почетных красных углах.

Вот на почве такой устоявшейся книжной культуры и развивались крупные русские библиотеки XVII в., как частные, так и имевшие государственное значение. Среди последних выдающаяся роль принадлежала библиотеке московских патриархов.

В эпоху Ивана Грозного русскую церковь возглавлял митрополит Макарий. Сам он не прославился как писатель, но был человеком широко образованным и большим книголюбом. Личные пристрастия, и нужды церкви обусловили настойчивое стремление Макария собрать все «святые книги, которые в русской земле обретаются». Макарий затеял огромное предприятие: для назидания современникам и руководства грядущим поколениям заново составить и тщательно отредактировать текст Четых-Минеи на все месяцы года — «Великие Четьи-Минеи».

Кроме своих личных книг и фондов Новгородской Софии для выявления нужной литературы он привлекал собрания монастырей. В «Великие Четьи-Минеи» вошли полные и краткие жития, научения, писания «отцов церкви», Патерики, сказания, притчи, описания путешествий, «Кормчая», послания, грамоты, сборники «Золотая цепь» и «Пчела», «Иудейская война» Иосифа Флавия и светские повести. Причем книги не просто переписывались: Макарий провел унификацию собранных житий, одни

из них переработал, другие совсем исключил. Предназначались «Минеи» для чтения в храме и дома.

Рукописи и книги, оседавшие в Патриаршей библиотеке, не лежали запертыми в сундуках. Они выдавались для различных целей. Возможно поэтому Патриаршая не избежала обычного удела библиотек — утраты книг. При сравнении описей оказалось, что книги не только не поступали, но и исчезали.

Одним из назначений Патриаршей библиотеки становилось хранение исправных, канонизированных текстов. И этим объясняются возникшие еще в XVI в. и прочно установившиеся в XVII в. ее связи с Печатным двором. Московские печатники не только брали оттуда для перепечатки правленные книги, но заимствовали и образцы шрифтов.

Эта и общекультурная, и направленно-идеологическая функция патриаршего книжного собрания особенно ярко обрисовалась после вступления в 1652 г. на патриарший престол Никона. Именно при нем составилась тот книжный фонд, который впоследствии заслужил мировую славу.

Став патриархом, Никон поставил перед собой задачу укрепить церковь, которую расшатали бури века и в которой то и дело вспыхивали внутренние раздоры, поднять ее авторитет. Никон, как пишет В.О. Ключевский, «на много дней затворился в книгохранилище, чтобы рассмотреть и изучить старые книги и спорные тексты. Он начал рассматривать и сличать с греческим славянский текст символа веры и богослужебных книг и везде нашел перемены и несходства с греческим текстом. В сознании своего долга поддерживать согласие с церковью греческой он решил приступить к исправлению русских богослужебных книг и церковных обрядов» [5, с. 330–331].

Первым шагом Никона в этом направлении стало распоряжение о проведении учета и описания наличных книг во всех «степенных» монастырях. Эта опись явилась беспрецедентным в своем роде начинанием. В нее было внесено 2672 русские рукописные книги, хранившиеся в 39 монастырях. И хотя книги включались в нее выборочно, все равно, как отмечает автор

«Истории русской библиографии» Н.В. Здобнов, она «сохраняет значение первого в России сводного каталога» [4, с. 35].

Деятельность Никона вызвала глубокую оппозицию в русской церкви и в конечном счете привела к ее расколу. Это было сложное и противоречивое явление. Мы не будем касаться здесь разногласий противников. Для нас интереснее другое: как знаком этой борьбы, как символом ее содержания стали книги?

Любое книжное собрание несет на себе обычно не только отпечаток личности собирателя, но и какие-то черты его времени. Обнаруживаем их мы и в истории формирования Патриаршей библиотеки. Патриаршее собрание было библиотекой официальной, библиотекой высшего порядка. И отражала она интересы господствующей идеологии. Мы не найдем здесь ни сочинений протопопа Аввакума, ни таких знаменитых произведений XVII в., как «Повесть о Савве Грудцыне» или «Горе-Злосчастии», «Повесть о Шемякине суде» и многие другие. Зато в ее составе есть стихи придворного поэта Симеона Полоцкого.

В дальнейшем Патриаршая (а с 1721 г. с упразднением Патриаршества и образованием Синода — Синодальная) библиотека утратила то актуальное значение, которое приобрела в XVII в. Но с течением времени ценность ее возрастала. Уникальность этого собрания в том, что здесь представлены все века русской письменности — богатейший материал по истории культуры, и не только в масштабах нашей страны. В 1920 г. декретом Совнаркома она была передана Историческому музею.

Кроме того, существовали и церковные библиотеки. Церковь в волости была не только религиозным центром, но и центром политическим: здесь в трапезной собирались волостные сходы, хранился архив, находилась касса, совершались различные акты и т. д. Словом, трапезная была оживленнейшим местом в волости. Здесь оформлялись все те коллективные акции, которыми была богата волостная жизнь, в трапезной решался, вероятно, и вопрос о приобретении книг на волостные деньги. Книги являлись частью общественной собственности, это определило

отношение волощан к церковной книге. Ее использовали жители волости.

Сохранилось свидетельство о невозвращении читателем церковной книги. Игумен Лявлинского монастыря в конце XVI в. пишет в духовной, что волости надлежит взять «...у Григория у Денисова сына у Попова с Ракулы книшка Ерусалимская, а не отдаст Григорей книшки и он бы дал за книгу 5 рублей, книга домовская Пречистенская». Итак, «домовская», то есть церковная, книга была вынесена из храма, ее требуется вернуть или оплатить стоимость. Налицо ситуация зачитанной книги. Волощане добивались возвращения книг как их мирской собственности.

Итак, собрания книг приходских церквей создавались на коллективные деньги волощан. Они использовались не только в религиозных целях, но и для чтения. Это позволяет считать книжные собрания приходских церквей библиотеками. По тесной связи с широкими крестьянскими массами они имели большее значение для развития народной культуры (грамотность, нравственное воздействие), чем огромные библиотеки монастырей, скрытые за толстыми стенами и доступные немногим.

Каковы же были детали библиотечного труда, отдельные приемы, оборудование и техника библиотек, обязанности работников?

Помещение и оборудование библиотеки. На протяжении веков книгу преследовали стихийные и социальные бедствия. Опасность часто грозила извне. В особенности губительны были пожары. Монументальность монастырских зданий способствовала спасению для науки древнего книжного фонда и свидетельств библиотечной старины. Обычно старались вывести библиотеку из алтаря и сделать ее менее доступной. Сравнительно редко спускали книги в подвальный этаж здания. Такой способ был надежнее в смысле противопожарном, но губительнее для книг вследствие сырости помещения. Известны случаи устройства библиотеки, при котором попасть в нее можно было не прямо, а из какого-либо другого помещения, затрудненным путем — с подъемами по лестницам, проходами в стенах и прочее.

Немалую роль в выборе места играло стремление обезопасить библиотеку от легкого в нее проникновения. Иногда библиотеку уводили даже в купольный барабан, на крышу, в тайники, запустывая к ней доступ.

Библиотека того времени не знала специального оборудования. Употреблялись «коробьи», изготовлением которых славился Новгород, лари, сундуки. Хранение коробейное перемежалось по крайней мере с середины XVII в. в правительственных и церковных центрах с хранением вертикальным, шкафным. Библиотеки некоторых монастырей имели настенные полки.

Таким образом, феодально-монастырская библиотека по источникам рисуется двояко. Это или небольшое собрание, не требующее особого оборудования, или книжный склад, каменный мешок, в решетках и с замками, подчас с железными дверями. При выборе помещения преобладали соображения защитные, охранные, а не библиотечно-технические. На первый план ставилась борьба с огнем и грабителями.

Сбережение книги. Какие стадии проходила книга, прежде чем попасть в коробью или на полку? Как она принималась в фонд, какие получала на себя обозначения?

В древности книга, попавшая в библиотечное хранилище, не имела признаков внешней обработки, не отличалась от книги, не попавшей в фонд. Еще в XVI в. корешок книги обыкновенно оставался чистым. Всякого рода пометки производились библиотекарями чаще всего на внутренней стороне верхней крышки переплета, которая тогда не клеивалась бумагой (левым листом форзаца). В более редких случаях пометки наносились на первом листе. Он тоже зачастую оставался чистым и не заполнялся основным текстом, который берегли от трения о доску. Указанные места считались наиболее подходящими для библиотечных пометок.

За долгие годы истории библиотек эти привычные места для надписей менялись. Распространен был способ надписывания и в конце книги. Аптекарский приказ облакал некоторые свои иностранные книги в роскошный переплет с тисненым золотом государственным гербом либо довольствовался наклейкой

на верхней крышке с простой русской надписью. По сути все такие надписи и указания выполняли назначение штемпеля, которым ныне помечаются книги для определения принадлежности к той или иной библиотеке.

Малочисленность книг и сложность рукописного их производства заставляли бережно обращаться с дорогим книжным товаром. Сберегали книги и при помощи переплета, который привился по греческим образцам с древнейших времен русской письменности. Роль переплета в сохранности старой книги исключительна. Без него наука не знала бы многих литературных произведений. Старинный переплет отличался от современного добротностью материала и массивностью. В целом же процесс изготовления переплета был схож с нынешним. Переплет нередко реставрировался. Реставрацией занимались равно и гражданские учреждения.

Изощренная вычурность, роскошь отделки религиозных книг, стремление удорожить переплет, сделать его ценным во имя самой ценности становятся особенно заметными по мере укрепления официальной идеологии. Книга превращается в драгоценное изделие. Церковь стремится поразить воображение масс внешними размерами и дороговизной своих культовых пособий. Особенно роскошно обрабатываются оклады напрестольных Евангелий.

Дело доходило до непомерных излишеств. В тверском Николаевском Малицком монастыре к Евангелию приделали 4 ножки и 2 застежки серебряного литья, так что вся книга весила 2 пуда. К одному Евангелию XVII в. приладили на высоте 1,5 см над доской по углам 4 площадки с евангелистами, наподобие второго этажа в окладе. Сохранилось суздальское Евангелие конца XVII в. поистине гигантских размеров — длиной 1,5 аршина, шириной 1 аршин 2 вершка. Оклад его отворяется словно дверь. Книга ни на каком аналое держаться не может. К слову, наши предки умели изготовлять и рукописи миниатюрных размеров, предвосхищая будущие печатные изделия — «лилипуты».

Однако нигде нет указаний, что переплетчики, а в особенности библиотекари, выполняли тонкую ювелирную работу. Если

в библиотечные обязанности входили переплетные навыки, то в самом элементарном объеме.

Пополнение фонда. Одним из основных каналов наполнения феодальных библиотек являлось копирование книг. Другим методом пополнения фондов, пассивным, являлись книжные пожертвования разных лиц — по тогдашней терминологии «вклады». Они оказывались разнообразными по содержанию, организационной форме, ценности. Случалось, они и вовсе не представляли ценности, загружая фонд дублетами, неподходящими или дефектными экземплярами. Но в целом вклады отражали всенародное уважение к книге. В социально-культурном смысле их роль неоспорима и велика.

Приобретение книг за деньги применялось монастырскими библиотеками сравнительно редко, и чем глубже в феодальную старину, тем реже. Книга стоила дорого. В древности в производстве книги прежде всего крупнейшим расходом был материал, пергамент. Трудоемким был сам процесс создания ее — отсюда значительная дороговизна рукописных книг. Книгой дорожили. Она не всякому была доступна по цене. Каждый экземпляр сберегался тщательно и имел относительно более долгую жизнь, нежели позднейшая, печатная продукция. Поэтому гораздо реже в общественном быту и при комплектовании библиотек имел место книжный обмен.

Упорядоченную форму купля-продажа книг приняла в XVI в.: в больших городах стали возникать местные книжные ряды. В XVII в., до открытия собственной книжной лавки, Печатный двор сам весьма широко наладил сбыт своей продукции.

Рынок как источник пополнения библиотечного фонда долгое время не использовался библиотеками в силу патриархальной экономики страны. Натуральный уклад книжного комплектования покоился на привычном копировании и вкладышах, отмирал он крайне медленно. Создание в середине XVI в. типографского книгоразмножения, более передового, технически совершенного, обеспечивающего доброкачественность текста, удовлетворяющего в количественном отношении, было потребностью времени. При этом

казенная печатная продукция шла на нужды церкви, а рукописная сохраняла еще и мирское назначение. С развитием типографского дела в XVII в. постепенно изменяется система книгоснабжения. Интересно, что в первое время своего существования, примерно до XVII в., печатная книга ценилась дороже рукописной. Церковники не только приобретали книги, но и при необходимости продавали. Иногда их действия носили выгодный для библиотеки характер. Такова могла быть продажа истрепанных книг с тем, чтобы на вырученные деньги приобрести новые экземпляры.

Книгоописание. Из всех процессов библиотечного дела в феодальной России полнее других в источниках раскрывается регистрация хранителями наличного книжного фонда. Дошедшие до нас старинные книги, описи в целом образуют внушительную, хотя далеко не однородную вереницу книгоучетных документов. Разного объема и построения, разного качественного уровня, они более, чем другие памятники библиотечного прошлого, ценны по накоплению специальных сведений. Количество описей, дошедших до нас, незначительно. Немало их погибло, иногда вместе с самими библиотеками, утратилось по ветхости, заменено новыми.

Составление описи, равно как и ведение ревизии, представляется довольно длительным процессом. Надо полагать, производилось оно, подобно переписыванию книг, с одобрения местного начальства, так как связано было с казенным имуществом, тем более с полным его пересмотром. За полнотой регистрации фонда следили внимательно. Хранение неучтенного материала нехарактерно для монастырской практики.

Много описей находится на невысоком техническом уровне. Реже в их массе встречаются удачные экземпляры, составленные добротой и с любовью. По странной игре судьбы одна из самых ранних описей, дошедших до нас, как раз является такой редкостной, блестящей находкой. Это древнейшая опись библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря конца XV в.

Она считается выдающимся для своего времени библиографическим документом. Состоит из двух отделов. В первом дано

описание 212 книг. Эта часть напоминает обычную инвентарную опись. Особого внимания заслуживает второй отдел. В нем дано подробнейшее описание 24 сборников, которые названы в первом отделе. Составитель описания перечисляет все входящие в сборник статьи (их 957) и все главы каждой статьи. При этом отмечаются: заглавие статьи и ее начальные слова, затем начальные слова всех глав, число листов, занятых каждой главой.

Для удобства пользования описанием применяются довольно удачные приемы оформления. Заглавие и начальные слова каждой статьи начинаются с новых строк, заглавия написаны киноварью, киноварью написана и первая буква начальных слов. Нумерация глав (киноварью) и число листов (чернилами) обозначены на полях. Этими приемами достигается исключительная наглядность и обозримость описания.

Техника книжной регистрации у наших предков весьма различна. Она — то краткая, то полная, то в конструкции «книга» (такая-то, такого-то, рукописная, печатная и т. д.), то с выставлением заглавия или автора начальным словом, то, позднее, с порядкового номера, то с именительным падежом заглавия или автора, то с родительным и т. д. Рабочая опись обычно выполнялась скорописью.

Причины такого разнобоя совершенно ясны. При необходимости обособить описательно каждую книгу мысль работника неизбежно обращалась к индивидуальным признакам книги. Это тем более было естественно, что подбор литературы был узок, а кроме того фонд избобилвал дублетами. Любая обособленность давала повод к выделению данной книги из общего фонда. Подчас сжатая форма заглавия книги удачно сочетается с гибкими вариантами описания различных внешних черт письма, переплета и т. д.

Было бы весьма интересно установить факты использования описи не в качестве технического документа при библиотечной ревизии, а в качестве справочника по книжному фонду. Это подтверждало бы существование у наших предшественников квалифицированной формы работы библиотеки. Но без конкретных свидетельств говорить об использовании описи в качестве

каталога нельзя. Понятие о каталоге как особом звене в библиотечном аппарате у книгохранителя не возникало.

Описной раздел феодально-библиотечного труда методически более точно будет считать не каталогизацией в нашем понимании, а шире — книгоописанием. Описная служба являлась основной формой библиотечной документации. При правильном ведении она помогала точно отражать поступление, убыль и наличный состав книжного фонда, как это делалось в библиотеке Печатного двора.

Классификация книг. Какой-либо иной классификации книжного фонда, помимо порядка книг в описи, не существовало. Осложняющим обстоятельством является, по-видимому, отсутствие до XVII в. полка в старых библиотеках и хранение имущества в коробьях. Конечно, можно с натяжкой допустить и в коробьях расстановку, вернее раскладку книг по какому-то принципу. Однако это лишь подтверждает внутреннюю неустроенность библиотеки в эпоху феодализма. Сохранившийся классификационный материал книжных описей исходит от исполнителей-одиночек. Монахи-хранители классифицировали порученные им книги в меру субъективного разума: один — так, другой — иначе.

Крупное библиотечное хозяйство в несколько сот томов требовало известной внутренней организации. Трудно предположить, чтобы описи, обычно соблюдающие эту организацию в том или ином варианте, составлялись по хаотически неорганизованному фонду. Книжный порядок в библиотеках складывался и улучшался на практике исподволь в течение столетий, параллельно с накоплением фондов.

Уместно упомянуть о так называемой «крепостной», неподвижной расстановке книг. Этот порядок «прикрепляет» книгу навсегда к одному постоянному месту в хранилище. Книжное приращение происходит механически. Интерес к крепостной расстановке естественен еще и потому, что она в отдельных крупнейших книгохранилищах применяется и поныне.

Русские книжники не интересовались принципами расположения фонда специально. Отсюда и неустойчивость этих

принципов, и поздняя разработка комплексных классификационных схем. Классификационные комбинации в эпоху феодализма строились книжниками на основе разнохарактерных признаков, в основном внешних: формат, язык и т. п.

Выдача книги. В наше время библиотеку со слабо развитой книговыдачей принято иронически называть «книжным складом», «архивом», «книжным кладбищем». Первое знакомство с феодально-библиотечной практикой, казалось бы, тоже порождает впечатление, будто выдачные операции не были свойственны старорусской библиотеке. Библиотека нередко являлась местом подлинной консервации фондов.

Однако преувеличивать отрицательную тенденцию нельзя. Феодальная библиотека, несомненно, знала книжную выдачу, масштабы и направление такой работы определялись местными возможностями. Уже на заре русского книжного просвещения выдача официально предписывалась монастырскими правилами.

На кого работали монастырские библиотеки? Прежде всего ими пользовались лица, причастные к данной организации, церковники разного сана и положения. Для чего брались книги? Наблюдается дифференциация читательского использования книг, любопытная в бытовом отношении. Церковные библиотеки выдавали книги преимущественно для переписывания и литературного их использования. Библиотеки гражданские, в большинстве частные, служили целям чтения в прямом смысле. Широко выдавала книги Типографская библиотека. Книговыдача территориально не ограничивалась, книги отпускались в другие селения и подчас другие области.

Абонемент в нашем представлении завершается статистическим учетом. В старину, понятно, учета не было. Элементы его видятся в ином. Новые поступления и движение книжного фонда регистрировались, как мы наблюдали, довольно аккуратно. Источники упоминают о случаях необъяснимого отсутствия книги (современная формула «нет на месте»), ветхости, передачи, изменения внешнего вида из-за переделки переплета, зачитывания, административного присвоения, гибели от огня, кражи и т. п. Но

источники обычно не отмечали факты временной выдачи книги читателю на руки, именно своему читателю, принадлежащему к составу местной братии. Выдача как абонемент в сознании старых книжников не обрела еще подлинной своей специфики.

Односторонне представлялось, что выдача есть уход книги только за пределы данного учреждения — дворцового, монастырского, административного. Это приводило к столь же односторонней фиксации только дальних выдач. Из-за отсутствия цифры внутренней выдачи нельзя определить соотношение выдачи и фонда.

В соответствии с таким подходом к выдаче ставился и «учет». То была чисто охранная операция. Требовалось не забыть, что учреждение лишилось единицы из своей казны. Отсюда исходит обычай связывать читателя нередко письменным документом. До нас дошли расписки читателей.

Однако система выдачных предосторожностей не всегда обеспечивала своевременный возврат книги. Источники пестрят сообщениями о читательской неаккуратности. Любители душеполезного чтения не останавливались перед утайкой, иногда присвоением чужой, даже казенной книги. Установлены и такие случаи, когда книгу воровали с целью пропить, что нашло отражение в народной бытовой сатире.

Расхищение книг, неаккуратное их возвращение читателями доставляли немало забот феодальным библиотекам. Русская церковь взыскательно следила за отпуском библиотечной литературы, проявляя изобретательность в охранительных приемах.

Обычно ограничивались запрещением выдавать книгу. Наиболее продуманным приемом здесь следует признать соответствующую организацию книжного фонда: он делился на книги, подлежащие и не подлежащие выдаче. Чаще запретительная пометка делалась непосредственно на книге.

Краткая редакция запрета применялась не всегда. Книгой настолько дорожили, что стремление любой ценой удержать ее приводило подчас к громовым формулам, которые призывали на голову книжного похитителя все кары небесные.

Направлялись угрозы не только против кражи библиотечной книги, но и против мелких проступков в отношении книг. Сохранилась такая надпись: «О горе тому, кто черкает у книг по полям, на оном свете [страшный суд] те письма исчеркают беси по лицу жагалом железным».

Но церковники понимали, что заклятия не гарантируют целостность фонда. Трезвое отношение к фактам прорывается подчас и у них в виде практических мероприятий, вплоть до наложения наказания за небрежное обращение с книгой. Типичные примеры наказаний можно найти в монастырском Студийском уставе. Лишение пищи, сухоядение, публичное позорное стояние на общем обеде — вот чем боролась церковь с нерадивыми читателями.

Охранные инструкции исходят из принципа сознательного, бережного обращения с книгой. Однако реальный смысл их, как видим, иногда искажает культурную задачу: чем меньше к книге прикасаться, тем целее она будет.

Библиотекарь. Знакомство со старой библиотекой будет неполно, если обойти вопрос о том, кто являлся работником библиотеки, каковы были условия его труда, что с него спрашивали. О библиотекарях начального периода истории Руси мы почти ничего не знаем. Книжный фонд известен лучше: это материальная ценность. Сведения о библиотекарях появляются лишь в XVI в. самого термина «библиотекарь» долгое время не существовало, употреблялось слово «книгохранитель».

В документах встречаются имена монахов, выполнявших библиотечную работу, зачастую эти монахи не несли других обязанностей, кроме библиотечной службы. В 1514 г. в псковской Елизаровой пустыни был книгохранитель Осаф, в Кирилло-Белозерском монастыре — книгохранитель Афанасий. Сохранился и список библиотекарей Троице-Сергиевой лавры начиная с XVI в.

Назначение библиотекарей зависело всецело от местных условий — объема книжного фонда, числа братии, грамотности монахов и т. д. Помимо объединения в одних руках обязанностей

библиотекаря и дьякона практиковались и другие сочетания — с ризничим, ключарем, пономарем, чуть ли не разнорабочим.

В гражданских учреждениях совместительство библиотекаря также применялось широко. В особенности видно это на примере Печатного двора. Двору было откуда выбирать грамотного книжника. Со второй половины XVII в. Печатный двор обычно поручал обязанности библиотекаря чтецу из Правильной палаты. Правильная палата являлась наиболее квалифицированным отделом Печатного двора. В ней велась строгая, с помощью различных источников, выверка текста книги, намечаемой к печатанию. Работники Правильной палаты отличались образованностью.

О подавляющем большинстве библиотекарей, как сказано, не имеется никаких сведений. Естественно предполагать, что образовательный уровень феодального библиотекаря должен был быть для общественной среды своего времени выше среднего. Однако не всегда было так. В библиотеке обычно ставился монах, образовательный ценз которого не шел дальше рядового богословского минимума.

Какие собственно библиотечные обязанности выполнял книгохранитель? Одна из основных работ его сводилась к приходованию поступающих книг; по всей видимости, библиотекарь нес по книжному фонду какую-то денежную ответственность. Есть сведения, что при пропаже книг иногда на него начислялась соответствующая сумма.

Что касается работы по описанию книг, то нет информации, чтобы она формально входила в библиотечное послушание. Деятельность библиотекаря выражалась во внимательном обслуживании копиистов нужными оригиналами и в консультации. Обычно же «работа с читателем» выражалась у монастырского библиотекаря в простой выдаче книг.

Ближе смыкалась с официальными обязанностями библиотекаря библиографическая работа. Шагом вперед в русской библиотечной практике явилось составление указателей к отдельным важным книгам. В XVII в. русские книжники уже составляют по многочисленным пособиям всеохватывающий «Алфавит

неудоборазумеемых [или в некоторых случаях: иностранных] речей», где энциклопедически сводятся воедино книжные сведения по филологии, естествознанию, истории, географии, философии и прочим областям знания.

Сохранился документ Иосифо-Волоколамской библиотеки библиографического характера «Каталог поучительным чтениям в церкви на каждый день всего года». Известно начинание еще более широкого охвата — «Оглавление книг кто их сложил».

Кроме названных библиографических трудов, вполне допустимо предположение о других трудах, пропавших и нам неизвестных.

Положение библиотекаря в то далекое время мало содействовало развитию библиотечной мысли. Накопленные библиотечные навыки не могли сложиться в самостоятельную систему. Библиотекарь оставался прежде всего хранителем. Сквозь многие испытания пронес он, как сумел, древнее книжное наследие, нашу национально-культурную гордость.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Как изменились фонды библиотек в связи с появлением книгопечатания?
2. Библиотеки каких типов появляются в XVII в.?
3. В чем специфика монастырских, церковных, личных библиотек?
4. Назовите основные требования, предъявляемые к книгохранителю.

Литература

1. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР / К.И. Абрамов. М., 1980.
2. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России / К.И. Абрамов. М.: Либерия, 2000. С. 25–38.
3. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России в XI–XVIII веках : учеб. пособие / А.Н. Ванеев. СПб., 1992.
4. *Здобнов Н.В.* История русской библиографии до начала XX века / Н.В. Здобнов. М., 1955.

5. *Ключевский В.О.* Курс русской истории / В.О. Ключевский. Ч. III. М., 1937.

6. *Поздеева И.В.* Гимн книге: книжная культура российских монастырей на рубеже «нового времени» / И.В. Поздеева // Федоровские чтения. 2005. М. : Наука, 2005. С. 342–356.

7. *Розов Н.Н.* Русские библиотеки в XV веке / Н.Н. Розов // *Розов Н.Н.* Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 107–124.

8. Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI–XIX веков : сб. науч. трудов / БАН СССР. Л., 1979. 172 с.

9. Русские книги и библиотеки в XVI — первой половине XIX века: сб. науч. тр. / БАН СССР. Л., 1983. 160 с.

10. *Слуховский М.И.* Русская библиотека XVI–XVII веков / М.И. Слуховский. М., 1973. 252 с.

11. *Стелецкий И.Я.* Мертвые книги в Московском тайнике / И.Я. Стелецкий. М., 1993.

§ 3 Библиотеки в XVIII в.

XVIII в. был для России веком быстрого и самобытного развития, больших достижений в деле подъема культуры. Реформы, осуществленные Петром I, были направлены на ликвидацию отсталых форм государственного, хозяйственного и общественно-устройства страны, на создание сильного, независимого государства, способного отстаивать свои жизненные интересы и занять достойное место среди других государств.

Реформы эти стали важнейшей движущей силой в развитии буквально всех сторон жизни. Они ускорили прогресс промышленности, культуры и действительно преобразили Россию, превратив ее в великую державу, сумевшую подавить сопротивление внутренней реакции, усилить международные политические и торговые связи, блистательно выиграть трудную Северную войну.

Новые потребности государства, стоявшие перед ним новые исторические национальные задачи обусловили необходимость проведения ряда просветительских реформ, в первую очередь в области народного образования. Осуществить программу преобразования страны можно было лишь при условии поднятия общего культурного уровня русского народа, подготовки многочисленных кадров специалистов различного профиля и разного уровня квалификации. Надо было решительно повернуть науку и культуру к практическим нуждам государства.

В течение XVIII в. были основаны Академия наук и Российская академия, открытый университет, появился ряд научных обществ. В этот период возникло демократическое искусство, выразившее вкусы читателя и зрителя «третьего сословия».

Русская наука обрела гениального М.В. Ломоносова. Развитие получила художественная литература, украшенная именами того же М.В. Ломоносова, а также А.Н. Радищева, А.П. Сумарокова, Я.Б. Княжнина, Н.И. Новикова, Г.И. Державина, Д.И. Фонвизина, И.И. Хемницера, В.В. Капниста, М.М. Хераскова и многих другие писателей. В области искусства работали: выдающийся живописец Ф.С. Рокотов, скульпторы Ф.И. Шубин, М.И. Козловский и другие. В области техники выделялись имена И.П. Кулибина, И.И. Ползунова.

Начавшееся в первой четверти XVIII в. развитие экономики, науки и техники, заметный подъем общего культурного уровня населения явились основными факторами, усилившими объективные потребности в специальной литературе. Возникла необходимость открытия публичных и специальных библиотек.

Успешному решению этих задач способствовало, благодаря петровским реформам, создание «книжной массы», включающей книги нового типа — «к наукам приличные, в школах учащимся полезные и всему гражданству полезные»; «читательской массы» — появление многих тысяч читателей, которые видели в чтении книг не только душеспасительное занятие, но и способ повышения культурного уровня, приобретение знаний и навыков, необходимых в практической работе на всех участках жизни и деятельности тогдашнего общества; достаточно эффективной системы распространения печатной продукции по всей территории страны.

Уничтожается вековая монополия духовенства на книгу, вводится в употребление новая гражданская азбука и арабские цифры. По остроумному замечанию Ломоносова, «при Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя широкие шубы и нарядились в летние одежды». Меняется и характер выпускаемых печатных книг — появляются труды по математике, географии, кораблестроению, литература на политические и культурно-бытовые темы. Учреждаются общеобразовательные и специальные учебные заведения, среди них — Морская академия и школы — навигацкая, артиллерийская, медицинская,

цифирная. Начинает выходить первая печатная газета «Ведомости», пришедшая на смену рукописным «Курантам».

В эпоху Петра I появляются крупные личные библиотеки. Известно, что библиотека фельдмаршала Б.П. Шереметева насчитывала более 25 тысяч томов. Сподвижник Петра I А.Д. Меншиков собрал 13 тысяч томов, фельдмаршал М.М. Голицын — 6 тысяч книг. Замечательная библиотека была у выдающегося государственного деятеля Феофана Прокоповича. В ней хранилось свыше 4 тысяч книг на русском, латинском, греческом и многих западноевропейских языках.

После смерти Петра I наступила реакция. Она изменила условия, в которых шло культурное развитие страны, поставила ряд препятствий ее поступательному движению. В частности, развитие книжного производства было приостановлено более чем на 15 лет. Лишь к середине XVIII в. возобновилось развитие книгопечатания, издательской и книготорговой деятельности, отражавшее общий подъем культуры в стране. Максимального развития издательская деятельность достигла в последнюю четверть XVIII в., чему немало содействовал указ Екатерины II от 15 января 1783 г. о разрешении во всех городах и столицах заводить «вольные», то есть частные типографии и печатать в них книги на русском и иностранных языках.

В связи с осуществлением реформ Петра I встал вопрос о создании в России библиотек нового типа — общественных, тесно связанных с жизнью, оказывающих помощь строительству нового государства. Этим объясняется появление в XVIII в. ряда проектов организации библиотек, которые должны были прийти на смену старым библиотекам закрытого типа: монастырским, наполненным преимущественно литературой духовного содержания, «ведомственным» (библиотеки приказов и других государственных учреждений), частным (домашним) библиотекам, иногда насчитывавшим несколько тысяч томов.

Перед библиотеками нового типа ставилась задача видеть свое назначение не только и не столько в собирании и хранении книг, но прежде всего в выдаче их для чтения, в обеспечении

большей доступности своих книжных фондов для постепенно расширяющегося круга читателей. В течение XVIII в. были открыты библиотеки нового типа, начала постепенно складываться сеть библиотек разного назначения.

Основная идея, которая отчетливо прошла через весь XVIII в., — идея создания центральной государственной публичной библиотеки в Москве или в Петербурге и губернских публичных библиотек по всей территории страны.

Первый проект публичной библиотеки в Москве был выдвинут в 20-х гг. XVIII в. выдающимися деятелями Петровской эпохи Василием Ануфриевичем и его старшим сыном Василием Васильевичем Киприановыми. Киприановы поддерживали реформаторскую деятельность Петра I и придерживались демократических взглядов на право народа на образование.

Киприановы намеревались создать в Москве целый комплекс предприятий, которые в совокупности дали бы возможность полностью реализовать выношенный ими план активного содействия делу просвещения через книгу. В этом едином комплексе предполагалось объединить типографию, книгоиздательство, книжную торговлю, граверную мастерскую и общедоступную Публичную всенародную библиотеку.

Этот прогрессивный для того времени проект выявляет передовые просветительные устремления Киприановых и отличается отчетливо выраженной демократичностью. По идеям, заложенным в нем, они несомненно определили свое время и имеют все основания для того, чтобы их имена заняли достойное место в истории нашего отечественного библиотековедения.

В основу проекта организации библиотеки Киприановыми были положены принципы, во многом опережавшие в те годы Европу. Это должна была быть в полном смысле слова всенародная, то есть общедоступная, подлинно публичная библиотека, открытая для широких кругов населения. Все в этом проекте было направлено на содействие просвещению народа. Круг читателей расширился, книга переставала быть привилегией только

высших слоев общества. Раскрытие фондов достигалось составлением каталога на весь книжный фонд.

Библиотека мыслилась В.В. Киприановым отнюдь не как рядовая публичная, а как национальная библиотека страны и в то же время архив отечественной печати [4, с. 48–52].

Вторая попытка создания центральной публичной библиотеки относилась к 1766 г. и принадлежала Борису Михайловичу Салтыкову. Он разработал «План Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге», одним из пунктов которого было создание общества по организации библиотеки. По всей вероятности, одним из толчков, вызвавших к жизни эту идею, явилось открытие в Санкт-Петербурге за год до этого, в 1765 г., Вольного экономического общества, перед которым была поставлена задача добиться поднятия и улучшения сельского хозяйства в России. Несомненно, оно могло вдохновить на создание такого же общества для решения столь большой и почетной задачи, как открытие национальной Российской публичной библиотеки.

Подобно Вольному экономическому обществу, это должна была быть не государственная, а общественная (частная) библиотека — собственность специально созданного для ее устройства общества. Сами авторы проекта назвали будущую свою библиотеку «подписной Публичной библиотекой».

Дворянский характер проекта сказался на многих чертах проектируемой библиотеки — это прежде всего замкнутый характер, платность пользования библиотекой, различие прав членов библиотеки в зависимости от размера уплачиваемых ими взносов и т. д. Но несмотря на то, что в числе учредителей были представители именитой аристократии и дворянства, Екатерина II отказала ему в утверждении.

Для Екатерины II наличие под проектом подписи Салтыкова и тем более его авторство были достаточными для его отклонения, так как Салтыков длительно общался с Вольтером и «напитался его мыслями и правилами», «свободомыслием французским». Так оказался нереализованным на этот раз и дворянский проект организации Публичной библиотеки в России.

С самого начала XVIII в. началась разработка идеи создания в России сети учебных и публичных библиотек, способных дать народу полезную и нужную книгу.

Автором первых проектов явился выдающийся деятель Петровской эпохи — Федор Степанович Салтыков. В основе двух его проектов, посвященных организации библиотечного дела в тогдашней Российской империи, поданных Петру I в 1712 и 1714 гг., лежали материалы и наблюдения, полученные им в результате личного ознакомления с постановкой библиотечного дела в ряде европейских стран — в Голландии, Франции и особенно в Англии.

При разработке своих проектов Ф.С. Салтыков исходил из убеждения, что развитие науки, распространение знаний в народе, организация системы народного образования должны быть делом государства.

В обоих проектах Ф.С. Салтыкова имелись несомненно прогрессивные соображения. К ним следует отнести: впервые выдвинутое предложение организовать две параллельных сети публичных и учебных библиотек, планомерно размещенных по всей территории тогдашнего государства; предложение использовать в целях формирования книжных фондов этих библиотек нужные им книги из закрытых для широкого пользования библиотек монастырей и приказов; предложение при организации новых библиотек использовать опыт работы лучших библиотек за рубежом.

В отношении библиотек оба проекта реализованы не были, так как в начале XVIII в. не было ни средств для осуществления такого большого мероприятия, ни достаточного количества литературы для создания книжных фондов задуманных Ф.С. Салтыковым библиотек, ни библиотекарей-специалистов для работы в них. По сути дела, не было еще и достаточного количества читателей.

Тем не менее возникла потребность в организации крупного книгохранилища, где были бы собраны книги по всем отраслям знаний. И вот повелением Петра I в 1714 г. начала свою историю

первая в России из дошедших до нас научная библиотека. Вначале в ней было около 2 тысяч книг. Потом книжный фонд стал пополняться старинными рукописями и иностранными новинками, только что отпечатанными изданиями. Вскоре в Летнем дворце, где первоначально размещалась библиотека, стало тесно, и для нее на Васильевском острове отстроили новое здание. В газете «Санкт-Петербургские ведомости» от 26 ноября 1728 г. появилась заметка об открытии Библиотеки Академии наук. Газета по случаю этого замечательного события писала: «Впредь будет библиотека равным же образом повседневно дважды, а именно во вторник и в пятницу, пополудни, от 2 до 4 часа, отперта и всякому вход в оную свободен». Одной из главных идей во взглядах Петра I на библиотечное дело была идея публичности, общедоступности библиотеки, предназначенной не для хранения книг, а для использования их читателями. С идеей общедоступности библиотеки связано и требование бесплатного пользования ею. Петр I категорически воспротивился предложениям брать плату за вход в Императорскую библиотеку и кунсткамеру, а в разрешении на открытие библиотеки В.В. Киприанова в 1724 г. поставил условие, чтобы пользование библиотекой было бесплатным.

Характерная особенность русских библиотек — демократичность, стремление к публичности — нашла яркое проявление в организации работы библиотек в России XVIII в. Даже в тех случаях, когда библиотеки по своему типу являлись библиотеками сугубо ведомственного характера, призванными обслуживать более или менее ограниченный круг читателей, они выходили за рамки своего профиля и открывали дверь для посторонних читателей, не имеющих к ним по роду своей научной или практической деятельности ни прямого, ни косвенного отношения. История библиотечного дела дает много примеров подобного рода практики.

Так, функции публичной библиотеки в течение всей первой половины XVIII в. (то есть до открытия в 1756 г. библиотеки Московского университета) фактически выполняла Библиотека Академии наук (БАН). По богатству книжных фондов БАН

могла поспорить с крупными зарубежными библиотеками. Однако Петр I сумел опередить своих учителей из самых просвещенных стран Европы: доступ читателей в Библиотеку Академии наук был открыт не позднее 1718 г., то есть за 17 лет до открытия Национальной (тогда еще Королевской) библиотеки в Париже и на 35 лет ранее другой крупнейшей библиотеки Европы — Британского музея в Лондоне.

Общедоступной была и библиотека Московского университета, поскольку она с первых же дней своего существования (03 июля 1756 г.) «в удовольствие любителей наук и охотников до чтения книг была отворена каждую среду и субботу от 2 до 5 часов пополудни». В связи с этим во многих позднейших документах она прямо называлась публичной.

Даже закрытые духовно-учебные заведения считали возможным допускать к своим книжным фондам посторонних лиц. Расширение круга читателей — характерная особенность библиотеки при Медицинской канцелярии. Наравне с основными категориями читателей (доктора, аптекари и пр.) в нее допускали и сторонних лиц — «ученых или почтенных людей». При этом они во всем имели равные права с основными читателями. Перед нами характерная для XVIII в. попытка придать научной отраслевой библиотеке, к тому же ведомственной, то есть по природе своей относительно замкнутой, статус отраслевой публичной библиотеки.

М.В. Ломоносовым впервые в 1763 г. была высказана мысль о создании в России специальной сельскохозяйственной библиотеки, которая должна была стать неременной частью обслуживаемого ею учреждения — государственной Коллегии, призванной совершенствовать сельское хозяйство в России. Ломоносов ставил перед членами этой коллегии ряд задач, связанных со сбором и широким распространением новых материалов об отечественном и зарубежном опыте, то есть с организации научной информации. И в этом случае подтверждается взгляд Ломоносова на научную библиотеку как на научно-вспомогательное учреждение.

Конечно «общенародный характер» публичных библиотек был не более чем условностью, поскольку широкие круги народа в силу неграмотности пользоваться ими не могли. И все же установка на расширение читательского контингента, несомненно, была прогрессивной.

Казалось, теперь развитие книгоиздательского дела, расширение библиотечного дела, просвещения пойдет семимильными шагами. Но этого не произошло. После смерти Петра I резко снизился выпуск книг. Медленно росла библиотечная сеть, а по существу, и не было никакой сети. Изредка возникали, как островки в безбрежном океане, отдельные книгохранилища. Вот некоторые из них.

Монастырские библиотеки уже в XVIII в. отошли на второй план по сравнению с библиотеками нового типа (Типографская, библиотеки крупных приказов, Патриаршая и т. д.), которые и становятся собирательницами наиболее передовой литературы.

В первой четверти XVIII в. значение монастырских библиотек падает. Правда, в них по-прежнему продолжают поступать в виде пожертвований и вкладов различные книги, но все это в основном была богослужебная или, в лучшем случае, религиозно-назидательная литература.

Процент светской литературы в монастырских библиотеках неуклонно снижался, и это объясняется тем, что передовая светская научная и художественная литература сосредотачивалась в этот период в библиотеках другого типа, а старая литература светского содержания монастырями постепенно утрачивалась. Монастырские библиотеки становились хранилищами почти исключительно религиозной, в основном богослужебной литературы. То же самое относится и к церковным библиотекам.

Синодальная (Патриаршая) библиотека не представляла собой единого целого, а состояла из двух частей, мало похожих друг на друга: ризной и домовая библиотека патриарха. Если ризная библиотека во второй половине XVII в. являлась хорошо подобранным собранием литературы (как русской, так и иностранной), то домовая была, по существу, складом русских книг, предназначенных для передачи в различные места.

Отмена патриаршества не могла не сказаться на судьбах библиотек. Ризная библиотека — любимое детище патриархов — перестала регулярно пополняться книгами, и состав ее в течение всей первой четверти XVIII в. претерпел сравнительно мало изменений.

После образования Синода положение с обеими Патриаршими библиотеками сильно изменилось. Образовалась единая «Синодальная библиотека». В Синодальную библиотеку попадали подлинники и копии старинных рукописей, а также старинные книги, присылаемые из епархий в соответствии с указами Петра I. Современник сообщает, что эта библиотека наполнена «отборнейшими священными и светскими кодексами и пергаментными книгами VIII и IX столетий. Каталог этой библиотеки давно уже составлен и теперь напечатан в Лейпциге, там вы отыщите евангелие V столетия».

Действительно, каталог был издан в 1723 г. на русском и латинском языках тиражом всего 100 экземпляров. В следующем году он был переиздан в Лейпциге. Это был первый печатный каталог одной из крупнейших русских библиотек, хотя и отражавший лишь небольшую часть ее фонда (рукописи). Зарубежные ученые неожиданно для себя увидели, что в библиотеках «варварской» России хранятся богатства огромной ценности.

В предисловии к каталогу написано, что хотя Синодальная библиотека и уступает по числу книг таким библиотекам, как Ватиканская в Риме, Парижская короля французского, Бодлеянская в Оксфорде, «Цесарская» в Вене и другим, однако в ней находятся такие древние книги, «которые с самими редкими тех библиотек книгами о древности могут спориться». И это тем более удивительно, если вспомнить, что указанные западноевропейские библиотеки создавались веками, а русская Патриаршая пополнилась огромным количеством ценных рукописей за очень короткое время.

Библиотеки Московской и других типографий. В первой четверти XVIII в. число типографий в России возросло. Почти при каждой из них образовались свои библиотеки. Несомненно, что

самой крупной из этих библиотек была Типографская библиотека в Москве, в которой уже в конце XVII в. насчитывалось свыше тысячи книг. В XVIII в. библиотечный книжный фонд рос значительно более быстрыми темпами, и в 1727 г., когда был составлен библиотечный каталог, в Типографской библиотеке хранилось уже более 3 тысяч книг.

Свыше 70% книг библиотеки составляла иностранная литература, причем больше всего было книг на латинском языке. Библиотека имела большое число рукописей (26,8% от общего числа книг), причем в русском фонде рукописные книги составляли большинство. Среди рукописных книг находилось немало весьма ценных старинных рукописей, в том числе и написанных на пергаменте.

Из сказанного следует, что Типографская библиотека никак не была складом при типографии, издававшей лишь книги на русском языке. Это было хорошо укомплектованное собрание, по количеству книг уже сильно превосходившее Синодальную библиотеку, а по ценности книжного фонда едва ли много ей уступавшее.

По-видимому, в то время все типографии имели свои рабочие библиотеки, а также книжные склады готовых изданий. Библиотеки, как правило, были небольшие. Исключение составляла Типографская библиотека в Москве, имевшая первоклассное книжное собрание.

Библиотеки учебных заведений. В петровское время почти на пустом месте выросла целая сеть учебных заведений. Открываются Артиллерийская, Инженерная, Медицинская, Хирургическая школы. Но самым значительным специальным учебным заведением стала Школа математических и навигацких наук, из которой выросла Морская академия. Разумеется, они не могли существовать без книг, а, следовательно, без своих библиотек. Старейшей из таких библиотек была библиотека Славяно-греко-латинской академии, первого в России высшего учебного заведения.

Эта библиотека в первые 50 лет своего существования не могла похвастаться богатством книг, так как пополнялась за

счет даров. Поэтому наставникам и лучшим студентам академии было дано право посещения (3 раза в неделю) Синодальной и Типографской библиотек для чтения нужных им книг. В самой библиотеке находилось несколько сот книг на русском, латинском и греческом языках, в число которых входили различные учебные пособия (грамматики, лексиконы, буквари и т. д.), рукописные курсы лекций, читаемые в академии, произведения греческих и латинских авторов.

Таким образом, первая четверть XVIII в. — период становления большого числа библиотек при учебных заведениях, которые получили свое развитие в последующие годы. Некоторые из таких библиотек превратились в дальнейшем в крупные собрания книг.

Остановимся на *библиотеке музыкальных классов Академии художеств*. Собрание музыкальной литературы и ноты XVIII в., сохранившиеся в фондах Библиотеки Академии художеств, являются уникальными.

Подбор музыкальной литературы XVIII в. в Академии художеств свидетельствует о широте интересов преподавателей и учеников музыкальных классов и говорит о высоком уровне, о подлинной европейской культуре в постановке музыкального образования в Академии художеств. Мы достаточно ясно можем представить себе те пути, по которым шло обучение музыканта-профессионала. Изучение истории музыки, теории и методики, соединение с практикой музицирования составляли в ту пору, как и сейчас, основу музыкального образования.

Характерно, что на протяжении всей своей истории Библиотека Академии художеств была общедоступна, ею могли пользоваться не только учащиеся, но и широкая публика, правда, только в читальном зале. Вся приобретаемая литература предназначалась для широкого читательского обращения, поэтому сразу переплеталась. Архивные данные говорят о том, что существовала практика выдачи книг на руки учащимся Академии. Книги строго сберегались. Уже тогда существовало правило, по которому окончившие обучение ученики должны были принести

в дирекцию записку от библиотекаря о возврате книг (нынешний обходной лист).

Взгляды на комплектование библиотечных фондов. В связи с открытием относительно большого количества новых научных и массовых библиотек с начала XVIII в. началась разработка вопросов теории и практики комплектования книжных фондов универсальных публичных и специальных библиотек. В большинстве трудов и документов того времени вопросы эти ставились, как правило, в общем плане, выявлялись лишь главные направления их решения. Иначе и быть не могло, ибо теории неизбежно должна предшествовать практика, в результате обобщения которой и могли вырабатываться первые теоретические положения.

При изучении вопросов комплектования библиотечных фондов нельзя не учитывать того обстоятельства, что даже крупнейшие библиотеки XVIII в. были примерно равны современным районным библиотекам. Так, Библиотека Академии наук — самая крупная научная библиотека того времени — имела в середине XVIII в. (1747) около 22 300 томов. В 1776 г., то есть спустя 30 лет, ее фонд достиг свыше 30 000 томов. Основную массу представляли книги на иностранных языках, а книги на русском языке составляли 11% фонда, включая и 500 рукописных книг. К концу века в ее фонде числилось 52 000 томов, в том числе 4600 книг и рукописей на русском языке [6].

Еще разительнее было различие по характеру книжного фонда. В академической библиотеке доминировала светская литература. Книги религиозного содержания составляли менее 13% всего книжного фонда (в Синодальной библиотеке — свыше 86%). Но самое главное, что в Библиотеке Академии наук имелись книги буквально по всем отраслям знания, причем треть фонда составляла литература по естественным наукам. Характерно также наличие большого числа новых изданий по разным научным дисциплинам на западноевропейских языках, между тем как почти половину книг Типографской библиотеки составляла литература на латинском и греческом языках, а новых изданий здесь

практически не было. Наличие же незначительного количества книг на русском языке объясняется тем, что их и издавалось значительно меньше, чем иностранных.

Из сказанного видно, что информационный фонд, которым располагали русские люди после основания Библиотеки Академии наук, увеличился во много раз, и этот гигантский скачок отражал крупнейшие изменения, происшедшие в стране в результате петровских реформ.

Но изменения произошли не только в количестве и составе книг, а также в организации и использовании книжного фонда. И в этом плане Библиотека Академии наук стояла неизмеримо выше других русских библиотек. Фонды ее были размещены в систематическом порядке, имелись каталоги (даже печатный каталог), обслуживание велось квалифицированными библиотечными работниками, комплектование книжных фондов было подчинено основной задаче — содействию научной деятельности Академии и проводилось под контролем Академии.

Для характеристики качества комплектования библиотеки новой литературой укажем, что для этой цели использовались все возможные в то время каналы: приобретение частных книжных собраний, книгообмен с другими странами, планомерная закупка книг в России и за рубежом, получение книг в дар и т. д. Все это давало возможность обеспечить полноту книжного фонда библиотеки и широту (по тем временам) ее использования.

В нашей литературе много говорят о том, как русские люди, начиная с петровских времен, получали образование за рубежом и в каких именно странах; отмечается и роль русских научных учреждений и учебных заведений в поднятии культуры страны. Однако, очень мало еще сказано о роли крупнейших книгохранилищ. А ведь значение библиотек хорошо понимали в России уже в первой половине XVIII в. «В школах должны быть библиотеки, — говорилось в Духовном регламенте, — ибо без библиотеки, как без души академия» [3, с. 49]. Только наличие в России таких гигантских книжных собраний, какими являлись уже в XVIII в. Библиотека Академии наук, а позднее библиотека

Московского университета (к моменту пожара 1812 г. в ней находилось до 20 000 томов), других учебных заведений, обеспечивало развитие русской науки и культуры. Этими книжными собраниями пользовались не только такие корифеи, как Ломоносов, Эйлер, но и тысячи простых людей, многие из которых стали со временем крупными политическими и общественными деятелями.

Кто же были читатели Библиотеки Академии наук? В архиве сохранился журнал записи книг, выданных читателям в 1724–1725 гг. (более ранних записей пока не обнаружено). При выдаче книг в журнале проставлялись следующие данные: дата выдачи, кому и какие именно книги выданы. При возвращении книг записанное в журнале зачеркивалось или делалась соответствующая отметка. Журнал велся разными людьми и очень неряшливо, что говорит о том, что учету выданных книг не придавалось должного значения. Некоторые записи сделаны настолько неразборчиво, что расшифровать их почти невозможно.

Тем не менее читателей этого времени можно разбить на 4 группы: представители знати (Я.В. Брюс, вице-канцлер А.И. Остерман, царевна Анна Петровна, бывший воспитатель царевича Алексея Петровича барон Г. Гюйссен, граф Ф.М. Санди), представители высших слоев духовенства (архиепископ Феофан Прокопович, архимандрит Афанасий Кондоиди), сотрудники создаваемой в Петербурге Академии наук и ее Библиотеки (лейб-медик Л.Л. Блюментрост, профессор И.Х. Коль, переводчик И.В. Паузе, библиотекарь И.Д. Шумахер, секретарь Филипп Гмелин), представители интеллигенции, не связанные с Академией (В.Н. Татищев, Ланге, Л.К. Стобаус). В пересчете на один год цифры выглядели следующим образом: посещений Библиотеки 96, взято книг 315. На читателя в год приходилось 2,5 посещения и 8 книг.

Другой из дошедших до нас журналов выдачи книг читателям приходится на 1732–1735 гг. В этом журнале для каждого читателя были отведены определенные листы, которые представляли собой как бы их формуляры. Формуляры располагались в порядке

алфавита фамилий читателей, причем из общего алфавита был выделен формуляр цесаревны Елизаветы Петровны (будущей императрицы), которым открывался журнал. Всего в библиотеке в эти годы было 102 читателя, включая и 6 учреждений [6].

Следует сказать, что русские люди XVIII в. не только обладали крупнейшим книжным фондом, хранившимся в ряде библиотек, но и умели подбирать состав этих библиотек применительно к потребностям читателя. Одним из важнейших достижений библиотековедения в XVIII в. надо признать прежде всего научную разработку проблемы отбора в фонды библиотек и тесно связанный с нею вопрос полноты комплектования фондов.

Известно, что отбор литературы — один из труднейших и ответственных процессов комплектования книжных фондов библиотек. Качество его во многом зависит от усмотрения библиотекаря, от уровня его профессиональной и общей квалификации.

Первое место в плеяде деятелей XVIII в., внесших вклад в разработку теории комплектования библиотечных фондов, несомненно занимает М.В. Ломоносов. Им были сформулированы в соответствии со свойственным ему глубоким пониманием роли и значения научной библиотеки для развития науки и просвещения основные принципы отбора необходимой библиотеке литературы. Они в сущности своей не устарели и вполне соответствуют нашим современным взглядам, в них общие принципы отбора выражены вполне отчетливо. Деятельности Библиотеки Академии наук были присущи крупные недостатки. Видя их, Ломоносов принимал самые энергичные меры к их устранению. Среди своих разносторонних занятий он не только находил время для борьбы за интересы Библиотеки Академии наук, но и видел в этой борьбе насущную необходимость, заботился о всех сторонах ее деятельности. Он интересовался, «выписываются ли какие книги или нет для преумножения библиотеки, в каком она состоянии и порядке, и нет ли недостатку нужных книг, и чего ради не издан чрез столь долгое время новый каталог книгам для пользы ученых и любящих науки».

Беспринципному накоплению литературы, превращающему библиотеки в музейно-архивные учреждения, М.В. Ломоносов противопоставил принцип отбора литературы, требующий включения в книжные фонды научных библиотек лишь основных, наиболее важных для научной работы изданий. И.Д. Шумахер, изучавший библиотечное дело в европейских странах отмечал, что «обычайший и удобнейший способ расстановки книги «по материи», то есть по содержанию. Однако он полагал, что «не весьма надлежит следовать материи книг, дабы красота, которая в публичной библиотеке требуется, не утратилась».

Таким образом, И.Д. Шумахер расстановку книг в соответствии с требованиями науки приносил в жертву интересам библиотечной эстетики, о которой он первым заговорил в русском библиотечном деле.

Блестящим примером участия академиков и профессоров Академии наук в отборе литературы явился факт привлечения их в 1755 г. к начальному комплектованию книжного фонда вновь организуемой библиотеки Московского университета. Здесь был проявлен подлинно научный подход к отбору необходимой этой библиотеке литературы. Академики представили составленные ими списки книг, которые надлежит приобрести для библиотеки, секретарь соединил их в один том и отдал для переписки.

В данном случае начальному комплектованию вновь создаваемой научной библиотеки предшествовала солидная предварительная библиографическая подготовка. Отбор необходимой литературы в профиле библиотеки произведен был учеными — компетентными специалистами в области различных отраслей наук и соответствующей им литературы.

В духе делового подхода с позиций демократизма были сформулированы и принципы отбора необходимых библиотеке изданий Павлом Захаровичем Кондоиди — организатором и руководителем первой публичной медицинской библиотеки в России.

В целях улучшения состава книжного фонда своей библиотеки и повышения качества отбора необходимой ей литературы

П.З. Кондоиди привлек к участию в этом деле читателей, что было новым для XVIII в. явлением. В правилах пользования этой библиотекой говорилось: «Ежели кто знает автора, которого изданные книги достойны иметься в библиотеке, позволено ему подать письменно имя того автора и реестр его изданных книг, совокупля формат, год и место, где печатаны». Нельзя не видеть в этом допущении читателей к комплектованию книжных фондов проявление демократических тенденций, которые характерны для всех сторон деятельности Кондоиди.

Немалый вклад в разработку вопросов отбора и полноты комплектования библиотечных фондов внес в первой четверти XVIII в. Василий Васильевич Киприанов. Проектируя открытие на Красной площади в Москве Публичной всенародной библиотеки, он определил профиль и полноту комплектования ее фондов, наметил принципы отбора литературы: исчерпывающе полное, то есть без какого-либо отбора комплектование всей русской книжной продукции (по возможности все ранее изданные и вновь издаваемые русские книги) и отбор, то есть относительно полное комплектование «иностранных разноязычных книг». Отбору подлежали только те иностранные книги, «которые к научению русского народа потребны», то есть представляли учебную, научную или производственную ценность.

С комплектованием фондов неразрывно связана и проблема книгоснабжения библиотек. В XVIII в. решение этой проблемы было крайне затруднено в связи с тем, что издательская деятельность внутри страны была развита слабо (особенно в первой половине века), книжная торговля только к концу века приобрела европейскую форму (в связи с деятельностью М.И. Новикова). По всем отраслям знания вплоть до конца века преобладала литература на иностранных языках. В то же время буквально во всех вновь организуемых библиотеках неизбежно возникал вопрос, где взять книжные фонды, которые по своему составу могли бы стать основой библиотеки, обеспечить возможность ее нормального функционирования и развития. Путей к решению этой задачи в начале XVIII в. фактически было четыре.

Первый путь — создание основного фонда новой библиотеки за счет отчуждения книг в тех библиотеках и хранилищах, где они не могли быть достаточно активно использованы. Этот путь, пожалуй, наиболее простой и эффективный, в XVIII в. был использован неоднократно и успешно при организации новых библиотек.

Своеобразным видом отчуждения явился захват книжных фондов в качестве военной добычи. Как пример можно привести огромную библиотеку, собранную братьями Залусскими (около 400 тысяч томов). По приказу Екатерины II после раздела Польши (в 1795 г.) библиотеку вывезли в Петербург, где она вошла в состав организуемой в то время Императорской Публичной библиотеки. (Эта ценнейшая коллекция была возвращена Польше советским правительством. Она легла в основу фондов Национальной библиотеки в Варшаве, открытой в 1928 г.)

Второй путь приобретения книг — покупка или получение в дар книжных коллекций, собранных частными лицами — учеными, специалистами и просто книголюбями. Коллекции эти зачастую имели большую научную ценность как систематический подбор книг по специальности. Одновременно этим достигалась известная монолитность академических собраний: в составе книжных фондов Академии создавались чрезвычайно ценные «гнезда» и коллекции, характеризующие известную эпоху, интересы отдельных выдающихся деятелей Академии или целых поколений. Так, безвозмездно были переданы в Академию библиотеки Петра I, царевича Алексея Петровича. Чаще всего представители Академии предварительно делали осмотр книг, оставшихся после владельцев личных библиотек, при этом выносилось решение, какие из книг заслуживали того, чтобы быть переданными в библиотеку. Остальные книги либо поступали в книжную лавку для продажи, либо вообще не приобретались Академией. Таким образом, в библиотеку попадало не все, что было собрано библиофилами того времени.

Иногда случались казусы. Так, в 1734 г. на пост президента Академии был назначен барон И.А. Корф, страстный книголюб,

который широко использовал средства Академии для пополнения своей личной библиотеки. Уже в то время, когда Корф не был президентом Академии наук, а был посланником в Дании, ему пришлось вернуть свой долг: он выслал из Копенгагена 8 ящиков с книгами (1755 томов), из которого только 17 имелись в библиотеке. Таким образом, Корф пополнял свое книжное собрание за счет книг, приобретенных Академией наук и нужных библиотеке. За 6 лет его президентства библиотека ежегодно недополучала в среднем по 290 книг.

А вот противоположный пример. Много рукописных материалов было передано в Библиотеку Академии наук совершенно безвозмездно В.Н. Татищевым, который сыграл выдающуюся роль в комплектовании ее рукописного фонда. Среди рукописей, полученных от Татищева, были и его собственные сочинения. В свою очередь библиотека стремилась помочь Татищеву в его научной работе, высылая необходимые ему книги.

Третий путь приобретения книг — покупка и выписка необходимых библиотеке произведений печати. Примеров использования этого вынужденно ограниченного (вследствие малого отпуска денежных средств) источника книгоснабжения можно привести немало. К примеру, собрание членов Вольного экономического общества 21 февраля 1767 г. сочло необходимым купить до 200 книг по экономике. Однако «по недостатку» на это особой суммы собрание в 1769 г. «определило учредить почтенным господам членам самоизвольную подписку для собрания потребной на покупку оных книг суммь».

Четвертый путь приобретения книг — система обязательного экземпляра произведений печати. Предложение о введении ее, впервые выдвинутое В.В. Киприановым в 1724 г., навсегда вошло в историю русского библиотековедения. Именно с него начинается история этого первоклассного источника централизованного книгоснабжения важнейших библиотек нашей страны, в максимально возможной степени обеспечивающего бесперебойное текущее пополнение библиотеки всей вновь выходящей литературой. Обязательный экземпляр должен был

выполнять три основные функции — библиотечную (быть источником текущего комплектования библиотеки и повседневного удовлетворения запросов читателей), библиографическую («для собрания каталога и алфавита») и архивную («ради всегдашнего в ней содержания»). Практически предложение В.В. Киприанова осуществилось лишь спустя почти 60 лет — в 1783 г.

Любопытны сведения о комплектовании книжных фондов Библиотеки Академии наук с помощью книгообмена. Обладая собственной типографией и регулярно публикуя труды своих ученых, Академия наук имела большие возможности приобретать нужную ей литературу не за наличный расчет, а путем обмена на свои издания. Испытывая постоянные затруднения в деньгах, Академия наук стремилась приобретать с помощью книгообмена возможно большее число изданий.

Возникновение каталогизационной мысли. В отличие от предыдущих веков библиотечные каталоги в XVIII в. перестали рассматривать только как инвентарные описи книг, а стали использовать для ознакомления библиотекарей и читателей с содержанием библиотечных фондов и для разыскания книг. Новое прогрессивное понимание целевого назначения каталогов, естественно, привело к мысли об обеспечении доступности их читателям, об их публичности, вызвало появление различных видов каталогов, а также постепенное изменение их формы.

Первый каталог Библиотеки Академии наук до нас не дошел. Но он несомненно существовал. Это видно из отчета И.Д. Шумахера о заграничной поездке. Шумахер оставил каталог Библиотеки голландскому книгопродавцу, а рукописные и печатные каталоги зарубежных библиотек привез с собой и по образцам их составлял свой каталог.

Каталоги XVIII в. не были похожи на современные. По форме это были рукописные каталоги — описи, чаще всего алфавитные или систематические. В крупных библиотеках они занимали по нескольку десятков томов и были крайне неудобны для их ведения и использования.

Характер описаний произведений печати во всех каталогах первой четверти XVIII в. более или менее одинаков. Описания начинались с фамилии автора, поставленной в родительном падеже. В некоторых случаях имя автора (также в родительном падеже) ставилось до фамилии, в других — после фамилии, но в круглых скобках; иногда имя автора вообще не проставлялось. Вслед за фамилией автора давалось (обычно без всякого разделительного знака препинания) краткое и часто очень неточное заглавие произведения. Далее иногда приводились сведения о языке, на котором написана книга (в тех случаях, когда книга написана на западноевропейских языках, например, на русском, латинском, греческом), затем указывались выходные данные, то есть место и год издания. В описаниях продолжающихся изданий перед выходными данными проставлялись номера томов, а в конце описания многотомного издания указывалось число томов. Некоторые книги описывались не под автором, а под заглавием (то есть описание начиналось с заглавия).

При составлении таких каталогов библиотекари вынуждены были оставлять промежутки между записями и даже чистые листы для того, чтобы использовать впоследствии эти свободные места для включения в каталог новых поступлений. Если книг в библиотеке было много, каталог делился на тома (тетради) по отраслям знания — при систематической группировке описаний, или по алфавиту — при их алфавитной группировке.

В результате библиотечные каталоги XVIII в. представляли собой по большей части толстые фолианты с оставленными среди текста пустыми местами. Однако более или менее скоро эти пробелы заполнялись и библиотекарям оказывалось все труднее вписывать в каталог новые поступления книг, не нарушая принятой последовательности записей. Для указаний о новых книгах не находилось в каталогах надлежащего места, порядок нарушался. О точном соблюдении в таких каталогах алфавита или другого принятого порядка не могло быть и речи. Каталог постепенно становился непригодным к использованию, и его приходилось заменять новым, более полным, обладающим

относительно большим запасом свободного места для вписывания новых поступлений. Такую операцию приходилось повторять не один раз.

Столь долгое господство каталогов книжной формы (рукописных и печатных) объяснялось рядом причин. Относительно небольшой объем ежегодного пополнения фондов приводил к тому, что количество записей в каталогах увеличивалось медленно и поэтому переписка или переиздание каталогов происходили редко. Являвшиеся для многих библиотек главным источником пополнения частные пожертвования во многих случаях включались в фонды как самостоятельные части, а каталоги на них писались или печатались отдельно. Наконец, библиотеки не были общедоступными и обслуживали небольшое количество читателей, среди которых были, главным образом, читатели либо хорошо знающие литературу по интересующей их специальности (ученые и специалисты), либо предъявляющие спрос на учебники и учебные пособия (студенты).

Однако по мере роста книжной продукции и библиотечных фондов этот органический недостаток каталога-списка давал себя чувствовать все острее. Видя быструю устареваемость каталогов-описей и их явную неспособность своевременно и полно отражать наличный фонд библиотеки, учитывать непрерывно происходящие в нем изменения, библиотекари стали искать более гибкие формы для каталогов. Первым шагом в этих поисках являлась, по-видимому, разброшюровка каталога-книги. Оставляя лист с записями свободным, не скрепленным с другими листами, библиотекарь мог в случае надобности заменить его новым листом, не переписывая всего каталога, а также вкладывать новые дополнительные листы. Следующим шагом явилась запись на отдельный лист произведений одного автора.

К началу XVIII в. этот процесс расчленения каталога-списка был доведен до своего логического конца: на каждый отдельный лист (точнее, листок) стали записывать только одну книгу. В связи с этим размер листа сократился до восьмой части обычного

листа бумаги. Казалось бы, таким образом была решена задача нахождения новой формы каталога — листового (на отдельных листках бумаги, требующих горизонтального хранения). Самое важное свойство каталогов этой формы — их подвижность, возможность располагать описания в нужном библиотеке порядке и сохранять его неизменным при включении описаний новых поступлений. Но отказаться от привычной формы каталога-книги и перейти на карточный каталог оказалось чрезвычайно трудно, и прошло немало лет, прежде чем библиотекари, наконец, решили эту задачу. Как это ни странно звучит сегодня, листовые и карточные каталоги в XVIII — начале XIX в. библиотекари составляли, но рассматривали их как материал вспомогательного, временного характера, необходимый для составления каталогов в форме книги, которая и считалась тогда единственно возможной, нормальной формой каталога. Листкам с описанием книг в те годы еще не придавали самостоятельного значения и после составления книжных каталогов уничтожали.

Таким образом, в конце XVIII в. идея карточного каталога, что называется, носилась в воздухе; оставалось лишь сделать следующий шаг — использовать вспомогательные листки — карточки с описаниями книг для составления некоего подобия карточного систематического каталога. Эта идея была реализована в России в последней четверти XVIII в. библиотекарем и хранителем Эрмитажа А.И. Лужковым. Для этого он порезал тетради, в которых были вписаны книги в инвентарном порядке, на полоски, классифицировал последние по содержанию и, наклеив на лист бумаги, на котором в заголовке стояло название отдела литературы, дал им новые номера. Так получился рукописный систематический каталог-книга.

Первый печатный каталог Академической библиотеки, известный под названием Камерного каталога, был издан в двух вариантах и печатался в течение по крайней мере 5 лет (с 1742 по 1747 г.). Первый вариант — это так называемый «Латинский камерный каталог», выпущенный в трех томах и содержащий перечни книг на иностранных языках, а также 622 русские

книги (в переводе их описаний на латинский язык). Общий объем этого каталога 1246 страниц.

Расположение материала в каталоге соответствовало расстановке книг в библиотеке, поэтому о расстановке книг следует сказать специально. Шкафы с книгами стояли в больших залах каждого из трех этажей здания, причем большой зал первого этажа назывался «каморой H», второго — «каморой P», третьего — «каморой W». От этих названий произошло и название каталога — Камерный.

Руководство библиотеки стремилось хранить книги в систематическом порядке, но этот принцип не был выдержан. Поэтому, ознакомившись с Камерным каталогом, академики единодушно дали о нем отрицательный отзыв. Они указывали, что при сверке печатного каталога с книжными фондами, производившейся академиком Ф.И. Миллером, было обнаружено много ошибок. Кроме того, было допущено большое число ошибок в описаниях книг. Систематизация книг в этом каталоге вызывает недоумение, например, помещение книг по математике, физике, метеорологии, астрономии, географии в раздел «Древние и современные философы», внутри же разделов названия книг были расположены без всякого порядка и лишь иногда произведения одного автора группировались в одном месте.

Как мы уже знаем, в Библиотеке Академии наук имелись каталоги зарубежных библиотек, которые несомненно могли бы оказать большую помощь при подготовке к печати Камерного каталога. Однако иностранный опыт не был использован.

Несмотря на все недостатки Камерного каталога, выход его в свет был большим событием не только для Библиотеки Академии наук, но и для всей библиотечной жизни страны. Впервые в России появился печатный каталог всех книг крупной библиотеки, которым могли пользоваться не единичные читатели, а сравнительно широкий круг лиц. Было положено начало систематизации литературы, пусть весьма несовершенной. Кроме того, наличие печатного каталога облегчило комплектование книжных фондов отсутствующей в Библиотеке литературой. Не

менее важно и то, что создание каталога явилось началом надлежащего учета книг.

Почти одновременно с Камерным вышел из печати каталог одних лишь русских книг Библиотеки, опубликованный на русском языке. Каталог состоял из двух частей: печатные и рукописные книги.

В сложном деле описания рукописей составитель русского каталога сделал шаг вперед по сравнению со своими предшественниками. Так, он постоянно применяет метод выделения автора на первое место, что при описании книги было обычным явлением, однако при описании рукописей — новшеством. Интересно стремление составителя каталога собрать в одном месте переиздания каждого произведения. В целях экономии в описаниях произведений вместо повторения автора и названия ставилось сокращенное обозначение «тож», «его ж» или делался прочерк.

Оба эти каталога сгорели во время пожара Библиотеки Академии наук в 1747 г., и уцелевшие несколько экземпляров представляют ныне величайшую библиографическую редкость.

Историческая ценность обоих Камерных каталогов исключительно велика, особенно это относится к русскому: он является первым печатным библиотечным каталогом в России и тем самым занимает выдающееся место среди дошедших до нас памятников русской библиотечной культуры XVIII в.; отражает состав и объем книжного фонда Библиотеки Академии наук в середине XVIII в.; дает представление о методике описания и классификации печатных и рукописных книг в первой половине XVIII в. Наконец, в обоих каталогах содержатся описания ряда книг, не дошедших до нашего времени.

Таким образом, в течение XVIII столетия в разработке вопросов теории и практики каталогизации библиотечных фондов были достигнуты первые серьезные успехи и тем самым созданы предпосылки для активного развития теории каталогизации в XIX в.

Взгляды на чтение. В начале XVIII в. потребность в чтении была еще очень слаба, круг читающей публики крайне ограничен.

Однако в дальнейшем буквально на всем протяжении этого столетия, особенно во второй его половине, шло неуклонное увеличение числа читателей. Процесс этот шел из года в год, явно обнаруживая тенденцию к увеличению и демократизации контингента читателей.

Этому во многом способствовали успехи, достигнутые в области образования. В конце XVIII в. в России была развернута значительная сеть учебных заведений разных типов (до 550), в которой обучалось 62 тысячи человек.

Основной контингент читателей, в массе своей сосредоточенный в нескольких крупных административно-промышленных центрах империи, составляли преподаватели и учащиеся разного рода учебных заведений, ученые, военные, моряки, геологи, врачи, механики, администраторы и другие представители интеллигенции. Эти группы читателей играли ведущую роль в экономическом и культурном развитии России. Именно они определили постановку и решение практических задач организации библиотечного дела в стране.

Об изменении роли и содержания чтения, о распространении книг в читательских массах косвенно свидетельствует характерное для второй половины XVIII в. обилие публикаций методического характера. Их суть состоит в следующем. Чтение — основной метод самообразования народа. Следовательно, нужно дать возможность народу читать, приобщать его к чтению. Для этого необходимо:

— обеспечить народ книгами. Это одно из важнейших требований, предъявляемых библиотеке. Без библиотек этот вопрос решен быть не может;

— помочь читателю в выборе книги. Направить его внимание именно на ту книгу, которая ему необходима;

— помочь читателю в освоении книги, сделать так, чтобы он взял из книги самое ценное в ее содержании.

Взгляды на чтение, советы по методике чтения вырабатывались в XVIII в. не столько библиотекарями, сколько учеными, общественными деятелями, писателями. В их числе М.В. Ломо-

носов, И.А. Щербатов, Д.С. Аничков, Н.М. Карамзин, Н.И. Новиков, Х.А. Чеботарев и многие другие.

Исключительную ценность в политическом и методическом отношениях представляет «Слово о способах и путях, ведущих к просвещению» Х.А. Чеботарева — профессора истории и красноречия, первого по избранию ректора Московского университета. Большая часть этой работы посвящена проблемам выбора книг, порядку их прочтения по степени трудности, порядку чтения отдельной книги, выпискам из книг. В основе правил лежит стремление к плановому чтению, недопущение торопливого и беспорядочного чтения.

Это «Слово» Х.А. Чеботарева по справедливости должно войти в историю как один из выдающихся документов нашей отечественной педагогики и библиотечного дела. По целесообразности рекомендуемой методики чтения и прогрессивному направлению оно превзошло не только то, что было опубликовано до него, но и позднейшие публикации разных авторов.

В XVIII в. были сделаны попытки ввести в практику библиотек широкий ассортимент способов библиотечно-библиографического обслуживания читателей. В первой половине XVIII в. преобладающей формой пользования библиотечными книгами являлась выдача их в читальный зал, выдача книг на дом была резко ограничена. Объяснялось это не столько неразвитостью библиотечного дела, сколько относительно малым количеством книг и журналов и их дороговизной. Отсюда преобладание соображений охраны фондов над задачами их использования, а также, как выражались в XVIII в., необходимость установить принцип «неподвижности книг из библиотеки», то есть отказа от выдачи их на дом.

Выдача книг на дом либо вовсе запрещалась, либо допускалась в порядке исключения лишь привилегированным категориям читателей. Это относилось, к примеру, к академикам-читателям Библиотеки Академии наук, поскольку в их обязанность было включено изучение и оценка вновь выходящей литературы.

Чтение книг в духовных академиях допускалось лишь в читальном зале. Даже учителям духовных академий — наиболее привилегированной группе читателей — не разрешалось брать книги на дом.

Однако количество читателей росло, круг их расширялся, и ограничивать чтение книг только в читальных залах оказывалось недостаточным. Жизнь требовала осуществления широких реорганизационных мероприятий в отношении пользования библиотечными книгами, в первую очередь, введения доступного всем абонеента.

Развитие абонеента как более прогрессивной формы библиографического обслуживания читателей началось примерно со второй половины XVIII в. как в научных библиотеках ограниченного пользования, так и в публичных. Это коснулось даже таких замкнутых библиотек, как церковные.

Выдача книг на дом (под залог стоимости по печатному каталогу) была введена и в практику провинциальных публичных библиотек, например в 1793 г. в Калуге. Плата за чтение зависела от стоимости книги и срока, на который она выдавалась. За несвоевременный возврат и порчу брался штраф, а через 10 дней ее можно было не возвращать — она считалась проданной, и залог оставался в библиотеке.

Какую же литературу брали читатели, например, Библиотеки Академии наук? Ученые, как правило, читали книги, связанные с их занятиями в Академии. Посторонние читатели часто использовали Библиотеку для чтения занимательной литературы. Представителей знати интересовали книги о путешествиях, мемуары, историческая литература.

В Архиве Академии наук сохранился и список невозвращенных книг, взятых из Библиотеки за 1721–1733 гг. В списке значится 41 читатель, не вернувший книги; среди них много представителей знати: принц Мекленбургский, принцесса Анна Петровна (дочь Петра I), А.И. Остерман, Ф.А. Головин, Н.Б. Юсупов, барон Г. Гюйссен и другие. В списке значился и ряд сотрудников самой Академии наук, в том числе и все

ее президенты: Л.Л. Блюментрост, К. Кейзерлинг, И.А. Корф, К. фон Бреверн [5]. Эти списки характеризуют малую заботу о сохранности книг со стороны руководства Канцелярии Академии наук, в ведении которой находилась библиотека.

В конце XVIII в. в России появились первые платные библиотеки. Особенно характерным это явление было для Санкт-Петербурга. Отсутствие в конце XVIII в. в Санкт-Петербурге городской общественной библиотеки (Императорская публичная библиотека была открыта для чтения лишь в 1814 г.) способствовало появлению платных библиотек и «кабинетов для чтения», в которых были заинтересованы средние читательские слои — разночинная интеллигенция, духовенство, купцы, мещане — все те, для кого собирание собственных библиотек и покупка дорогих книг были непозволительной роскошью.

Условия получения книг в платных библиотеках при книжных магазинах были приблизительно одинаковы: читатель платил определенную сумму вперед, а кроме того, вносил небольшой залог «для уверения в возвращении книг», после чего из магазина или читальни он получал нужную литературу.

Отличительной чертой платных библиотек XVIII в., в том числе и открытых при книжных лавках, был их просветительный характер. Уже поэтому нельзя рассматривать библиотеки для чтения только как особый вид торговли. Это же можно сказать и о некоторых купцах, например о В.С. Сопикове, объективно служивших делу просвещения. Для Сопикова, отказавшегося от прибыльного дела ради науки, ушедшего из купеческого сословия, посвятившего много лет составлению «Опыта Российской библиографии», открытие библиотеки для чтения было вызвано не только коммерческими интересами, но и стремлением к распространению знаний в обществе. Характерно, что опытные коммерсанты-книготорговцы, владевшие большими капиталами, не проявляли интереса к кабинетам для чтения, возможно, как недостаточно доходному, а главное, опасному в те годы делу.

С начала 1790-х гг. в общественной жизни России усилились реакционные тенденции. В Москве и Петербурге уничтожались

на кострах книги, преследовались книгопродавцы, была введена цензура, запрещены «вольные» типографии, следовал указ за указом, ограничивающие ввоз книг из Франции. От бдительного взора властей не ушли и кабинеты для чтения. Едва начав успешно развиваться, они оказались в неблагоприятных условиях. Библиотеки для чтения начали закрываться, а некоторые из их владельцев разорились.

К XVIII в. относится и возникновение, пусть еще в порядке исключения, таких передовых форм библиотечно-библиографического обслуживания читателей, как МБА, заочный абонемент, кольцевая почта. Так, на Алтае в XVIII в. Барнаульская казенная библиотека посылала горным офицерам — административному и техническому персоналу горнометаллургической промышленности, по их заказам книги по месту жительства. Аналогичная практика посылки книг читателям — жителям других городов — имела место в деятельности Иркутской публичной библиотеки.

Необходимо подчеркнуть, что библиотеки XVIII в. отнюдь не ограничивали свою работу выдачей книг читателям — они создавали читателям условия для успешной работы над книгами, помогали им в усвоении читаемого вплоть до прямого руководства их чтением. Так, Феофану Прокоповичу принадлежит первая в России попытка определить задачи и методы работы библиотеки с читателями. О том, что руководство чтением должно входить в круг обязанностей библиотекарей, писал и Татищев [4, с. 53].

Организация при библиотеке читального зала требовала создания в нем благоприятных условий для работы читателей, а также внимательного и чуткого отношения к посетителям библиотек, заботы о них. Характерной для XVIII в. чертой явилось открытие при библиотеках и музеях буфетов и кофейных домов. Оно ведет начало от Петра I, который в целях привлечения посетителей в Кунсткамеру и Библиотеку Академии наук установил не только бесплатность пользования ими, но и бесплатное «из казны» угощение. Во второй половине XVIII в. «угощение» уже было

платным, и кофейные дома носили характер клуба-читальни, где можно было перекусить и с пользой провести время.

Проблема библиотечных кадров. В XVIII в. впервые начала складываться профессия специалиста-библиотекаря, для которого работа в библиотеке явилась основным занятием. Объем работы библиотек, в особенности в первую половину столетия, был еще не велик, содержание ее зачастую еще было таково, что с нею мог справиться просто достаточно грамотный человек.

Относительно быстрый рост книжных фондов в XVIII в. выдвигал необходимость научного подхода к их организации, без чего библиотеки грозили превратиться в бесполезные склады книг. Необходим был штат. Так, общее наблюдение за Библиотекой и Кунсткамерой было поручено Петром I своему лейб-медику и начальнику Аптекарской канцелярии Р. Арескину. Когда Арескин умер, император поручил наблюдение за Библиотекой и Кунсткамерой новому лейб-медику и будущему президенту Академии наук Л.Л. Блюментросту. Библиотекарем был И.Д. Шумахер. В 1721 г. Петр I послал его за границу, чтобы ознакомиться с организацией зарубежных библиотек с целью использования их опыта в России и принять меры к приобретению новых книг [6].

Вернувшись через год в Россию, Шумахер подал Петру I подробный отчет о своей поездке, в котором дает поверхностную характеристику иностранных библиотек, из чего можно заключить, что и знакомство его с библиотеками не было глубоким. Отмечая трудности в приобретении за границей хорошо подобранных книжных собраний, Шумахер предложил в целях пополнения Библиотеки Академии наук переслать ее каталоги иностранным книгопродавцам, с тем, чтобы они могли установить, каких книг не хватает (Шумахер так и поступил, оставив каталог библиотеки Академии наук голландскому книгопродавцу). Помимо того, он привез с собой все печатные и письменные каталоги библиотек, которые ему удалось достать.

Отчет Шумахера о библиотеках Европы, несмотря на его фрагментарность и поверхностность, был по существу первым обобщенным изложением состояния библиотечного дела

в Западной Европе, «предтечей будущего сравнительного библиотекведения», а ее автор, Иоганн-Даниил Шумахер, приглашенный в 1714 г. на русскую службу, — первым государственным профессиональным библиотекарем в России [10]. Шумахер был родом из Эльзаса, окончил университет в Страсбурге и защитил диссертацию на звание магистра философии. В качестве домашнего учителя он попал в Париж, затем его пригласил на русскую службу П. Лефорт (племянник любимца Петра I адмирала Франца Лефорта). В 1714 г. Шумахер прибыл в Россию и здесь Арескиным ему был поручен разбор книг в Летнем дворце Петра I.

Шумахер был ловким карьеристом, поставившим задачу во что бы то ни стало добиться успеха в России. Он сумел расположить к себе своего непосредственного начальника Арескина, а затем его преемника Блюментроста. Когда в начале 1724 г. был решен вопрос об учреждении Академии наук, Шумахер, по представлению Блюментроста, был назначен по совместительству секретарем Академии.

Первоначально, пока Шумахер был единственным сотрудником Библиотеки, все библиотечные работы ему приходилось выполнять самому, прибегая лишь к помощи наемных технических работников, например, для перевозки книг. Шумахер должен был сам принимать, разбирать и расставлять книги, составлять каталоги, выдавать книги читателям и т. д.

Постепенно, особенно с тех пор, как он стал секретарем Академии, Шумахер становится важной персоной. Ему уже не хватает времени на то, чтобы заниматься библиотечной работой. Появляется возможность переложить свои обязанности по библиотеке на других. Это привело к тому, что библиотечная работа стала выполняться различными, иногда случайными людьми, которые, не будучи в штате, не могли нести должной ответственности.

Ближайшим его помощником был зять Иоганн Тауберт, всю свою карьеру построивший на родственных отношениях и заискивании перед сильными миру. Как библиотечный работник он не зарекомендовал себя, ничего при библиотеке не делал, отчего

и происходили все непорядки: не выписывалась нужная литература, не принимались меры для охраны книг от хищений, книги выдавались читателям без записи в журнал и т. д. Таким образом, подобно Шумахеру, Тауберт был для Библиотеки Академии наук довольно бесполезным человеком.

Однако жизнь требовала прихода в библиотеки людей, готовых сделать эту работу делом всей своей жизни. В процессе трудовой деятельности, в общении с читателями и коллегами они осваивали основы профессии, становились библиотекарями-профессионалами. Именно в это время появились А.И. Лужков, А.И. Богданов, И.Г. Бакмейстер и другие. Профессия библиотекаря постепенно завоевала права гражданства.

Скромный труженик, большой энтузиаст своего дела, Богданов проделал очень большую работу, упорядочив русский фонд, на который предшественники-иностранцы обращали мало внимания. Богданов известен как составитель русского печатного Камерного каталога 1742 г., а также своей работой по пополнению фондов русских книг и рукописей. Можно с полным основанием утверждать, что Богданов был первым сотрудником библиотеки Академии наук, который с большой любовью выполнял свои обязанности и хорошо знал подведомственный ему книжный фонд.

В истории отечественного библиотековедения Богданов известен и как автор первой русской классификации, в которой отразились взгляды на науку и состав фондов публичной библиотеки. В ней отсутствует богословие, которое он вслед за Ломоносовым не относил к науке, исключив из нее все, что связано с мистикой и религией [4, с. 26].

Богданов был и первым историком библиотечного дела. В неопубликованной книговедческой работе он рассматривал происхождение слов «библиотека», приводил краткие исторические сведения о библиотеках мира и отечественных библиотеках. Все это позволяет называть Богданова первым теоретиком библиотечного дела в России, для которого библиотечная деятельность была профессией, полностью разделявшим и развивавшим взгляды Ломоносова на библиотечное дело [4, с. 27].

Еще в работах Федора Степановича Салтыкова, лично повидавшего лучшие библиотеки Англии, четко проводится мысль о том, что организацию учебных и публичных библиотек в России можно поручить только лицам, знакомым с правилами организации библиотек.

Следующий шаг в этом направлении был сделан Феофаном Прокоповичем. Именно им впервые в истории библиотековедения в России был поставлен вопрос о библиотекаре как о специальном лице, ответственном за библиотеку, и о его основных функциях. Прокопович еще не называл это лицо библиотекарем, он возлагал эту обязанность на учителей школы. В их функции входило установить порядок работы библиотеки, обеспечить правильное ее функционирование и, самое главное, осуществлять руководство чтением читателей — учащихся.

Это еще не был библиотекарь-профессионал, мы бы сегодня назвали его скорее всего библиотекарем-общественником, выполнявшим эти обязанности наряду со своей основной обязанностью учителя. Но уже в трудах В.Н. Татищева впервые было сформулировано представление о библиотекаре-профессионале, определены требования к нему как специалисту библиотечного дела, в полной мере владеющему знаниями и навыками.

Завершается разработка этой проблемы в самом конце XVIII — начале XIX в. в работах по библиотечному делу М.И. Антоновского — одного из организаторов Императорской публичной библиотеки, но в основных своих положениях они носят общий характер.

Первое требование — по национальности библиотекари «должны были быть избраны из россиян», поскольку данная библиотека как публичная должна «быть открыта для всеобщего употребления», и особенно россиян.

Второе требование, сформулированное Антоновским в отношении директора библиотеки и главного библиотекаря, — быть патриотом, «непременно быть ревностнейшим к пользе и славе истинной отечества своего».

Третье требование — знание «наук, для классов библиотеки нужных (медицина, математика и др.)».

Четвертое требование — отличное знание иностранных языков, древних и современных — европейских, азиатских. Для рядовых библиотекарей требовалось знание двух или трех языков.

Таков был на протяжении всего XVIII в. ход развития представлений о библиотекаре. Работа в библиотеке признавалась самостоятельной специальностью, требующей создания кадров библиотекарей-профессионалов, хорошо знающих книги и иностранные языки и способных обеспечить более или менее широкое продвижение книг в массы. Библиотекарь постепенно становился главным лицом в библиотеке, ему принадлежала ответственная роль в руководстве чтением.

XVIII в. был началом многих важнейших идей и открытий в области библиотечного дела. В нем мы находим ростки того, что расцвело позднее. Формирование взглядов на роль и место библиотек в жизни общества проходило в XVIII в. в условиях стремительного развития общественно-политической жизни. Передовые деятели того времени были просветителями, они искренне считали, что для блага народа достаточно одного просвещения и распространения наук. Организация библиотек связывалась прежде всего с общеобразовательными целями. Библиотека рассматривалась как важная и неотъемлемая часть учебного заведения, как важное для развития просвещения учреждение.

В этих проектах и суждениях были сформулированы те основные положения, которые составляли основу взглядов на библиотечное дело Петровской эпохи: светский и государственный характер библиотечного дела, публичность и общедоступность библиотек. Эти цели легли в основу представлений о роли библиотеки в развитии науки, экономики и просвещения и, без сомнения, имели прогрессивное значение, были крупным достижением библиотечной мысли петровского времени.

В течение всего XVIII в. и большей части XIX в. роль библиотек в разработке теории библиотечного дела исключительно велика. В их недрах фактически закладывались и разрабатывались все стороны библиотековедения, создавалась наука, вырастая из опыта, из практики работы с читателями и книжными фондами.

В библиотеках появились, в частности, такие достижения, как систематическая расстановка книг, первые печатные и рукописные каталоги, в том числе в карточечной форме, сводные каталоги, централизованная каталогизация, открытый доступ к полкам и многие другие.

Учреждение Библиотеки Академии наук в Петербурге как бы подвело итог развитию библиотечного дела в стране за весь предшествующий период. При организации было взято все лучшее из опыта русских библиотек, но по существу это была библиотека нового типа, и новизна ощущалась во всем: и в публичном ее характере, и в составе книжного фонда, и в построении каталогов, дававших полные сведения о каждом издании, имеющемся в библиотеке, и в необычном для прежних библиотек систематическом порядке расстановки книг, и в характере библиотечного персонала, состоявшего лишь из светских лиц и считавших библиотечное дело своей основной специальностью.

Вместо простого собрания большей частью случайно попавших сюда книг, которыми пользовался очень ограниченный круг лиц, возникла библиотека хорошо подобранной литературы по различным отраслям знания. Перед ней ставилась задача обеспечить работу русских ученых над самыми актуальными для страны научными проблемами, содействовать распространению в России просвещения. Никогда еще в России не существовало такого крупного, так хорошо организованного и так активно используемого книжного собрания. И на многие годы система работы Библиотеки Академии наук явилась образцом для всех других библиотек, одна за другой возникавших в России в петровское и послепетровское время.

Однако значение учреждения Библиотеки Академии наук выходило далеко за рамки развития библиотечного дела. Это была важная веха в истории развития русской культуры. Создание крупнейшего книгохранилища новейшей научной литературы по всем отраслям знания позволило молодой русской Академии наук успешно развернуть работу с первых дней своего существования. Публичный характер библиотеки дал возможность

пользоваться книгами, по существу, всем, кто этого хотел, не только сотрудникам Академии. Поставленная Петром I перед библиотекой-кунсткамерой задача распространения в стране знаний сделала новое учреждение одним из крупнейших культурно-просветительских центров в России, которое вместе с Академией наук содействовало развитию науки и культуры России. Можно без преувеличения сказать, что учреждение Библиотеки Академии наук, первой в стране научной библиотеки общественного пользования, как и создание самой Академии, было одной из реформ Петра I в области культуры, и эта реформа была неразрывно связана с другими реформами по преобразованию страны.

Несомненно, открытие в начале XVIII в. Библиотеки Академии наук, а вслед за нею ряда других библиотек разных типов и видов, послужило толчком к формированию профессии библиотекаря и появлению выдающихся библиотекарей-практиков и организаторов библиотечного дела.

В результате деятельности упомянутых ученых и специалистов к концу XVIII в. была выработана уже довольно стройная система взглядов на организацию библиотечного дела в России, с достаточной определенностью сформулировано представление об общественной библиотеке, доступной для относительно широкого круга читателей, разработан ряд других вопросов теоретического и организационного характера. Многие из них нашли практическое применение тогда же, а некоторые — значительно позднее.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Как повлияли реформы Петра I на развитие библиотек?
2. Какие проекты организации науки и образования предусматривали открытие библиотек?
3. Каково значение создания Библиотеки Академии наук?
4. Какие требования к библиотеке были разработаны М.В. Ломоносовым?
5. Какие новые виды библиотек появились во второй половине XVIII в.?
6. Какие новые взгляды на библиотеку и чтение появились в XVIII в.?

Литература

1. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР / К.И. Абрамов. М., 1980.
2. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России / К.И. Абрамов. М. : Либеря, 2000. С. 39–50.
3. Антология педагогической мысли России XVIII в. М., 1985.
4. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России в XI–XVIII веках / А.Н. Ванеев. СПб., 1992.
5. *Григорьев Ю.В.* История русского библиотековедения (1700–1860) / Ю.В. Григорьев // *Столяров Ю.Н.* Ю.В. Григорьев. М., 1989. С. 69–208.
6. История библиотеки Академии наук СССР: 1714–1964. М.; Л., 1964. 600 с.
7. *Луппов С.П.* Книга в России в первой четверти XVIII века / С.П. Луппов. Л., 1973. С. 165–361.
8. *Луппов С.П.* Книга в России в послепетровское время (1725–1740) / С.П. Луппов. Л., 1973. С. 165–361.
9. *Самарин А.Ю.* Читатель в России во второй половине XVIII века (по спискам подписчиков) / А.Ю. Самарин. М., 2000. 288 с.
10. *Столяров Ю.Н.* Первый российский государственный библиотекарь Иоганн-Даниил Шумахер: (к 300-летию со дня рождения) / Ю.Н. Столяров // Книга : исслед. и материалы. 1990. Вып. 61. С. 116–130.

§ 4

Библиотечное дело в XIX в.

Мартовский, 1801 г., государственный переворот, возведший на престол 23-летнего Александра I, вновь открывает период относительно благоприятного развития книжно-библиотечного дела, культурной жизни в целом. Если в XIX в. Россия вступила, имея лишь один университет — Московский, то к концу царствования Александра I их было уже 7 (включая Варшавский). Близкими к университетам по программе были лицеи — Александровский в Царском Селе, Нежинский князя И.А. Безбородко, Ришельевский в Одессе, Демидовский в Ярославле. В стране начали готовить педагогов в Главном педагогическом институте в Петербурге и в педагогических институтах при университетах. Были открыты Петербургский лесной институт и институт инженеров путей сообщения. Открылись инженерная и артиллерийская военные академии, Лазаревский институт восточных языков.

Несмотря на свою кратковременность, «либеральный» климат в России начала XIX в. самым благотворным образом сказался на культурном расцвете страны, почву для которого подготовила и новая система образования.

Культура России первой четверти XIX в. сделала заметный шаг вперед. Замечательные творения архитекторов А.Н. Воронихина, А.Д. Захарова, К.И. Росси превратили Северную столицу в один из прекраснейших городов Европы. Художники А.Г. Венецианов и В.А. Тропинин развивали традиции русской реалистической живописи. Литература начала XIX в. отмечена именами А.С. Пушкина, В.А. Жуковского, П.А. Вяземского, К.Н. Батюшкова, А.С. Грибоедова, О.И. Сенковского. В салонах

З.А. Волконской, А.О. Смирновой-Россет обсуждались не только придворные сплетни, но и новинки литературы и искусства. Значительный вклад в развитие науки внесли Общество любителей российской словесности и Общество истории и древностей российских. Труд Н.М. Карамзина «История государства Российского» стал национальным бестселлером начала XIX в., им зачитывалась образованная публика. Среди журналов особой популярностью пользовался «Вестник Европы», основанный в 1802 г. Карамзиным и просуществовавший до 1818 г. Ярким, но очень коротким оказался век «Полярной звезды», издававшейся А.А. Бестужевым и К.Ф. Рылевым. Однако вскоре ее традиции продолжил за рубежом А.И. Герцен.

Новый цензурный устав (1804), хотя и оставлял предварительную цензуру, тем не менее значительно расширял свободу деятельности издателей и литераторов. Скажем больше: такого либерального устава Россия больше не знала.

Возобновляют деятельность частные типографии, закрытые по указу 1796 г., организуются библиотеки гимназий, уездных училищ, специальные библиотеки научных обществ.

Значительную роль в развитии библиотечного дела сыграло и созданное в 1812 г. «Библейское общество», ставившее задачей широкое распространение в народе Библии и книг, пропагандирующих христианское вероучение. Отделения и библиотеки общества были открыты во всех губерниях России, через них продавались и распространялись бесплатно десятки тысяч экземпляров указанных книг, издаваемых обществом на русском, татарском, калмыцком, армянском, молдавском и других языках. Важнейшей заслугой общества перед отечественной культурой явилось первое издание Библии на современном русском языке. До этого Библия издавалась лишь на церковнославянском, давно уже непонятном народу языке, что препятствовало действительному проникновению в народное сознание общепризнанных ценностей мировой культуры. В 1826 г., уже при Николае I, по настоянию наиболее реакционных кругов высшего духовенства «Библейское общество» правительством было закрыто.

Возникновение новых потребностей, связанных с изменениями в экономической и социальной жизни страны, отзывалось и на состоянии книжного и библиотечного дела: расширялся круг читателей, росли требования на книги по вопросам техники, экономики и сельского хозяйства. В результате усилилась издательская деятельность, появились новые журналы, газеты и альманахи, открывались новые библиотеки, развивалась книжная торговля.

С начала XIX в. Библиотека Академии наук окончательно отделяется от музея (кунсткамеры), она пополняется изданиями на русском языке (особенно по филологии), иностранными изданиями по физико-математическим и другим наукам. Значительную ценность представляют рукописи, а также издания самой Академии наук, накопленные со дня ее основания. С 30-х гг. практика поручительства со стороны академиков способствует все большему расширению круга читателей библиотеки. Создаваемые в ней библиографические труды отвечают потребностям русской науки. Определяются основные принципы ее взаимоотношений с формирующейся в это время сетью других специальных библиотек Академии наук.

Иначе складывается судьба библиотеки Московского университета. В 1812 г. пожар уничтожил все ее научные сокровища (более 20 тысяч томов), спрятанные в полуподвале. На опубликованное 12 июля 1813 г. воззвание о пожертвовании книг «для скорейшего восстановления» библиотеки откликнулись многие учебные заведения страны, ученые и частные лица. Окончательное восстановление библиотеки, реорганизация ее работы связаны с именем профессора Ф.Ф. Рейсса. В период 1822–1832 гг. восстанавливается утраченный во время пожара фонд, составляются алфавитный и систематический каталоги на карточках, разрабатываются рациональные принципы комплектования, расстановки, инвентаризации фонда.

Рейсс считал, что библиотека университета не могла быть в те годы узкоакадемической, замкнутой, и поэтому с самого начала рассматривал ее одновременно как учебно-научную и публичную. Открытие дверей этой библиотеки, хотя и с некоторыми

ограничениями, для широкой публики изменяло состав ее посетителей и, следовательно, влияло на профиль ее комплектования.

1 декабря 1826 г. библиотека вновь открывается для посетителей по билетам, получаемым у ректора университета. С 1835 г., с введением форменного годового отчета, начинается учет выдачи книг. В середине XIX в. в библиотеке насчитывается 54,7 тысяч книг, 927 периодических изданий, 75 рукописей, 181 карта [10].

Постоянно расширяются помещения библиотеки, она систематически получает зарубежные научные издания, пополняется книжным собранием семьи Муравьевых (пожертвованным вдовой попечителя Московского университета М.Н. Муравьева — матерью декабриста Никиты Муравьева), «Славянской библиотекой» профессора О.М. Бодянского, коллекцией рукописей и изданиями по истории университета в XVIII в., собранными Н.Н. Страховым и И.М. Снегиревым, другими ценностями.

Растет книговыдача, увеличивается поток новых книжных поступлений. Завершается процесс создания факультетских библиотек: юридического (1878), историко-филологического (1884), физико-математического (математического отделения в 1881 г. и естественного в 1890 г.), медицинского (1893) факультетов. Ей завещают свои коллекции профессор-ориенталист П.Я. Петров, библиофил С.Д. Полторацкий (коллекция периодической печати), историк С.М. Соловьев, коммерсант К.Ф. фон Мекк, граф Ф.Л. Соллогуб и другие.

XIX в. не случайно называется веком расцвета библиотек России. Еще Екатерина II задумала удивить Европу дворцом-музеем, который напоминал бы роскошный сад с пышными цветниками и фонтанами, с многочисленными научными кабинетами, с обсерваторией и библиотекой, где одетые в красный сафьян книги блистали бы позолотой своих корешков.

Во время третьего раздела Польши русские войска вывезли из Варшавы знаменитое книжное собрание польских библиофилов братьев Залусских. Осенью 1795 г. ящики с книгами из собрания Залусских свалили в запущенный садовый павильон Аничкова дворца, расположенный рядом с оранжереями, лавками и сараями,

занимавшими огромное пространство между Фонтанкой и Садовой улицей. Садовый павильон Аничкова дворца стал первым пристанищем будущей Императорской публичной библиотеки.

В 1795 г. проект постройки в столице новой библиотеки, составленный архитектором Е.Т. Соколовым, был «высочайше одобрен», и на углу Невского проспекта и Садовой улицы началось сооружение нового здания. Через 6 лет архитектор Л. Руска достроил здание, но прошло еще 13 лет, прежде чем у главного подъезда нового здания зажглись масляные лампы и появилась вывеска, известившая о рождении в Петербурге Императорской публичной библиотеки.

На первых порах библиотеке не везло. Император Павел I, вступивший на престол после смерти Екатерины II, больше думал о том, как уберечь себя от внешних и внутренних врагов, чем о книгах. Во главе библиотеки он поставил французского эмигранта графа Шуазель Гуфье. Ничего не смысливший в библиотечном деле, но зато видевший в каждой книге крамолу, Гуфье предложил раздать книги для хранения разным казенным местам, а здание библиотеки отдать под жилье чиновникам.

Библиотеку спасло только то, что в самом начале 1800 г. после ушедшего в отставку Шуазеля Гуфье она была передана под управление главного директора императорских библиотек А.С. Строганова, одного из авторов «Плана Публичной Российской библиотеки в Санкт-Петербурге» (1766).

За Строгановым давно закрепилась репутация человека образованного, большого знатока и покровителя искусств. Твердая позиция, занятая им, положила конец всяким посягательствам.

В 1808 г. помощником Строганова по управлению Императорской публичной библиотекой был назначен Алексей Николаевич Оленин, с именем которого связаны серьезные улучшения в работах по созданию и открытию библиотеки для читателей. А.Н. Оленин принадлежал к весьма образованным людям своего времени, увлекался живописью, архитектурой, искусством, историческими и археологическими изысканиями. Будучи уже директором библиотеки, Оленин занимал ряд других важных

должностей, в том числе в 1817 г. был избран президентом Академии художеств.

В доме Олениных можно было встретить многих видных представителей русской культуры первых десятилетий XIX в. Здесь частыми посетителями были И.А. Крылов, Н.И. Гнедич, М.П. Бестужев-Рюмин и другие.

С этого времени начинается светлая пора в жизни библиотеки. Друг Г.И. Державина и В.А. Жуковского, А.С. Пушкина и К.П. Брюллова, высокообразованный человек, писатель, А.Н. Оленин 35 лет своей жизни посвятил Императорской публичной библиотеке. Он с энтузиазмом принялся за порученное ему дело.

Оленин прежде всего счел необходимым четко определить правовое и финансовое положение библиотеки. В 1810 г. он составил проект первого законодательного регламента Публичной библиотеки. Деятельное и благожелательное участие в реализации проекта принял видный государственный деятель М.М. Сперанский, который на основе доклада составил «Положение об управлении Императорской публичной библиотекой», утвержденное Александром I. Первый уставный документ 1810 г. в законодательной форме закрепил основные черты организации и деятельности Публичной библиотеки [12, с. 11–15].

Сразу же после вступления в должность директора Оленин разработал проект более подробного регламента о Публичной библиотеке. Проект был утвержден в 1812 г. под названием «Начертание подробных правил для управления Императорской публичной библиотекой». Новый документ состоял из 35 статей, подробно перечислявших служебные обязанности сотрудников Библиотеки и правила обслуживания читателей.

Одновременно с утверждением «Положения» был утвержден бюджет библиотеки. Деньги расходовались на текущие хозяйственные нужды и на содержание сотрудников — 7 библиотекарей и такого же числа их помощников, одного хранителя рукописей и его помощника, а также вспомогательных служащих.

Оленин привлек к работе в библиотеке плеяду выдающихся представителей русской науки и культуры: И.А. Крылова,

одного из зачинателей русской библиографии В.С. Сопикова, филолога, академика А.Х. Востокова, библиотековеда и архитектора В.И. Соболевского, историка и писателя М.Н. Загоскина, поэтов А.А. Дельвига и К.Н. Батюшкова многих других подлинных патриотов книги. Благодаря ему увидел свет труд Василия Степановича Сопикова.

Сопиков решил создать библиографию русской печатной книги за 300-летний период ее существования. Когда он почти закончил свою работу, то решил познакомить с ней Оленина. Эта встреча оказалась для Сопикова решающей. По предложению Оленина он ликвидирует свою книжную торговлю и на 46 году жизни поступает помощником библиотекаря в отдел русской словесности Публичной библиотеки. Так начался новый период в жизни Сопикова, который принес ему славу отца русской библиографии.

Его выдающийся труд «Опыт российской библиографии» описывает 13 249 книг и журналов, изданных на церковнославянском и русском языках в России и за границей со времени возникновения книгопечатания и до 1813 г., а также частично и за 1813–1818 гг.

Учитывая недостаточность штата, Оленин добился права привлечения к работам в библиотеке на добровольных началах и бесплатно нужных лиц — так называемых «почетных библиотекарей».

Отличительной особенностью бюджета было отсутствие специальных ассигнований на комплектование фонда, на покупку книг было разрешено расходовать лишь остаток сумм годового бюджета.

Русские книги поступали в библиотеку с 1811 г. по закону об обязательном экземпляре. Оленин приказывал не смешивать их с иными книгами, а держать отдельно, образуя из них особое отделение. Организация самостоятельного русского фонда была для того времени делом большого идейного и практического значения. Она сделала более осязаемым национальный характер организуемой библиотеки.

Библиотеку предполагалось открыть в 1812 г., но этому помешали события Отечественной войны. Опасения, что Наполеон может направить свои войска в Петербург, заставили приступить к вывозу наиболее ценных книг и рукописей. Весь 1813 г. ушел на расстановку возвращенного материала.

2 (14) января 1814 г. состоялось открытие Публичной библиотеки. Перед собравшимися выступили ее сотрудники. Поэт, автор первого перевода на русский язык «Илиады» Н.И. Гнедич, проработавший в библиотеке с 1811 по 1831 г., обратился к присутствующим с яркой речью. В конце вечера И.А. Крылов прочитал свою басню «Водолазы». На официальном открытии Императорской публичной библиотеки петербуржцы впервые увидели новых чиновников в необычных мундирах, на лацканах которых были изображены листы папируса, а на позолоченных пуговицах красовались буквы «ИПБ».

На пригласительных билетах, раздававшихся только блестящей знати Петербурга, было написано: «Сия библиотека строилась для украшения Отечества, юношам — привлечение, старцам — пособие, праздным — зрелище, занятым — забава, учащимся — упражнение» [12, с. 21–24]. Кто-то из присутствовавших на церемонии открытия библиотеки восторженно заметил, что в России появилась еще одна жемчужина. Но прошло немало лет, прежде чем эта жемчужина засияла своим подлинным светом.

Об открытии библиотеки население Петербурга, а также других городов России было извещено почти через все издаваемые в Петербурге периодические издания. В крупнейшие научные и учебные заведения России были разосланы правила для посетителей Публичной библиотеки. Они помещались также в «Месяцесловах». Предполагалось, что пользоваться библиотекой будут не просто грамотные люди, но лица, имеющие достаточно высокое образование, «любители учености и просвещения».

Поскольку бюджет библиотеки не предусматривал специальных сумм на комплектование, в поисках выхода библиотека добилась права на использование для покупки книг дохода от сдачи в аренду помещений библиотеки.

Трудности политического и финансового характера не могли не наложить отпечатка на деятельность библиотеки, сужая сферу ее влияния на современную русскую науку и культуру.

Кто же посещал Публичную библиотеку, каковы были общественное положение, профессиональный и культурный уровень ее читателей в первые десятилетия?

Более половины всех читателей библиотеки составляли чиновники гражданских и военных ведомств. Ученых было не более 4% всех читателей. На втором месте стояла группа учащихся, но в абсолютных цифрах она была незначительна (100–120 человек). Это объяснялось малым количеством студентов в высших учебных заведениях Петербурга (в 1823 г. в университете, например, было всего лишь 48 студентов) и существовавшими ограничениями в выдаче литературы [12, с. 45–53].

Сокровищами Публичной библиотеки, судя по архивным материалам, с первых же лет ее открытия пользовались видные представители русского общества, крупнейшие русские писатели и ученые.

Тематика запросов читателей находилась в тесной связи с общественными интересами того времени. Понятным, например, был малый спрос вплоть до середины XIX в. на литературу по точным и прикладным наукам. Он был обусловлен не только бедностью фондов Публичной библиотеки новейшими изданиями по этим наукам, но и относительно слабой потребностью в них. Большим спросом в первые десятилетия после открытия библиотеки пользовались книги по географии, особенно описания экспедиций и путешествий. Многообразен был интерес к истории. Реже требовались сочинения по медицине и прикладным наукам.

Часто спрашивалась классическая художественная литература. В русской поэзии и публицистике первой четверти XIX в. царил настоящий культ античности. Сама библиотека была одним из центров, вокруг которого группировались любители античности. В залах библиотеки, а также в домашнем салоне Оленина, бывшего душой этого объединения, оживленно обсуждались проблемы нравственного значения изучения античности, проблемы

античной археологии и искусства. Именно в ее стенах был создан перевод «Илиады», названный Пушкиным «высоким подвигом» Гнедича.

Несмотря на значительный интерес к книге, к знанию, в середине XIX в. в читальном зале Публичной библиотеки даже по тем временам занималось небольшое число читателей: 800–900 ежегодно, им выдавалось от 2 до 7 тысяч книг. Случалось, что месяцами в связи с ремонтом и постройкой нового здания библиотека была закрыта. Достаточно сказать, что в 1820–1835 гг. ее двери были открыты для читателей в общей сложности менее 9 лет [12].

Отрицательно сказывались на количестве читателей и посещаемости также часы работы библиотеки. Она была открыта только 3 дня в неделю с 10 ч. утра до 9 ч. вечера летом, а зимою до захода солнца. Лишь с 1848 г. читальный зал стал работать ежедневно, причем в воскресные и праздничные дни с 12 ч. до 3 ч. дня. Время работы читального зала зимою было неудобным, в особенности для чиновников и учащихся.

С первых лет в библиотеке вводились ограничения, сужавшие возможности использования ее фондов. Так, Оленин приказал не допускать в библиотеку лиц, приходящих не для получения «полезных познаний», а только для чтения газет. Он писал: «Конечно, и у нас в Библиотеку обратился был весь Гостиный двор, узнав, что в ней безвозмездно читают Санкт-Петербургские ведомости... но это скоро прекратилось запрещением выдавать новые ведомости, которые можно везде и дешево доставать» [12].

В середине 40-х гг. текущие отечественные газеты и журналы было разрешено выдавать в читальном зале лишь по истечении года со дня их поступления. Ограничив выдачу беллетристики и запретив выдачу газет и журналов, руководство сузило круг возможных читателей библиотеки. Таким образом, несмотря на декларированную в первом уставе общедоступность библиотеки, в отношении ее посетителей уже с первых лет начали вводиться различные прямые и косвенные ограничения.

Основным местом обслуживания читателей с самого начала был читальный зал. В нем было 48 мест. Читатели вносили требования в специальную тетрадь, общую для выписки русских и иностранных книг, и получали книги на следующий день. Кроме того, читатели имели право присылать записки дежурным библиотекарям с просьбой приготовить нужные книги на любой день недели.

В 1815 г. были введены специальные правила пользования книгами в читальном зале. Затребованная литература сохранялась за читателем в течение двух недель со дня выписки. Если читатель хотел сохранить за собой книгу на более длительное время, он должен был вложить в нее листок бумаги и указать на нем дату последнего пользования книгой, после чего она оставалась за ним еще 2 недели. Эти правила были составлены Крыловым. С небольшими изменениями они сохраняют силу и в наше время.

До 1842 г. в читальном зале поочередно дежурили все библиотекари. «Одна из главных обязанностей библиотекаря, — было записано в Правилах 1812 г., — состоит в учтивом и ласковом принятии посетителей и в оказании им без разбора лиц всех возможных услуг в отыскании сочинений, нужных для их занятий». Таким образом, справочно-библиографическая помощь получила официальное признание в важнейших уставных документах библиотеки.

В 50-е гг. библиотека получает все большую известность не только в Петербурге, но и за его пределами, чему в немалой степени содействовала практика издания ежегодных отчетов библиотеки.

В это время большой размах приобрели добровольные пожертвования в пользу библиотеки — не только денежные, но главным образом книжные. В 50-е гг. библиотеке было принесено в дар около 90 тысяч книг и периодических изданий, то есть примерно в 30 раз больше, чем за всю первую половину XIX в. Подаренные издания составили не менее $\frac{1}{3}$ общего прироста фондов, оттеснив на задний план в количественном отношении покупку и обязательный экземпляр.

В числе дарителей были ученые с мировым именем — хирург Н.И. Пирогов, астроном В.Я. Струве, автор «Толкового словаря» В.И. Даль, историк Н.И. Костомаров и другие. Ученые присылали в дар Публичной библиотеке как отдельные издания собственных сочинений, так и специально подобранные коллекции книг по различным отраслям знания.

Вместе с тем в списках дарителей встречается немало имен совершенно неизвестных. Это были мелкие чиновники, купцы, представители разночинной интеллигенции. Добровольные ее помощники объявились и во многих других городах России: Самаре, Саратове, Иркутске, Новгороде, Владимире, Ярославле, Киеве, Харькове, Чернигове, Гродно, Одессе, Дерпте, Риге, Тифлисе. В 1855 г. Сенат разрешил бесплатно пересылать по почте письма, пакеты и посылки, адресованные Публичной библиотеке. Это облегчало положение дарителей, особенно тех из них, кто обладал невысоким чином и званием.

Розыску недостающих книг было посвящено несколько заграничных командировок сотрудников библиотеки. Кроме того, в самой России не оставалось ни одного значительного книжного собрания, где Публичная библиотека не навела бы справки или не приобрела за деньги или путем получения в обмен, в дар нужных ей книг. Библиотека с этой целью печатала также особые перечни недостающих изданий и широко рассылала их в порядке заказа крупнейшим книготорговцам Европы и Америки.

Количественные показатели обслуживания читателей в 50-е гг. по сравнению с предыдущим десятилетием были поистине рекордными. Если в 1841–1850 гг. в среднем ежегодно записывалось 900 читателей, то в 1856–1890 гг. — 3400 и им выдавалось 82,5 тысяч книг [12].

Среди читателей возростал удельный вес лиц, посещавших библиотеку не эпизодически, как прежде, а регулярно. Однако ограниченное количество мест в читальном зале (всего 56) уже к середине 50-х гг. явно не соответствовало числу читателей и создавало трудные условия для их занятий. Многие читатели, за неимением мест, были вынуждены читать стоя.

С целью лучшего удовлетворения требований читателей на справочную литературу в 1853 г. в зале был поставлен «справочный стол». Здесь для свободного пользования были размещены библиографические пособия, словари, календари, различные памятные книжки, «дорожники» и прочие издания.

Для ускорения и упрощения порядка выдачи книг с 1851 г. заместителем директора В.Ф. Одоевским вместо тетради для записи читательских требований были введены «требовательные карточки».

Однако большинство дежурных, обслуживающих посетителей в читальном зале, было слабо подготовлено для оказания справочно-библиографической помощи. Иногда дежурными работали лица, не получившие даже среднего образования. Низкая оплата труда обуславливала большую текучесть, что, разумеется, не способствовало приобретению нужных знаний и опыта. Положение осложнялось и тем, что служащим читального зала приходилось отвечать на запросы по всем отраслям знания. Отраслевой специализации здесь не было.

Если читатели хотели получить книгу, которой библиотека не располагала, то сотрудники отделений не ограничивались ответом «в библиотеке не имеется». Они проверяли по библиографическим указателям, существует ли требуемое издание вообще, не составляет ли оно часть книги или статью в периодическом издании. Такие разыскания проводились по распоряжению Одоевского. На «требовательных карточках» библиотекари должны были указывать причину отказа: цифра 2 означала, что книга уже куплена, но не обработана, цифра 3 — что книгу необходимо приобрести, цифра 4 — не стоит покупки или же вообще не существует [10].

Наряду с этой работой в библиотеке проводились экскурсии для всех желающих получить общее представление о ее книжных и рукописных сокровищах. «Обозрения» проводились не только по будним дням, но и по воскресеньям, что было удобно для лиц, занятых на службе. К ведению экскурсий по библиотеке, о которых неоднократно извещалось в печати, привлекались, как правило, квалифицированные сотрудники.

В целях раскрытия ценнейших фондов библиотеки и придания осмотрам большей занимательности с 1853 г. в библиотеке стали организовываться различные выставки.

В 1882 г. директором Публичной библиотеки был назначен старейший сотрудник и крупный ученый Афанасий Федорович Бычков, занимавший этот пост вплоть до своей смерти в 1899 г. При нем библиотечный персонал был увеличен до 30 человек.

В составе читателей Публичной библиотеки значительно увеличивается демократическая, разночинная прослойка, растет число выходцев из мещан, купцов и крестьян. В конце 60-х гг. в Петербурге числилось 4,5 тысячи студентов, из них свыше $\frac{1}{2}$ были читателями Публичной библиотеки, которая привлекала универсальными по составу фондами, бесплатностью пользования ими, удобными часами работы. Более 26% читателей Публичной библиотеки являлись студентами вузов.

В связи с развитием женского образования росло и число читателей-женщин. В основном это были учащиеся различных женских учебных заведений, в частности, высших женских курсов. Кроме них, были учительницы, врачи, фельдшерицы, фармацевты, сестры милосердия, артистки, художницы. К концу XIX в. читателей-женщин было 18%.

Среди читателей библиотеки были В.Г. Белинский, Н.А. Добролюбов, Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, В.Г. Короленко, Л.Н. Толстой, крупнейшие русские мастера А.А. Иванов, И.Н. Крамской, В.П. Верещагин, И.Я. Репин, В.М. Васнецов, М.М. Антокольский, деятели «могучей кучки» М.А. Балакирев, М.П. Мусоргский, Н.А. Римский-Корсаков, составители капитальных трудов по русской библиографии В.И. Межов, Н.М. Лисовский, С.А. Венгеров и П.П. Ламбин.

Изменения в составе читателей обусловили большее, по сравнению с предшествующим временем, разнообразие читательских запросов. Увеличивается запрос на социально-экономическую литературу. Так, книга В.В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» в 1871 г. была выдана 122 раза, сочинения Ф. Лассаля 150 раз, книга А.К. Шеллера-Михайлова «Пролетариат во Франции» — 88 раз.

В связи с общим интересом к вопросам народного образования увеличивался спрос на педагогическую литературу. Достаточно сказать, что к концу XIX в. ее выдача по сравнению с 70-ми гг. увеличилась в 8 раз. Устойчивым был интерес к трудам по отечественной и зарубежной истории. Например, в 1871 г. «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля была выдана 339 раз, «Всемирная история» Ф.К. Шлоссера — 267 раз, «История отделения Нидерландов» Ф. Шиллера — 182 раза [12].

Постоянно читались газеты и особенно журналы. На первом месте по спросу читателей стоял боевой орган русской революционной демократии журнал «Современник». На втором месте — литературно-политический журнал «Русское слово», в котором сотрудничал Писарев. Очень большим вниманием читателей пользовались в период своего расцвета — с конца 60-х гг. — «Отечественные записки», «Вестник Европы», вокруг которого группировались известные русские ученые и писатели — И.И. Мечников, И.Н. Сеченов, К.А. Тимирязев, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.Н. Островский и другие.

При комплектовании иностранного фонда в расчет принимался удельный вес и значимость конкретных отраслей знания. Так, на приобретение книг по естественным наукам было отпущено 9% ассигнований, медицине — 8%, правоведению — 7%, политическим наукам — 6%, искусству — 6%, богословию — 6%. В общей сложности на покупку книг по гуманитарным дисциплинам отводилось около 73% всей суммы, выделявшейся на комплектование. Большая часть этой доли должна была тратиться на покупку книг по истории (19%), что не только носило традиционный характер, но и соответствовало неизменному интересу русского общества к историческим проблемам.

Библиотека также активно использовала возможности получения иностранных книг путем дара и международного книгообмена. Свыше 30 крупнейших университетов мира — Берлинский, Геттингенский, Гейдельбергский и другие — в обмен на отчеты библиотеки начали регулярно высылать свои издания. По-прежнему поддерживался регулярный обмен изданиями с

Академиями наук Пруссии, Баварии, Бельгии, Италии, Норвегии, Австрии, Швеции, Франции, с академическими центрами США в Бостоне и Нью-Йорке. С Публичной библиотекой вели обмен крупнейшие библиотеки мира — Британский музей, Библиотека Конгресса в Вашингтоне, Парижская национальная библиотека, Пражский национальный музей, университетские и публичные библиотеки многих стран.

С развитием комплектования русских и иностранных фондов Публичной библиотеки самым тесным образом связано постепенное накопление в библиотеке ценнейших материалов по истории революционного движения в России. Уже с первых лет деятельности Публичной библиотеки в составе ее фондов было образовано секретное отделение для хранения запрещенных книг и рукописей — «Вольная русская печать».

Когда усилиями А.И. Герцена и Н.П. Огарева была создана вольная русская печать, секретное отделение стало предназначаться исключительно для хранения изданий на русском языке, изъятых из обращения, в основном на таможне.

Открытие в 1862 г. нового читального зала, рассчитанного на 250 мест, ошутимо сказалось на увеличении количества читателей. К концу века количество читателей по сравнению с началом 50-х гг. увеличилось почти в 7 раз и достигло 15,8 тысяч, посещений — почти в 9 раз (137 200), книговыдача — 430,8 тысяч.

В связи с тем, что соседние с библиотекой кварталы часто охватывали пожары, журналисты стали требовать перевода библиотеки в Инженерный замок. Доказывая несостоятельность этого проекта, В.В. Стасов восклицал: «Велика им нужда знать, что дом библиотеки нарочно для нее строен, что бывший замок со своими узкими тесными горницами ... не имеет ничего общего с теми залами, которые нужны для Публичной библиотеки! Что им за нужда до того, что из замка, так же кстати делать библиотеку, как из стола кресло, а из башмака печатку!» [15].

В конце 1862 г. при новом зале был открыт, недолго впрочем просуществовавший, специальный кабинет для художников,

а вслед за ним оказавшаяся более долговечной «журнальная комната» для чтения текущих периодических изданий.

С 1871 г. посещать журнальную комнату было разрешено всем читателям, и она заняла видное место в системе обслуживания. Достаточно сказать, что выдача периодических изданий составляла в 1873–1877 гг. 28,4% общей выдачи литературы в библиотеке.

Выдача литературы за пределы Публичной библиотеки по «Правилам 1870 года» разрешалась лишь научным обществам и правительственным учреждениям, а также частным лицам, известным директору, и под личную его ответственность. Такое положение сохранялось вплоть до революции.

Популяризации библиотеки содействовали проводимые с каждым годом все в больших количествах экскурсии. Если в 60-х гг. библиотеку осматривало примерно 10 тысяч человек, в последующие десятилетия число посетителей колебалось от 33 до 40 тысяч. До 1870 г. порядок осмотра библиотеки зависел от библиотекарей, которые сопровождали посетителей. В 1870 г. была выработана инструкция для библиотекарей, руководивших экскурсиями. Библиотека стала предоставлять книги, рукописи и гравюры для некоторых выставок, устраивавшихся за ее пределами русскими научными обществами и другими учреждениями.

Мировой известностью пользуется рукописное собрание Публичной библиотеки. Оно хранит автографы многих русских и зарубежных писателей, композиторов, выдающихся государственных деятелей. В ней есть рукопись «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, «Записок охотника» И.С. Тургенева, рукописи музыкальных произведений П.И. Чайковского и Н.А. Римского-Корсакова, бумаги из архива Бастилии, автографы Дж. Гарибальди и О. Кромвеля, молитвенник королевы Марии Стюарт, великолепные списки поэмы Х. Фирдоуси «Шахнаме».

Огромное богатство библиотеки составляет фонд иностранной книги. Особое место в нем принадлежит уникальной коллекции под названием «Россика» — сочинения иностранных

авторов о России и переводы русских писателей на иностранные языки. Отделение «Россика» было организовано в Императорской публичной библиотеке в середине XIX в. До этого еще в 1815 г. директор библиотеки Оленин сообщал министру полиции о намерении заниматься собранием «редких в здешней столице иностранных сочинений, касающихся России, и особенно тех из них, которые относятся к знаменитой войне 1812–1814 годов». Именно Отечественная война 1812 г. вызвала всплеск интереса к России в Европе, а следовательно, и появление большого числа публикаций о ней. В свою очередь и в самой России неизбежно возникает интерес к изданиям о России, и этот интерес, однажды возникнув в русском обществе, уже не угасал на протяжении всего XIX в. В 1838 г. выходит «Всеобщая библиотека России, или каталог книг для изучения нашего отечества во всех отношениях и подробностях» А.Д. Черткова, где он ставил целью перечислить все, что когда-либо и на каком бы то ни было языке написано о России. Значительный объем сведений собран и в труде Ф.Г. Аделунга «Критический литературный обзор путешественников в Россию до 1700 года» (1846). Справочник содержит обстоятельные заметки об авторах, писавших о России. Он сохраняет свое значение вплоть до нашего времени.

В числе тех, кто занимался сбором сведений об иностранных сочинениях, относящихся к России, был и барон Модест Андреевич Корф, в 1849 г. ставший директором Императорской публичной библиотеки. Корф еще в молодости начал составлять опись подобных сочинений, а в 1836 г. писал А.С. Пушкину: «Мне хотелось бы ближе изучить русскую историю, и это постепенно навело меня на мысль составить полный библиографический каталог всех книг и прочее, когда-либо изданных о России, не в одном уже историческом, но и во всех вообще отношениях и на всех языках». Одной из главных задач Императорской публичной библиотеки как национального книгохранилища Корф считал планомерный сбор всего напечатанного о России на всех языках. А в качестве первоочередной выдвигал идею организации отделения, в котором должны были собираться иноязычные

сочинения о России. Официальный приказ об организации такого отделения был издан 1 августа 1850 г.

Новое отделение заняло исключительное место в структуре библиотеки, его пополнение рассматривалось как одно из основных направлений деятельности и во многом определило политику комплектования Императорской публичной библиотеки во второй половине XIX в.

Организация фондов «Россики» (так это отделение стали называть позже) и их обработка были поручены В.И. Соболевскому, под его руководством тщательно просматривались фонды самой Императорской публичной библиотеки и передавались в новое отделение все выявленные издания на иностранных языках о России.

В начальный период формирования коллекции было решено собирать книги о России на всех европейских языках, кроме русского, украинского, белорусского и языков народов Поволжья и Кавказа. В дальнейшем из собрания были выделены издания на всех славянских языках и на языках народов Прибалтики, тем не менее в «Россике» остались издания более чем на 20 западноевропейских языках.

В создании нового отделения участвовали все сотрудники Императорской публичной библиотеки, его пополняли почетные члены библиотеки, почетные корреспонденты, крупные отечественные и зарубежные книготорговцы, целый ряд известных ученых, литераторов, библиографов России и других стран. Использовались все доступные каналы получения книг — покупка, обмен, дар. С этой целью, по словам Соболевского, «была пробита тревога по всей Европе и даже Америке». В конечном итоге библиотека почти всегда получала запрашиваемые издания. Новому начинанию Императорской публичной библиотеки официальную поддержку и финансовую помощь оказывало правительство, без чего создание коллекции «Россика» вряд ли протекало бы так быстро и успешно.

К концу 1853 г. она насчитывала около 10 тысяч изданий, а к концу 1864 г. почти 26,5 тысяч. Через 25 лет после основания

«Россики» В.В. Стасов с гордостью указывал, что в Императорской публичной библиотеке хранится «ни с чем не сравненная коллекция сочинений о нашем отечестве, напечатанных во всех краях света и на всевозможных, бесчисленных языках» [15]. И в настоящее время это самое крупное в мире собрание иноязычных изданий о России.

В одном из залов Публичной библиотеки, в так называемом «Кабинете Фауста», хранится самое богатое в нашей стране собрание ксилографических книг XV в. и инкунабул.

Другая крупнейшая библиотека XIX в. — *Румянцевский музей*. С ее именем связано имя Николая Петровича Румянцева, выдающегося государственного и общественного деятеля эпохи Екатерины II и Александра I.

Блестящий дипломат, историк и издатель — таким был Румянцев. За заключенный им в 1809 г. выгодный для России мирный договор со Швецией он получил звание государственного канцлера. Но сияние салонов и орденов никогда не ослепляло этого человека: он предпочитал теплый свет книжных страниц.

Самым любимым детищем Румянцева стал его «музеум». Еще в 1802 г., вернувшись в Петербург из Германии, где Румянцев был послом, он купил большой старинный особняк (на углу Галерной улицы и Английской набережной), куда перевез свою библиотеку. Помимо книг, он собрал большое количество рукописей, богатые этнографические коллекции, старинное оружие, монеты, картины, скульптуры. Агенты государственного канцлера скупали старинные рукописи и книги в Москве и Киеве, Любеке и Копенгагене. К концу его жизни библиотека насчитывала 28 512 томов [13].

3 января 1826 г. на 72-м году жизни Румянцев скончался, не оставив после себя никакого письменного завещания. Через 5 лет после смерти владельца был основан его музей. И сам Румянцев, и его единственный наследник — брат Сергей Петрович Румянцев — желали, чтобы пользование коллекциями музея «было распространено единственно на благородное юношество, воспитывающееся в военно-учебных заведениях». Но начальство

последних отказалось от дара, мотивируя тем, что содержание коллекций не соответствует учебному процессу. Тогда Сергей Петрович открыл «музеум» для публики, а на фронтоне его приказал начертать слова «От государственного канцлера Румянцева на благое просвещение».

Первым начальником музея и одновременно его главным библиотекарем стал А.Х. Востоков, библиотекарь Румянцева, выдающийся русский филолог и библиограф. Он сделал все что мог, чтобы «музеум» служил интересам просвещения, развитию русской культуры, привлек в свои стены многочисленных посетителей. Но счастливые дни «музеума» продолжались недолго. Правительство мало интересовалось им, и посетителей там становилось все меньше и меньше. Новых книг в музей не поступало: на это не хватало средств. Повидав и прочитав все, что в нем хранилось, публика постепенно охладела к «музеуму». Через 15–20 лет после своего открытия он напоминал, по словам В.В. Стасова, «старый запущенный и позабытый барский дом» [15].

Средства, отпускаемые министерством на содержание музея, были более чем скудны. Для их экономии решено было присоединить музей к Публичной библиотеке.

В 1846 г. директором Румянцевского музея был назначен друг А.С. Пушкина и А.С. Грибоедова, талантливый поэт и философ Владимир Федорович Одоевский. Он пытается спасти погибающий музей, вдохнуть в него жизнь, вновь сделать его светлым и радостным местом в Петербурге. Но все хлопоты Одоевского оказались напрасными. Тогда-то и родилась мысль: продать здание, а на вырученные средства основать публичную библиотеку в Москве. Эта идея нашла горячего поклонника в лице попечителя Московского учебного округа, прославленного героя Севастопольской обороны генерал-майора Николая Васильевича Исакова.

Он написал письмо императрице, докладные записки министрам народного просвещения и императорского двора. В них Исаков критикует все варианты решения проблемы о дальнейшем существовании Румянцевского музея, кроме одного — перенесения его в Москву.

Проект перевода музея в Москву был обусловлен стремлением спасти этой решительной мерой ценности музея от той преступной заброшенности, в которой они пребывали в Петербурге. Одновременно этот план шел навстречу все возраставшей общественной потребности в большой публичной библиотеке в Москве. Основание библиотеки совпало с периодом общественного подъема 1859–1861 гг. Царское правительство вынуждено было пойти на уступки требованиям общественности.

Однако сложную, объективно неверную позицию занял в этом вопросе Владимир Васильевич Стасов. Он развил энергичную деятельность, чтобы помешать осуществлению этого проекта. Директор Публичной библиотеки М.А. Корф был немало удивлен, когда ученые и студенты подняли свой голос в защиту Румянцевского музея, требуя оставить его в Петербурге. Он недоумевал в письме к Одоевскому: «...была в Университете студенческая сходка, на которой решено ходатайствовать об оставлении Румянцевского музеума в Петербурге. Что они в этом смыслят и кто из них даже и бывает в Музеуме?» [15].

Он еще тогда не знал, что возглавил всю эту компанию протестов его ближайший сотрудник Стасов. Видные петербургские ученые и Стасов написали коллективное заявление — протест. Однако хлопоты его не увенчались успехом. Москва очень нуждалась в солидной публичной библиотеке. Ведь кроме библиотеки Московского университета в городе тогда не было ни одного крупного книгохранилища.

В июне 1861 г. первые книги из Румянцевского музея были отправлены в Москву. Для будущей московской публичной библиотеки выбрали одно из лучших зданий города — Пашков дом, творение великого русского зодчего В.И. Баженова. Этот дом был сооружен в 1784–1786 гг. для одного из богатейших людей екатерининского времени — сына астраханского губернатора, отставного гвардии капитан-поручика П.Е. Пашкова.

Летом 1862 г. музей открыл свои двери для посетителей. Пост первого директора занял Н.В. Исаков. На должность главного библиотекаря он пригласил Е.Ф. Корша, известного русского

журналиста и переводчика, друга А.И. Герцена и В.Г. Белинского. Отделение рукописей возглавил А.Е. Викторов, талантливый языковед и большой знаток древнерусской письменности.

Передовая русская интеллигенция встретила с огромным энтузиазмом открытие Румянцевского музея в Москве. Десятки людей передавали в Румянцевский музей свои личные библиотеки.

За первые 50 лет своего существования библиотека получила в качестве дара свыше 50 крупных книжных собраний — 300 тысяч томов. Это были собрания книг императрицы Александры Федоровны (9 тысяч томов), П.Я. Чаадаева (около 3 тысяч томов), В.Ф. Одоевского (около 6 тысяч томов) и других.

В этой библиотеке (ныне РГБ — Российская государственная библиотека) хранятся рукописи начиная с XI в. и печатные издания всех стран мира с середины XV в. и до наших дней, русские книги-издания XIX и XX в. Все русские книги более раннего времени и некоторые особо ценные издания находятся в отделе редких книг.

В библиотеке собрана мировая научная и художественная литература почти за шесть столетий — с XV по XX в. Особо богато представлены в библиотеке книги зарубежного Востока: на японском, корейском, вьетнамском, китайском, арабском, персидском, эфиопском языках, на языке хинди. Очень интересна коллекция арабских печатных изданий.

Богатейшее собрание рукописей: драмы Эсхила и комедии Аристофана, поэмы Горация и философские труды Аристотеля, средневековые пергаментные фолианты на греческом и латинском языках, арабские и персидские рукописи.

Здесь хранятся архивы Н.В. Гоголя, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Н.А. Островского, И.С. Тургенева, Ф.И. Тютчева, А.П. Чехова, В.Г. Короленко, В.Г. Белинского, А.И. Герцена, Н.П. Огарева, много драгоценных рукописей Л.Н. Толстого. Осенью 1887 г. Л. Толстой привез в Румянцевский музей и передал на хранение в рукописное отделение рукописи своих произведений, упакованные в заказанные С.А. Толстой специально для этой цели ящики.

В хранилище рукописей находятся автографы выдающихся политических деятелей, ученых и писателей всего мира: Томаса Мюнцера, Вольтера, Наполеона, Ч. Диккенса, Вальтера Скотта, В. Гюго, И. Гете, Г. Гейне. В библиотеке представлены богатые коллекции изобразительных материалов: гравюр, литографий, плакатов, репродукций, художественных открыток, фотографий и альбомов, значительное собрание географических карт, большое число редких нотных изданий русских и зарубежных композиторов.

С библиотекой связаны имена многих знаменитых русских писателей и ученых, видных общественных деятелей. В разные годы фондами Румянцевской библиотеки пользовались Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, А.П. Чехов, В.О. Ключевский, К.А. Циолковский, Д.И. Менделеев, К.А. Тимирязев, В.Я. Брюсов и другие. За сравнительно короткий период существования библиотеки она сыграла заметную роль в общественной жизни России, в развитии отечественной культуры, науки и техники. Долгие годы библиотекарем здесь прослужил самобытный русский философ Н.Ф. Федоров.

Среди крупнейших национальных книгохранилищ мира РГБ — одна из самых молодых. Она родилась почти на 500 лет позже Французской национальной библиотеки и на 100 с лишним лет позже появления в Лондоне Британского музея. Она моложе Императорской публичной библиотеки на 50 лет.

Чтобы приблизить книгу к народу, к более массовому читателю, русские просветители открывали *частные библиотеки*. При Московском университете, например, Н.И. Новиков открыл бесплатную библиотеку — читальню.

Из коммерческих библиотек особой популярностью в первой половине XIX в. пользуются: библиотека книгоиздателя и библиографа В.А. Плавильщикова, открытая в Петербурге в 1815 г. и перешедшая затем по завещанию к известному издателю и книго-торговцу А.Ф. Смирдину; библиотека для чтения книгоиздателя Селивановского в Москве. Неплохие коммерческие публичные

библиотеки и кабинеты для чтения открываются в Риге, Дерпте, Вильно и других городах прибалтийских губерний.

23 апреля 1830 г. президент Вольного экономического общества Н.С. Мордвинов по поручению общества подал министру внутренних дел А.А. Закревскому «мнение» об учреждении *публичных библиотек* в России. 5 июля 1830 г. состоялось распоряжение об открытии публичных библиотек для чтения во всех губернских городах. Были разосланы обращения к писателям Н.И. Гречу, М.П. Погодину, К.А. Полевому, Ф.В. Булгарину и другим о пожертвовании их сочинений в пользу библиотек. Министерство считало такой путь способом наполнения библиотек полезными книгами. Губернаторам предписывалось принимать книги от этих жертвователей и спешить с открытием библиотек.

Вятка была одним из первых городов, изъявивших готовность открыть публичную библиотеку и «ныне же привести это в исполнение». 8 сентября губернатор послал в Министерство извещение, что «библиотека в Вятке может быть открыта в октябре», а также постановление совещания об этом, где был решен вопрос о помещении, постановлено по мере присылки обещанных сочинений принимать их и записывать, был избран библиотекарь.

Через 2 года, 14 апреля 1832 г., появилось второе распоряжение за подписью нового министра внутренних дел, предписывающее открыть библиотеки в 44 губернских городах, через год разослано третье распоряжение, в котором указывалось, что «имеющимися доселе способами не представляется возможности приступить к прочному заведению публичных библиотек, вполне соответствующих своему предназначению». Из донесений губернаторов было видно, что «способы весьма слабы и недостаточны к заведению публичных библиотек». Министерство распорядилось открыть библиотеки там, где для этого имеются возможности. Речь шла о 31 библиотеке, в том числе и в Вятке. Из них 18 библиотек были открыты, в остальных же только изыскивались средства для их учреждения.

После передачи библиотек в мае 1834 г. в ведение Министерства народного просвещения министр народного просвещения

известил Мордвинова об открытых или планируемых к открытию библиотеках в тридцати городах России.

Чтобы положить основание библиотекам, Министерство народного просвещения решило централизовать вопрос с пожертвованиями, используя для этой цели помощь общественности. Оно хорошо понимало, что без помощи правительства, общественности и частных лиц библиотеки еще долго не смогут выполнять поставленные перед ними задачи. Но министерство обратилось не к реакционным писателям, а к ученым обществам, послало в Академию наук просьбу предоставить по одному экземпляру всех своих изданий для каждой из 30 губернских библиотек.

Академией наук был подобран богатый состав книг. Научные труды по истории, географии, естествознанию, технологии и промышленности, немного по философии, политике, экономике, сочинения и переводы, ею издаваемые, а также труды Тацита, Саллюстия, Квинтилиана. Книги отсылались Академией наук в Департамент народного просвещения. От Департамента — Гомер, Софокл, «Краткая российская грамматика» А.Х. Востокова, работа Архимеда о шаре и цилиндре и т. д. Это был первый крупный организованный дар, послуживший основанием книжным фондам публичных библиотек.

19 июня 1835 г. состоялось распоряжение Департамента о рассылке книг в 33 публичные библиотеки. В Вятке библиотеки еще не было, но 30 июня 1835 г. сюда был послан из министерства реестр книгам, пожертвованным в пользу Вятской публичной библиотеки, а с августа по ноябрь включительно по вторникам отправлялись посылки с книгами. Всего было послано 15 посылок, которые складывались в канцелярии губернатора.

Но губернатор не спешил с открытием библиотеки. Чтобы собрать деньги на книги, в течение 1836 г. посылались обращения за подписью губернатора ко всем купцам, чиновникам и духовным лицам. Надо предполагать, их писал А.И. Герцен, который находился в Вятке в ссылке и горячо отстаивал идею открытия библиотеки. Всего было разослано 246 писем. Губернатор сообщал Министерству внутренних дел, «что усердие

жертвователей превзошло все ожидания: в короткий срок библиотека получила до 7 тысяч рублей деньгами и 180 названий книг разного содержания». Библиотека начала формироваться, книги же по-прежнему хранились в одной из комнат канцелярии губернатора.

И только случай помог тому, что библиотека получила 2 комнаты в Доме благородного собрания. В мае 1837 г. в Вятке ждали приезда наследника престола Александра, в Доме благородного собрания была размещена Вятская губернская выставка изделий. Представителем Комитета выставки и ее устройтелем был Герцен. Пользуясь этим, Герцен перенес все книги, принадлежащие библиотеке (1250 томов), и разместил их в шкафах по порядку систематического каталога, который был начат еще 12 января 1836 г. Наследник и сопровождавшие его поэт В.А. Жуковский и ученый историк, географ и статистик В.К. Арсеньев осмотрели выставку и библиотеку. Объяснения давал А.И. Герцен.

Однако прошло еще полгода (а в общей сложности семь с лишним лет), и только при следующем губернаторе 6 декабря 1837 г. произошло торжественное открытие Вятской публичной библиотеки, где Герцен произнес знаменитую речь, в которой с горечью противопоставлял печальное положение просветительных учреждений в России процветанию их в передовых странах Европы, в которых «... нет маленького городка, где бы не было библиотеки для чтения» [8].

Уехав во Владимир, Герцен писал: «Заведение в губернских городах публичных библиотек занимает важное место. И вот в главнейших городах России заведены библиотеки, ревнители просвещения снабдили их достаточными средствами, и книги, которые так трудно добывались прежде в дальних провинциях, вошли в оборот».

Возникновение *публичных библиотек в уездных городах* стало возможным еще в первой половине XIX в., когда в стране сильно возросла потребность в знаниях и просвещении, сформировалась государственная система народного образования, было положено начало массовому развитию книгопечатания. Все эти

веяния способствовали формированию новых читательских кругов среди населения не только губернских, но и уездных городов. Уже в самом начале XIX в. в некоторых из них были открыты книжные лавки и магазины с кабинетами для чтения. Отдельные библиотеки уездных училищ по разрешению властей выдавали книги всем желающим. В 1812 г. в городе Великие Луки открыта и первая в России городская уездная публичная библиотека. Инициатором ее основания стал государственный канцлер Н.П. Румянцев, пожертвовавший жителям небольшое собрание книг и периодических изданий.

Согласно ее правилам, каждый горожанин и даже приезжий мог ежедневно в назначенные часы «читать в библиотеке книги, выбирая по реестру, который должен быть открытый для всякого». Кроме того, книги выдавались на дом под расписку на срок до одной недели. Из средств Румянцева библиотекарю выплачивалось жалование 300 рублей ассигнациями. В фонде Великолуцкой публичной библиотеки имелись книги по истории, юриспруденции, промышленности и сельскому хозяйству. Выписывались также периодические издания: «Санкт-петербургский журнал», «Труды Вольного экономического общества», «Древняя российская вивлиофика», «Технологический журнал» и другие.

К началу 30-х гг. относится образование общественной публичной библиотеки в Охотске. Она создавалась на отчисления от жалования (10%) мелких чиновников. Для нее был составлен систематический каталог, имевший 14 разделов. В конце 40-х гг. Охотская библиотека насчитывала более 2 тысяч томов. В 1850 г. она была переведена в Петропавловск-Камчатский.

В ходатайстве Сарапульского кружка мелких чиновников и разночинцев, возглавляемого уездным врачом Чудновским, указывалось: «Мы, нижеподписавшиеся, стремясь к образованию своего ума и сердца посредством чтения поучительных книг, но не имея состояния, каждый особо, выписывать оные в потребном количестве, сочли за благо составить совокупными силами общественную библиотеку, из которой каждый житель сего края мог бы за самую умеренную цену пользоваться у себя на дому

чтением книг» [14]. Сам Чудновский пожертвовал в библиотеку много книг и периодических изданий своего жилого дома. Он организовал при библиотеке естественно-исторический кабинет, или музей.

Интересно отметить, что при подборе универсального книжного фонда отдельные уездные библиотеки для оценки вновь выходящих книг руководствовались критическими статьями, помещенными в известных литературных журналах. Так, в том же Сарапуле книги покупались «только из числа сочинений, предпочтительно одобренных просвещенной критикой и клонящихся наиболее к образованию ума и сердца и распространению общепользующих сведений». В Усть-Сысольской общественной библиотеке при выборе литературы «ближайшая и безошибочная оценка достоинства книги по содержанию также определялась при помощи периодических изданий, в которых помещаются рецензии и критический разбор на вновь изданные книги» [14].

Основными источниками комплектования книжных фондов в уездных городах являлась закупка новых книг за плату, поступающую от читателей, а также на пожертвования населения, различных учреждений и редакций журналов и газет. Так, во все уездные библиотеки по распоряжению правительства ежегодно выписывались такие периодические издания, как «Журнал мануфактур и торговли», «Коммерческая газета», «Мануфактурные и горнозаводские известия», «Известия», «Журнал Министерства народного просвещения», «Горный журнал», «Журнал Министерства внутренних дел» и другие.

И все же темпы роста книжных фондов уездных библиотек были невелики. Слабый прирост книжного фонда объясняется крайне незначительным числом финансовых средств, которыми они располагали. Библиотеки существовали только на пожертвования населения и за счет вносимой платы за чтение книг, выданных на дом.

Следует заметить, что основное место в фондах общественных публичных библиотек занимали художественная литература и периодические издания. Второе место, как правило,

занимали книги по истории и географии. Следующие места в библиотеках занимали книги по сельскому хозяйству, технологии и богословию.

Не меньший интерес вызывает и организация работы по обслуживанию читателей. Повсюду книги для чтения в помещении библиотеки выдавались бесплатно, за выдачу книг на дом полагалась умеренная по сравнению с коммерческими библиотеками плата. За несвоевременную сдачу книг взимались небольшие штрафы.

Дни открытия библиотек устанавливались произвольно. Например, Бельская открывалась ежедневно, с 8 ч. до 2 ч. дня, а Сарапульская — 4 раза, Кунгурская и Орловская — 3, Осташковская — 2 раза в неделю. Все они выдавали книги главным образом во второй половине дня, до наступления темноты, так как в большинстве своем для освещения помещений в вечернее время библиотеки средств не имели.

Невелико было и число подписчиков библиотек, получавших книги на дом. Так, в 30–40-х гг. в Осташковской библиотеке это число колебалось от 46 до 55 человек, в Сарапульской — от 19 до 56, в Усть-Сысольской — от 20 до 36 человек.

Примечательны данные о выдаче книг и периодических изданий в уездных общественных библиотеках. Например, Осташковская в 30-х гг. выдавала ежегодно от 850 до 1400 книг, а Сарапульская — от 800 до 1100. В начале 40-х гг. ежегодная выдача там уже составляла соответственно от 1300 до 1420 и от 1100 до 1750 [14].

К сожалению, данные библиотечных отчетов не позволяют с достаточной полнотой проследить состав выдаваемых читателям книг. Нет никакого сомнения лишь в том, что первое место по выдаче занимала художественная литература и периодические издания. Интересно, что правительство охотно разослало в 1837 г. во все библиотеки комплекты «Библиотеки романов и исторических записок», поскольку «распространение в публике вкусов к подобному легкому чтению отвлекает читающих от бесполезных, а иногда и вредных действий».

Революции 1848–1849 гг. в Европе вызвали ужесточение цензуры изданий и многочисленные ограничения в комплектовании фондов всех библиотек, включая и университетские, усиление полицейского надзора над коммерческими и губернскими публичными библиотеками. Распоряжениями губернаторов было закрыто 15 губернских (Пензенская, Екатеринославская, Каменец-Подольская, Петрозаводская, Черниговская и др.) и уездных библиотек. К 1855 г. из 39 губернских и уездных публичных библиотек фактически были открыты для читателей лишь 12.

В этот период на правительственном уровне в стране действовал негласный «Комитет 2 апреля 1848 г.», созданный для высшего надзора в нравственном и политическом отношении за духом и направлением книгопечатания» [14].

В целом имевшиеся библиотеки, конечно же, не могли удовлетворить быстрорастущие в это время общественные потребности в книге и чтении.

Важнейшие изменения в библиотечном деле происходят во второй половине XIX в. С 1856 г. по предварительному разрешению Министерства народного образования начинается преобразование библиотек уездных училищ в публичные. В 1858–1861 гг. возобновляют свою деятельность публичные библиотеки, закрытые ранее, открываются новые (Тульская, Рязанская, Новгородская, Тверская, Гродненская). Начиная с 60-х гг. организуется сеть общедоступных, так называемых «народных», библиотек различных просветительных обществ и комитетов грамотности, земских учреждений. Ширится движение за устройство воскресных школ и народных читален.

В целом, несмотря на позитивные изменения в общественно-культурной жизни пореформенной России, социально-правовая база не благоприятствовала эффективному развитию библиотек, библиотечного дела. Законодательство в этой области в отличие, скажем, от большинства европейских стран носило не «явочно-регистрационный» характер, а напротив — «указательно-разрешительный». Уставы, правила пользования, порядок открытия

и режим работы библиотеки — все нуждалось в утверждении «сверху».

Все общедоступные, в первую очередь народные (бесплатные), библиотеки-читальни были под надзором Министерства внутренних дел. Специальные библиотеки освобождались от надзора полиции, если «в силу их уставов» не были открыты для всех. Их деятельность определялась учредителями — научными и специальными обществами, клубами, «общественными собраниями» и т. д. Работа ведомственных библиотек контролировалась и регулировалась начальством соответствующего ведомства.

Государственные книгохранилища и библиотеки учебных заведений принадлежали ведомству Министерства народного просвещения. Их деятельность регулировалась сводом уставов учебных заведений ведомства Министерства народного просвещения. Директора наиболее крупных библиотек (прежде всего Императорской публичной библиотеки) были, как правило, лично подотчетны министру, предоставляли ему ежегодные отчеты о положении дел, расходах и т. п. Кроме этого, создавались комиссии и советы, хозяйственные комитеты, также подведомственные министерству. Библиотеки учебных заведений были «под главным начальством» попечителя учебного округа.

Основным контингентом читателей большинства народных и других некрупных публичных библиотек была учащая молодежь. Многие из них быстро закрывались или приходили в упадок, ограничивали свою деятельность из-за слабой материальной базы. Важным источником пополнения средств для библиотек служили платные мероприятия культурно-просветительного характера: лекции, литературные чтения и вечера, концерты, спектакли и т. п. Отдельные категории читателей — малоимущие, земские и городские служащие, преподаватели и учащиеся земских начальных училищ — могли по решению учредителей брать книги и бесплатно. Некоторые губернские публичные библиотеки (Воронежская, Одесская, Харьковская, Архангельская и др.) открывали филиалы в рабочих и окраинных районах.

Правительство начинает активно поощрять культурно-просветительную деятельность церкви, постоянно увеличивая ассигнования на открытие и содержание *церковно-приходских школ и библиотек*.

Гораздо богаче церковно-приходских были *церковные библиотеки благочинных округов*, которые выписывали большинство русских журналов духовного содержания и многие серьезные богословские сочинения. Если в 1868 г. насчитывалось 390 церковных библиотек благочинных округов, то к 1891 г. их было уже 790 [4].

В некоторых епархиях, помимо церковных библиотек благочинных округов, создавались крупные «общепархиальные» библиотеки. В большинстве учреждений этого типа были читальни, проводились «внебогослужебные собеседования» и публичные чтения.

Как видим, быстрый рост библиотек разных типов и видов, увеличение совокупного общественного фонда национальных богатств свидетельствовали о глубоком внутреннем динамизме и больших потенциальных возможностях культурного развития в России.

Библиотеки использовались и для революционной агитации. Декабристы создавали полковые библиотеки, содержащие прогрессивную легальную и нелегальную литературу. Эти библиотеки современники называли «политическими» библиотеками. Петрашевцы организовали так называемые пропагандистские библиотеки, среди которых наиболее значительными были библиотека при кружке М.В. Буташевича-Петрашевского и библиотека при кружке Н.С. Кашкина.

Возникшие в конце 50 — начале 60-х гг. XIX в. *революционно-демократические библиотеки* не ограничивались узкоагитационными задачами, перед ними стояли большие общеобразовательные и революционно-воспитательные проблемы, обоснованные революционными демократами, их влияние распространялось не только на участников тайных кружков, но на различные группы населения, их опыт был использован в последующие годы другими библиотеками.

Революционно-демократические библиотеки по условиям работы представляли собой два типа библиотек — легальные и нелегальные, каждый из которых имел свои специфические задачи, свою сферу деятельности, свою структуру взаимодействия с революционными организациями.

Следует отметить, что тип легальных революционно-демократических библиотек включал такие виды библиотек как народные библиотеки и читальни, библиотеки при воскресных школах, ряд библиотек, выступавших как частные публичные, зарубежные библиотеки; тип нелегальных библиотек составляли студенческие, гимназические, армейские библиотеки.

Все революционно-демократические библиотеки, организованные в конце 50 — начале 60-х гг., через несколько лет были закрыты. Однако их влияние на современников, а также на последующие поколения было весьма значительно.

Нелегальные библиотеки 70–90-х гг. Учащаяся молодежь, неудовлетворенная программами и всей системой обучения, стремилась приобрести нужные знания путем самообразования. В классических гимназиях, как известно, особенно плохо было поставлено изучение естественных наук. Поэтому в кружках самообразования занимались их изучением. Но учащиеся кружков не ограничивались этим. Они стремились к выработке своего общественного мировоззрения. В библиотеках кружков самообразования появилась нелегальная революционная литература.

Это в той или иной мере нашло свое отражение в истории возникшей в 1877 г. нелегальной библиотеки кружка гимназистов в г. Троицке Оренбургской губернии. В Троицкой классической гимназии по инициативе бывшего ученика Уфимской духовной семинарии Паппия Подбельского был организован нелегальный кружок самообразования. Когда кружок окреп и расширился, Подбельский предложил создать нелегальную библиотеку, причем сообщил, что отец его, сочувствуя учащейся молодежи, отдает для этой цели всю свою библиотеку, состоящую из произведений прогрессивных русских писателей, периодических журналов и газет.

Библиотека была помещена в квартире сына местного полицейского пристава гимназиста Чернышова, который жил отдельно от отца во флигеле. Впоследствии, когда полиция узнала о существовании библиотеки, ее долго и безуспешно искали, не подозревая, что она находится у пристава под носом.

Библиотеке было дано название «Коммуна», оно было вырезано на каучуковой печати, которая ставилась на всех книгах и журналах. С 1878 г. кружок стал издавать рукописный журнал «Бродяга».

В конце 1882 г. кружок подвергся первому удару со стороны полиции. Во время ареста по политическому делу у одного ученика Благовещенской учительской семинарии (Уфимской губернии) было обнаружено письмо троицкого гимназиста Попова с сообщением о существовании в Троицке нелегальной библиотеки. Попов был арестован. Члены кружка немедленно приняли меры для спасения библиотеки. Все наиболее ценные по содержанию книги были упрятаны в безопасное место. Их заменили сонниками, песенниками, житиями святых, ерусланами лазаревичами и т. п. Чернышов на всю эту бросовую литературу наложил печать «Коммуна», каталог прежних книг заменил новым.

Завершающим моментом в деятельности кружка троицких гимназистов было составление им «Систематического указателя лучших книг и журнальных статей» (1856–1883). Кружком была задумана целая серия рекомендательных указателей для разных читательских групп, в том числе для «народного чтения» и для учащихся казачьих, сельских и городских училищ.

Систематический указатель был издан в Челябинске следующим образом. Один из бывших членов троицкого кружка Зобнин приводил в порядок публичную библиотеку братьев Покровских (либерально настроенных владельцев винокуренного завода) и организовал дела так, что одновременно были напечатаны и разрешенный исправником каталог библиотеки Покровских и составленный в Троицке нелегальный указатель. По внешнему виду они были идентичны. Легальный каталог был

напечатан в количестве 200 экземпляров, а нелегальный указатель — 1300 экземпляров [11].

Во Владимирской духовной семинарии с конца 80-х гг. XIX в. существовала официальная ученическая библиотека, созданная по воле семинарского начальства на средства, собираемые принудительно с воспитанников семинарии. Эта библиотека не могла удовлетворять духовным запросам и интересам семинаристов, поэтому рвущаяся к знанию, к выработке своего мировоззрения молодежь пошла по пути создания своей собственной подпольной библиотеки. Библиотека, насчитывающая в первые годы после организации всего лишь до 200 томов, в 80–90 гг. выросла до тысячи томов.

В начале 90-х гг. библиотека и кружок семинаристов пережили период упадка и затишья в работе, но уже в 1893 г. стали явно ощущаться признаки возрождения. В эти годы ректором Владимирской семинарии был установлен исключительно тяжелый полицейский режим, который вызывал у воспитанников семинарии чувство негодования и глубокого возмущения.

9 мая 1894 г. один из семинаристов, действуя единолично, произвел покушение на жизнь ректора, стрелял в него. Это событие произвело в городе ошеломляющее впечатление, а семинария лишилась затем самых лучших своих воспитанников, число семинаристов сократилось с 650 до 430 человек. Тайный семинарский кружок потерял большинство своих членов, а уцелевшие в течение следующего учебного года не в силах были возобновить свою деятельность, пока местная передовая, революционно настроенная интеллигенция не пришла им на помощь. Среди семинаристов снова возникли кружки чтения по разным отраслям знания, появились рукописные журналы собственного издания, устраивались довольно многолюдные сходки, началась коллективная выписка газет и журналов. Временное затишье сменилось оживлением.

Наряду с подпольной библиотекой духовной семинарии существовала во Владимире также подпольная библиотека кружка самообразования и в мужской гимназии. Начало ее деятельности

относится к 1880 г. Библиотека в течение полутора лет обладала обширным помещением из трех комнат в особняке архитектора Филаретова, представившего своим сыновьям, членам кружка, полуподвальный этаж дома, где жила семья, с отдельным ходом.

Книжный фонд тайной библиотеки состоял из произведений классиков русской художественной литературы: А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, Н.А. Некрасова. Помимо того, с увлечением читались такие произведения, как «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Шаг за шагом» И.В. Оммулевского, «Знаменья времени» Д.Л. Мордовцева, «Сказки», «Ташкенцы», «Господа Головлевы» и «Современная идиллия» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Подлиповцы» Ф.М. Решетникова, сочинения Н.Н. Златовратского, Г.И. Успенского, В.М. Гаршина, Н.И. Наумова.

Из иностранной литературы с интересом читались следующие книги: «Углекопы» Э. Золя, «93-й год» и «Отверженные» В. Гюго, «Один в поле не воин» Ф. Шпильгагена, «Эмма» И.Б. Швейцера, «Принц-собачка» и «Париж в Америке» В.Г. Лабале и особенно «История одного крестьянина» Эрмана-Шатриана. В почете была критика: сочинения В.Г. Белинского, Н.А. Добролюбова, Д.И. Писарева.

Из научных книг по экономике с особым интересом тогда читались «Положение рабочего класса в России» В.В. Берви-Флеровского и «Основания политической экономии» Дж. Милля с примечаниями и дополнениями Н.Г. Чернышевского. Имелся в библиотеке и I том «Капитала» К. Маркса, который был похищен из библиотеки дворянского клуба членами гимназического кружка, считавшими, что эта книга совсем не нужна была дворянам.

По истории Западной Европы в библиотеке были: «История цивилизации в Англии» Г.Т. Бокля, «История умственного развития в Европе» Дж.У. Дрейпера, «История возникновения и влияния рационализма в Европе» В.Э.Г. Лекки, «История крестьянской войны в Германии» В. Циммермана, «Пролетариат во Франции» А.К. Шеллера-Михайлова, «Гражданская война во Франции» К. Маркса.

По естествознанию и первобытной культуре наиболее ходовыми изданиями были «Происхождение видов» и «Происхождение человека» Ч. Дарвина и «Первобытная культура» Э.Б. Тайлора.

В конце 1892 г. подпольная библиотека гимназистов была обнаружена жандармами. Книги и книжные шкафы по распоряжению губернатора были проданы с аукциона, к счастью, часть книг приобрела только что открытая городская общественная библиотека [11].

Чрезвычайно своеобразным явлением библиотечного дела в царской России было существование *частных нелегальных и полулегальных библиотек*.

Начнем с получившей благодаря А.М. Горькому широкую известность подпольной библиотеки Андрея Степановича Деренкова в Казани в 80-е гг. XIX в. Библиотекой пользовались студенты многочисленных учебных заведений Казани и различные революционно настроенные люди. Часть ее книг была переписана пером в толстые тетради.

Деренков подобрал свою библиотеку, руководствуясь «Челябинским указателем», который усердно распространялся среди посетителей квартиры Деренкова казанским студентом Зобниным, сумевшим легально выпустить этот указатель в Челябинске в 1883 г.

В Нижнем Новгороде имелась превосходная подпольная библиотека изъятых из обращения книг. Она принадлежала Ивану Васильевичу Духовскому, владельцу небольшой переплетной мастерской, а потом книжного магазина. В 90-х гг. Духовской, между прочим, слепой музыкант, великолепно игравший на рояле, уехал вместе с женой в Швейцарию. Библиотека прекратила работу.

Один из первых марксистских кружков в России — кружок Николая Евграфовича Федосеева обладал довольно солидной подпольной библиотекой. Основу библиотеки составили книжные фонды закрытой правительством в 1884 г. «Студенческой читальни при Казанском университете», своевременно спасенной

и сохраненной студентами, земляческими организациями. Фонд библиотеки делился на две раздельно хранившиеся части: фонд легальной литературы и фонд нелегальной, в том числе изъятой из обращения литературы.

Члены кружка Федосеева не только добывали где и как могли марксистские книги, но и пытались самостоятельно издавать их. Они успели напечатать на гектографе брошюру Ф. Энгельса «Развитие научного социализма» и перевести на русский язык книгу К. Каутского «Экономическое учение Карла Маркса».

В 1889 г. кружок подвергся полицейскому разгрому: был арестован Федосеев и захвачена часть библиотеки с фондом легальной литературы. Нелегальный фонд уцелел. Однако через два года был арестован студент Кобелев и вместе с ним в руки жандармов попала последняя часть библиотеки кружка Федосеева.

В 80-х гг. в Ревельском пехотном полку, стоявшем тогда в Казани, существовал офицерский революционный кружок, поддерживающий тесную связь с революционными кружками казанской учащейся молодежи.

Книги для занятий в кружке в значительной своей части брались из полковой библиотеки Ревельского пехотного полка. История этой библиотеки очень интересна и лишней раз показывает, какая упорная борьба шла в то время за сохранение каждой книги, каждого номера журнала, имевших значение для развития революционного движения.

В фондах названной офицерской библиотеки сохранились почти все передовые, радикальные журналы 60–70-х гг., а также немалое число изъятых к тому времени книг. Распоряжение об изъятии всех этих журналов и книг из библиотек по чьей-то оплошности не коснулось полковых библиотек. Поэтому долго еще после появления запретительного индекса книги и журналы из полковой библиотеки ходили по рукам среди передовой и революционной молодежи Казани. Когда же через некоторое время высшее начальство спохватилось и издало предписание о применении запретительного индекса в полковых библиотеках,

радикально настроенная часть офицерства сделала увенчавшуюся успехом попытку спасти драгоценные фонды библиотеки.

Заинтересованные в этом деле офицеры уговорили просто-душного и недалекого командира полка дать разрешение на продажу подлежащих запрещению книг казанскому букинисту Ерыгину. Добившись этого, они попросту перенесли книги на частную квартиру и создали особую библиотеку, которой продолжала широко пользоваться вся передовая молодежь Казани.

Когда при обысках запрещенные к обращению книги со штампом полковой библиотеки стали попадать в руки жандармов, последние обратились с запросом к командиру полка, который заявил, что книги были проданы букинисту Ерыгину. Жандармы обрушились на ни в чем не повинного Ерыгина. Кое-как удалось замять всю эту историю.

Вскоре от высшего начальства пришло распоряжение: изъятую литературу хранить в опечатанных ящиках. Причастные к этому делу офицеры, не желая расставаться с ценной литературой, решили вторично пойти на риск. Собрав малоценную и ненужную литературу, поставили на книгах штемпель полковой библиотеки и, пользуясь неосведомленностью командира полка, уложили их в ящики и запечатали, а ценные фонды полковой офицерской библиотеки уже в качестве нелегальной библиотеки продолжали обслуживать кружки революционной молодежи [11].

Детские библиотеки. Первая российская детская библиотека открылась в Кронштадте 14 февраля 1870 г., в День Святого Равноапостольного Кирилла, создателя славянской азбуки. Общественная детская библиотека была создана по частной инициативе и на средства небольшой группы интеллигентов, жителей Кронштадта. Первоначально она насчитывала лишь несколько сотен книг и несколько десятков читателей, располагалась в помещении Штурманского училища. Устроители библиотеки предполагали создание при ней музея с коллекцией минералов, карт, атласов, физических приборов.

Открытие самостоятельной детской библиотеки имело широкий резонанс в педагогической печати. Почин кронштадцев

был подхвачен в Петербурге (Детская библиотека для чтения), в Москве (библиотека А.Д. Торопова). В 70–80-е гг. с распространением грамотности быстро росло число публичных и народных библиотек, читален. Самыми активными их посетителями становились дети, подростки, хотя специального внимания сотрудники им не могли уделить. Библиотечная и педагогическая общественность активно обсуждала необходимость создания специализированных библиотек для юных читателей, ибо школьные, учебные библиотеки, во-первых, не охватывали все слои детского населения, во-вторых имели значительные ограничения в составе книжных фондов и не удовлетворяли внеучебным запросам своих читателей.

«Детская библиотека необходима так же, как школа народу, гимназия, университет», — доказывали многие специалисты, причастные к образованию и библиотечной практике. В 1890–1900-е гг. самостоятельные детские библиотеки появляются уже по всей России (в Нижнем Новгороде, Перми, Туле, Вологде, Ялте). Многие из них можно назвать «авторскими» по аналогии с современными авторскими школами. Хорошо были известны имена создателей и руководителей этих библиотек: Бердникова в Москве, Харжевская в Кишиневе, Добрая в Киеве.

Широко привлекая педагогов, родителей, энтузиасты-библиотекари вели большую просветительскую работу. По специальным программам проводились громкие чтения и беседы, причем не только в библиотеке, но и в отдаленных городских районах, чтобы привлечь детей из беднейших семей. Библиотекари устраивали экскурсии, драматические представления, рассматривая их как способы «организации детской жизни вокруг книги и литературы».

Параллельно с такой практической работой комитеты и комиссии, созданные при библиотеках, вели изучение чтения детей, проводили отбор и анализ издаваемой детской литературы, поток которой к началу XX в. был очень велик. Постепенно созревала идея организации «показательной детской библиотеки», которая должна была «наиболее полно собрать все то, что

существует в области детской литературы, начиная с зарождения и кончая нашими днями». Идею о создании уникального хранилища и исследовательского центра в области детской литературы и детского чтения реализовать в то время не удалось.

Вопросы теории. Собственно научный этап развития библиотекведения датируется началом XIX в. и продолжается по настоящее время. Возникновение промышленного производства, которое требовало грамотности широких слоев населения, определенная заинтересованность капиталистического государства во всеобщем бесплатном образовании, а также непрерывном самообразовании, создание высокоскоростных печатных станков, внедрение эффективных технологий массового производства бумаги из древесной пульпы привели к тому, что библиотеки из отдельных и редких очагов культуры стали постепенно превращаться если не в массовое, то в довольно распространенное явление. Капиталистический способ производства оказался наиболее мощным стимулом развития библиотечного дела и библиотековедения по сравнению со всеми предыдущими общественными формациями.

Отечественное библиотековедение этого периода развивалось в основном в русле общих мировых тенденций, хотя по-прежнему характеризовалось элементами самобытности, обусловленными конкретно-историческими и национально-государственными условиями. Большой вклад в его становление внесли В.И. Соболевский, Н.А. Рубакин, А.А. Покровский, К.И. Рубинский и многие другие. Используя важнейшие постулаты зарубежного библиотековедения, отечественные ученые самостоятельно разрабатывали многие принципиально важные проблемы библиотечной теории и практики. Значительную роль сыграли их труды, связанные с демократизацией библиотек, повышением доступности библиотечного обслуживания, выдвигающие идеи открытого доступа и раскрытия библиотечных фондов, дифференцированного обслуживания читателей, абонента между научными и учебными библиотеками. Во многом оригинальный характер носили взгляды отечественных библиотековедов

на комплектование библиотечных фондов, их каталогизацию, организацию библиотечных фондов, некоторые другие проблемы библиотечного дела.

Взгляды на комплектование библиотечных фондов. Из теоретиков первой половины XIX в., исследовавших проблемы комплектования, в первую очередь должно быть выделено имя Ф.Ф. Рейсса — директора библиотеки Московского университета. Стоявшая перед Рейссом сложная задача восстановления книжного фонда привлекала его особое внимание к проблеме комплектования фондов.

Восстанавливая фонд университетской библиотеки в буквальном смысле слова на голом месте, Рейсс с самого начала положил в основу работы идею отбора. Исходя из этого, он выдвинул так называемую «теорию потребностей», суть которой составляло расчленение процесса комплектования на его две составные части — текущее комплектование («первая потребность») и докомплектование («вторая потребность»). Кроме того, он разработал передовую методику осуществления каждой «потребности» на практике.

Рейсс отвергал распространенный в начале XIX в. явно утопический принцип исчерпывающего комплектования научных библиотек всей литературой по всем отраслям знания на всех языках без какого-либо отбора.

Тщательного качественного отбора комплектуемой литературы требовал и В.В. Стасов. В полемической статье «По поводу статей о Публичной библиотеке» он решительно отвергает утверждение оппонента о том, что «национальная библиотека, как центральное книгохранилище в государстве, должна быть полной, то есть в состав ее должно входить в подлинниках или копиях все, что когда-либо, где-либо и на каком-либо языке печаталось или писалось».

Стасов пишет: «Такого в голову не приходило до сих пор еще никому. Мало того, что это — вещь просто физически невозможная: это еще вдобавок — вещь совершенно ненужная и даже вредная. Большинство библиотек в Европе переполнены

ненужным хламом, — и не знают, как от него избавиться... Подумайте только, например, хоть о тех сотнях сотен тысяч пасторских речей и трактатов, бездарных стихотворений, романов и повестей, арифметик, трактатов о столоверчении, каллиграфических прописей, романсов и полек и т. п. И это все надо отыскивать, добывать и покупать?» [15].

Осуждая захламенность библиотечных фондов всяческой макулатурой, в практической работе Стасов стремился комплектовать фонды литературой наиболее ценной в научном отношении.

Добролюбов в письме к своему родственнику, который хотел открыть в Нижнем Новгороде публичную библиотеку и просил помочь ему в подборе книг, советовал выписывать для библиотеки лучшие исторические, политико-экономические сочинения и журналы, а не «набивать головы нижегородцев всяким навозом вроде Поль-де-Кока и Зотова». Руководитель революционного кружка и организатор библиотеки в Вятке А.А. Красовский выдвинул требование подбора литературы с точки зрения ее научной ценности и актуальности и критиковал тех библиотекарей, которые в области комплектования шли на поводу у публики.

Понимая, что отбор литературы требует ее оценки, Рейсс дальновидно увязывал этот процесс с библиографией. «Выбор сей, — писал он, — наипаче можно сделать как имея перед глазами лучшие литературные журналы, в коих помещается разбор точный и ясный всем вышедшим сочинениям». Он выдвинул проект организации сводного каталога научных библиотек Москвы и широкого использования их фондов через посредство межбиблиотечного абонементов. В этом предложении были четко выражены элементы координации (через сводный каталог) комплектования библиотек и кооперации (через межбиблиотечный абонемент) в использовании их фондов. Можно сказать, что это предложение примерно на 100 лет определило его реализацию.

В течение первой половины XIX в. получили дальнейшее развитие источники книгоснабжения библиотек, в точности система

обязательного экземпляра. Параграф 16 Положения об управлении Императорской публичной библиотекой (1810) гласил: «Библиотеке сей даруется право, подобно тому, как оно существует для Академии наук, получать безвозмездно по два экземпляра каждой вновь издаваемой книги из всех типографий в империи состоящих».

Право на получение обязательного экземпляра было предоставлено Петербургской духовной академии (1811), Генеральному штабу (1835) и Главному морскому штабу (1836). Обеспечены были обязательным экземпляром и органы, осуществляющие руководство цензурой. Многие библиотеки с упорством добивались предоставления им обязательного экземпляра, а правительство с неменьшим упорством им в этом отказывало. Например, в 1857 г. ходатайство возбудила Керченская общественная библиотека, разрушенная англофранцузскими войсками. Но правительство не пожелало учесть бедственное положение библиотеки и ответило ей отказом, объяснив, что «предоставление Керченской библиотеке права на получение одного экземпляра повлекло бы за собой подобные же домогательства от других библиотек».

В 1831 г. Одесской губернской библиотеке удалось добиться от градоначальника распоряжения об обязательной доставке в библиотеку двух экземпляров всех изданий, печатающихся в типографиях Одессы. Это знаменовало появление еще одного вида обязательного экземпляра — местного.

В историю развития системы обязательного экземпляра 1828 г. вошел как черный год, принесший библиотекам невосполнимые потери. По новому уставу о цензуре из списка библиотек, имеющих право на получение обязательного экземпляра, была исключена Библиотека Академии наук, а количество экземпляров, предоставленных Императорской публичной библиотеке, сокращено с двух до одного. Библиотека Академии наук была лишена обязательного экземпляра 14 лет, а Императорской публичной библиотеке удалось восстановить свое право на второй обязательный экземпляр спустя 27 лет (в 1855 г.).

Новым в деле снабжения библиотек книгами в первую половину XIX в. явилось активное перераспределение фондов. Оно выразилось в проведении в 1830–1850 гг. широкой «дублетной операции», связанной с открытием новых библиотек или восстановлением библиотек старых, потерявших свои фонды в связи с войнами и пожарами.

Осуществление дублетной операции впервые имело место в 1828 г. в связи с восстановлением Абовского (Гельсингфорского) университета, который стал жертвой огромного пожара. Правлению Московского университета было предписано отобрать в пользу финляндского университета дублеты из университетской библиотеки.

В 1840 г. аналогичная операция была повторена в целях создания в Варшаве «книгохранилища для ученых и учебных заведений Варшавского округа», получившего в дар от русского императора 13 тысяч экземпляров книг. Они были отобраны из фондов Императорской публичной библиотеки. Сверх того выделили свои издания Академия наук и Российская академия [10].

Продолжалось развитие и других источников книгоснабжения, но в нашем плане этот вопрос не представляет интереса, так как новых идей здесь не выдвигалось, делалось дело, то есть шла, постепенно совершенствуясь, обычная, повседневная работа.

Развитие каталогизационной мысли. В поисках путей к лучшему обслуживанию читателей выдающиеся специалисты того времени большое внимание уделили разработке теории и практики каталогизации. В течение почти всего XIX в. ведущую роль в разработке вопросов теории и практики каталогизации (в узком смысле, книгоописания и определения системы каталогов) играла прежде всего Императорская публичная библиотека.

При организации Публичной библиотеки А.Н. Оленин прежде всего приступил к составлению необходимых методических документов, без которых, как он говорил, библиотека никогда не могла бы быть приведена в порядок. К концу 1808 г. Оленин

подготовил к печати руководство для библиотекарей, вышедшее в свет в 1809 г. под заглавием «Опыт нового библиографического порядка для Санкт-Петербургской публичной библиотеки» и являющееся первым опубликованным русским руководством по организации фондов и каталогов.

Главное место в руководстве занимает новая система классификации, составленная Олениным после предварительного изучения наиболее распространенных в то время зарубежных классификаций. Оленин разделил все знания на 3 части: I. Науки; II. Искусства; III. Филология, образовав внутри них 15 главных разделов. Система классификации, разработанная Олениным, имела очень большое значение для Публичной библиотеки. Большинство рукописных и печатных каталогов библиотеки, библиографических обзоров и списков книг составлялось по этой системе в течение всего дореволюционного периода.

В «Опыте...» предусматривалось составление трех каталогов: алфавитного каталога заглавий всех книг, алфавитного каталога авторов и систематического каталога. В соответствии с назначением и задачами каждого из трех видов каталогов Оленин установил для них в своем руководстве разную полноту и различное расположение главных элементов описания. Наиболее полные описания предназначались для систематического каталога, оба алфавитных каталога (авторов и заглавий) должны были состоять из сокращенных описаний, причем наиболее сжатыми они должны были быть в авторском каталоге, в котором указывались только фамилия и имя автора и очень краткие заглавия, остальные элементы описания опускались.

Система каталогов, предложенная Олениным в 1808 г., очень строгая и логичная, вполне отвечала потребностям того времени. Каждая книга получала в ней отражение в трех аспектах: 1) со стороны ее содержания — под рубрикой библиографической классификации; 2) со стороны авторской принадлежности и 3) под заглавием. Очевидно, что такое содержание каталогов могло наилучшим образом обеспечить быстрое выполнение любого из основных типов требований читателей на книги, как бы

оно ни было сформулировано. Недостаток этой системы заключался в неэкономности ведения двух алфавитных каталогов.

По-видимому, основным справочным каталогом считался каталог заглавий. Он назван на первом месте, отражает все книги библиотеки, снабжен шифрами книг; с него Оленин думал начать составление каталогов и предполагал напечатать его в первую очередь. Алфавитный каталог авторов имеет характер вспомогательного, дополнительного указателя. Систематический каталог мыслился как фундаментальное библиографическое пособие, подробнейшим образом отражающее состав библиотеки по наукам и дающее критическую оценку и характеристику книг. Книги расставлялись в соответствии с делениями классификации Оленина. В пределах каждого деления они распределялись по языкам, далее — по форматам и, наконец, по алфавиту.

Желая дать читателям, роптавшим на отсутствие каталогов, представление хотя бы о некоторой части фондов библиотеки, Оленин задумал издание каталога книг, выданных по требованиям читателей. Идея выпуска в свет такого каталога появилась после напечатания в отчетах библиотеки за 1816 и 1817 гг. обзора лучших книг из наиболее часто спрашивавшихся «любителями полезного чтения». К отчету за 1817 г. был приложен также список всех сочинений, чаще всего требовавшихся для чтения. Этот список был издан в 1818 г. отдельной книжкой в количестве 305 экземпляров под заглавием «Чтение посетителей Императорской публичной библиотеки в 1817 году».

Каталог представляет большой интерес как первое своего рода рекомендательное пособие, изданное библиотекой. Он является также ценным источником для изучения читательских интересов Публичной библиотеки.

Издание этого читательского каталога оборвалось на первом же номере, так как с 1818 г. силы библиотекарей были направлены на составление общего полного каталога библиотеки. Первоначально предполагалось этот общий каталог напечатать, но Оленин представил министру народного просвещения обширную

записку под заглавием «О малой пользе печатных каталогов... для публичных больших книгохранилищ», в которой доказывал, что создавать печатные каталоги на фонды больших библиотек нецелесообразно, ибо непрерывное поступление большого количества новых книг неизбежно потребует составления многих дополнений и частой перепечатки каталога. Уже к моменту своего издания каталог окажется устаревшим и впредь всегда будет отставать от состояния фонда. Отсюда Оленин делал вывод, что «всякая Публичная библиотека несомненно должна иметь каталог, но не печатный, а письменный» [12].

Предложение о введении карточного каталога внес В.Г. Анастасевич — выдающийся русский библиограф, составитель знаменитых каталогов «Библиотек для чтения». Главную выгоду и удобство карточного каталога Анастасевич видел в том, что число карточек в нем можно увеличивать бесконечно, по мере приобретения книг, кроме того, можно давать ему всякий порядок по желанию и надобности. Он подробно описывал форму, условия хранения и ведения подвижного карточного каталога.

Анастасевич выдвинул соображения об особом каталожном шкафе и карточных футлярах, позволяющих предупредить «смешение сих карточек», обеспечить «прочность сохранения оных карточек всегда в явственном порядке» [10]. Разработка Анастасевичем карточного библиотечного каталога является самой ранней из известных пока в России. Она на 8 лет опередила аналогичную работу Рейсса. Однако Рейссу удалось реализовать свою идею, предложение же Анастасевича не было осуществлено.

Из каталогов, созданных в 1823–1843 гг., привлекает внимание алфавитный альбомно-карточный каталог по истории на русском языке, в одном томе, составленный в 1826 г. Его листы имеют прорези (как в альбомах для фотографий), в которые вставлены карточки (9,5×5 см) с описаниями книг. Это позволяло передвигать карточки и вставлять на свое место по алфавиту описания вновь включаемых в каталог книг. Таким образом, при сохранении книжной формы каталога достигалась подвижность записей в нем.

Автором чрезвычайно оригинального карточного каталога был В.И. Соболевский (1850). Суть его изложена в докладной записке М.А. Корфа. Сообщив о том, что в библиотеке скопилось множество карточек, которые предстояло «списать в каталоги», Корф докладывал (говоря без лишней скромности во множественном числе): «Мы придумали наконец очень простой механизм, не только совсем устраняющий необходимость в новой переписке карточек, но и обращающий самые эти карточки прямо и теперь же, почти без всяких издержек, в полный и совершенно устроенный каталог, имеющий еще ту выгоду перед обыкновенным, что он есть передвижной, которого размещение и расположение во всякое время может быть переиначено и совсем даже перестроено по усмотрению надобности. Механизм этот есть род пресса или машинки для вкладывания в нее написанных уже карточек. Каждая машинка вмещает в себя около 2500 номеров. Бывая завинчена, она имеет не менее удобства для чтения и еще более прочности, чем переплетенная книга, а между тем может посредством приставной рукоятки быть в одну минуту развинчена. Здесь можно всегда вкладывать между старыми карточками сколько угодно новых, не нарушая единства и системы и не переписывая вновь ни одного листка». Лишь после всех этих объяснений Корф счел нужным упомянуть, что «механизм машинки придуман помощником библиотекаря архитектором Соболевским» [9].

Составление каталогов, несмотря на некоторые сдвиги, продолжало оставаться к середине XIX в. отсталым участком работы Публичной библиотеки. По официальным данным, в конце 1849 г. из 640 тысяч томов, составлявших тогда библиотеку, оставалось неописанными около 600 тысяч томов. Поэтому составление каталогов было признано одной из первоочередных задач библиотеки.

Было единодушно признано, что библиотека обязательно должна иметь три каталога: систематический, инвентарный и краткий алфавитный указатель. Большие споры вызвал вопрос о том, какой из каталогов следует составлять в первую очередь

как самый необходимый. Этот спор был решен большинством в пользу систематического каталога, как преимущественно важного для читателей.

Все признанные необходимыми каталоги рассматривались не изолированно друг от друга, а как единая система, в которой каталоги должны дополнять, а не повторять один другой. Вследствие этого полнота описаний в них должна была быть различной, соответствующей задаче и функции каждого вида каталога: наиболее полные описания в систематическом, более краткие в алфавитном (который рассматривался как указатель к систематическому каталогу) и совсем краткие в инвентаре.

Каталог понимался не только как учетный документ, но и как библиографическое пособие, раскрывающее содержание фондов библиотеки, и как обязательный справочник для разыскивания книг на полках.

Во второй половине 50-х гг. была осуществлена на практике еще одна продиктованная опытом важная реформа: отменена книжная форма каталогов и введена карточная.

Однако нельзя не признать, что если Публичная библиотека была одной из самых первых, в которой возникла и была довольно подробно разработана идея карточного каталога (в 1818 г.), то в практическом осуществлении этой идеи она отстала: к началу 50-х гг. карточные и блок-карточные каталоги имелись уже в библиотеках Петербургского, Московского и Казанского университетов, а также и в некоторых библиотеках за рубежом.

Из методических приемов, применявшихся в то время при составлении систематических каталогов, особенный интерес представляют: многократное отражение произведений в разных отделах каталога, аналитическое расписывание статей из сборников и индивидуальное описание томов многотомных изданий. Карточки в систематических каталогах всех отделений расставлялись в хронологическом порядке, по годам изданий книг.

Интересны требования В.В. Стасова к карточке систематического каталога: 1) с точки зрения библиографа и библиотекаря, обращающегося к каталогу; 2) с точки зрения читателя,

занимающегося той или иной областью науки. В соответствии с этим описание книги на каталожной карточке: 1) должно отображать книгу совершенно точно и четко библиографически; 2) должно правильно ориентировать читателя, раскрывая содержание книги и сообщая те сведения о ней, которые помогут читателю сделать выбор. Все, что вне этих двух требований, не нужно и должно быть отброшено без всякого колебания.

Стасов перечисляет примеры «излишеств» на титульных листах книг, которые незачем вводить в текст каталожного описания (девичья фамилия женщины-автора; посвящение; описание герба, портретов или гравюр; перечисление премий и наград сочинителя и пр.).

В алфавитном каталоге в целях объединения описаний книг, имеющих более или менее однородные (типовые) заглавия (законы, отчеты, доклады, альбомы и др.), допускалась инверсия. При этом на первое место выносилось имя существительное в именительном падеже. Например: «Книга учебная для юношества», «Альбом, литературный». Такое решение было удобно тем, что вынесенное вперед расстановочное слово служило целям организации каталога, объединяя в алфавитном каталоге описания более или менее однородных книг: академий, альбомов, законов и т. п.

Большую помощь библиотекарям в разработке правил каталогизации оказала ревизия состояния организации фондов и каталогов, проводившаяся в отделениях в 1863–1864 гг. Вследствие ее было отменено устаревшее и не соответствующее новым условиям положение об алфавитном каталоге как указателе к систематическому, и он был признан самостоятельным полноценным каталогом с собственными задачами и назначением.

В 60–90 гг. в Публичной библиотеке было составлено и напечатано несколько каталогов отдельных коллекций книг и рукописей. Наиболее важным являлся двухтомный каталог отделения «Россика» — отделения иноязычных сочинений о России.

В каталоге содержатся описания на иностранном языке книг, напечатанных латинским шрифтом и в каком бы то ни было

отношении касающихся России. К числу этих сочинений принадлежат и художественные произведения, сюжеты которых взяты из русской истории или жизни, все переводы с русского языка, независимо от того, касается их содержание России или нет, и все периодические издания на иностранном языке, выходившие в России.

Каталог отделения «Россика» вышел тиражом 1200 экземпляров. Он был разослан во все крупные библиотеки мира, приобретен академиями, университетами, научными учреждениями, многими учеными и библиографами в России и за рубежом. Он вызвал очень большой интерес и множество похвальных, даже восторженных отзывов в русской и иностранной печати. Писали, что он принадлежит к лучшим трудам Публичной библиотеки и представляет серьезный ученый вклад в нашу литературу. На первом международном библиографическом конгрессе в Париже в 1878 г. его упоминали с эпитетами «бесценный» и «единственный в своем роде». Этим каталогом пользуются до сих пор.

В 1864 г. Публичная библиотека напечатала каталог периодических изданий, находившихся в журнальной комнате. Это был первый, отдельно изданный в России библиотечный каталог периодики.

При отсутствии в читальном зале каталога основного фонда библиотеки и фактической недоступности для большинства читателей каталогов отделений, печатные систематические каталоги читального зала сыграли несомненно положительную роль. Они способствовали быстрому получению книг из подручной библиотеки и более интенсивному использованию ее фонда.

Таким образом, XIX в. ознаменовался дальнейшим развитием каталогизационной мысли. Именно в этот период появились первые каталогизационные инструкции, были сформулированы основные принципы книгоописания, определены взаимоотношения фондов и каталогов, внимательно изучена проблема системы каталогов и т. п.

Взгляды на организацию библиотечных фондов. Организация библиотечных фондов связана со многими сторонами

деятельности библиотеки, прежде всего с обслуживанием читателей. Последние непосредственно были заинтересованы в лучшей организации фондов, ибо в первой половине XIX в. в целом ряде библиотек (в Императорской публичной библиотеке, в библиотеке Московского университета и др.) определенные категории читателей допускались внутрь книгохранилищ. Это была своеобразная форма открытого доступа читателей к фондам.

Частью проблемы организации фондов был вопрос о шифре, который в зависимости от разных способов расстановки имел разную форму. Суть этой проблемы заключалась в вопросе об отражении шифров в читательских каталогах. Иначе говоря, речь шла о том, в каких отношениях должны находиться между собой каталоги и фонды каждой конкретной библиотеки.

Шифр книги в те годы считался тайной библиотекаря и скрывался от читателей. Объяснялось это особенностями организации пользования фондами: читатели пользовались литературой в тех же залах, где были расставлены книги, именно поэтому шифры не разрешалось указывать в каталогах, чтобы сам читатель не мог взять книгу с полки. В результате такой организации работы страдали и читатели, и библиотекари — это крайне затрудняло поиск нужных книг на полках, замедляло выдачу книг читателям и их возвращение обратно на полки.

Поиски выхода из этого положения привели к двум решениям: к составлению особых промежуточных справочных аппаратов («нумерационная тетрадь» И.А. Крылова) и предложения А.Х. Востокова, В.С. Сопикова раскрывать «тайны» шифра и указывать его в каталогах библиотеки.

Крылов предложил все каталожные карточки нумеровать раз и навсегда присваиваемыми им порядковыми номерами, которые они должны были сохранять независимо от того, какие изменения будут в дальнейшем вноситься в каталоги. Эти порядковые номера регистрировались в графе первой особой нумерационной тетради следующей формы:

Номер карточки	Комната	Шкаф	Полка	№ книги на полке
1	2	3	4	5

По сути дела, Крыловым был введен топографический каталог упрощенной формы. Заслуга его не только в теоретическом обосновании своего предложения, но и в осуществлении его на практике в своем отделении.

Требование Рейсса к расстановке книг заключалось в том, чтобы она давала возможность «обозревающему какую-либо известную науку или известную часть какой-либо науки не долго бы и утомительно приискивать книги ононого содержания, но чтобы он мог одним взглядом усмотреть как из каталогов, так и из самых книг, какими авторами может он руководствоваться по предмету его занятий» [10].

Все это могло быть достигнуто при условии «расположения книг и каталогов по их содержанию», то есть путем применения систематической расстановки в сочетании с алфавитными и систематическими каталогами. В этих целях Рейсс все книги на полках разделил в точном согласии со своей таблицей классификации примерно на 20 тысяч разделов.

Важной особенностью явилось также указание шифра на самой книге (на ярлыке) и сообщение его читателям и библиотекарям через каталоги. Это было несомненно прогрессивное решение. В Императорской публичной библиотеке к нему пришли только через 20 лет, то есть в 40-х гг. XIX в.

В течение первой половины XIX в. развертывалась борьба между сторонниками систематической и крепостной расстановки. При этом участники дискуссии исходили из одних и тех же посылок — улучшения обслуживания читателей, ускорения выдачи книг, сокращения количества отказов. Однако и в этом случае главным объектом спора был вопрос о соотношении фондов и каталогов.

Библиотековеды XIX в. разрешили ряд вопросов, относящихся к организации библиотечных фондов: добились установления соответствия между каталогами и фондами, разрешили проблему

шифра, усовершенствовали систематическую расстановку, активно ввели в практику библиотек крепостную расстановку.

Взгляды на работу с читателями. Во взглядах на работу с читателями определяющей была идея открыть двери библиотек широкой публике. В связи с приходом нового читателя библиотеки расширяли круг своей деятельности, обращали особое внимание на создание удобств для работы над книгой, но, главное, начали изучать читателей, помогать им в выборе книг, осуществлять в какой-то мере руководство их чтением.

Уже отмечалось, что библиотековеды выдвинули ряд ценных предложений для решения задачи раскрытия книжных фондов библиотек, приближения их к читателям, облегчения их использования. Они обосновали ряд передовых идей. В нашей литературе существует точка зрения на открытый доступ как на систему организации обслуживания читателей, якобы вошедшую в практику русских библиотек самое ранее в начале XX в. Однако это не соответствует действительности. Русские библиотековеды практиковали его еще в начале XIX в. в библиотеке Московского университета. Здесь для профессоров и преподавателей был открыт доступ непосредственно в книгохранилище.

Чтобы увеличить возможность использования библиотечных фондов, Соболевский предлагал открывать библиотеку по вечерам в воскресенье и в праздничные дни, в том числе и по большим религиозным праздникам, утверждая, что чтение книг в церковные праздники не является грехом.

По мнению Соболевского, нельзя было закрывать библиотеку на июль из-за того, что в этот месяц по традиции всем библиотекарям принято было предоставлять отпуск. Лучше было бы давать отпуск поочередно [9].

Однако все эти демократические мероприятия сводились на нет тем, что не все круги читателей могли получать всю литературу, которая имелась в библиотеке. Открытие так называемых «общих» читальных залов фактически отгораживало «широкую публику» от основного книжного фонда. Последний был доступен только привилегированным категориям читателей.

Особенно «опекал» царизм студентов. В университетском уставе 1804 г. сказано: «В университетской библиотеке могут храниться все печатные и рукописные сочинения, кои по мнению факультетов и библиотекаря иметь нужно. Но как сею библиотекою не только профессора, но и вся публика может пользоваться, то неограниченное на то позволение оставляется только профессорам и адъюнктам, а для других цензура те книги, как считает соблазнительными и вредными, должна отметить в каталогах и на заглавных листах, и никому, кроме профессоров и адъюнктов, читать их не позволяется». Выдача книг студентам ограничивалась лишь учебной литературой (из специальных студенческих библиотек) в количестве 4–6 томов, а доступ к фундаментальной библиотеке был крайне ограничен.

Ограничение доступа к книгам университетской библиотеки студенты возмещали чтением запрещенных для них газет и журналов в появившихся уже в начале XIX в. кофейнях — клубах. Здесь к услугам посетителей всегда были свежие газеты и журналы, велись горячие научно-литературные и политические споры. Назовем, к примеру, кофейню Печкина в Москве, где ежедневно собирались артисты, профессора и студенты Московского университета, где бывали В.Г. Белинский, А.И. Герцен, Т.Н. Грановский и другие.

Увеличение числа читателей, расширение доступа к фондам потребовали охраны фондов от хищений. Это было тем более необходимо, что уже в XVIII в. появились и первые библиотечные воры. Среди них первое, но отнюдь не почетное, место принадлежит профессору Московского университета Х.-Ф. Маттеи, который воровал в московских книгохранилищах рукописи (всего он похитил 52 рукописи) и продавал их в Германию.

Большое значение придавалось возвращению выданных книг в срок и регулярной проверке библиотечного фонда «через каждую половину года или по крайней мере через год».

Особенностью всех мероприятий охранного порядка в XIX в. являлось преобладание мер ограничительного и карательного характера. О воспитательных мерах, то есть об обязанности

библиотекарей воспитывать у читателей чувство уважения к книге и библиотеке, говорилось очень робко. Исключением здесь является деятельность Соболящикова, который настойчиво призывал библиотекарей бороться против варварского обращения с книгами и журналами и не допустить их повреждения. Его особенно возмущала порча книг: вырывание листов, рисунков, гравюр. «Книга с вырванным чертежом, вырезанною статьею есть вечная рана, которую ничто не залечит, — писал он, — она отзовется болью в самом отдаленном потомке, которому доведется раскрыть изуродованную книгу» [9].

Проблемы библиотечных кадров. Открытие в первой половине XIX в. ряда новых библиотек и расширение круга читателей выдвинули на первый план проблему библиотечных кадров. Если еще преждевременно было ставить и решать задачу специальной подготовки библиотекарей, то главное внимание было уделено обоснованию значения библиотечной профессии и установлению требований к библиотекарю-профессионалу.

В этот период фактически еще не было библиотекарей — профессионалов, имеющих специальную подготовку. По большей части это были представители разных «интеллигентских» профессий — литераторы, филологи, историки, юристы, преподаватели учебных заведений.

Библиотекари-профессионалы появляются лишь к середине XIX в., и первый среди них — Соболяшков. Он впервые в истории русского библиотековедения охарактеризовал основные функции библиотечных работников и сделал из этого практические выводы. «Обязанности библиотекарей, исполняемые ими всеми в настоящее время, разделяются на 3 главные:

1. Правильное, научное ведение дел приращения библиотеки.
2. Каталогизация всего вступающего.
3. Хранение вступившего.

Для занятий по каждой из сих частей могли бы быть назначены особые лица. Для ясности изложения я назову их: а) библиотекарями; б) каталогизаторами; в) хранителями» [9].

Одоевский еще в начале 50-х гг. принимал непосредственное участие в осуществлении дифференциации функций библиотекарей, в их специализации, в четком определении круга их обязанностей. Будучи помощником директора, он вникал во все технологические процессы и, более того, немало сделал для введения впервые в библиотечную практику норм. Он создал, говоря современным языком, операционно-технологическую карту прохождения книги от фонда к читателю и обратно. Этот документ имел тяжеловатое название — «Периоды операции выдачи книг в чтение». Каждый процесс в нем (а их было 16) был нормирован из расчета времени на 1 книгу.

В университетских библиотеках в соответствии с университетским уставом 1804 г. были точно определены требования к библиотекарю и его помощникам. Исходя из признания библиотеки вполне самостоятельным научно-вспомогательным учреждением, предназначенным «для распространения наук и просвещения», устав предъявлял требование, чтобы библиотекарь избирался общим собранием только из числа ординарных профессоров, а его помощники — из адъюнктов или магистров.

Но это объяснялось вовсе не высокой оценкой роли библиотеки и ее штатных работников, скорее наоборот. Как писал К.И. Рубинский: «...В то время, когда у нас возникали академические библиотеки, на них смотрели как на склады книг, которые необходимо иметь под рукою для преподавания. Библиотека — это место хранения книг в буквальном смысле слова, библиотекарь — это лицо, которому доверено хранение — и только хранение книг. Хранить книги не так-то трудно, поэтому поручить ключи от библиотеки можно и профессору, который мог бы лишь заглядывать в библиотеку в часы выдачи книг».

Не улучшилось положение библиотекарей вузов и по уставу 1835 г., в соответствии с которым в них была предусмотрена особая должность библиотекаря. Вызвано это было тем, по свидетельству Рубинского, что возложение обязанностей заведующего библиотекой на профессоров «ведет к очень печальным последствиям. Состояние библиотек было плачевное, и стало

очевидным, что необходимо поручить их лицам, не принадлежащим к профессорскому персоналу».

Так, получила признание та истина, что библиотечное дело могут и должны делать люди, обладающие для этого специальной профессиональной подготовкой. Это был серьезный успех в борьбе за признание библиотечной профессии как профессии самостоятельной, требующей получения, кроме общего образования, образования специального. Постепенно изменялись воззрения на библиотекаря. Идеальные представления о нем как о знатоке книг, друге и помощнике читателей на глазах облекались в плоть и кровь и вступали в жизнь.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Почему XIX в. называется «золотым веком» в библиотечном деле? Какие крупные библиотеки появились в это время?
2. Какие выдающиеся деятели науки и культуры XIX в. работали в библиотеках?
3. Какие функции национальной библиотеки выполняла Императорская публичная библиотека?
4. Какую роль в комплектовании библиотек сыграло введение обязательного экземпляра?
5. Какие правила и приемы комплектования и организации фондов, каталогов появились в XIX в.?
6. Какие типы библиотек были характерны для XIX в.?

Литература

1. *Абрамов К.И.* Первая нелегальная рабочая библиотека в Петербурге (1872–1874) / К.И. Абрамов // Библиотеки СССР. 1963. Вып. 23. С. 125–138.
2. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР / К.И. Абрамов. М., 1980.
3. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России / К.И. Абрамов. М. : Либерия, 2000. С. 51–94.
4. *Бендерский И.* Век XIX, время расцвета библиотек России / И. Бендерский // Библиотекарь. 1991. № 7. С. 58–60.

5. *Бендерский И.* Связующая нить / И. Бендерский // Библиотекарь. 1991. № 9. С. 67–69.

6. *Ванеев А.Н.* Библиотековедение в России во второй половине XIX века : учеб. пособие / А.Н. Ванеев ; СПбГАК. СПб., 1999. 70 с.

7. *Дворкина М.Я.* Революционные демократы о социальной роли библиотек / М.Я. Дворкина // Теория и практика библиотечно-го строительства СССР : сб. трудов. М., 1976. С. 92–106.

8. *Герцен А.И.* Речь, сказанная при открытии публичной библиотеки для чтения в Вятке / А.И. Герцен // Собрание сочинений. Т. 1. С. 366–369.

9. *Голубева О.Д.* В.И. Соболевский, В.Ф. Одоевский / О.Д. Голубева, А.Л. Гольберг. М., 1983. 232 с.

10. *Григорьев Ю.В.* История русского библиотековедения (1700–1860) / Ю.В. Григорьев // *Столяров Ю.Н.* Ю.В. Григорьев. М., 1989. С. 69–208.

11. Из истории нелегальных библиотек революционных организаций в царской России : сб. / под ред. Е. Стасовой. М., 1956. С. 23–61.

12. История Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Л., 1963. С. 11–124.

13. История Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина за 100 лет: 1862–1962. М., 1962. 277с.

14. *Костин А.* К образованию ума и сердца. Публичные библиотеки в уездных городах России в первой половине XIX века / А. Костин // Библиотека. 1992. № 9–10. С. 23–25.

15. *Стефанович В.Н.* В.В. Стасов (1824–1906) : очерк библиотечной деятельности / В.Н. Стефанович. М., 1956. 132 с.

§ 5 Библиотечное дело в конце XIX — начале XX в.

Период расцвета литературы и искусства в России конца XIX — начала XX в. обычно называют Серебряным веком. Однако сами современники, вскормленные Серебряного века, понимали его как период всеохватывающего творческого подъема и духовного обновления в сфере культуры, в предельно широком понимании последней.

Серебряный век стал своеобразной антитезой духовной стагнации 1880-х гг., проявившейся в активизации либерального движения, возникновении легальных политических партий, значительном росте издательского дела, выходе в свет манифестов, новых литературных течений (символизма, акмеизма, футуризма), художественном движении «Мир искусства», религиозно-философской мысли (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, П.Н. Флоренский и другие), которая была ориентирована на исследование исторической и религиозной судеб России. Бердяев называл это время «русским культурным ренессансом», когда ощущение начала новой эры было сопряжено с возвратом к традициям русской религиозной мысли XIX в. (Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев).

Внутреннее содержание культурно-ренессансного движения в России Бердяев видел в борьбе его представителей против «сууженности сознания традиционной интеллигенции». Однако начавшийся процесс был насильственно прерван октябрьской революцией 1917 г., а его творцы были преданы анафеме на родине, значительная часть их оказалась в эмиграции.

Рост образования, науки, культуры, промышленный и общественный подъем конца XIX — начала XX в. предопределили

дальнейшее усиление потребности самых разных слоев населения в библиотеках. Создаются библиотеки по читательскому назначению, принадлежности, месту в системе библиотек страны (региона, города), по составу фондов (универсальные и специальные). По основному критерию — читательскому назначению — библиотеки продолжали делиться на общедоступные (платные и бесплатные) и ограниченного пользования (сословных и коммерческих клубов, обществ, служебные — организаций, предприятий, учреждений). По принадлежности — на государственные, общественных организаций и личные. К началу XX в. имелись библиотеки сельские, волостные, уездные, губернские, в крупных городах — городские и районные.

Библиотеки общественных организаций конца XIX — начала XX в. Реформы Александра II способствовали развитию активности населения России, они пробудили общественную самодетельность масс. Особенно ярко это проявилось в создании различных общественных организаций, оказавших значительное влияние на народное образование и просвещение России.

Особая заслуга в этом принадлежала Петербургскому и Московскому комитетам грамотности, Харьковскому и Киевскому обществам грамотности, Тамбовскому обществу народных чтений, которые рассылали воззвания, подписные листы, собирали пожертвования, сформировали целый ряд библиотек. В ту же эпоху народные читальни и библиотеки стали учреждаться и городскими управлениями по инициативе известных благотворителей. Они открывались в Москве, Петербурге, Одессе, Красноярске, Омске.

Так, в Тамбове Е.Д. Нарышкин на свои средства организовал библиотеку и выстроил большое здание народной аудитории, где она размещалась. На средства, завещанные издателем Ф.Ф. Павленковым, устроено 2023 сельские народные библиотеки. Просвещенный общественный деятель П.И. Макушин пожертвовал большой капитал на устройство народных библиотек в Сибири и т. д.

Наиболее близким по духу Вольному экономическому обществу было Русское техническое общество (РТО). Императорское РТО было основано в 1866 г. и стало центром научно-технического прогресса во всех отраслях промышленности. РТО имело 38 отделений, в которых регулярно проводились чтения и публичные лекции по техническим вопросам. При РТО была создана техническая библиотека, состоявшая из 4 тысяч томов, приобретенных за счет пожертвований. Основную ценность библиотеки составляли технические и специальные журналы на русском, немецком, французском и английском языках. При обществе была создана Библиотечная комиссия, осуществлявшая контроль за деятельностью библиотеки. Пользование библиотекой РТО было платным, исключение делалось только для студенческой молодежи. Она обслуживала только членов данного общества или лиц, получивших специальную рекомендацию от членов общества. Учредители библиотеки стремились вести работу по изучению читательского спроса. В библиотеке собирались заявки читателей на приобретение той или иной литературы. С учетом финансовых возможностей проводились закупки книг. Читатель, подавший запрос на приобретение какого-либо издания, обязан был внести 75% его стоимости. Деятельность РТО и его библиотеки носила чисто просветительский характер и была далека от политической деятельности.

Говоря об общественном движении в библиотечном деле конца XIX — начала XX в., долгое время рассматривали его только с точки зрения деятельности тех организаций, которые были тесно связаны с революционной деятельностью. Это были библиотеки, имеющие отношение к движению народников, революционных рабочих кружков марксистских организаций. Деятельность других общественных объединений, далеких от пропаганды революционных взглядов и идей, подлежала забвению, либо оценивалась явно отрицательно.

Одним из важных направлений общественных движений в XIX в. являлось славянофильство. Основу взглядов славянофилов составляло отрицание западноевропейского процесса раз-

вития общества. Свой идеал они видели в патриархальной России. В 1858 г. московским славянофилом М.П. Погодиным было создано Славянское благотворительное общество, ставившее своей целью оказание материальной и духовной поддержки славянским народам. В Москве открывается Московский славянский благотворительный комитет, преобразованный в 1877 г. в Московское славянское общество. При обществе создается библиотека и книжный склад. Вся литература, поступающая на книжный склад общества, делилась на три категории: одна часть шла для пополнения библиотеки, которая обслуживала только членов общества, другая — для продажи с благотворительными целями, третья пересылалась за границу. Основные книжные рассылки осуществлялись на территории Болгарии. В основном это были книги просветительского характера. В 1878 г. Московское славянское благотворительное общество прекратило свое существование, и его имущество было распродано.

В октябре 1895 г. с одобрения императора Николая II было создано Общество ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. Эта организация создавалась с целью «умножения и распространения знаний по общественной истории в духе русского начала». Членами — учредителями общества стали крупные аристократы. Обществом была создана библиотека, в которой собиралась литература исторической тематики. Особую ценность библиотеки составлял отдел «Генеалогия», в котором собиралась история аристократических родов России. Несмотря на то, что члены общества придерживались монархических взглядов, фонд библиотеки комплектовался весьма разносторонне. В ней имелись произведения авторов, критически относящихся к династии Романовых: Герцена, Достоевского, Салтыкова-Щедрина, Пушкина и других. Это позволяет сделать вывод об относительной терпимости членов общества к иным политическим воззрениям.

В начале XX в. активизировалось создание общественных организаций, объединяющих людей, связанных одной профессией. Задача этих объединений состояла в осуществлении духовной,

материальной и профессиональной поддержки коллег. Эти организации старались не участвовать в политических выступлениях и зачастую носили замкнутый «цеховой» характер. В 1909 г. по инициативе А.И. Куинджи было создано общество художников. После его смерти обществу было присвоено имя основателя. Целью этого объединения являлось развитие и распространение искусства в России. Для расширения возможности знакомства с литературой по искусству членами общества была создана библиотека. Для нее приобретались книги по вопросам искусства и художественной промышленности. Выпуск литературы по искусству в начале XX в. был весьма ограничен. Из-за малых тиражей эти издания составляли большую редкость. В связи с этим значение библиотеки общества трудно переоценить. Она позволяла многим художникам знакомиться с новыми изданиями. Частыми гостями библиотеки были учащиеся художественных училищ. По разрешению правления библиотекой можно было пользоваться и посторонним лицам. Надо сказать о том, что основу книжной коллекции составили издания из личного собрания А.И. Куинджи. Обществу перешли многие произведения художника. К сожалению, сведения об этой библиотеке чрезвычайно скудны. Известно, что общество продолжало свою деятельность в 20-е гг.

Показательно, что любое общественное движение рассматривало создание библиотеки как одно из основных направлений своей просветительской и благотворительной деятельности. Расширение сети шло в основном за счет общественной инициативы, а не правительственных усилий, как это было характерно в XVIII в. В государственной политике сохранилась тенденция к усилению ограничений «по отношению к библиотекам, предназначенным для менее обеспеченного и менее культурного трудового населения», как отмечала Л.Б. Хавкина [10].

Видную роль в развитии библиотечного дела в конце XIX — начале XX в. сыграли земства. Еще в 70–80-х гг. XIX в. земства оказывали известную помощь развитию сети народных и общественных библиотек, но до середины 90-х гг. ничего существенного в этой области сделано не было. С середины 90-х гг.

в деятельности земств в области библиотечного дела наблюдается заметное оживление. Начиная с 1895 г., подавляющее большинство губернских и уездных земств принимают более или менее действенные меры по созданию библиотек в губерниях и уездах.

Земско-библиотечное дело развивалось по двум самостоятельным направлениям. Первое включало развитие публичных (платных) и специальных библиотек для земских служащих, второе — развитие бесплатных народных (общественных) библиотек-читален.

Публичные библиотеки учреждались земствами часто за счет совместных средств земств и городов. Открывались они в городах и предназначались главным образом для удовлетворения потребностей земских и городских служащих. К 1911 г. земства содержали в городах 142 публичные библиотеки. Их книжные богатства относились к числу крупных коллекций, исчисляемых тысячами томов, среди которых было много научных изданий. Они имели штат от 3 до 5 человек, в том числе помощников библиотечкарей [6].

Приоритетным направлением для большинства земств оставалась организация бесплатных народных библиотек и читален в силу того, что земства, как органы местного самоуправления, были заинтересованы прежде всего в общедоступности своих просветительских учреждений, и поэтому одним из лучших путей предоставления знания признавалось учреждение бесплатных народных библиотек. Например, к 1917 г. земства содержали 14 тысяч общественных библиотек-читален [6].

В начале XX в. земства организовали систему передвижных библиотек, которые преследовали те же цели, что и стационарные библиотеки-читальни. Селения, имеющие небольшое число читателей, обслуживались передвижными библиотеками. Одной из форм организации библиотечного обслуживания на селе были избы-читальни. Земства входили в соглашение с крестьянами, желавшими предоставить свой дом для собрания крестьян и чтения им вслух газет и журналов в определенные дни и часы.

Например, Самарское губернское земское собрание в целях ознакомления населения с положением дел на фронтах Первой мировой войны ассигновало 40 тысяч рублей на открытие 700 изб-читален, а Уфимское губернское земство к 1916 г. — более 400 изб-читален [12].

В конце XIX — начале XX в. земства открывали также специальные библиотеки для своих служащих. Можно выделить 3 наиболее крупных типа специальных библиотек для земских деятелей: центральные, отраслевые и районные (участковые) библиотеки. Широкое распространение получили отраслевые и районные библиотеки для земских учителей, врачей, агрономов, ветеринаров, статистиков.

Земская практика выработала многообразные формы библиотечного обслуживания. Однако роль земств на библиотечном фронте не ограничивается только местной инициативой. Они насаждали многие формы библиотечного обслуживания населения. При этом земства подключали к данной работе широкие круги местного населения, стремились реализовать такие принципы организации работы, как общедоступность, самостоятельность, бесплатность библиотек.

Организация деятельности оставляла желать много лучшего: помещения были плохие, нередко библиотека ютилась в прихожей, в коридоре, в волостном правлении, заведование библиотекой безвозмездно возлагалось то на учителей, то на лиц из местной интеллигенции (агрономов, фельдшеров). Ограничен был и состав книг. Тем не менее число народных библиотек в сельской местности быстро увеличивалось. Так, во Владимирской губернии в 1895 г. было 7 земских библиотек, а в 1904 г. — уже 150. В Костромской губернии за тот же период количество земских библиотек возросло с 5 до 88, в Ярославской — с 10 до 129, в Саратовской — с 10 до 189, Тверской — с 10 до 175 [12].

Но, несмотря на известные успехи, общее состояние библиотечного дела в России накануне первой русской революции по-прежнему оставалось тяжелым. Согласно ст. 175 цензурного

устава для открытия общественной или народной библиотеки необходимо было получить разрешение от местного губернатора. Губернаторы использовали это право в ущерб библиотечному делу и часто произвольно отклоняли ходатайства об открытии библиотек.

«Временными правилами» 1884 г., просуществовавшими до октябрьской революции, губернаторам давалось право по собственному усмотрению закрывать библиотеки на определенный срок. Это право широко использовалось, особенно в периоды подъема революционного движения, чтобы помешать превращению библиотек в центры распространения нелегальной литературы. С целью предотвратить проникновение в публичные библиотеки прогрессивной литературы Министерство внутренних дел выпускало специальные указатели книг, «запрещенных для обращения в публичных библиотеках».

Особенно бесправным было положение народных библиотек и читален, обслуживающих демократические слои населения. Для этих библиотек, помимо общих законов, издавались особые постановления и правила. Деятельность народных библиотек регламентировалась изданными в 1890 г. «правилами» о надзоре за бесплатными народными библиотеками и читальнями, тормозившими их развитие. За народными библиотеками установился тройной надзор: Министерства внутренних дел, Министерства народного просвещения и духовного ведомства. Для непосредственного осуществления этого надзора в библиотеках создавалась специальная должность «наблюдателя», которую обычно занимали представители духовенства.

В период вооруженных восстаний губернаторы особенно широко использовали свое право закрывать библиотеки. Поэтому в библиотеках в период спада революционного движения наблюдается сокращение числа читателей, падение книговыдачи. В годы подавления революции многие библиотеки закрыты как «вредные» и «опасные» учреждения.

В 1912 г. были изданы новые правила о надзоре за народными библиотеками и читальнями, существенно ограничивающие

возможности влияния революционных сил на народные массы. Эти библиотечные правила приобрели особую актуальность в годы войны, когда наметилось сотрудничество запрещенных партий с германским Генеральным штабом, когда финансовые и организационные возможности нелегалов в печатании антироссийских изданий за рубежом и в подполье, в распространении их через библиотеки для народа значительно возросли.

Однако государственная власть не сумела реализовать на практике правила о надзоре за народными библиотеками и читальнями. С самого начала оппозиция в земствах и местных библиотечных и культурно-просветительских обществах стала выступать с бурными протестами против этих защитных мер правительства, призывала библиотекарей саботировать их выполнение. Массированная кампания в либеральной и революционной печати привела сначала к официальным дебатам о новых правилах для библиотек в Государственной Думе. А в мае 1915 г., во время тяжелейшего периода войны, библиотечные правила 1912 г. были отменены.

К началу Первой мировой войны в России было 75,9 тысяч различных библиотек с книжным фондом 46 млн экземпляров. Более 11 тысяч из них с общим фондом в 4,5 млн находились в сельской местности.

В то время существовало 59 тысяч школьных (имеются ввиду школы Министерства просвещения), 13,9 тысяч массовых и 3 тысячи научных и специальных библиотек. В это число не вошли еще 4 тысячи бесплатных библиотек и читален попечительства о народной трезвости, 2,5 тысячи церковно-приходских народных библиотек, несколько тысяч библиотек, открытых различными культурными, общественными, коммерческими, религиозными, сословными и другими организациями. Сюда же не были включены 33,5 тысяч церковных библиотек (отчет Св. Синода за 1914 г.), а также профсоюзные, кооперативные и библиотеки, открытые владельцами заводов и фабрик.

Имеющиеся статистические данные свидетельствуют об увеличении числа отдельных типов и видов библиотек. Так, в 1915 г.

по учебным округам России Министерством просвещения было выявлено 17,5 тысяч народных библиотек, открытых при школах. Росли и фонды библиотек. К примеру, в Москве фонды бесплатных библиотек и читален к 1 января 1915 г. увеличились по сравнению с предыдущим показателем более, чем на 25 тысяч экземпляров [6].

Инициаторами открытия народных библиотек выступали общественные объединения и государственные структуры. В последнее десятилетие XIX в. в России развернули свою деятельность *комитеты попечительства о народной трезвости*.

Одну из главных ролей в своей деятельности комитеты отводили книге, считая, что она «не только способна поднять и улучшить нравственный и умственный уровень народа, но и непосредственно содействовать задачам попечительства в борьбе с пьянством, разъясняя народу вред такового и развивая в нем более культурные потребности».

О строительстве специальных зданий под библиотеки-читальни речи тогда не было — обычно попечительства открывали их при чайных, стремясь тем самым привить народу привычку к культурному досугу, а также при школах или изредка в специально арендованных помещениях.

Основными читателями народных библиотек были дети, бравшие книги не только для себя, но и для своих родителей. Наибольшей популярностью пользовались историческая литература, книги духовно-нравственного содержания, о крестьянском быте и произведения выдающихся русских писателей.

В читальнях не только выдавались книги, но и организовывались спектакли, вечерние курсы, читались циклы лекций на различные темы с показом «туманных картин». Так, в селе Богодаровке Оренбургского уезда заведующая библиотекой, чтобы отвлечь молодежь от азартной карточной игры и отравления «кислушкой», денатуратом и прочим, устраивает в помещении библиотеки вечеринки для парней и девушек, где обучает девушек рукоделию, а парней — игре на гитаре и балалайке. Молодежь очень заинтересовалась этими вечеринками и охотно

посещала их. Но «темная» сила и здесь нашла пищу для работы: по селу стали ходить слухи о том, что библиотекарша «непутевая», что пускать к ней молодежь грешно и богопротивно. Старрики стали с недоверием относиться к библиотекарше и перестали пускать молодежь на вечеринки [6].

Таким образом, по-разному подходя к вопросу создания народных библиотек, комитеты попечительства о народной трезвости и земства сходились в одном: они стремились через книгу и культурный досуг повысить нравственный и умственный уровень народа, и библиотека, как хранилище духовных ценностей и накопленных веками знаний, конечно же, стояла у них на первом месте.

По аналогии с системой народного образования, при которой средняя школа была предназначена для высших слоев общества, неполная средняя — для средних слоев, а народная — для «черни», библиотеки России и многих стран Европы делились на публичные и народные, точнее сказать, для «простонародья».

Идеалом прогрессивных русских деятелей культуры являлась «единая общеобразовательная библиотека для всего населения... не простонародная, а всенародная». Действительно, за такую идею стоило бороться. И за нее боролись в те годы Н.А. Рубакин, К.Н. Дерунов, Л.Б. Хавкина и многие другие библиотековеды.

Особое значение придавала Л.Б. Хавкина общественной библиотеке, которая представляла кооперативное товарищество подписчиков с утвержденным уставом и выборным началом. Работая в Харьковской общественной библиотеке с 1890 г., она всемерно пропагандировала преимущества библиотек этого типа: общественная библиотека обслуживала читателей всех категорий: она имела независимые от государства средства и выдвигала из своей среды деятелей, которые добровольно отдавали ей свои знания и труд.

Придавая большое значение участию общественности в работе библиотек, Л.Б. Хавкина считала, что управление библиотекой должно осуществляться коллегиально обществом членов

библиотеки — ее читателей и выбранным из их среды библиотечным советом.

Прогрессивной была позиция Хавкиной и в отношении системы организации городской библиотечной сети. В основе ее лежала идея создания филиальной системы. В одной из статей 1913 г. она привела описание сети библиотек большого города в США: «Крупная центральная библиотека-читальня (в несколько сот тысяч томов), филиальные отделения, тоже библиотеки-читальни (десятки тысяч и тысячи томов), выдачные пункты и, наконец, передвижные библиотеки, которые идут в разные учреждения, на окраины города и за город. Вся эта сеть объединена единым управлением, а также планомерностью и солидарностью» [10].

Осуществление подобной системы, по мнению Хавкиной, возможно было только при наличии в стране, в качестве основного типа, единой общеобразовательной публичной библиотеки.

Хавкина считала, что за филиальной системой должна последовать система иногороднего абонемента, когда книги высылаются иногородним читателям за их счет, затем — междубиблиотечного абонемента. «Еще шаг вперед — и установлен был международный абонемент, которым пользуются библиотеки почти всех европейских стран. В этом абонемента участвуют и наиболее крупные русские книгохранилища», — писала Хавкина в 1904 г. [10].

Усиленно пропагандировала Хавкина и передвижные библиотеки. Еще в 1914 г. привлек ее внимание опыт организации подобного рода библиотек земским учителем Пермского уезда Н.Я. Копысовым, который путем сбора пожертвований комплектовал и направил в деревни 10 библиотек по 100 книг в каждой, общей стоимостью в 20–25 рублей. Библиотеки эти были не тождественны по своему составу, так что одна дополняла другую. Они пересылались бесплатно по земской почте, за пользование ими не взималось платы, не требовались и залогов.

Хавкина неоднократно возвращалась к этой форме продвижения книги в широкие массы, отмечая преимущество передвижной библиотеки в том, что она позволяет малыми средствами

достигнуть значительного эффекта. Весь секрет в том, что благодаря передвижению одним и тем же количеством книг путем их обмена можно обслужить большее количество пунктов, увеличить количество читателей.

Добивался осуществления плана организации в Москве сети общедоступных городских библиотек Александр Александрович Покровский (1879–1949). Сеть библиотек в Москве была крайне недостаточна и не шла ни в какое сравнение, например, с тем, что Покровский увидел в Берлине, где четырем московским более или менее крупным библиотекам противостояли 28 аналогичных библиотек, «да кроме них — центральная городская библиотека». Покровский приводит мнение немецкого специалиста профессора Семона, что существующие библиотеки «далеко не удовлетворяют запросов берлинского населения». «Что же он сказал бы о Москве, — восклицает Покровский, — если бы видел толпы ждущих очереди читателей, переполняющих наши четыре городские библиотеки» [18].

С началом Первой мировой войны спрос на книги в библиотеках падает, но возрастает на периодическую, иллюстрированную литературу. Сокращается поступление книг, особенно иностранных, в научные и специальные библиотеки. По инициативе земских и городских учреждений в библиотеках организуются сборы книг для отправки на фронт, для раненых. При Вольном экономическом обществе создается отдел, а при Обществе библиотековедения — специальная комиссия по организации лазаретных библиотек.

В августе 1914 — феврале 1917 г. было создано немало новых библиотек в тылу, в госпиталях, на фронте за счет частных пожертвований, от церквей и монастырей, купцов и заводчиков, представителей аристократии. Крестьяне и рабочие среднего достатка жертвовали деньги на книги, отправляемые затем на фронт в солдатские библиотечки.

Во время Первой мировой войны цвет нашей интеллигенции, библиотечных работников доказал готовность к массовому самоотречению, жертвенности и подвигам во имя идеи. Проявляя удивительные человеческие и профессиональные качества,

библиотекари делали все возможное, чтобы обеспечить столь нужное для воинов бесперебойное библиотечное обслуживание. Они оказывали немалую душевную поддержку раненым, помогали инвалидам преодолеть личностный кризис, учиться, овладевать новой мирной профессией, возвращаться к полноценной жизни. Лучшие библиотечные книги питали необходимой духовной пищей мирное население, служили источником, поддерживающим внутренние силы всего народа. Библиотекари — люди столь мирной профессии — подчас погибали на передовой с сумкой книг и газет на плече.

Первая мировая война обнажила трагическую разделенность российского общества. По сути, единства не оказалось ни в одном из его слоев. Разъединение властвовало и в библиотечном деле. В военное время активизировалась деятельность самых разных библиотек. Фронтовые части обслуживались как официальными библиотеками-передвижками, армейскими библиотечками, книгоношами, так и нелегальными мобильными «летучими» библиотеками антиправительственных партий (большевики, эсеры, эсдеки и прочие).

Одни библиотекари, подчас под обстрелом врага, устраивали громкие читки книг, брошюр и газет, призывавших к борьбе до победного конца, стойкости воинского духа, крепкой боевой дисциплине, верности присяге. Другие — подвергаясь не меньшей опасности, тайно проводили негромкое чтение запрещенных листовок и прокламаций с призывами к свержению «прогнившей николаевщины», братанию с врагом — «немецким и австро-венгерским пролетарием», подстрекавших солдат к непослушанию военному начальству, самовольному оставлению фронта, обосновывавших «необходимость перерастания империалистической войны в гражданскую» [8].

Были и объективные причины недовольства солдат: долгая и малоудачная война, существовавшая в обществе социальная несправедливость. Это недовольство мгновенно подхватывали и революционные агитаторы. Постоянными темами солдатских бесед становились разговоры о несправедливом положении рабочих и

крестьян, эксплуатации их «барами и господами», необходимости как можно скорее, на любых условиях, закончить войну. Такие настроения, естественно, поднимали спрос на нелегальную литературу.

Ее распространение облегчалось благодаря боевой обстановке. Начальство умерило требования по соблюдению уставов, заметно реже проводило осмотр солдатских сундучков, вещмешков и постельных принадлежностей на предмет обнаружения недозволенной литературы. Но фронтовая обстановка одновременно и затрудняла деятельность распространителей нелегальной литературы: воинские подразделения часто перебрасывались с одного боевого участка на другой, вследствие чего на время прерывалась связь центра с «первичками».

Доставка запрещенной литературы обычно производилась низшими чинами — членами антиправительственных партий и «сочувствующими», ездившими на побывку домой. Используя опыт подпольной работы, они упаковывали приобретенное в тюки или мешки и привозили в пассажирских, а порой в товарных вагонах до ближайшей к расположению воинской части станции. Иной раз литературу доставали в прифронтовых городах, где имелись незаконные структуры, обладавшие библиотечными фондами.

Не лучше обстояло дело и в нашем тылу. Верноподданные силы с первых месяцев войны предпринимали все возможное, чтобы укрепить тыл, призвать разные слои населения к сплоченности и самоотверженному труду во имя спасения Отечества. Открывались народные библиотеки, издавалась религиозно-нравственная и военно-патриотическая литература. Противными же силами с помощью полулегальных библиотек и типографий велась пропаганда забастовок и крестьянских бунтов, умело разжигались противоречия между сословиями, прославлялись случаи уклонений от мобилизации как проявление «подлинно гражданского мужества».

Нелегальные и полулегальные библиотеки в годы войны меняли формы и методы работы. Они действовали «под прикрытием»

самообразовательных, литературно-художественных, семейно-досуговых, женских обществ и клубов. Даже московское общество «Детский труд и отдых» стало опорной базой Бутырского райкома РСДРП и его библиотеки.

О содержании и направлении работы подобных библиотек компетентные царские органы сообщали следующее. Жандармский ротмистр после проверки библиотеки третьего женского клуба Москвы в сентябре 1913 г. докладывал начальнику Московского охранного отделения: «Классикам и изданиям общеобразовательного характера отведено самое незначительное место. В громадном же большинстве преобладает литература агитационного характера, изданная явочным порядком в виде брошюр и отдельных статей, помещенных в ежемесячных изданиях», которые «отнюдь не могут благоприятно отразиться на лицах, пользующихся этой библиотекой, тем более, что главный контингент третьего женского клуба состоит из людей малоинтеллигентных (работницы, ткачихи, портные и другие), не могущих отнестись критически к прочитанному» [8].

Добавим, что крупные революционные структуры создавали сразу несколько видов библиотек: для рядовых членов, для местных «вождей», для боевых дружин и т. д. Так, в особых библиотеках, обслуживавших боевиков, были, например, брошюры: «Наставление по стрельбе», «Тактика уличного боя», «Техника работы со взрывчатыми веществами».

Нелегальные библиотеки становились настоящими революционными центрами. Так, библиотека-читальня им. Гоголя Москвы, открытая в марте 1909 г., вскоре была прибрана к рукам большевистской организацией и стала местом получения явок и адресов конспиративных свиданий, в том числе и для областного бюро РСДРП (б). Помещение библиотеки подчас использовалось для устройства собраний, партконференций. Например, в 1915 г. здесь прошло слушание и обсуждение доклада известного большевика П.Г. Смидовича о позиции РСДРП (б) по отношению к «империалистической» войне. По свидетельству М.И. Ульяновой, в квартире заведующей библиотекой

О.И. Чачиной, располагавшейся при самой библиотеке, систематически находили приют и ночлег многие укрывавшиеся от полиции партработники.

После победы Февральской революции отменяются правила 1915 г. о народных библиотеках и читальнях, перестают действовать другие законы и нормы, стесняющие свободное их развитие. Стали впервые претворяться в жизнь идеи библиотечного строительства, выработанные широкими кругами общественности, земствами и городскими думами еще в старой России на основе достижений международной теории и практики.

Уже 6 марта 1917 г. Временное правительство в обращении к гражданам России объявило, что будет руководствоваться «новыми основаниями» в управлении государством, в числе которых «свобода слова, печати, союзов, собраний и стачек», «отмена всех сословных, вероисповедных, национальных ограничений», установленных прежним строем. Одновременно вводилось «всеобщее, равное, прямое и тайное голосование» при выборах органов местного самоуправления. 12 апреля особым постановлением «О собраниях и союзах» все граждане России получили право «без особого на то разрешения» образовывать общества, объединения и профсоюзы. Закрываются эти общества и союзы могли только по решению суда. Тогда же правительство высказало намерение создавать фабрично-заводские комитеты, которые получили возможность открывать рабочие библиотеки, читальни и другие культурно-просветительские учреждения без всяких ограничений [2].

27 апреля постановлением Временного правительства Главное управление по делам печати упразднилось и учреждалась Книжная палата с отделом регистрации текущих изданий, бюро международной библиографии по естественному, Русским библиографическим институтом и Государственным книжным фондом. В правительственном «Наказе Книжной палате» были определены направления ее деятельности. Ей вменялось в обязанность «всемерно обеспечить доступ к книжным собраниям, развивать и направлять дело пополнения существующих

в государстве книгохранилищ, а также создавать благоприятные условия для развития библиотечного дела в России». Способствовать этому посредством обмена книгами между русскими и зарубежными библиотеками, составления общего каталога российских библиотек, списков научных и специальных библиотек должен был Государственный книжный фонд. Он обязан был, кроме того, помогать комплектованию научных библиотек, подбирать и посылать для них нужные книги и приобретать литературу по их просьбе. При фонде планировалось сформировать библиотеку изданий по библиотековедению и библиографии.

Общественность, не дожидаясь министерских распоряжений, обращалась в правительство, в периодические издания с наказами, петициями и требованиями о коренной реорганизации библиотечного обслуживания народа. В результате правительству пришлось отменить все «ограничительные каталоги», препятствовавшие свободному комплектованию фондов библиотек, ввести явочный порядок регистрации и открытия библиотек и народных читален без представления соответствующих разрешений от властей. Сняты были и препоны культурно-просветительной деятельности библиотек, для осуществления которой ранее тоже надлежало получать разрешение. При назначении на библиотечную работу теперь не имела значения благонадежность сотрудника или его поднадзорность полицейскому ведомству. Всем без исключения библиотекам позволялось закупать иностранные газеты, журналы и книги, а также выписывать литературу на родном языке.

Быстро возникали новые библиотечные сети. Профсоюзы, фабрично-заводские комитеты, общества и секции Пролеткульта, другие рабочие культурно-просветительные организации повсеместно открывали библиотеки и читальни. Культурно-просветительная и библиотечная работа профсоюзов получила настолько широкий размах, что их центральные и местные комитеты приступили к формированию самостоятельных органов руководства сетью библиотек, читален, клубов и других просветительных учреждений.

16–19 октября в Петрограде прошла первая общегородская конференция пролетарских культурно-просветительных организаций, главной задачей которой стало создание общего плана постановки культурно-просветительной работы среди рабочих. В резолюции, принятой конференцией, рекомендовалось образовать «особую библиотечную коллегия» для объединения библиотечной работы пролетарских организаций. Ей поручалось: составление примерных каталогов для рабочих библиотек; выработка единых для всех библиотек правил «пользования, статистики и систематики книг и периодических изданий и т. д.», распространение анкеты «О постановке библиотечного дела в пролетарских культурно-просветительных организациях»; организация комплектования книжного фонда библиотек и читален; устройство библиотечных курсов.

Комиссии предстояло трудиться в постоянном контакте с работниками библиотечного дела, систематически созывать совещания. Участники конференции обязали библиотечную комиссию заботиться о подборе кадров для рабочих библиотек и привлекать для этого наиболее сознательных рабочих; устраивать книжные выставки; пропагандировать литературу через книгонош; продавать книги на заводах; создавать в рабочих библиотеках отделы для детей.

После Февральской революции значительно усилилась культурно-просветительная и библиотечная работа среди крестьянства. Заметный вклад в нее внесли кооперативные организации, уже имевшие в этом определенный опыт. Кооперативы создали самостоятельную сеть библиотек, изб-читален, читален при чайных, передвижных библиотек. Для лучшего руководства этой сетью образовательный отдел Совета Всероссийских кооперативных съездов в мае 1917 г. был преобразован в культурно-просветительный отдел с библиотечной секцией, при которой начала работать и библиотека. Такой же отдел появился при центральном Совете потребительской кооперации. Созданный при нем книжный склад составлял и рассылал по всей стране специальные библиотечки и комплекты книг по различным вопросам общественно-политической жизни.

Большую роль в разработке *теории библиотековедения* сыграла Л.Б. Хавкина (1871–1949). Еще во время учебы в Берлинском университете она изучала постановку работы немецких библиотек различных типов. Каникулы 1900 г. Хавкина провела во Франции, посвятив их изучению библиотек и ознакомлению с библиотечным отделом международной выставки, проходившей в это время в Париже.

Результатами изучения библиотечной жизни за рубежом она поделилась с читателями русских педагогических (библиотечных тогда еще не было) журналов «Русская школа», «Вестник воспитания», «Просвещение» в ряде статей: «Берлинские народные читальни и библиотеки» (1899), «Народная библиотека в Цвиттау» (1902), «Народные библиотеки и читальни в Берлине» (1902), «Народные библиотеки и читальни в Париже» (1902), «Частная народная библиотека в Берлине» (1903) и другие.

Теоретические позиции, изложенные в этих статьях, ознаменовали начало одной из главных линий деятельности Хавкиной — изучение и пропаганду опыта постановки библиотечного дела за рубежом. Можно утверждать, что по знанию дела и масштабам работы Хавкина была крупнейшим специалистом в этой области, чему способствовало не только посещение ею многих стран Европы, Америки и Азии, но и личные связи со многими зарубежными библиотековедами и, конечно, свободное владение многими иностранными языками.

В своих статьях она подчеркивала прежде всего демократические черты в работе зарубежных библиотек — бесплатность пользования, обеспечение большей доступности для читателей, минимум разного рода формальностей и ограничений.

Хавкина впервые создала в России учреждение, ведущее научно-исследовательскую работу в области библиотечного дела. В 1903 г. ею был организован отдел библиотековедения в Харьковской общественной библиотеке (ХОБ).

Решение относительно создания отдела библиотековедения было принято на общем собрании членов ХОБ. На нем с

докладом «Об устройстве отдела библиотековедения» выступила член правления библиотеки Хавкина. Она обосновала необходимость изучения и научной организации библиотечного дела в России по примеру США и Англии. Особое внимание в докладе уделялось кафедрам библиотековедения, библиотечным союзам и обществам, раскрытию истории съездов библиотечкарей.

Хавкина предложила устроить в ХОБ отдел библиотековедения, в который входили бы: литература по библиотековедению (история библиотек, монографии, законы о библиотеках, статистика: уставы, отчеты и права библиотек русских и иностранных; печатные каталоги; специальные периодические издания; библиография) и наглядные пособия (карты и диаграммы, виды и планы библиотечных зданий, образцы библиотечной мебели, системы классификации, нумерации, каталогизации, записи книг и т. д.). Были посланы циркулярные обращения в русские библиотеки, а в иностранные — письма с просьбой прислать материалы по приведенной программе.

15 декабря 1904 г. в ХОБ была организована презентация отдела, выставлены наиболее ценные издания по библиотечному делу, фотографии, рисунки, планы, диаграммы, папки с бланками различных библиотек. Отдел библиотековедения вошел в структуру библиотеки. При отделе был библиотечный музей, причем из-за отсутствия в Уставе ХОБ слова «музей» его пришлось назвать коллекцией наглядных пособий. В конце 1904 г. отдел располагал 2200 документами, относящимися к библиотечному делу.

Своей задачей отдел ставил проработку вопросов теории, методики и практики всей библиотечной работы на основе опыта библиотек. Его деятельность велась по трем направлениям: справочно-консультационная, учебно-педагогическая и научно-исследовательская работа.

Хавкина вспоминает тот период: «Мне приходилось почти ежедневно, отвечать на многочисленные вопросы, с которыми ко мне обращались его посетители. Это привело меня к мысли, с одной стороны, взяться за составление учебника по

библиотечному делу, и с другой — выступить на съезде с проектом о необходимости профессиональной подготовки библиотечкарей» [10].

В 1905 г. ХОБ была приглашена участвовать во всемирной выставке в г. Льеже (Бельгия), и комиссия отдела библиотековедения собрала для этой цели экспонаты библиотеки. На выставку были посланы отчеты, каталоги, альбомы фотографий с объяснительным текстом. Хавкина представила на выставке свою книгу «Библиотеки, их организация и техника», которая была награждена золотой медалью, а ХОБ за свою деятельность удостоена почетного диплома.

Первой самостоятельной публикацией по истории общественной библиотечной мысли явился «Обзор русской литературы по теории библиотековедения» Павла Михайловича Богданова (директора библиотеки Вольного экономического общества). «Обзор» содержал оценку всех основных изданий по библиотечному делу за полвека (1859–1909) и свидетельствовал о широте кругозора, критичности и историзме мышления его составителя. Характеризуя, к примеру, идеи В.И. Соболевцова о «крепостной системе» расстановки фонда, автор обзора называл эту систему «отжившей свой век», но не отрицал ее значения как простого способа расстановки книг, который позволил привести в порядок российские библиотеки, до того «совершенно беспомощные в вопросах библиотечной техники» [11].

П.М. Богданов (1871–1919), в отличие от Л.Б. Хавкиной, С.Д. Масловского, К.И. Рубинского, не решился назвать библиотековедение наукой, не ставил перед ним задачи исследовать законы библиотечной деятельности, ее социально-экономические и культурологические аспекты. «Нашу маленькую отрасль знания» (так он часто именовал библиотековедение) считал простым «комплексом знаний, необходимых для целесообразной организации библиотек» [11].

Но в то же время не примыкал Богданов и к более «консервативному» крылу библиотечных деятелей России, которые отождествляли библиотечное дело и библиотековедение,

то есть сливали науку с практикой или же сводили библиотековедение к «библиотечной технике», подменяя науку технологией, «ремеслом».

Взгляды Богданова адекватнее всего отражали совершившийся на рубеже XIX–XX вв. процесс перехода библиотечной мысли России от донаучного состояния к научному. Об этом переходе свидетельствовал и сам факт обсуждения статуса библиотековедения, равно как и появления сообщества ученых, способных на подобные дискуссии. Первая мировая война и революционные катаклизмы, прервавшие ход нормального развития страны, не позволили полностью реализовать потенциал российского библиотековедения.

В теории и практике библиотечного дела после Февральской революции центральным стал вопрос о назначении библиотек, об их задачах и роли в общественной жизни России. Четко обозначились две разные позиции. РСДРП (б) во главе с Лениным твердо отстаивала принципы партийности, классовости библиотечной работы, превращения всех библиотек в опорные базы партии по пропаганде марксистско-ленинского мировоззрения. Выдающиеся же библиотековеды Рубакин, Хавкина, Покровский, Рубинский на первый план выдвигали культурно-просветительские задачи библиотек: активное содействие развитию культуры и просвещению народа, служение идеалам демократии и общечеловеческим ценностям.

Крупнейшие самостоятельные библиотечные общества (Русское общество в Москве и Общество библиотековедения в Петрограде), собравшись в марте 1917 г. на экстренные заседания, определили основную задачу библиотек как «культурно-общественное воспитание народных масс, подготовка нации для демократизации». Однако это не означало, что библиотеке не следовало участвовать в политической жизни общества. Лозунги «беспартийности», «надклассовости» и «объективизма» в библиотечной работе ничего общего не имели с лозунгами «аполитичности», «невмешательства в чтение» населения. Как указывалось в решениях обществ, «библиотека должна энергично

и систематично работать над гражданским или политическим просвещением народа», подбирать для читателей «доступные книжки по вопросам текущей политической жизни», устраивать выставки, лекции, беседы, чтения газет, «кружки совместного изучения политических вопросов». Вместе с тем, отмечалось далее, «общественная библиотека не должна превращаться в орудие той или иной партии.

Библиотекарь может быть партийным, *библиотека беспартийна*. Она обязана знакомить читателя с «взглядами, требованиями и доводами всех партий, чтобы он мог сознательно сделать свой выбор».

Хавкина в своем основном труде «Книга и библиотека» подчеркивала: «Библиотечную политику отнюдь не следует отождествлять с политикой государственной», библиотека «должна закладывать фундамент общечеловеческой культуры», поэтому «влияние государственной политики умаляет ее задачу, суживает ее работу, придает ее деятельности тенденциозный и односторонний характер, превращает ее в орудие партийной борьбы, которой публичная библиотека по самой своей сущности должна быть чужда». Библиотека, по ее мнению, должна активно бороться, против невежества и бескультурья, «борьбу оружием» заменить «культурной борьбой общественных сил и свободных мнений», содействовать борьбе общества «за свободу слова и печати и за наше право быть свободными гражданами Великой Республики Российской» [3].

Этим же принципиальным вопросам уделял много внимания А.А. Покровский. Он писал: «Смысл и ценность общественных библиотек не в их пассивной роли, как мест хранения и выдачи по требованиям книг, а в том *активном влиянии на население*, центром которого должна быть библиотека. Общественная библиотека должна не ждать читателя, а идти к нему, искать его и привлекать к библиотеке даже равнодушного к книге человека, должна влиять на читателей, воспитывая в них любовь к книге, привычку читать и умение пользоваться книгой для самообразования; библиотека должна проводить книгу в обиход жизни

населения окрестного района, с помощью книги улучшать и материальную сторону жизни (прикладные знания) и духовную (интеллектуальная, эстетическая и этическая культура)». «В идеале задача общественной библиотеки — достичь, чтобы все жители того района, который она должна обслужить, читали *хорошие, серьезные книги, пользовались библиотекой для систематического научного самообразования*» [9].

А.А. Покровский сформулировал и условия общедоступности библиотек:

1) отсутствие всякого рода формальностей (денежные залого, поручительства и т. п.), затрудняющих читателям пользование библиотеками. При этом он ссылаясь на пример библиотек Берлина, где все книги, не исключая ценных, выдавались на дом без залога;

2) открытие библиотек в дни и часы, наиболее удобные для трудящихся («ежедневно в будни и в праздники, и возможно большее число часов в течение дня, в особенности в вечернее время»);

3) продление срока пользования книгами, отмена штрафов за просрочку;

4) облегчение выбора и получения нужной книги из городской библиотеки. Для этого необходимы хорошие каталоги, открытый доступ к полкам в читальных залах, богатый подбор книг, выдача на дом каждому одновременно нескольких книг (в том числе и дорогих) без платы и без залога.

Однако Н.А. Рубакин, к примеру, не был сторонником полной отмены залога, так как надо было охранять книжные сокровища от «порчи и расхищения» их подписчиками. «Библиотека может существовать, — писал Рубакин, — лишь при том условии, если книги, входящие в ее состав, не будут подвергаться порче и расхищению» [14].

Фонд библиотеки Рубакина расширился не только за счет покупки отдельных частных коллекций и библиотек (целый ряд крупных частных библиотек был куплен по очень низким ценам), покупки книг и издательств, но и за счет бесплатных поступлений.

Книги как будто сами шли к Рубакину всю его жизнь. Они, как ручейки с гор, вливались в его библиотеку, быстро и непрерывно растущую. Позже, когда его спрашивали, почему ему все шлют свои книги — и учреждения, и издательства, и отдельные люди, и притом почти всегда бесплатно, он с удивлением отвечал: «А к кому же должны идти книги, как не ко мне?» Ему это казалось совершенно естественным.

В 1900 г. в России было около тысячи частных библиотек, были и местные кружковые и частные библиотеки. Рубакин завязал с ними связь для обмена книгами, для облегчения им приобретения новых книг по дешевой цене, посылал им свои авторские экземпляры, рассылал дубликаты. С 1894 по 1902 г. было разослано таким образом свыше 10 тысяч книг. Создалась сеть междубиблиотечных отношений, то есть то, что приняло такое широкое распространение теперь.

Мы видим, таким образом, еще одну сторону колоссальной активности Рубакина. Кажется просто невероятным, как мог один человек писать сотни научно-популярных книг и статей, вести отделы в издательствах, переписываться с читателями и руководить десятками библиотек, не считая своей собственной. При этом все им делалось бескорыстно, большинство его начинаний, за исключением собственной писательской работы, было совершенно бесплатным, это можно было бы назвать капиталовложением ума и знаний в сокровищницу народного просвещения.

Взгляды на комплектование. Идея библиографического моделирования фонда (комплектование) тесно связана с развитием общедоступных библиотек. Первоначально она возникла в правительственных кругах как способ контроля за содержанием книжного состава библиотек. В 1890 г. Министерство народного образования утвердило «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними». Цель «Правил...» контролировать порядок открытия и комплектования фондов общедоступных библиотек и библиотек низших учебных заведений. Для регламентации книжного состава библиотек с 1896 г. стали издаваться каталоги, получившие название министерских,

поскольку составлялись ученым комитетом Министерства народного образования.

Ученый комитет подготовил и выпустил 5 изданий министерских каталогов (1893, 1897, 1900, 1903 и 1907 гг.), каждый из которых, включая и предыдущие рекомендации, отражал и незначительное количество (3–7%) новых изданий. Стремясь реализовать задачу своего ведомства — просвещение народа, — составители отражали в каталогах литературу по различным отраслям знаний. Во всех выпусках литература комплектуется по отделам: книги духовного содержания, история русская и всеобщая, мифология, биография, география, этнография, путешествия, теория словесности, история литературы и искусств, словесность, естествознание, сельское хозяйство, медицина и гигиена, педагогика, психология, логика, общественные и юридические науки, законы, ремесла и производства, книги разного содержания, словари. Во второй и третий выпуски включен раздел периодики. Систематизация литературы в каталоге произвольна, некоторые родственные роды деятельности разобщены, например, сельское хозяйство, ремесла и производство, словесность и теория словесности.

Ограничительный характер каталогов (контроль за составом народных и учебных библиотек) сказывается на рекомендуемой литературе. Наряду с полезной, интересной для читателей литературой биографического характера, создающей представление о научных знаниях (книги о Г. Галилее, И. Ньютоне, И.П. Кулибине), военном деле и политике (книги о А.В. Суворове, Дж. Вашингтоне и др.), вопросах географии и этнографии (книги о Е.П. Хабарове, С.И. Дежневе), вопросах литературы (книги о А.С. Пушкине, Н.В. Гоголе, У. Шекспире), в каталог вводились издания случайные, носящие узкоспециальный характер (уставы караульной службы, пособия для денщиков и пр.). Произведения художественной литературы часто включались в отрывках, извлечениях.

Структура каталогов, наполненность конкретных отделов свидетельствовали, что наряду с просвещением народных масс

составителей волновало и идеологическое воздействие на читателей. Позже большевики воспользовались уроками контроля за составом общедоступных библиотек и, взяв власть, применили его еще более жестко. Каталоги использовались для формирования фонда детских отделов общедоступных библиотек, на их основе создавались списки книг, допущенных к приобретению в фонд библиотек низших учебных заведений (церковно-приходских школ).

За рамками каталогов оставалась значительная часть изданной книжной продукции. Все это не способствовало положительной оценке каталогов и вызывало желание создать нечто более приемлемое, обеспечивающее свободу творчества, свободу выбора для читателей.

В 1914 г. правительство издало «Алфавитный список запрещенных произведений печати», предназначенный для общедоступных библиотек. Он включал около 450 книжек и брошюр антихристианского, подрывного направления. Этот список соблюдался весьма формально. «Прогрессивные» библиотекари были возмущены этой «драконовской мерой». При гарантированной поддержке местных революционных лобби, всяческих прекарнодушных недалеких либералов и политиканствующих меценатов они игнорировали правительственные решения, бравируя своей независимостью. Отметим, что через несколько лет списки запрещенных произведений включали уже не четыре сотни названий, а целые пласты общественной, научной, художественной и религиозной мысли, выраженной в печатном слове.

Большинство библиотечников того времени (Рубакин, Покровский) рекомендовали, чтобы книжный фонд общественных библиотек состоял «из книг разнообразных по направлению». Пусть читатель самостоятельно разберется в вопросах общественной жизни.

Их требования сводились к тому, чтобы в большой, правильно организованной библиотеке находили себе место «представители всех мало-мальски крупных общественных течений, начиная от ультрареакционного и кончая крайним левым». По

мнению Рубакина, читатель сам, без какой-либо помощи библиотеки, должен выработать свое мировоззрение, ибо «истина и справедливость выше всякого, хотя бы и классового интереса» [13].

Рубакин выступал против всяческих ограничений для читателей, в том числе и для детей, в выборе литературы, если она доступна по содержанию и не противоречит нравственности. Отбор он признавал только для библиотечного ядра. Оно должно состоять из «капитальных трудов» (имелся в виду не объем книг, а их достоинства).

Рубакин считал, «чтобы библиотека была тем, чем она и должна быть, в ней необходимо должен находиться некоторый цикл книг. В этом-то цикле или библиотечном ядре и лежит центр тяжести каждой библиотеки, чтобы она могла занимать свое место в общей системе народного просвещения, а не только выдавать книгу напрокат, получая за это плату или не получая ничего. Это ядро должно представлять собой энциклопедию, но особенную — составленную из разных сочинений разных авторов, разных издателей, разных времен и народов. Она, идя от общего к частному, должна заключать в себе некоторый минимум наук, абстрактных и конкретных теоретических и прикладных. Эта минимум-энциклопедия для каждой мало-мальски порядочной библиотеки обязательна. Но один цикл наук еще не вполне определяет библиотечное ядро. Библиотека должна не только иметь книги, распределенные по циклу наук, но и облегчить всякому желающему путь к той науке, которая в данное время интересна ему. В хорошей библиотеке по каждой науке должен быть выбор таких книг, которые могли бы вводить в область знаний людей всяких степеней образования, от низших до высших» [13].

Им была изложена и теория подбора книг для библиотечного ядра: на основе классификации психических и социальных типов читателей. По его мнению, в общеобразовательной библиотеке должны быть книги для всех главнейших типов читателей, наиболее распространенных в данной области.

Это, по существу, возлагало на библиотекаря трудную задачу: определить типы книг в его библиотеке и определить типы

читателей. Это обязывало библиотекаря быть в тесном контакте с читателями, разговаривать с ними, ставить психологический диагноз, учитывая их классовое положение, их психический тип. Библиотекарь становился чем-то вроде врача, ставившего диагноз у постели неизвестного ему больного. Как диагноз ставится для назначения правильного лечения, так и диагноз психического типа читателя ставится для рекомендаций, соответствующих данному типу книг.

Рубакину принадлежат три модели ядра библиотечного фонда. Все они созданы в недрах его библиографического труда «Среди книг», предназначенного в помощь комплектованию и самообразованию. Эти цели, отмеченные на титульном листе, обусловили многоцелевой характер пособия. Помимо предпосланной указателю обширной теоретической части, в которой обоснована необходимость формирования в каждой библиотеке ядра, раскрыты принципы отбора и критерии оценки каждого документа. «Среди книг» содержит еще и ряд указателей для различных категорий читателей.

Каждая книга в указателе пронумерована той или иной римской цифрой. Такое обозначение Рубакин прокомментировал следующим образом: «Книги, отмеченные римской цифрой I, доступны для читателей, получивших образование начальное и ниже среднего. Книги, отмеченные римской цифрой III — книги специальные, требующие от читателей значительной подготовки. Книги, не отмеченные никакой цифрой, — книги популярные, доступные читателям со средним образованием. Книги, отмеченные цифрой II, — доступны для начинающих читателей этой последней категории и для других, образование которых ниже среднего, но выше начального».

Определяя назначение каждой книги, ее доступность для того или иного читателя, Рубакин исходит не только из его образовательного уровня, но и из начитанности. Библиотечная практика давала ему основания убедиться, что хоть образование и начитанность взаимосвязаны, но не всегда совпадают.

Ядро библиотеки определенного типа обозначено в предисловиях к каждому разделу; оно носит универсальный характер. Составитель, по возможности, рекомендовал издания по всем отраслям знаний, стараясь раскрыть для читателей все многообразие тем и проблем в логической последовательности от общего к частному, от простого к сложному. Ориентиром ему служила классификация наук французского философа Огюста Конта, выбранная Рубакиным из числа многих разнообразных классификаций.

Количество и назначение рекомендуемой литературы для ядра библиотек разных типов неодинаково и обусловлено контингентом читателей, преимущественно ею пользующихся. Чем разнообразнее контингент, тем шире типология литературы, представленной в ядре. Только для художественной литературы Рубакин сделал исключение, посчитав себя не вправе ограничивать выбор книг читателями: «распределение беллетристических произведений по степени трудности понимания их читателями разных типов мы находим излишним, так как читатели всех степеней подготовки очень легко и быстро осваиваются со всем разнообразием литературных беллетристических произведений».

Ядро фонда сельской библиотеки по гуманитарным проблемам насчитывает 281 название (11%), товарищеской (профсоюзной — термин Рубакина) — 505 названий (20%), общедоступной — 1240 названий (51%). Беллетристика в ядре фонда сельской библиотеки составляет 92%, товарищеской — 86%, общедоступной — 49%. Ядро общедоступной библиотеки, обслуживающей широкий контингент читателей, содержит литературу для всех категорий, его состав отражает и ядро сельской, и ядро товарищеской библиотек.

Поскольку основной критерий оценки изданий для Рубакина — время, история («История — оценщик и судья»), то ядро состоит, за редким исключением, из книг, изданных во второй, третий, а иногда и в шестой и седьмой раз. Исключения обусловлены отсутствием переизданий по важной, на взгляд составителя, проблеме. Более того, по некоторым вопросам он

называет иностранные издания в надежде на инициативу хорошего переводчика.

Мы вкратце остановились на характеристике библиографических моделей, составленных Рубакиным, потому что, во-первых, это наиболее яркие примеры, противостоящие официальным министерским каталогам, во-вторых, на их основе можно проследить методику создания пособий подобного типа для разных категорий читателей, в том числе детей.

Уделяла внимание комплектованию библиотек и Хавкина. Так, в «Руководстве для небольших библиотек» (1911) она писала: «Приступая к формированию или пополнению библиотек, раньше всего нужно составить список желательных для приобретения книг. Делается это на основании библиографических пособий: указателей, каталогов, сборников рецензий и т. п.» [10].

Но, отдавая должное библиографии, Л.Б. Хавкина в то же время предостерегала от ее формального использования. «Даже при наличии библиографических пособий, — писала она, — нужно иметь в виду общие принципы комплектования библиотеки. Прежде всего, разумеется, надо считаться с типом данной библиотеки». Полнота комплектования научной библиотеки не может не отличаться от полноты комплектования общеобразовательной библиотеки. От профиля каждой конкретной библиотеки зависит и профиль ее комплектования. Только с учетом этого обстоятельства использование библиографии для отбора литературы будет для библиотеки полезно.

Даже выдвижение Л.Б. Хавкиной в начале XX в. понятия «балласт» явилось прогрессивным вкладом в русское библиотечное дело и привлекло внимание к важной задаче очистки книжных фондов библиотек от неиспользуемой литературы.

Хавкина поддерживала практику дарительства. К 30-й годовщине со дня открытия Харьковской общественной библиотеки она обратилась к харьковчанам с открытым письмом, где говорилось: «Пусть же день 30-летия послужит поводом для новой поддержки со стороны общества. Пусть каждый гражданин, сочувствующий библиотеке, к этому дню подарит ей хоть одну книгу и книги, принесенные всеми для всех, обновят книжный запас

для общего пользования» [10]. Сама Хавкина многократно дарила книги родной библиотеке.

Развитие каталогизационной мысли в начале XX в. привело к идее о том, что в основу составления всех видов каталогов должны быть положены единые правила описания произведений печати, дифференцированные в зависимости от типов библиотек и видов каталогов. Инструкция по описанию произведений печати, опубликованная Л.В. Хавкиной в 1904 г. в первом издании книги «Библиотеки, их организация и техника», была в начале XX в. одним из наиболее полных сводов правил описания книг и расстановки карточек в каталогах для общественных и публичных библиотек в России.

Безусловно прогрессивным было выдвинутое в инструкции требование соблюдать единообразие методики описания книг во всех однотипных библиотеках: «Здесь все должно быть приведено в одну систему. Нельзя составлять карточки то на тех, то на других основаниях» [10].

Прогрессивными были и рекомендации производить описание книг *de visu*, составлять на каждое отдельно изданное произведение печати описание на отдельной карточке, приписывать к нему дублиеты, раскрывать содержание сборников и томов многотомных сочинений (хотя и располагая его не совсем удобно — на обороте карточек), составлять и включать в каталоги карточки на журнальные статьи и т. д.

Наконец, дальновидно предлагалось различать разную полноту описания в каталогах научных и массовых библиотек. В последних, по мнению Хавкиной, описание надо делать более лаконичным, ограничиваться лишь указанием основных элементов книги.

Я.Г. Квасков (библиотекарь Румянцевского музея, «пионер русской централизованной каталогизации»), выступая в 1893 г. в Московском библиографическом кружке с докладом «Реформа библиотечного дела. Библиотечные карточки при вновь выходящих книгах», так обосновал преимущества единой печатной карточки для библиотек России: «Какая масса времени сохранена была бы у служащих в этих библиотеках, если бы при

каталогизации переписная работа, на которую уходит столько времени, была заменена типографской. Если бы только каталожные карточки печатались при каждой книге, то через некоторое время не только в общественных библиотеках, но и у частных лиц получились бы алфавитные карточные каталоги. Необходимо, чтобы обязательство вкладывать эти карточки было установлено законодательным порядком».

Докладчик обосновал также необходимость введения централизованной каталогизации и предложил единые правила составления библиографического описания. Его печатная карточка долго служила образцом для подобных изданий в дореволюционной России.

Квасков полагал, что установление печатной карточки единого формата («карточка должна печататься на картоне и непременно одного определенного размера») позволит покончить с тем нетерпимым положением, когда карточки для каталогов встречаются самых разнообразных форматов, материала, систем. При этом он особо подчеркивал, что «не так важен самый размер, как важно то, чтобы они были все одного размера, потому что вся польза этого предприятия заключается в единообразии». В качестве эталона для своей печатной карточки Квасков предложил формат 13,5×10 см, который был тогда принят для каталогов библиотеки Московского публичного и Румянцевского музеев, библиотеки Московского университета и некоторых других крупных библиотек Москвы. Однако тогда практической потребности и достаточных средств у государства для осуществления централизованной каталогизации, создания сводных каталогов и других новшеств не было.

Вопросам каталогизации, классификации библиотечной техники уделял немало внимания А.А. Покровский. В своих дореволюционных статьях и выступлениях он оценивал каталоги прежде всего с точки зрения возможностей их использования неопытными, малоквалифицированными читателями.

Неопытный читатель не был в состоянии разобраться в каталоге и самостоятельно выбрать то, что ему будет понятно,

интересно и нужно. Ведь библиотекарь далеко не всегда мог прийти ему на помощь. «В результате нередко малокультурный читатель, с полчаса помучившись над каталогом, берет книгу наугад, на следующий день возвращает и больше уже не является в библиотеку».

Укрепили позиции А.А. Покровского и ответы самих читателей на опрос, проведенный под его руководством в 1915 г. в Московской городской библиотеке им. А.С. Грибоедова.

В своих ответах на названную выше анкету читатели единодушно требовали в добавление к карточному каталогу еще печатных каталогов, которые можно было бы брать на дом, чтобы по ним внимательно изучить состав фонда библиотеки и выбрать нужные книги.

Но даже и печатный каталог не удовлетворял А.А. Покровского — он мечтал о создании особых «толковых (рекомендованных и разъяснительных) указателей имеющихся в библиотеке книг по разным отделам знания для разных категорий читателей» [9]. Только составлением таких толковых каталогов-указателей, по его мнению, можно методами рекомендательной библиографии обеспечить массовым библиотекам более широкие возможности пропаганды лучших произведений художественной и научной литературы.

Вопросам рекомендательных каталогов уделял много внимания Н.А. Рубакин. Библиотека Рубакина была, вероятно, первой частной библиотекой, издавшей каталоги как уже имеющихся в ней книг, так и книг, которые нужно было приобрести. Они должны были лечь в основу составления любой библиотеки, став тем, что теперь называют «типовыми проектами».

В библиотеке Рубакина были заведены книги требований подписчиков, которым он придавал огромное значение. Записи читателей в эту книгу, как писал Рубакин, «помогают не только пополнению библиотеки, но и правильному обращению книг в среде читающей публики». Библиотека Рубакина составила свыше 20 рекомендательных каталогов.

Взгляды на организацию библиотечных фондов. Еще на I Всероссийском съезде по библиотечному делу, выступая на

секции государственных, академических и специальных библиотек с докладом о способах расстановки книг, П.М. Богданов доказывал недопустимость «крепостной», неподвижной расстановки и ратовал за введение более современных подвижных расстановок. Съезд поддержал идеи докладчика в специальной резолюции, а уже в советский период на их основе известный фондовед Ю.В. Григорьев создал классификацию систематических и форматных расстановок, которой библиотекари пользуются и поныне.

На съезде же Павел Михайлович представил «Нормальный план постановки библиотечной техники в небольших библиотеках». Понятие «нормальный» применялось в названии плана в том же смысле, что сейчас имеет слово «типовой» (типовой каталог, типовый проект). План был призван привести к единой норме операции библиотек по регистрации и хранению книг, их расстановке и выдаче, каталогизации и классификации, составлению отчетов и статистике. Ядром плана служила оригинальная система классификации, разработанная П.М. Богдановым в библиотеке ВЭО. По авторитетному утверждению Е.И. Шамурина — автора «Очерков по истории библиотечно-библиографической классификации», богдановская классификация явилась важным этапом в развитии отечественной классификационной теории и практики, поскольку продолжала лучшие традиции библиотекарей России XIX в. и учитывала новейшие зарубежные достижения в этой области.

Одним из первых в России применил открытый доступ к полкам А.А. Покровский. Он выступал с докладами, выезжал для чтения лекций по библиотечному делу на курсы по внешкольному образованию в Уфу, разрабатывал и внедрял в практику московских городских библиотек десятичную классификацию (в варианте М. Дьюи), писал статьи, составлял рекомендательные списки, выпускал свои книги.

Взгляды на чтение и работу с читателями. Многие радикально настроенные библиотечные работники не только активно выступали против государственной политики в области

библиотечного дела, но не останавливались и перед прямым нарушением циркуляров и предписаний. Так, например, общее собрание членов Харьковской народной читальни-библиотеки на заседании 7 октября 1905 г. постановило «выдавать подписчикам все книги и газеты, независимо от указанных в министерских каталогах». Это постановление было разослано Харьковским обществом грамотности во все другие народные библиотеки Харькова.

В отчете Екатеринославской общественной библиотеки за 1905 г. указывается, что ее комитет распорядился «пустить в обращение» все книги, «бывшие изъятыми из употребления в публичных библиотеках».

Аналогичные решения были приняты и в других общественных и народных библиотеках. Особенно ярко революционные настроения проявлялись на расширенных заседаниях комитетов с участием читателей библиотек. В резолюциях, которые принимали участники этих собраний, подвергалась резкой критике вся реакционная система народного просвещения в России, тормозившая прогрессивное и демократическое развитие просветительных учреждений.

Существовали ограничения в обслуживании читателей и в Императорской публичной библиотеке. По «Правилам» 1907 г. читателям запрещалось иметь на своем номере одновременно свыше 20 томов.

Помимо изданий, запрещенных по политическим соображениям цензурой, в практике обслуживания читателей Публичной библиотеки продолжали сохраняться прежние ограничения в выдаче художественной литературы. Впрочем, сама жизнь заставляла отступать от строгого соблюдения правил. Без ограничений выдавались сочинения Пушкина, Некрасова, Лермонтова, Достоевского, Гоголя. Однако для получения произведений остальных русских писателей требовалось разрешение директора. По особому разрешению выдавались произведения Горького, Толстого, Короленко, Чехова, Блока, Куприна; ограниченно выдавались произведения Фонвизина, Тютчева, Надсона, Полонского и

других. Не выдавались свободно и сочинения европейских классиков — Байрона, Шиллера, Мицкевича, Диккенса. Просьбы читателей о выдаче им произведений художественной литературы удовлетворялись директором далеко не всегда. Сохранившиеся в архиве Библиотеки документы свидетельствуют, что ограничения в выдаче беллетристики были большим стеснением не только для любителей художественной литературы, но и для тех читателей, которым она была нужна для учебных и литературных занятий.

Наконец, нельзя не упомянуть и о тех случаях, когда Публичная библиотека была не в состоянии удовлетворить запросы читателей не только по цензурным соображениям, но и из-за отсутствия в ее фондах нужных читателям изданий либо потому, что они находились в чтении. Резко увеличилось число отказов в 1905–1907 гг., достигнув 28,6% общего числа затребованных изданий. Самый высокий процент неудовлетворенных требований был по Отделению художественной литературы (63,7%) и Отделению восточных языков (57,8%).

Много внимания до революции уделялось *изучению читателей*. С 70-х гг. XIX в. длительный период времени изучением читателей из народа, главным образом учащихся (детей и взрослых), занимался кружок преподавательниц Харьковской частной женской воскресной школы, руководимый Х.Д. Алчевской (1841–1920). Огромное влияние на эту школу оказывал Н.А. Корф. С его помощью был разработан «экспериментальный метод» изучения читателей. «Экспериментальный метод» — так его называли современники — предусматривал разнообразные беседы с читателями и слушателями: беседа индивидуальная и групповая, «переспрос», то есть беседа по заранее подготовленному вопроснику, беседа «в свободной форме» на уроке и в школьной библиотеке; наблюдение, анализ домашних сочинений о прочитанных книгах, ведение педагогических дневников учительниц.

Опыт кружка Алчевской (работала учительницей в частной воскресной школе и Хавкина) долго служил образцом для

работников ряда других школ и для многих деятелей внешкольного образования.

Члены кружка О.В. Кайдановой — учительницы Тифлисской женской воскресной школы, открытой в 1885 г., также обратились к «экспериментальному методу», но внесли в него поправки и дополнения. Практика показала им, что «переспрос» пригоден, как правило, только затем, чтобы проверить, прочитана ли книга, выяснить степень ее понимания. Поэтому «переспрос» стали использовать лишь в работе с начинающими читателями. В сочинениях о книгах ученицам предлагали излагать свое мнение о произведении, а не пересказывать его содержание. В Тифлисской школе был применен новый метод изучения — читательская автобиография. Она давала возможность узнать не только о читательских запросах и роли книги в жизни человека, но и о его труде, быте, общих интересах.

Под влиянием Л.Н. Толстого работники московского издательства «Посредник» собирали и обобщали читательские отзывы о своих изданиях. Требования офеней (продавцов-разносчиков) рассматривались как верный показатель того, что нужно народному читателю. Вскоре после открытия издательства, в 1886 г., были опубликованы в периодической печати два вопросника, обращенные к тем, кто общается с народным читателем, главным образом — к учительству. Итоги обработки более 5 тысяч ответов появились в печати.

Устроители народных чтений в Соляном городке (Петербург), в Политехническом музее (Москва), в Тамбове и Тамбовской губернии изучали интересы слушателей путем наблюдения, учета посещаемости, анализа состава посетителей, бесед о прослушанном. Реже практиковался сбор письменных отзывов о книгах. Анкетный опрос оказался безуспешным — лишь считанные слушатели были способны разобраться в анкете.

С 80-х гг. народного читателя стали изучать и внешкольные библиотеки — публичные и появившиеся в то время бесплатные читальни для народа. Этим занимались прежде всего библиотекарши и члены правлений публичных библиотек и народных

читален. Однако принципы обслуживания читателей во внешкольных библиотеках не благоприятствовали их изучению. Как правило, читателям только выдавали и обменивали книги. В сущности, был возможен только один метод регулярного изучения читателей — сбор и анализ статистических сведений. Его применяли многие библиотеки и читальни. Статистические данные, опубликованные в отчетах библиотек, часто весьма детально характеризовали состав читателей, выдачу книг, посещаемость, а иногда и читательские требования. Статистические группировки в ряде отчетов были многообразны, хорошо продуманы. Но все же по таким материалам можно было составить лишь самое общее представление о читателях.

Нельзя не сказать об исследователе-просветителе Мичурине. Живя в деревне Тверской губернии, Мичурин создал школу и библиотеку, в которой сам работал. В начале 80-х гг. он исследовал культурный уровень и читательские интересы крестьянства. Мичурин обходил дворы, беседовал с крестьянами, составлял список имеющихся у них произведений печати. Он знакомился с местной книжной торговлей, методами Алчевской изучал читателей в библиотеке и в школе, а затем обобщил и проанализировал собранные сведения. Исследование Мичурина было невелико по масштабам (он ограничивался одной деревней), но очень четко организовано. В своем роде первое, оно послужило образцом для других, более широких, централизованных.

Подобное исследование было проведено в 1883 г. в масштабе губернии основателем земской статистики В.И. Орловым, заведующим статистическим отделом Московской губернской земской управы. В составленную Орловым обширную программу по изучению крестьянства вошли, в числе других, вопросы, касающиеся читательских интересов и библиотечной работы. Сведения собирали учителя земских школ. Орлов получил около 400 обстоятельных ответов, обобщил их, сделал выводы [5].

Примерно такую же работу по изучению читателей вели Петербургские и Московские комитеты и Харьковское общество грамотности. Данные, полученные Петербургским комитетом

грамотности, были подытожены и опубликованы, на них опирались отдельные исследователи читательских интересов.

В 1889 г. Рубакин опубликовал «Опыт программы исследования литературы для народа» — документ, определивший содержание предпринятого им централизованного изучения читателей. В 1895 г. вышли «Этюды о русской читающей публике» — книга, в которой обобщены, помимо откликов на «Опыт программы», также и отчеты библиотек, материалы печати и личные наблюдения Рубакина. Основываясь на небольшом, но умело составленном статистическом материале, автор показал картину ужасающей духовной нищеты народа, оторванность от него интеллигенции. Рубакин делает попытки понять читателя в конкретной исторической обстановке. В журналах второй половины 80-х гг. были напечатаны очерки Рубакина о читателях из народа, по содержанию примыкающие к «Этюдам».

Централизованное исследование Рубакина — крупнейшее из дореволюционных, а его обобщенная характеристика интересов различных читательских групп в «Этюдах о русской читающей публике» — лучшая, наиболее содержательная из всех характеристик, которые есть в работах дореволюционного периода.

За свою жизнь Рубакин (1862–1946) вел личную переписку с более чем 20 тысячами человек — рабочими и крестьянами, учителями и учащимися. Он составил и разослал своим корреспондентам около 15 тысяч индивидуальных программ для чтения и самообразования [14].

Вообще до революции люди из народа были редкими гостями в городских библиотеках. Даже в Москве, как писал Покровский, «значительное большинство взрослого рабочего населения за целый год буквально ничего не читает, кроме разве “Газеты копейка”, газет, получаемых в пивных, да еще, быть может, лубочных изданий уголовных романов». Вовлечение этих читателей в библиотеку и подъем уровня их культуры являлись поэтому одной из основных задач библиотек того времени.

Чтобы решить эту задачу, Покровский принял рекомендацию Рубакина, который еще в 1895 г. предложил в этих целях

применить так называемые «книги-приманки», которые должны были содействовать привлечению и удержанию в библиотеке людей, не привыкших к чтению книг, читателей из малокультурной среды.

«Если библиотекарь уверен, — писал Покровский, — что наличность в библиотеке “Тайн Мадридского двора” или бесмертного “Рокамболя” заставит заглянуть в библиотеку тех, кто иначе не зайдет, — то, пожалуй, можно включить в библиотеку несколько таких книжек». И в другой работе он писал, что можно «даже допустить в библиотеку (в очень небольшом количестве) некоторые книги, не имеющие художественной или идейной ценности, но пользующиеся особою известностью в народе» [9].

Включение в фонд общедоступной библиотеки «книг-приманок» — прием спорный, недаром еще в дореволюционные годы он вызвал много нападков со стороны демократически настроенных библиотечников, в особенности К.Н. Дерунова.

Но, во-первых, Покровский решительно ограничивал количество подобных книг. Это была не какая-то значительная составная часть фонда, как это представлялось критикам Покровского, а только приманка и не более.

Во-вторых, Покровский разрабатывал так называемую «систему мостов», благодаря которым библиотекарь получал возможность руководить чтением читателей по определенному плану, поднимая их постепенно с одной ступеньки на другую.

«Дело библиотекаря, — писал он, — суметь затем вовремя дать этим читателям книги другого порядка, лучшие с его точек зрения», которые «по доступности и занимательности могут понравиться и читателю “лубочной” литературы (как например, “Хижина дяди Тома”, “Князь Серебряный”, “Народные рассказы” А. Толстого, “Под иглом” Вазова и т. п.)» [9].

Важность применения «теории мостов» признавала и Л.Б. Хавкина еще в самом начале ее деятельности. В этом отношении известное влияние оказал на нее доклад о народных библиотеках, сделанный в 1883 г. Дарденном во Франции. Именно

в нем и была выдвинута «теория мостов» как один из методов активного воздействия библиотекарей на содержание, направление и характер чтения читателей.

Хавкина цитирует в своей статье «Народные читальни и библиотеки в Париже» (1902) следующие положения теории Дарденна: «Библиотекарь не будет стоять на высоте своего призвания, если не постарается развить вкус у читателей. Этого он может достигнуть не тем, чтобы отказывать им в книгах, которых они просят, но руководя их выбором. Многих читателей, особенно из молодежи, достаточно направить на верный путь, чтобы они по нему шли, не уклоняясь в сторону. Единственный целесообразный прием заключается в том, чтобы дать публике то, чего она требует, и постепенно приучать ее к большой разборчивости... Им надо дать сперва чтение, которое им нравится, и лишь впоследствии перейти к серьезным книгам, которые требуют большого умственного напряжения».

Внимательно следя за изменением количества читателей и за характером чтения народа, Рубакин писал в 1911 г., что «книжное дело развилось и интерес народа к книге перед революцией 1905 г. и в период ее увеличился. Книга сделала новые и крайне «важные завоевания в народной среде». «В городах и на фабриках и даже в деревнях появился новый читатель и очень определенно заявил свое властное желание теперь же, неотложно приобщиться к тому самому просвещению, которым живет и которым сильно современное культурное человечество». И, обращаясь к издателям, Рубакин говорил: «Или помогай читателям, или умирай — такова дилемма» [13].

Сам Рубакин, работая в издательствах, редактировал книги по всем областям знания и в то же время для выполнения своей программы писал свои собственные книги по всем наукам — он действительно был настоящим энциклопедистом. Он писал книжки по математике, физической географии, биологии, психологии, по социальным наукам, экономическим, политическим, юридическим, по истории, истории культуры, статистике, социологии, религии и истории религии, философии, этике.

Им было опубликовано 350 журнальных статей, не считая газетных брошюр, написано и издано 280 книг, в том числе 233 для читателей крестьян и рабочих, среди его брошюр насчитывалось 15 руководств для самообразования. Научно-популярные книжки Рубакина были изданы на 28 языках (иностранных и народов нашей страны).

Но Рубакин не ограничивался только писанием и изданием книг, он поддерживал и расширял тесную связь со своими читателями путем личной переписки и личных знакомств. С 1889 г. по 1907 г. он переписывался с 5189 читателями, главным образом из трудящихся классов, а с 1911 г. по 1915 г. — с 5507 читателями [14].

У Рубакина была и частная библиотека, которая не только не была доходным предприятием, но и стоила ему немало денег: подписная плата в библиотеку была ничтожной, с 1895 г. часть подписчиков освобождалась не только от платы за чтение книг, но и от залога за возможную пропажу или порчу книг, который вносили все подписчики. В некоторых случаях его заменяли поручительством других лиц. Библиотека старалась во всем идти навстречу подписчикам. Учитывая большой спрос читателей на новые журналы, библиотека в 1893 г. провела такой опыт — удешевила плату за пользование новейшими журналами.

Опыт этот вполне удался, и с 1 января 1901 г. была введена удешевленная плата за одни только газеты — одновременно выдавалось по 5 газет в день, но на кратчайший срок и с обязательством вернуть их в этот срок. В 1900 г. библиотека ввела доставку книг на дом 4 раза в неделю за плату 1 рубль 50 копеек в месяц. Было проведено и много других мероприятий, облегчающих получение книг подписчиками. Все эти мероприятия стоили библиотеке денег и, разумеется, не окупались.

Главным для Рубакина было самообразование читателей. Он разработал своего рода основные правила для самообразовательной работы. Первой задачей для возбуждения у человека интереса к самообразованию Рубакин ставил нахождение такой книги, которая загля бы в нем этот интерес. Именно определяя

такие книги, учитывая социальное положение, психологический тип читателя, его интерес, Рубакин и начал разрабатывать свою теорию книги, теорию типов книг, читателей и авторов, теорию «книжки-приманки».

Любопытно, что возможности самообразования Рубакин выразил даже в цифрах. «Всякий может уделить чтению один час в день, а в воскресенье 3 часа. Следовательно, 52 воскресенья по 3 часа дадут 156 часов. А 313 будней по 1 часу — это 313 часов чтения. Значит, в год получается более 450 часов чтения. Это самое малое 5 тысяч страниц! А при навыке в 2–3 раза больше» [14].

Когда Рубакин поставил вопрос о самообразовании на реальную почву — число нужных для этого часов, встал вполне логично вопрос и о том, что именно читать для того, чтобы в минимальное количество часов приобрести максимум знаний. Вопрос экономии чтения неизбежно приводил к вопросу о качестве чтения, то есть о составлении программ для чтения.

Но читателю были нужны и свои, индивидуальные программы. А для этого Рубакин должен был узнать самого читателя, определить его психический тип, интересы и возможности. Иначе говоря, для получения наилучших результатов при самообразовании нужно было изучить и книгу и читателя, а значит, и автора.

Вот такого рода исследования и привели Рубакина к построению теории чтения, основанной на изучении психических типов читателей и книг. Это легло в основу созданной им новой отрасли психологии и библиологии — библиопсихологии, которую он назвал наукой о социальном и психологическом воздействии.

Вершиной трудов Рубакина стала его знаменитая работа «Среди книг». Это как бы синтез всей многосторонней и многогранной деятельности Рубакина. Новый читатель знал, осознавал свои запросы, но он не мог знать нужных ему книг. Именно в этот период рекомендательный каталог с оценками, рецензиями и т. п. мог играть огромную роль. Рубакин это подметил. Характер этой книги определяется в заголовке: «Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования и

для систематизации и комплектования образовательных библиотек, а также книжных магазинов». Действительно во «Введении» есть специальные главы об устройстве библиотек на фабриках и об устройстве сельских библиотек, предназначенные, таким образом, внести свой вклад в обучение библиотекарей.

Известные деятели народного образования, библиотековеды и библиографы (И.В. Владиславлев, Н.А. Рубакин, Л.Б. Хавкина и другие) уделяли большое внимание проблемам детского чтения, специфике деятельности детских библиотек. В этот период были заложены демократические основы библиотечной работы с детьми. Теоретики и практики отстаивали право детей на свободный доступ к книге и чтению независимо от образования, социального положения, предлагали организацию чтения в целях духовного развития ребенка, провозглашали детскую библиотеку своеобразной «школой чтения» и в то же время местом, где «можно с пользой и с удовольствием провести время».

Начало XX в. было объявлено публицистами «веком ребенка». Культурный ренессанс рубежа XIX и XX в., проявившийся, в частности, в расцвете детской литературы, в новых педагогических идеях, способствовал развитию детских библиотек, становлению теории и практики их деятельности. Многие замыслы, идеи, родившиеся в то время, представляют и сейчас значительный интерес.

К началу XX в. в России имелась довольно значительная сеть библиотек разного типа. Вести работу в них без специальных знаний было очень трудно. Встал вопрос о подготовке библиотечных кадров.

Важнейшими условиями дальнейшего развития библиотечного дела являлись признание самостоятельности библиотечной профессии и подготовка кадров библиотекарей-специалистов. Эти задачи в те годы все более настойчиво выдвигались в специальной литературе, привлекали внимание съездов деятелей народного образования.

Так, в книге Е.Б. Балобановой (библиотекаря Петербургских Высших женских курсов) «Библиотечное дело» (1901) была

выделена специальная глава «Библиотечный персонал, его выбор и обязанности», где обосновывались задачи специального образования библиотекарей.

Необходимость профессионального обучения библиотекарей отстаивала в своей книге «Библиотеки, их организация и техника» (1904) и Хавкина, подчеркивая сложность и ответственность работы библиотекаря [10].

Исключительное значение имело выступление Хавкиной в январе 1904 г. на II Всероссийском съезде деятелей профессионального и технического образования с докладом на тему «О профессиональной подготовке библиотекарей». Это был первый в России теоретически и практически обоснованный проект подготовки библиотечных работников.

«Библиотека для успешной деятельности, — говорила она, — также нуждается в руководителе, — которым для нее является библиотекарь. Роль его не может считаться пассивной и приравниваться к механизму, подающему и принимающему книги, напротив того, она очень важна и серьезна. Порядок, который должен завести библиотекарь, необходим не только для того, чтобы охранять в целостности книжное имущество, но и для того, чтобы свободно можно было ориентироваться в этих требованиях и стоять на высоте своей задачи, библиотекарь должен иметь солидную общеобразовательную подготовку и, кроме того, основательные познания по истории литературы, библиографии и библиотековедению, которые ему так же необходимы, как учителю — знакомство с педагогикой, методикой и дидактикой» [10].

Подробно ознакомив далее участников съезда с состоянием дела подготовки библиотечных кадров в странах Западной Европы и США, она убедительно показала, что для усовершенствования библиотечного дела в России необходима организация профессиональной подготовки кадров, издание библиотечной литературы, библиотечного журнала.

До 1913 г. в России не было не только системы библиотечного образования, но ни одного государственного учебно-заведения для подготовки библиотекарей. Предложение об

организации обучения работников академических библиотек, представленное в 1909 г. Петербургским Обществом библиотековедения в Государственную думу и Государственный Совет, было отклонено. Многократные просьбы земств о подготовке специалистов для народных и общественных библиотек также отклонялись правительством.

Существовали в небольшом количестве попытки библиотечного преподавания большей частью для персонала какой-нибудь одной научной библиотеки. Так, главный библиотекарь Харьковского университета К.И. Рубинский читал лекции на темы: «Культурная роль библиотеки и задачи библиотековедения», «Положение вопроса о библиотечном персонале в Западной Европе и у нас», «Библиотека Харьковского университета за 100 лет ее существования» и др. Заведующий славянским отделением Библиотеки Академии наук Э.А. Вольтер читал о библиотеках Австрии и Германии, о применении библиографии в библиотечном деле. Библиотекарь Государственной думы А.М. Белов провел в Педагогической академии в Петрограде курс лекций по библиотечной технике. В подобные краткие единоличные курсы иногда входило также ознакомление слушателей с опытом лучших отечественных и зарубежных библиотек. Распространено было и самообразование библиотекарей, «в особенности по книгам Рубакина», — вспоминает Хавкина.

С начала XIX до начала XX в. широкое распространение получают различные профессиональные объединения: сначала создаются секции библиотековедения Русского библиографического общества и Русского библиологического общества, затем — самостоятельные общества в ряде губернских и уездных городов (Калуга, Пермь, Ялта, Ставрополь, Томск). Всего в России в этот период действовали 24 общества и объединения.

Примечателен факт образования Общества библиотековедения на рубеже 1907–1908 гг., после подавления первой русской революции, когда власти сдерживали всякое проявление общественной инициативы.

На момент регистрации (18 марта 1908 г.) Общества в нем состоял 31 человек, а к 1916 г. число членов выросло до 237, из

них 162 петербуржца и 75 иногородних. В него входили видные библиотековеды и библиографы: Е.В. Балобанова, Л.Б. Хавкина, А.И. Калишевский, Н.М. Лисовский, С.Д. Масловский, К.Н. Дерунов, К.И. Рубинский и многие другие. Председателем Общества был избран городской голова (по-сегодняшнему — мэр) Санкт-Петербурга И.И. Толстой, что свидетельствовало о понимании важности библиотечного дела. П.М. Богданов до 1910 г. оставался секретарем Общества, затем был членом его Исполнительского органа — Совета, в 1915 г. — стал заместителем председателя, в 1917 г. — председателем.

По инициативе Петербургского Общества в 1911 г. в Санкт-Петербурге был проведен Первый Всероссийский съезд по библиотечному делу, издавался первый в России специальный журнал «Библиотекарь» (1910–1915). Видную роль в развитии библиотечного дела, разработке многих конкретных вопросов теории и практики сыграли Х.Д. Алчевская, Н.А. Рубакин, А.И. Калишевский, П.М. Богданов.

Первый Всероссийский библиотечный съезд. Начало XX в. характеризуется бурным оживлением демократически настроенной интеллигенции: проводились съезды учителей, книгоиздателей, земских деятелей, специалистов в сфере профессионального и технического образования. Идея проведения своего съезда властно владела и умами библиотекарей.

Практически одновременно вопрос о съезде возник в ряде библиотек, Обществе библиотековедения и Русском библиографическом обществе. Всю тяжесть организационных забот взяло на себя Общество библиотековедения. Были созданы подготовительные комиссии, разработаны и разосланы по библиотекам анкетные листы, началась подготовка большой экспозиции материалов по библиотечному делу, изыскивались средства, уточнялись программа и правила работы съезда. В журнале «Библиотекарь» постоянно публиковались информационные сообщения о тематике докладов с мест, обращения принять участие в экспозиции.

Библиотечному съезду предсказывали неизбежный провал. Даже среди членов общества библиотековедения высказывались

опасения, что провинциальные библиотекари ввиду невыносимых условий труда едва ли смогут принять участие в съезде. Но после того как подготовительная комиссия разослала повсюду программу съезда и условия участия, стали поступать заявления от желающих приехать на съезд даже из самых глухих уголков России. Все сомнения оказались напрасными. Съезд состоялся в Санкт-Петербурге с 1 по 7 июня 1911 г.

Подход к выбору делегатов был самым демократичным: в работе съезда мог принять участие представитель любой библиотеки или учреждения, общества, содержащего библиотеку, специалисты в области библиотечного дела и библиографии. Желающие должны были обратиться к казначею Общества с заявлением и приложенным к нему трехрублевым взносом.

Среди участников съезда — библиотекари и представители земских и городских самоуправлений, библиографы и библиофилы, книгоиздатели и книготорговцы. Около 75% делегатов составили работники библиотек (в основном академических и государственных). И по своему характеру, и по форме съезд стал действительно всероссийским: кроме Петербурга и Москвы было представлено еще 34 губернии (Киевская, Томская, Саратовская, Пермская, Симбирская, Екатеринбургская и др.). Кроме 346 делегатов, присутствовало еще около 200 приглашенных гостей [15].

Работа съезда проходила на пленарном заседании и в двух секциях — академической и секции народных и общественных библиотек. При последней действовало несколько комиссий и подсекций: детских библиотек, железнодорожных библиотек, комиссия по рассмотрению нормального плана библиотечной техники и др.

С докладами выступили признанные авторитеты в сфере библиотечного дела и библиографии, такие как Е.Н. Добржинский, Н.М. Лисовский, А.И. Калишевский, К.И. Рубинский, К.Н. Дерунов. Всего было заслушано 39 докладов (11 — по академической секции и 28 — по секции общественных и народных библиотек). Тематика выступлений была так разнообразна, что

изданные позже «Труды» съезда по праву получили название энциклопедии библиотечного дела. В материалах съезда, как правило, отсутствует категоричность, дается широкий спектр различных мнений по проблемам, многие из которых были поставлены впервые.

В самом общем виде можно определить круг важнейших вопросов, рассмотренных съездом, следующим образом: о принципах и основах организации библиотечного дела; библиотечное дело как особая, самостоятельная специальность и библиотекари как обособленная группа в ряду других специалистов; технические вопросы библиотечного дела.

Участниками съезда была подчеркнута необходимость государственного подхода к библиотечному делу. Отмечалось, что нужна «широкая развернутая программа библиотечного строительства», требуются не «копеечные ассигнования», а гигантские расходы, составляющие по примерной оценке 38 миллионов рублей. Вообще на съезде господствовал тон настоящих хозяев библиотечного дела, хорошо чувствующих, что самое насущное, и отлично осознающих свою ответственность за его судьбу.

Чрезвычайно важным представляется принятие «Резолюции по вопросам о принципах и основах организации библиотечного дела земскими и городскими органами местного самоуправления». В этом документе впервые в отечественном библиотековедении четко сформулированы глубоко демократичные по своему содержанию установки: общественный характер библиотечного дела, общедоступность библиотек, полное и равномерное библиотечное обслуживание. Другим важным, действительно кардинальным для всей программы съезда был вопрос о библиотечном персонале. Учитывая, что и сегодня он не утратил своей актуальности, остановимся на нем подробнее.

Задачи, которые ставились на съезде, можно сформулировать следующим образом:

— съезд должен был доказать самостоятельность библиотечной профессии, в этом его участники видели залог и гарантию признания обществом истинной социальной роли библиотекаря;

— исходя из этого, необходимо было обосновать важность специальной подготовки библиотечного персонала и определить оптимальные варианты организации обучения библиотекарей.

Библиотекарь Военно-медицинской академии А.Р. Войнич-Сяноженцкий отмечал, что «последствия непризнания за библиотечным делом права на особую специальность очень печальны. Отсюда и назначение на библиотечные должности несведущих в библиотечной работе, а иногда и просто полуграмотных людей, и отсутствие специальной библиотечной подготовки, и ничтожные размеры вознаграждений за труд библиотекаря и, в конечном итоге, бедственное положение библиотек» [15].

Он последовательно проводил мысль о том, что «библиотечное дело имеет свои собственные задачи, свои самостоятельные методы для их выполнения, что оно располагает целым рядом своеобразных технических приемов, взаимно переплетающихся и дополняющих друг друга, но строго объединенных одной общей руководящей идеей — дать возможность читателю с удобством и наиболее целесообразно пользоваться книжными богатствами» [15].

Признание этих аргументов подводило к осознанию необходимости планомерной деятельности в области подготовки библиотечных кадров. В качестве оптимального пути теоретической подготовки библиотечных кадров предусматривалось учреждение кафедр библиотековедения при университетах.

С учетом опыта западноевропейских библиотек была предложена форма соответствующей стажировки. Для прохождения ее в крупнейших библиотеках предполагалось допускать лиц, имеющих высшее образование, и студентов выпускных курсов. Во время практики они должны были познакомиться с каждым участком библиотечной работы, определенным образом проявить свои способности.

Другим важным условием успешной кадровой политики должен стать новый порядок замещения библиотечных должностей. Для этого Общество библиотековедения считало желательным введение особого испытания.

Для библиотекарей признавалось желательным: наличие высшего образования, свидетельство о сдаче экзамена по библиотековедению и библиографии и о прохождении годичного стажа в одной из академических библиотек. В ходе испытания проверялись знание иностранных языков, знакомство с различными системами размещения книг, с процессами каталогизации и умение пользоваться различным библиографическим материалом. Желающие занять низшие штатные должности в библиотеках должны иметь как минимум свидетельство об окончании городского училища, уметь читать названия книг на латинском и немецком языках и обладать некоторыми навыками практического характера, необходимыми для работы в библиотеке.

Все эти меры могли существенно повлиять на состояние библиотечного дела только при двух неизменных условиях:

— предоставление свободы и самостоятельности в управлении библиотекой;

— «если материальное положение служащих в библиотеках будет таково, что лица с высшим образованием не только будут охотно поступать на библиотечную службу, но и будут готовиться к ней».

Наиболее острая дискуссия развернулась по поводу форм обучения библиотечного персонала. Часть выступавших ратовала за учреждение кафедр библиотековедения и библиографии при университетах, другие отдавали предпочтение курсовой системе подготовки. Фактически это была полемика не столько о формах, сколько о содержании и уровне обучения. Сторонники университетской подготовки библиотекарей отстаивали идеал широко образованного библиотекаря-универсала. Их оппоненты особый акцент делали на собственно профессиональное обучение, обосновывали целесообразность библиотечных курсов различной продолжительности обучения.

В ходе обсуждения предлагались различные варианты организации курсов: 2–3-годовые курсы при некоторых учебных заведениях; школа библиотековедения при одной-двух лучших

библиотеках; самостоятельные библиотечные курсы. Последнему вопросу было уделено особое внимание.

После многочасовой дискуссии большинством голосов секция академических библиотек приняла резолюцию об учреждении особых библиотечных курсов, отметив необходимость ограничения их программы исключительно циклом специальных библиотечных дисциплин (без включения каких-либо общеобразовательных предметов).

Такое всестороннее, детальное обсуждение вопроса о библиотечном персонале и принятие по этому поводу конкретной резолюции имело большое значение. Недаром в одной из рецензий на «Труды...» съезда отмечалось: «Самым общим результатом съезда, — результатом, которому суждено быть занесенному в скрижали русского библиотечного дела, — является бесспорно категорическое провозглашение библиотечного дела особой самостоятельной специальностью и библиотекарей — особой ученой профессией» [15].

Проект подготовки библиотечных кадров получил одобрение съезда. Но только в 1913 г., после девяти лет мытарств Хавкиной, удалось добиться открытия первых краткосрочных (3-недельных) библиотечных курсов при Народном университете им. А.Л. Шанявского в Москве. Этот университет мог обойтись в данном случае без разрешения правительства, поскольку по уставу одной из его задач являлось «давать подготовку практическим деятелям в разных сферах общественной работы».

Прогрессивно настроенные члены правления университета охотно пошли навстречу Хавкиной и приняли ее предложение. Но оставалась еще проблема финансирования, которая в дореволюционной России могла быть решена только добровольными пожертвованиями. Помог известный меценат, ревнитель развития культуры и просвещения народа Н.А. Шахов. Он согласился выделять на содержание курсов по две тысячи рублей в год. А библиотечные общества, библиотеки, типографии обеспечивали их литературой, наглядными и другими пособиями.

Насколько своевременной оказалась организация библиотечных курсов, можно судить по огромному количеству желающих

стать их слушателями: заявления подали свыше 530 человек. Первоначально планировалось принять 200 человек, затем правление университета разрешило зачислить 357. Однако в последующие годы количество слушателей было порядка 200–240 человек.

Сохранившиеся данные за 1913–1916 гг. характеризуют также и состав слушателей по уровню общеобразовательной подготовки. Так, из 958 человек, окончивших курсы в эти годы, 11,9% имели высшее, 47 — среднее, 11,2 — незаконченное среднее, 8 — начальное, 6,1% — домашнее образование. 7,8% из них имели звание учителя, 0,2% были студентами. Таким образом, подавляющее большинство обучавшихся имели достаточно высокую общую подготовку для овладения профессиональными навыками библиотечного труда.

Не менее показательны и факты, свидетельствующие о роде занятий слушателей. Так, библиотекарями являлись 53,6%, педагогами — 13,6%, служащими, представителями свободных профессий — 9,6%, учащимися — 6,5%, заведующими народным и внешкольным образованием — 3,2%, без определенных занятий — 1,4%, рабочими — 0,3%. В числе слушателей-библиотекарей преобладали работники сельских и городских народных, публичных и общественных библиотек, то есть именно тот контингент, на который и были рассчитаны созданные курсы. 4% составляли жители Москвы, 5% — Подмосковья и Московской губернии, 51% — других регионов. В 1914 г. на библиотечных курсах обучались три слушателя из Болгарии.

В 1913–1916 гг. слушателей из губерний было 464. Причем в 1913 г., например, они прибыли из 87 населенных пунктов 40 губерний (108 человек). Наибольшее число слушателей направлялось на курсы губернскими и уездными земствами. В 1916 г. из Вятской губернии прибыло 24 человека, из Оренбургской — 22 и из Пермской — 11. Многие из них приезжали на учебу за счет земств (по 40–60 человек) ежегодно [16].

Педагогическую работу на курсах первого набора вели крупные библиотековеды и библиографы: А.И. Калишевский («Введение в библиографию», «Каталогизация»), Б.С. Боднарский

(«Десятичная система классификации»), Л.Б. Хавкина («История библиотек», «Введение в библиотековедение», «Общая характеристика систем классификации книг», «Сбережение книжного имущества», «Внутренний распорядок библиотеки и организация пользования книгами»), А.А. Покровский («Комплектование библиотек», «Методы культурной работы библиотеки», «Классификация книг для небольших библиотек»).

Одной из несомненных заслуг курсов явилось создание и выпуск в свет ряда учебников и учебных пособий, по которым тысячи библиотекарей могли овладевать основами профессии и повышать уровень своей теоретической и практической подготовки.

Основным пособием для слушателей с самого начала курсов служила книга Хавкиной «Руководство для небольших библиотек», изданная в 1911 г. Однако она не была рассчитана на использование в качестве учебного пособия, поэтому ее пришлось переработать и издать в 1917 г. уже как учебник от имени Народного университета им. А.Л. Шанявского. Так появился первый в России специальный учебник по библиотечному делу. Это — факт примечательный, не получивший, однако, должной оценки в истории библиотечного дела в нашей стране.

Для слушателей курсов, кроме того, были изданы следующие пособия: «Авторские таблицы Кеттера в переработке для русских библиотек» Хавкиной (1916) и «Примеры каталогизации» А.И. Калишевского и А.К. Покровской (1916). В последнем были даны образцы библиотечных карточек с основными описаниями книг для алфавитного, систематического, предметного и перекрестного каталогов, а также карточки с разнообразными ссылками для этих каталогов. Таким образом, было положено начало созданию первых учебных пособий для практических занятий по каталогизации.

По инициативе неутомимой Хавкиной с 1913 г. было положено начало организации при курсах образцово-показательной библиотеки, а также библиотечного музея. Большую помощь в их комплектовании оказали преподаватели и слушатели курсов,

которые привозили и пересылали по почте необходимую литературу. Были собраны книги и пособия, отчеты, каталоги, библиографические указатели. Большую роль сыграли и поездки Хавкиной за границу, из которой она обычно привозила целые коллекции.

В особых папках музей представлял образцы библиотечного делопроизводства: правила, инструкции, читательские билеты, абонементные книжки, образцы каталожных карточек, разделителей, всевозможные анкеты, статистические материалы и т. п. В музее также хранились предметы библиотечного оборудования, рисунки, чертежи, схемы, фотографии зданий библиотек, карты библиотечных сетей, диапозитивы, иллюстративные каталоги-плакаты и другие наглядные пособия. К 1916 г. музей имел уже более 600 рисунков и 400 диапозитивов и несколько сотен папок. В этом же году он получил абонементный стол американской системы, автоматический сортировщик карточек для подведения дневной статистики выдачи книг, различные фотографии зданий и оборудования библиотек. Все эти материалы широко использовались в процессе учебных занятий.

Говоря о достижениях первых курсов, необходимо прежде всего упомянуть об успешно проводившейся научно-исследовательской деятельности. В обиход вошли многие новые для того времени понятия, такие как библиотечный почерк, выставка, плакат, авторские таблицы и многое другое. Впервые была введена такая форма работы, как беседы в детской библиотеке. Вся научная работа проводилась на курсах в основном по разработкам, которые присылались из США. Американские первоисточники проверялись и изучались самым тщательным образом. Полученные сведения подвергались эксперименту в Московской библиотеке им. А.С. Грибоедова и лишь только после этого доводились до слушателей. Грибоедовская библиотека служила для курсов своеобразной лабораторией.

Благодаря курсам в Москве было организовано самое крупное объединение библиотекарей России первой четверти XX в., которое получило название Русского библиотечного общества

(РБО): в мае 1915 г. на одном из заседаний комиссии по библиотечным курсам было зачитано заявление за подписью 66 слушателей, которые просили комиссию взять на себя хлопоты по организации в Москве подобного библиотечного общества. Российское библиотечное общество существовало с 1916 по 1921 г., в состав его правления входили все основные деятели курсов, возглавляла правление руководившая курсами Хавкина. Российское библиотечное общество проводило обследование труда библиотекарей, создало в семи городах России филиалы, печатало предметы библиотечной техники (инвентарные листы, карточки и прочее), издавало методические пособия и листки, которые сообщали оперативную информацию о его деятельности. К бесспорным достижениям Российского библиотечного общества следует отнести тот факт, что обществом впервые в России была введена стандартизация предметов библиотечной техники. Российское библиотечное общество прекратило свою деятельность в начале 20-х гг. из-за царившей в стране разрухи.

Российское библиотечное общество организовало в 1917 г. «Бюро труда» (профессиональную комиссию), которое заботилось об улучшении положения библиотекаря, организации касс взаимопомощи, устройстве на работу и т. п.

В 1917 г. был создан Всероссийский профессиональный союз библиотечных работников, его главной задачей являлось улучшение материального и правового положения библиотекарей.

Деятельность Московских библиотечных курсов продолжалась и после революции, сначала в составе Кабинета библиотекосведения при Главнауке Наркомпроса, а затем при Институте библиотекосведения Библиотеки им. В.И. Ленина. Постепенно их задача и назначение несколько изменились — здесь готовились кадры исключительно для научных и специальных библиотек.

Московские библиотечные курсы вошли в историю библиотечного дела как первое в стране профессиональное учебное заведение, положившее начало развитию системы библиотечно-библиографического образования. Вслед за ними курсовая система подготовки библиотечных специалистов постепенно стала

распространяться в ряде губерний и уездов России. И все же значение их выходит далеко за рамки обычного учебного заведения. Не случайно американский библиотековед Р. Баукер в своем докладе на съезде Американской библиотечной ассоциации в 1917 г. назвал библиотечные курсы народного университета им. А.Л. Шанявского в Москве «центром библиотечного прогресса для России».

Эта высокая оценка полностью соответствует роли и значению курсов в сплочении и объединении библиотечных работников страны.

Таким образом, демократическим кругам России в короткий период между Февральской и Октябрьской революциями удалось сделать немало прогрессивного для преобразования библиотечного дела. Это прежде всего освобождение библиотек от цензуры и идеологической опеки правительства, развитие творческой инициативы населения в библиотечном деле, передача его в руки обновленных земских и городских органов местного самоуправления, создание и деятельность самостоятельных библиотечных обществ. Позднее многое было отвергнуто как противоречащее социалистическим принципам организации общественного использования книжных богатств.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. В чем специфика развития сети библиотек в начале XX в.?
2. Какое влияние оказали земства на развитие библиотек?
3. Кого из выдающихся библиотековедов этого периода вы можете назвать?
4. Какие объединения библиотечных работников появились в начале XX в.? Какие мероприятия они проводили?
5. Как повлияли Московские библиотечные курсы при народном университете им. А.Л. Шанявского на активизацию библиотечного дела?
6. Как вы оцениваете организацию библиотечного обслуживания населения в начале XX в.?

Литература

1. *Абрамов К.И.* Библиотечное дело в России в годы первой русской революции / К.И. Абрамов. М., 1956.
2. *Абрамов К.И.* Февральская революция и демократические преобразования в библиотечном деле России / К.И. Абрамов // Библиотечное дело. 1993. № 4. С. 82–94.
3. *Абрамов К.И.* Л.Б. Хавкина и демократические преобразования библиотечного дела в России / К.И. Абрамов // Библиотечное дело: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 18–33.
4. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России / К.И. Абрамов. М.: Либерея, 2000. С. 95–171.
5. *Банк Б.В.* Из истории изучения читателей в СССР / Б.В. Банк // Советский читатель: опыт конкретного социологического исследования. М., 1968. С. 12–19.
6. *Бендерский И.С.* С чем подошли к революции / И.С. Бендерский // Библиотекарь. 1991. № 10. С. 59–60.
7. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в России в начале XX века: учеб. пособие / А.Н. Ванеев; СПбГАК. СПб., 1999. 70 с.
8. *Глазков М.Н.* Первая мировая война и библиотечное дело в России / М.Н. Глазков // Преподавание истории в школе. 1997. № 4. С. 10–14.
9. *Григорьев Ю.В.* А.А. Покровский (1879–1949) / Ю.В. Григорьев. М., 1973. 232 с.
10. *Григорьев Ю.В.* Л.Б. Хавкина (1871–1949) / Ю.В. Григорьев. М., 1973. 126 с.
11. *Лукашов И.* Забытый первопроходец / И. Лукашов // Библиотека. 1993. № 1. С. 28–31.
12. *Матвеев М.Ю.* Деятельность земских народных библиотек / М.Ю. Матвеев // Библиотечное дело. 1997. № 2. С. 76–83.
13. *Покровская З.* Без шор классового подхода (о Н.А. Рубакине) / З. Покровская // Библиотека. 1992. № 7–8. С. 29–32.
14. *Рубакин А.Н.* Рубакин (Лецман книжного моря) / А.Н. Рубакин. 2-е изд., доп. М., 1979. 204 с. (Жизнь замечательных людей).
15. *Рубанова Т.Д.* Первый съезд российских библиотекарей / Т.Д. Рубанова // Совет. библиотечное дело. 1991. № 6. С. 43–51.
16. *Рычков А.* Начало библиотечного образования в России / А. Рычков // Книжное дело. 1993. № 3. С. 52–53.
17. *Соков П.С.* Признание: к 120-летию Л.Б. Хавкиной / П.С. Соков // Библиотекарь. 1991. № 10. С. 54–56.
18. *Соков П.С.* А.А. Покровский и дореволюционные московские библиотеки // Библиотечное дело: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 93–101.

§ 6 Библиотечное дело в РСФСР

Сегодня происходит коренной пересмотр существующей концепции советской истории библиотечного дела. В ней имеется немало устаревших методологических установок, пробелов, запретных тем, так называемых «белых пятен». Как и все библиотековедение, история библиотечного дела была прочно поставлена на идеологические рельсы.

Одной из главных задач истории библиотечного дела являлось доказательство превосходства советской системы библиотечного строительства над библиотечным делом других систем.

Нет никакого сомнения в том, что и после Октябрьского переворота библиотечное дело в нашей стране продолжало поступательное движение вперед: увеличивалась сеть библиотек, увеличивалось число книг в них, формировались многие читательские контингенты, принимались государственные меры по планированию развития системы общественного использования книжных богатств, налаживалась кооперация, взаимодействие библиотек и др. Библиотечное дело России занимало достойное место в ряду передовых библиотечных систем мира. Вместе с тем в нем имелось немало негативных тенденций, изолировавших российское библиотековедение.

Новая власть вполне определенно заявила о своей позиции: среди ее декретов — отделение церкви от государства, фактическое введение цензуры (даже на газетные объявления), закрытие ряда периодических изданий, государственная монополия на издания классиков литературы, конфискация личных библиотек и т. п.

В июне 1918 г. за подписью Ленина был опубликован декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ». По этому декрету все

библиотеки в стране брались на учет и под охрану Наркомпроса. Он же должен был решать вопрос об использовании библиотек, которые после революции поступили в собственность государства, общественных организаций. В ноябре 1918 г. был опубликован декрет «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще». Реквизицию библиотек, книжных магазинов, книжных складов и книг разрешалось производить лишь с ведома и согласия Наркомпроса. В случаях, когда в конфискованном по каким-то причинам имуществе оказывались книги, они передавались в распоряжение Наркомпроса и его органов на местах.

Стремление новой власти к жесткому политическому и экономическому контролю над всеми сферами жизни общества стало очевидным. Все это резко негативно оценивалось большей частью российской интеллигенции. Как же реагировали библиотекари на новую ситуацию? Пресса того времени не донесла до нас ни одного серьезного протеста библиотекарей. Работники книжной палаты протестуют против закрытия их учреждения и продолжают работать по регистрации изданий, сотрудники научных библиотек возражают против некомпетентного вмешательства в их работу, но участвуют в разборе и перераспределении реквизированных библиотек. Протест по поводу изъятия книг у частных лиц исходит от деятелей театрального мира, а не от библиотекарей. Переиздаются дореволюционные книжки по библиотечному делу. В статьях 1918 г. еще говорится «о подготовке нации к демократии», о наконец наступившей возможности широко развернуть библиотечное дело.

В 1917–1918 гг. повсеместно в городах и селах стали открываться массовые общедоступные народные библиотеки. Повсюду создавались культурно-просветительные кружки, избы-читальни, библиотеки и читальни, клубы, народные дома, народные университеты, школы для неграмотных и другие культурно-просветительные учреждения нового типа.

Вообще период 1918–1930 гг. характеризуется большевизацией и советизацией жизни страны и превращением библиотек в часть советского политико-просветительского аппарата.

Состав книг в библиотеках-читальнях был принципиально другим, здесь преобладали политико-просветительские и политические издания, а количество книг было значительно меньше, иногда 35–40 книг. Для заведующих избами-читальнями обязательным условием стало окончание совпартшколы, в анкетах вместо графы «образование» иногда появляется графа «партийность». В 1924 г. почти все библиотеки были реорганизованы в избы-читальни. Даже более крупные библиотеки превратили в политизированные учреждения. Эти преобразования потребовали пересмотра книжных фондов, их пополнения новой литературой и освобождения от «макулатуры», для нового управления избами-читальнями стали создавать библиотечные советы, появилась необходимость сменить кадры библиотекарей.

В начале 1918 г. на библиотечной сессии, созванной Наркомпросом, были выработаны следующие общие положения о постановке библиотечного дела в РСФСР:

— библиотеки — очаги социалистической культуры; распространяя книги, они должны помогать трудящимся участвовать в социалистическом строительстве;

— книжные фонды всех библиотек составляют единый общенародный книжный фонд, из которого каждый читатель, где бы он ни жил, через ближайшую библиотеку может получить нужную ему книгу;

— для решения этой задачи необходимо связать все библиотеки в единую для всей страны сеть. Библиотеки должны быть общедоступными и бесплатными. При построении библиотечной сети необходимо учитывать сеть имеющихся библиотек и местные условия. Библиотеки следует создавать по возможности в каждом населенном пункте; объединяющим центром для них может быть местная районная библиотека.

С первых дней существования Красной армии в ней появилась сеть основных и передвижных библиотек. Как правило, библиотека имела в каждом военном клубе. В больших городах открывались, кроме того, фундаментальные общегарнизонные библиотеки. Фундаментальные библиотеки создавались также в некоторых дивизиях и других военных подразделениях.

Вначале библиотекари Красной армии выполняли свои обязанности главным образом в порядке общественной работы. Позднее в отдельных частях, начиная с полка, были введены штатные должности библиотекарей (в небольших подразделениях работа библиотекаря оставалась общественной).

В 1918–1920 гг. большую агитационную работу на фронтах и среди населения проводили агитпоезда. Первый агитпоезд «Военно-подвижной фронтовой литературный поезд им. Ленина» — был организован издательством ВЦИК в августе 1918 г. Затем были созданы агитпоезда «Октябрьская революция», «Красный казак», «Советский Кавказ», «Красный Восток», агитпароход «Красная Звезда». Агитпоезда распространяли среди населения, особенно среди крестьян и красноармейцев, много газет, агитационной политической литературы.

В этот период были основаны многие крупные библиотеки, действующие и сегодня. 1918 г. — год открытия библиотеки Коммунистической академии, ныне ИНИОН РАН. В 1919 г. открылась Центральная медицинская библиотека. В 1919 г. в Румянцевской библиотеке открылся первый читальный зал для научных работников. В 1921 г. книжная и рукописные коллекции Румянцевского музея были отделены от прочих музейных собраний. Музейные коллекции были переданы в Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Исторический и другие музеи. Румянцевский же музей был преобразован в 1925 г. в Государственную библиотеку СССР им. В.И. Ленина.

В Румянцевскую библиотеку, которая в связи с перенесением столицы государства в Москву в 1918 г. стала превращаться в центральную государственную библиотеку страны, за первые три-четыре года после революции поступило до 1,5 млн томов, то есть больше, чем в ней было до 1917 г. В 1919 г. штаты библиотеки были увеличены в несколько раз по сравнению с дореволюционным периодом; вырос ее бюджет.

Уже в первой половине 1919 г. в Москве определилась судьба 34 штатных библиотек, принадлежащих частным лицам: все они были закрыты, а их книжные фонды передавались в рабочие

(профсоюзные) библиотеки. Некоторые личные и не только личные библиотеки погибали: тем не менее сеть библиотек Москвы в 1919 г. по сравнению с дореволюционным периодом возросла более чем в 3 раза, с 140 до 448 библиотек. Перестраивается работа четырех национальных библиотек (Латинская, Еврейская, Мусульманская, Польская), в 1920 г. начала функционировать библиотека для слепых.

В декрете Совета народных комиссаров от 03.11.1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР» впервые нашла выражение идея централизации. Декрет предусматривал объединение всех библиотек в единую библиотечную сеть РСФСР и передачу ее в ведение Наркомпроса (Главполитпросвета). Проект декрета был составлен Н.К. Крупской. Она писала, что «нигде, кажется, не существует такого параллелизма, как в области библиотечного дела. Пора уже выйти из периода кустарщины и организовать планомерное обслуживание населения книгой». Часть библиотечников, например, А.А. Покровский, такую задачу считала неосуществимой и признавала возможной лишь координацию работы библиотек разных ведомств [3].

Согласно декрету при Главполитпросвете создавался общероссийский руководящий орган — Центральная межведомственная библиотечная комиссия (ЦБК), возглавившая реорганизацию библиотечного дела.

Особая роль при организации сети отводилась центральным библиотекам (ЦБ) губерний и уездов, в задачи которых входило объединение всей библиотечной деятельности в регионе, взаимодействие в обслуживании читателей и «воздействие» на них библиотечными методами, подготовка кадров для сети. Центральные библиотеки должны иметь «образцовый характер», при них намечалось создавать читальный зал и библиографический справочный отдел с общим каталогом книг, находившихся в местной сети, а также абонемент для выдачи литературы на дом. Центральные библиотеки получали функции книжных коллекторов, при которых организовывались склады для распределения литературы по местным библиотекам. В планах,

например, Саратовской и Рязанской губерний значилось открытие при центральной библиотеке театрально-музыкального и детского отделов, педагогической и «иностранной» библиотек, отделов краеведения и дублетов (прообразов будущих депозитариев), куда местные библиотеки «передают утратившие злободневный интерес повторные экземпляры выписываемых ими периодических изданий и книг». Центральным библиотекам вменялось в обязанность вести работу с читателями, организовывать различные читательские кружки по интересам, чтение публичных лекций на различные темы. Кроме того, центральной библиотеке следовало комплектовать передвижки и руководить их работой.

Планировалось, что центральные библиотеки будут существовать на субсидии государства, на средства, поступающие от проводимых библиотекой и устраиваемых в ее пользу спектаклей, лекций и других мероприятий, а также на «случайные поступления». Иногда оговаривались «транспортные средства», выделяемые центральной библиотекой. Так, в Пронском уезде Рязанской губернии для нее предназначались лошадь и повозка.

Помимо центральной губернской и уездной библиотек, которые должны были создаваться в первую очередь, в структуру библиотечной сети по решению Центральной межведомственной библиотечной комиссии от 06.05.1921 г. вошли городская районная библиотека (филиал центральной), волостная и изба-читальня. Наряду со стационарными библиотеками в городах и особенно на селе развивалась сеть передвижек.

Всю работу библиотек сети намечалось строить по принципу координации, кооперации и обмена книгами. Библиотекари региона должны были совместно изучать методику работы и передовой опыт.

Несмотря на отдельные положительные аспекты планов централизации, внимательный их анализ позволяет выявить и серьезные недостатки. К примеру, важнейший вопрос — о единстве сети — допускал различные толкования, а оговорки и отсрочки для включения ведомственных библиотек в общую

сеть (партийных, некоторых специальных и других) давали им возможность лавировать и всячески «тянуть время».

Более того, решением от 06.05.1921 г. Центральная межведомственная библиотечная комиссия расформировала все «самостоятельные сельские библиотеки». Они либо объединялись (сливались с волостными), либо «разукрупнялись» и превращались в станции передвижек и пункты книгоношества, в результате чего дезорганизовалась их работа [11].

Вызывает недоумение и решение Центральной межведомственной библиотечной комиссии открывать филиалы волостных библиотек только в крупных селах с населением не менее 5 тысяч жителей. Ведь после Первой мировой и гражданской войн число таких населенных пунктов резко сократилось и, следовательно, утратилось их право на стационарные библиотеки. В селах и деревнях с меньшим числом жителей библиотеки предпринималось закрыть, заменив их передвижками.

Кроме того, исследования первых лет Советской власти вскрыли огромную тягу людей к просвещению. Там, где не было библиотек, население всеми силами старалось их открыть, для чего предоставляло помещения (например, комнаты в избах у одиноких крестьян), дрова для отопления, деньги на покупку книг и т. п. Официально санкционированное закрытие библиотек в провинции ударило по лучшим устремлениям людей. Тем не менее любые проявления частной и общественной инициативы для сохранения таких библиотек отсекались: документами Центральной межведомственной библиотечной комиссии предусматривалась только государственная сеть библиотек; подчеркивалось, что «никакой другой сети», помимо созданной библиотечным органом, в пределах региона «не должно быть».

Практически в начале 20-х гг. реальных условий для организации единой библиотечной сети не было. Еще на первой библиотечной сессии О.И. Чачина (заведующая библиотечным подотделом Наркомпроса) справедливо заметила, что «наиболее острым, наболевшим вопросом в библиотечном деле является не только вопрос о сети, сколько вопрос снабжения книгами и

работниками. Не хватает работников, нет книг, и при таких условиях самая лучшая библиотечная сеть останется только на бумаге. Вот почему особое внимание следует обратить на подготовку знающих и идейных работников, а также прочно поставить книгоиздательство и организацию снабжения книгами библиотек» [11].

Декрет невозможно было должным образом выполнить и без крупных финансовых субсидий, предоставления библиотекам хороших помещений и оборудования. Строительство специальных библиотечных зданий в первые годы Советской власти вообще не велось. В стране ни одно предприятие не изготавливало специальное библиотечное оборудование.

А на какие средства библиотекари центральных библиотек могли организовать многочисленные отделы, предусмотренные проектами централизации? Где они могли взять людские и материальные ресурсы для создания сводного каталога книг всех библиотек региона? Не обречены ли они были?

Пожалуй, главным итогом первых попыток централизации оказалось значительное сокращение числа библиотек в стране. Несмотря на все оговорки в документах Центральной межведомственной библиотечной комиссии об осторожности и постепенности «слияний и разукрупнений» библиотек, их сокращение в целом произошло на 30–40%, а в некоторых регионах — более чем наполовину. Оправдать это необходимостью «равномерного размещения сети», «нераспыления средств и экономии ресурсов», как делалось в иных планах, нельзя. Острая нехватка библиотечной книги никак не отвечала потребностям населения, а следовательно, и государственным интересам.

Таким образом, из опыта централизации первых лет советской власти можно сделать вывод, что непродуманность многих пунктов декрета «О централизации библиотечного дела в РСФСР» и некоторых других руководящих инструкций Центральной межведомственной библиотечной комиссии, необеспеченность последующей работы законодательной базой, ведомственное противодействие, отсутствие материальных средств

и подготовленных кадров не позволили создать в те годы единую библиотечную сеть.

После перехода к нэпу на первых порах из-за недостатка средств сократилась сеть общедоступных библиотек Наркомпроса. Центральная межведомственная библиотечная комиссия и Главполитпросвет выразили свое отношение к этой проблеме в следующем документе «О порядке сокращения библиотечной сети и работе в новых условиях» (22.06.1922). Отметив серьезное сокращение сети государственных политико-просветительских учреждений, Центральная межведомственная библиотечная комиссия призвала местные библиотечные органы и библиотекарей, во-первых, отнестись к этому «очень серьезно», во-вторых, проявить «осторожность» при сокращении библиотек, в-третьих, сохранить число государственных библиотек не ниже минимума, «необходимого по местным условиям для обслуживания трудящихся масс», в-четвертых, компенсировать численное сокращение сети «углублением» библиотечной работы [13].

Вместе с тем дипломатично указывалось, что сокращение госсети должно «сообразовываться с ресурсами государства и возможностями поддержки со стороны местных советов». Из этой обтекаемой формулировки следовало, что библиотеки, от содержания которых отказались как государство, так и местные советы (около 90–95% всех массовых, народных библиотек), либо передавались на договорных началах другим организациям-спонсорам, либо Центральная межведомственная библиотечная комиссия обязывала местный политпросвет передавать наиболее ценную литературу, оборудование, а также помещения оставшимся библиотекам госсети, наиболее квалифицированными библиотекарями сокращающихся библиотек укреплять кадровый состав основной госсети.

Однако передачей библиотечного имущества и перераспределением кадров занимались иногда не вполне добросовестные люди, входившие в специальные комиссии политпросветов. В результате организациям-спонсорам часто передавались уникальные библиотечные фонды и опытнейшие работники. Богатые

организации брали на свое содержание прежде всего наиболее ценную литературу, лучшие кадры, оборудование и помещения.

Но даже если удавалось формально сохранить принадлежность библиотек к политпросвету, «прикрепив» к учреждениям, имевшим средства на их содержание, то для массового читателя они нередко становились недоступными. Учреждения, «прикрепившие» библиотеки и финансировавшие их работу, предоставляли право пользоваться ими обычно лишь своим сотрудникам.

Таким образом, нарушался не только один из основополагающих принципов библиотечного обслуживания — общедоступность, но и принцип социальной справедливости. Ведь многие библиотеки были созданы до нэпа усилиями населения, частично на его материальные пожертвования и взносы. Теперь же эти в полном смысле народные библиотеки оказывались закрытыми для народа.

В связи с недостаточностью государственных ресурсов и необходимостью привлечения местных средств на содержание просветительных учреждений на местах стало проявляться стремление поддержать эти учреждения путем введения платы за пользование библиотеками, клубами и т. д. Причем в отдельных регионах введение платного пользования библиотеками предшествовало массовому сокращению библиотек. Однако в масштабах страны оказание платных услуг явилось реакцией местных властей и библиотек на отказ государства их содержать.

На страницах журнала «Книгоноша» развернулась дискуссия и разделила библиотекарей на два лагеря по отношению к вопросу платности обслуживания литературой. Часть библиотечковедов пыталась теоретически обосновать необходимость брать плату за пользование библиотеками. Например, Б.О. Борович высказывался следующим образом: «Так воспитан сейчас русский человек в массе своей, что еще не умеет он ценить того, что дается безо всякого труда “задаром”, и всяческого внимания отдаст он больше тому, за что уплатил».

Возражая таким «теоретикам», Е.Н. Медынский отмечал: «Указания на развращающее влияние “даровщинки” почему-то

относится только к беднейшему населению — крестьянству, а на интеллигенцию, по-видимому, эта даровщинка развращающе не действует: мы бесплатно пользуемся Публичной библиотекой» [13]. Покровский незамедлительно отозвался на «новшества» статьей «Платность библиотек недопустима», самым названием резко полемируя с «новаторами».

Состоявшаяся в 1920-х гг. полемика напоминает нам страницы библиотечной печати начала 1990-х гг., когда вопрос о платности библиотек был одним из актуальнейших. Сколько копий ломалось в защиту платности, как экономически обоснованы были тезисы о необходимости платных услуг. Стоило ли изобретать новое, тратить массу времени и сил на внедрение «новшества», неправомочность которого доказало время, о недопустимости которой писал Покровский еще в 1923 г., утверждая, что библиотека никогда не будет статьей дохода. По прошествии лет яснее видна правота ученого, его теоретическая дальновидность.

Последствия платного пользования библиотеками пытались смягчить льготами для некоторых социальных групп. Например, предусматривались скидки в 25% и 50% для учащихся и преподавателей, красноармейцев, милиционеров и инвалидов. Пользоваться книгами бесплатно могли только члены профсоюзов. Размер взимаемой платы на местах определялся по-разному. Она взималась и в «скрытой» форме (в виде обязательной подписки или пожертвования).

Как известно, оценить духовную отдачу культуры, библиотечного дела трудно. Деньги же, которые вносили читатели за пользование библиотекой, можно было перечислить и разумно расходовать «прямо сейчас». Это побудило библиотеки вводить платность без долгих раздумий, тем более что в противном случае им просто грозило закрытие.

Потребовалось очень небольшое время, чтобы убедиться — крупных материальных средств от ведения платности получить не удалось. Зато произошел заметный отток малообеспеченных читателей — основного контингента низовой библиотечной сети от библиотек. Как справедливо отмечалось на I Всероссийском

библиотечном съезде (1924), введение платности переориентировало библиотекарей с заботы о читательских интересах на нахождение способов «добывания денег». Резолюция съезда категорически осудила введение платности в библиотеках как меру, которая не только не помогла библиотекам выйти из кризиса, вызванного снятием с госснабжения, но и усугубило его.

Библиотечные работники искали способы, позволяющие библиотекам выжить. Заключались договоры о передаче библиотек на содержание профсоюзам, милиции, красноармейским клубам и т. п. Среди локально предпринимаемых действий можно назвать передачу волостных библиотек на заведование учителям, работавшим по совместительству, слияние нескольких мелких библиотек в одну более крупную. Население собирало дрова для отопления библиотек, керосин для освещения, помогало с ремонтом. Понятно, что все это не могло кардинально улучшить дело.

Возможный выход из тупиковой ситуации центр видел в расширении и укреплении сети передвижных библиотек. Однако большие расстояния между населенными пунктами в сельской местности, плохие дороги, отсутствие «опоры» на стационарную волостную библиотеку делали работу передвижек малоэффективной. Она велась от случая к случаю, ею никто не руководил.

В результате как раз в то время, когда стала налаживаться библиотечная работа, когда библиотека, книга становились важным средством просвещения народа, низовая библиотечная сеть резко сократилась. Библиотеки закрывались, библиотекари вынуждены были искать другую работу, причем уходили, как правило, квалифицированные специалисты. Существенно пострадала материально-техническая база библиотек. Фонды закрывшихся библиотек расхищались, выбрасывались на улицу в целях освобождения помещений. И происходило это во время острейшего книжного голода.

В то же время в 1921–1925 гг. быстро развивалась сеть профессиональных библиотек в клубах, на фабриках, заводах, при

различных других предприятиях, в учреждениях, при руководящих профсоюзных организациях.

В профсоюзных библиотеках выросли новые кадры библиотекарей из рабочих, особенно из рабочей молодежи. Библиотекари профсоюзов были тесно связаны с рабочими, близко стояли к производству и хорошо знали условия жизни и культурные запросы масс. В своей работе профсоюзные библиотеки опирались на помощь актива читателей, организованного в кружках «Друзей книги» и «Друзей библиотеки». В общежитиях и красных уголках в часы обеденного перерыва на производстве систематически проводились громкие чтения и собеседования, в читальных залах и клубах устраивались литературные вечера, широко применялись наглядные формы пропаганды книги и библиотеки. В целях приближения книги к читателю в красных уголках, общежитиях и цехах были организованы передвижные библиотеки.

В 1921–1925 гг. возникло свыше 4000 новых научных и специальных библиотек; больше всего было открыто библиотек при научно-исследовательских учреждениях и вузах. Создаются новые специализированные публичные библиотеки. В 1921 г. — библиотеки институтов Маркса и Энгельса и Красной профессуры, а также Государственной центральной книжной палаты. В 1922 г. основаны Государственная театральная библиотека (ныне Российская государственная библиотека по искусству), Неофилологическая библиотека (трусами М.И. Рудомино превратившаяся в Государственную библиотеку иностранной литературы). В 1923 г. библиотеки Политехнического музея и Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете были объединены в Центральную политехническую библиотеку. В 1925 г. была основана Справочная библиотека Наркомпроса РСФСР, позже преобразованная в Центральную библиотеку по народному образованию, которая после объединения с библиотекой Института школ стала называться Государственной педагогической библиотекой им. К.Д. Ушинского.

С 1925 г. в библиотечной жизни происходят изменения. Благодаря новой экономической политике восстанавливается

экономика страны. Разруха к 1926 г. была в основном преодолена. А по мере укрепления народного хозяйства стала усиливаться материальная поддержка культуры и народного просвещения, фундаментом которого являлись массовые библиотеки. Кроме того, библиотеки оказались необходимыми для проведения крупных государственных реформ: форсированной индустриализации страны и повышения эффективности сельского хозяйства на основе массовой коллективизации. Подобные масштабные преобразования невозможно было осуществить без резкого роста уровня грамотности и образованности населения, подготовки своей массовой социалистической интеллигенции. Причем взрослое население надо было обучать без отрыва от производства. Следовательно, стало необходимо укреплять библиотеки как испытанную базу образования и самообразования. В связи с этим для библиотечного строительства с середины 20-х гг. наступает второй этап нэпа. Именно тогда начинается подъем важнейших показателей деятельности библиотек. Если в 1921 г. в РСФСР по разным официальным источникам было от 8,4 до 10,1 тысяч массовых библиотек, то в 1925 — 11,5 тысяч, а по итогам 1929 г. — 17,9 тыс. Их книжные фонды тоже выросли. В 1924 г. в массовых библиотеках хранилось 36,4 миллионов экземпляров, в 1925 г. — 38,1 миллионов, а в 1929 г. — 55,7 миллионов.

Стоит отметить, что к тому времени наша страна заметно обогнала все ведущие мировые державы как по тиражу, так и по числу изданных названий.

Закономерным стал и рост числа читателей библиотек. Если в 1924/25 учебном году собрать сведения о них по РСФСР вообще не удалось, то в 1925/26 их было 4,08 миллионов, а в 1929/30 — 5,88 миллионов.

30 октября 1929 г. ЦК ВКП (б) было принято постановление «Об улучшении библиотечной работы». В нем было предложено всем организациям, имеющим библиотеки, расширять их сеть, улучшать материальное положение, проводить дифференцированное комплектование библиотек различных типов и систематически пополнять их производственно-технической

и сельскохозяйственной литературой, учитывая запросы и уровень развития читателей; добиваться превращения всех библиотек в общедоступные, расширять сеть детских отделений при библиотеках.

Передовые библиотекари видели и понимали, что библиотечное дело в стране отстает от требований. По их инициативе летом 1929 г., по примеру культпохода, началось массовое общественное движение, известное под названием «библиотечный поход».

О библиотечном походе печатались статьи и заметки в центральных и местных газетах и журналах. В Ленинграде издавали специальный журнал «В поход за библиотеку», а ко Дню печати 1930 г. выпустили однодневную газету «В поход за книгу, за библиотеку». В библиотеках в связи с библиотечным походом выпускались стенгазеты, устраивались выставки. Во многих городах проводились собрания читателей, на которых обсуждалась работа библиотек и вносились предложения по улучшению их деятельности.

В Саратове в трамвайном вагоне устроили библиотеку в 2000 книг. Она обслуживала рабочие районы; там же было открыто много новых передвижных и книгоношеских пунктов. В Ленинграде, в Нарвском районе, при помощи читательского актива провели по домам запись в библиотеки около 22 тысяч читателей. В Иваново-Вознесенске книгоноши обошли окраины и записали в библиотеки свыше полутора тысяч новых читателей. В некоторых местах проводилось соревнование между читателями за вовлечение новых читателей в библиотеки. Привлечение новых читателей велось под лозунгом «Каждый читатель должен привлечь одного нечитающего».

В целом библиотечный поход в свое время сыграл положительную роль. Библиотеки приобрели большую популярность среди населения, в них возросло число читателей. Многим библиотекам разными организациями была оказана материальная помощь для приобретения книг. Однако полностью библиотечный поход не оправдал возлагавшихся на него надежд и решительного

перелома в отношении к библиотечной работе добиться не удалось. Перед библиотеками, особенно на местах, ставилось слишком много задач, без учета возможности их выполнения и материальной базы библиотечной работы. Некоторые мероприятия носили поверхностный характер.

Сам поход задумывался не как кратковременная кампания, а как начало длительной систематической работы по улучшению библиотечного дела в стране. Однако в некоторых местах к библиотечному походу отнеслись как к какому-то обособленному, органически не связанному с повседневной работой делу. Вскоре начались извращения самой идеи этого похода, и он стал превращаться в показную шумиху. Создавались «штабы», «посты», устраивались «маршруты» библиотечного похода, местами разрабатывались надуманные бюрократические планы, в которых заранее до мельчайших деталей расписывалась работа библиотек; читателям навязывались планы и сроки чтения книг по этапам библиотечного похода, вносились несвойственные библиотечной работе методы командования, навязывались нежизненные, надуманные формы работы с книгой и т. п.

В библиотечном походе активно участвовали комсомол и отчасти профсоюзы. Другие организации подписали обращение о походе и этим ограничились. Хороших резолюций было много, но выполнялись они плохо. Всю работу вели главным образом сами библиотекари и актив библиотек. Однако энергия их разбивалась о недостаточную материальную базу библиотек и, несмотря на все их усилия, массового общественного движения по оказанию помощи библиотекам не получалось, и библиотечный поход постепенно затих.

Во время библиотечного похода, когда особенно остро встал вопрос об объединении всех сил в библиотечном деле и лучшем использовании всех библиотек, выявилась необходимость более планомерной организации библиотечного дела в стране. В конце 1920 — начале 1930-х гг., после перерыва, вызванного условиями нэпа, вновь начинается теоретическая и экспериментальная разработка проблем централизации сети.

Наркомпрос РСФСР пытался в виде опыта построить по инициативе Крупской единую библиотечную сеть в г. Орехово-Зуево Московской области — крупном промышленном (текстильном) центре. Образцовая организация библиотечной работы в таком рабочем районе являлась делом очень важным. В 1930 г. в г. Орехово-Зуево было 22 библиотеки, главным образом профсоюзные. В них насчитывалось свыше 100 тысяч книг и около 10 тысяч читателей. Кроме того, имелось еще 8 библиотек при школах [14]. При построении библиотечной сети в Орехово-Зуеве имелось в виду использовать опыт построения библиотечной сети в США, в штате Калифорния.

В основу единой сети были положены следующие принципы. Государственные массовые, профсоюзные и другие библиотеки города (а затем и окружающих сел) становились общедоступными, а книги их обобщались и рассматривались как книжный фонд единой библиотечной сети. Библиотека центрального клуба союза текстильщиков была объявлена центральной библиотекой единой сети, а другие библиотеки города превращались в ее филиалы (отделения). Кроме того, открывалось много новых филиалов и пунктов выдачи книг. Для равномерного размещения библиотек по городу некоторые из ранее существовавших библиотек предполагалось перевести на новое место. Центральная библиотека становилась организационно-методическим и руководящим центром единой библиотечной сети, организатором обмена книгами между библиотеками; при ней создавался сводный каталог всех библиотек города; она должна была комплектовать все филиалы, снабжать детской литературой школы, пионерские отряды, организовывать передвижки, осуществлять руководство массовой работой, проводимой филиалами, быть хранилищем книг для более узкого круга читателей (специалистов, читателей нерусских национальностей и т. д.). По межбиблиотечному абонементу предполагалось получать книги из библиотек Москвы и других городов. Заведующий центральной библиотекой должен был также выполнять обязанности библиотечного инспектора.

Практическая работа началась с сентября 1929 г. Идея единой библиотечной сети пропагандировалась в местной печати, по радио, на рабочих собраниях, с помощью плакатов, объявлений и т. п. С заинтересованными организациями (их было свыше 30) заключались соглашения о финансировании сети. После учета всех библиотек началось составление сводного каталога имеющихся в них книг. К концу 1930 г. в городе было уже 123 (разного вида) отделения Центральной библиотеки, выдающие книги.

Однако скоро обнаружилось, что единая библиотечная сеть в Орехово-Зуеве является искусственно созданной организацией, не имеющей прочных оснований для своего развития. Она стала превращаться в самодовлеющую территориальную организацию, оторванную от фабрик, заводов и местных организаций. Профсоюзы все больше и больше отходили от руководства библиотеками и на втором году существования единой библиотечной сети в Орехово-Зуеве сократили свои отчисления на библиотечную работу почти в два раза. Обнаружились и другие недостатки созданной системы. Так же и даже хуже обстояло дело и в других городах и местностях, где пытались построить единую библиотечную сеть на основе слияния существующих библиотек.

Почему же так произошло и какие ошибки были допущены при попытках построения единой библиотечной сети в 1929–1930 гг.?

Догматически был воспринят декрет 1920 г. «О централизации библиотечного дела в РСФСР», провозглашенный в период военного коммунизма и был возможен при существовавшей в то время системе финансирования библиотек и бесплатного снабжения их литературой в централизованном порядке за счет государства. Однако после перехода к нэпу такой порядок стал затруднительным и не соответствующим новым изменившимся условиям, когда наряду с государственной сетью общедоступных библиотек стала быстро развиваться сеть других библиотек.

В Орехово-Зуеве, где преобладали профсоюзные библиотеки, производственный принцип построения библиотечной

работы был нарушен. Это привело и к ослаблению связи библиотек с производством и профсоюзными организациями, которые стали уклоняться от участия в финансировании единой библиотечной сети.

Структура Центральной библиотеки в Орехово-Зуеве была заимствована у американских окружных библиотек; книг читателям непосредственно она не выдавала. При библиотеке составили сводный каталог со многими тысячами карточек на книги всех библиотек; им предполагалось пользоваться при осуществлении циркуляции книг в библиотечной сети. Однако при огромном числе читателей и большом спросе на книги у нас в каждой массовой библиотеке всегда надо иметь наиболее актуальную литературу и лучшие книги по всем отраслям знаний, чтобы немедленно удовлетворять запросы читателей. Сводный каталог оправдывал бы себя, если бы он составлялся только на книги редкого, не массового спроса.

Опыт построения единой библиотечной сети в Орехово-Зуеве оказался неудачным. Анализируя ошибки орехово-зуевского эксперимента, Хавкина вскрыла основную причину неудачи. Она заключалась в том, что с первого шага была взята программа-максимум, которую пытались осуществить в кратчайшие сроки при самых неблагоприятных условиях хаотического состояния объединяемых библиотек. Еще более серьезные ошибки допускались в других местах, где пытались административным путем создать единую библиотечную сеть. Вследствие этого Наркомпрос и ВЦСПС, в значительной мере повинные в допущенных ошибках, отказались от дальнейших попыток построения единой библиотечной сети [12].

Несмотря на активизацию библиотечной работы на селе, в 1930 г. в РСФСР одна изба-читальня приходилась на четыре сельсовета и 32 населенных пункта. Для огромной территории нашей страны библиотек было недостаточно. Наиболее эффективно работали самостоятельные районные и сельские библиотеки Наркомпроса. Они находились на твердом госбюджете, имели штатных работников. Однако свыше 30% районов не имели

районных библиотек, а одна самостоятельная библиотека приходилась примерно на 20 сельсоветов.

Стараясь быть ближе к сельскохозяйственному производству, библиотеки и другие культпросветучреждения во время посевных, уборочных и других кампаний переносили свою работу в поле, бригады, использовали культпалатки, агитповозки, агитфургоны и т. д. Одним из самых распространенных видов работы библиотек были громкие чтения и беседы по газетам, брошюрам, книгам и журналам. Библиотеки в своей работе опирались на помощь многочисленного актива из передвижников, книгонош, чтецов, беседчиков.

В связи с коллективизацией сельского хозяйства на селе появляются совершенно новые общественные библиотеки — библиотеки колхозов. Число их особенно увеличивается с 1930 г. Они создавались из книг, приобретенных самими колхозами, а также присланных из городов и привезенных шефами.

Однако большинство колхозных библиотек, особенно в первое время, были слабыми и имели по 200–300 брошюр и книг. Средства на покупку книг правлениями колхозов отпускались обычно одновременно, чаще всего к посевным и другим сельскохозяйственным работам. Организованные таким образом библиотеки в дальнейшем регулярно не пополнялись, быстро теряли свое значение. Случалось и так, что работы по пропаганде закупленных книг не велось, колхозники о них не знали, и они лежали без пользы где-нибудь в правлении колхоза.

В 1930–1931 гг. появились библиотеки при МТС. В 1930 г. насчитывалось 158 МТС, а в 1932 г. их стало уже 2446. Располагая огромным, все возрастающим числом тракторов, комбайнов и других машин и имея тысячи механизаторов, агрономов и других специалистов сельского хозяйства, МТС становились важными очагами культурной революции в деревне.

При МТС профсоюзами и отделами народного образования создавались стационарные или передвижные библиотеки, однако в 1931–1932 гг. их было недостаточно и работали они в большинстве случаев слабо.

Большую помощь районным и сельским библиотекам оказывали областные, краевые и республиканские библиотеки. Они помогали также колхозным библиотекам. Работники областных библиотек выезжали на места, инструктировали библиотекарей. Директор областной библиотеки в конце 1920 — начале 1930-х гг. выполнял обязанности главного библиотечного инспектора области. При областной библиотеке проводились совещания и семинары работников районных и сельских библиотек.

Библиотечный актив способствовал приближению библиотечной работы к производству; учитывая это, библиотеки старались иметь своих активистов во всех цехах, сменах и рабочих общежитиях. Во многих библиотеках актив был организован в кружки «Друзей книги», «Друзей библиотеки», «Библиотечной комиссии».

На некоторых новостройках и заводах в 30-е гг. работали иностранные специалисты и рабочие. Их обслуживала ВГБИЛ; ВЦСПС отпустил ей для этой цели 40 тысяч рублей. К концу 1931 г. библиотека организовала 121 передвижку и филиалы на крупнейших стройках и предприятиях в Москве, Сталинграде, Свердловске и других местах. В этих филиалах и передвижках имелось около 27 тысяч книг и брошюр на иностранных языках.

В конце 1927 г. на базе объединения центральной и двух других библиотек Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) создается государственная научная библиотека (ГНБ). По своей организации и составу книжных фондов это была новая, техническая библиотека. В начале государственная научная библиотека имела 300 тысяч томов литературы, затем она стала быстро расти. Государственная научная библиотека публиковала в технической периодике библиографические материалы, а с 1929 г. издавала и распространяла по подписке печатную аннотированную техническую картотеку («Техкарт»), информировавшую о новейшей технической литературе.

В апреле 1929 г. был издан приказ Высшего Совета Народного Хозяйства о технических библиотеках, способствовавших созданию широкой сети таких библиотек на предприятиях.

Государственная научная библиотека становится организационно-методическим центром руководства техническими библиотеками и в последующие годы помогает работе всех технических библиотек.

Технические библиотеки, являясь научно-вспомогательными учреждениями предприятий, обслуживали не только ИТР, но и рабочих, особенно изобретателей и рационализаторов. Библиотеки эти комплектовались литературой по своей отрасли промышленности и смежным отраслям науки и техники, собирали специальные виды технической литературы, ведомственную документацию.

С 1930 г. ведет свою историю справочная библиотека ВАСХНИЛ, с 1934 г. — Центральная сельскохозяйственная библиотека. В связи с переездом АН СССР из Ленинграда в Москву в 1934 г. здесь был устроен временный библиотечный пост Библиотеки академии наук, с 1936 г. называвшийся Московским отделением Библиотеки академии наук, которое в 1973 г. было преобразовано в Библиотеку по естественным наукам АН СССР (БЕН).

В 1930-х гг. в Москве действовали библиотеки МОНО для слепых, передвижная библиотека с филиалами «Долой неграмотность», библиотеки профсоюзов (в том числе ВЦСПС), партийных организаций, национальных меньшинств (белорусская, польская, еврейская, тюркских народов, цыганская и другие, позднее ликвидированные; на их месте открылись обычные районные библиотеки).

Однако, несмотря на некоторые успехи в развитии библиотечного дела, работа библиотек во многом являлась неудовлетворительной. Руководство библиотечным делом в стране поручалось отдельным библиотекам, что приводило к обезличке, случайному и неорганизованному комплектованию библиотек, снижению ответственности за состояние местных библиотек отделов народного образования, сельсоветов, ФЗМК и заведующих библиотеками.

По постановлению ЦИК от 27.03.1934 г. «О библиотечном деле в СССР» для улучшения руководства библиотечным делом

в стране в наркомпросах союзных республик были образованы библиотечные управления, а при наркомпросах АССР, краевых и областных отделах народного образования, а также при культурно-массовых отделах советов крупных городов были созданы библиотечные секторы.

В районных и городских отделах народного образования устанавливалась должность библиотечного инспектора. На библиотечные управления наркомпросов возлагался государственный контроль за деятельностью всех библиотек в стране, независимо от ведомственной принадлежности.

Библиотечным управлениям поручалось проведение мероприятий, касающихся всех библиотек страны, а именно: руководство комплектованием библиотек и составление рекомендательных списков изданий для них; подготовка кадров библиотечных работников, учет всех библиотек.

Одной из наиболее доступных советскому человеку форм развлечений в довоенный период несомненно являлось библиотечное чтение. Рекреация с помощью библиотек стала важной составляющей библиотечной политики. Партийные директивы указали всем политико-просветительным учреждениям, библиотекам «на необходимость улучшения и расширения культурного отдыха и развлечений трудящихся».

В начале 30-х гг. одной из самых распространенных форм досуга являлось проведение «громких чтений» художественной литературы. Их популярность была вызвана малограмотностью либо неграмотностью немалой части населения, а также простотой организации. Библиотекари отмечали, что громкие читки слушаются с удовольствием, люди нарасхват берут книги, читанные вслух, зачитывают их «до дыр». Успех еще более возрастал, если библиотекарь сам учился приемам художественного чтения. Это привело население в библиотеки, формировало эстетические вкусы людей, стимулировало «жажду знаний».

С середины 30-х гг. заметной формой досуга стали литературно-творческие вечера в библиотеках. Здесь пропагандировались не только литературные произведения, но и музыкальная

культура, сценическое искусство, исполнялись концертные номера и театральные инсценировки по темам творчества выдающихся писателей, выступали приглашенные актеры. Вообще, чтецы, певцы, музыканты из кружков самодеятельности, а часто профессиональные артисты широко участвовали в проведении литературно-творческих вечеров в массовых библиотеках, отнюдь не считая это ниже своего достоинства.

Тогда же большее значение придается повышению комфортности в библиотеках. Специалистам известно, сколь важны для читателей удобные, красиво оформленные помещения, хорошее библиотечное оборудование и т. п. Во второй половине 30-х гг. формируется целое соответствующее направление библиотечной политики.

На основе изучения передового опыта, в том числе зарубежного, с 1934 г. вырабатываются специальные типовые проекты зданий для библиотек, исходя из величины фонда и других параметров. Поиск повышения комфортности в библиотеках становится целью технологических инженерных исследований. Были разработаны стандартные образцы библиотечного оборудования (стеллажей, витрин, библиотечных прилавков и т. п.).

Заметно увеличиваются площади, занимаемые библиотеками. Так, только за один 1939 г. в среднем площадь городской массовой библиотеки увеличилась с 73 до 126, а сельской — с 38 до 52 м². Просторный, продуманно оборудованный читальный зал перестает быть редкостью. Важно заметить, что постановлением ЦИК СССР категорически запрещалось использовать библиотечные помещения в каких-либо иных целях. Все это делало библиотеку привлекательным местом отдыха.

Ну и, конечно, десятки миллионов советских людей с удовольствием отдыхали за чтением библиотечной беллетристики. Причем издательства и библиотеки главные свои усилия направляли на пропаганду и распространение среди народа прежде всего классической художественной литературы. Она выпускалась большими тиражами, чтобы гарантировать ее поступление практически во все массовые библиотеки. ЦК ВКП(б) в специальном

постановлении особо указал на недопустимость составления издательских планов без учета запросов читателей, которые стали тщательно изучать. В ходе обследования характера чтения советских людей выяснилось, что наиболее популярной в народе являлась именно классика. Даже на селе в круг чтения колхозников вошли такие авторы, как Пушкин, Гоголь, Чехов, Гете, Шекспир, Шиллер и другие. Тем самым советские читатели воспитывали свой вкус и развивали мировоззрение на мировых шедеврах, а библиотеки концентрировали в фондах действительно лучшую литературу.

Безусловно, в культурно-досуговой библиотечной деятельности 30-х гг. были свои проблемы и недостатки. Однако власти осознавали довольно простую истину: человек — не машина, а чтобы он хорошо работал, ему надо отдыхать. Четко обозначилась дальновидная политика по подъему образовательного и культурного уровня простого человека, забота о его полноценном досуге.

1 октября 1934 г. была проведена всесоюзная библиотечная перепись, которая имела большое политическое и практическое значение для изучения развития и состояния библиотечного дела в СССР и выявления назревших задач его дальнейшей организации. Подготовка к переписи велась несколько месяцев. В библиотеках уточнялся учет книжных фондов, исключались устаревшие и пришедшие в ветхость книги, уточнялось число читателей.

Перепись проходила в один день по всему Советскому Союзу. В результате были собраны данные о всей сети библиотек СССР с распределением их по типам, данные о количестве книг в них, числе передвижных библиотек, количестве книг в них, количестве библиотекарей и их распределении по возрасту, партийности, национальности, стажу работы, общему и специальному библиотечному образованию. Во время переписи были собраны также данные о числе читателей, выдаче книг, времени основания библиотек и другие сведения. Всего было учтено свыше 67 тысяч библиотек, около 271 миллионов книг в них и свыше 55 тысяч платных библиотечных работников (включая совместителей).

Перепись обнаружила резкое несоответствие в распределении книжных фондов между библиотеками города и села. В 14,2 тысячах массовых библиотек городов оказалось свыше 71% всех книг, находившихся в СССР, а в 36,6 тысячах массовых библиотек села — менее 29%.

Если же брать все библиотеки СССР, то разница в распределении библиотечных фондов между городом и селом была еще большей. В то время как в городских библиотеках оказалось свыше 238,4 миллионов книг, что составляло 88% всего книжного фонда библиотек СССР, в сельских библиотеках было около 32,5 миллионов книг, что составляло лишь 12% всего книжного фонда [8].

Сеть профсоюзных библиотек в основном росла за счет мелких библиотек (имевших менее тысячи книг), а книжные фонды, выдача книг и число читателей увеличивалось главным образом за счет «цензовых» библиотек (имевших более тысячи книг). К 1940 г. «цензовые» библиотеки составляли всего 30% общего количества профсоюзных библиотек, но в них было почти 89% книжного фонда этих библиотек и свыше 85% читателей. Так, библиотека Первого государственного подшипникового завода (Москва) работала с 8 утра до 11 часов вечера, читатели в ней шли непрерывным потоком, особенно много их было в часы обеденных перерывов.

Недостаточно было библиотек для детей и подростков. В связи с этим СНК СССР 16.11.1936 г. было принято постановление «О развертывании сети школьных библиотек и издании литературы для них».

По этому постановлению значительно пополнялись новой литературой все существовавшие при школах библиотеки и организовывались новые библиотеки в школах, где их не было. Чтобы выполнить эту задачу, Детгизу и другим издательствам было поручено выпустить в 1937 г. специальными тиражами для школьных библиотек 42,5 миллионов книг. На покупку этих книг Наркомпросом союзных республик было отпущено 70 миллионов рублей. Кроме того, было постановлено, что в сметах школ

ежегодно должны предусматриваться специальные ассигнования на школьные библиотеки. Наркомпросам союзных республик поручалось утверждение списков книг, рекомендуемых или допускаемых в школьные библиотеки.

Таким образом, к началу 1939 г. число школьных библиотек увеличилось более чем в 3 раза и составило 144,4 тысяч, а книжный фонд всех школьных библиотек возрос более чем в 2 раза и достиг почти 60 миллионов книг.

Однако проблемы, связанные с количественными показателями, характеризующими размах общественного использования книжных богатств нашей страны, заслуживает более глубокого осмысления. Считалось, что к началу Второй мировой войны мы «далеко обогнали» передовые страны по числу библиотек, количеству книг и читателей в них. За счет каких показателей это достигалось? В ноябре 1939 г. у нас, например, было 77,6 тысяч массовых библиотек, в том числе приклубных 22,4 тысячи, колхозных 19,5 тысяч. На каждую приклубную библиотеку в среднем приходилось по 365 книг, а колхозную — 265, то есть 54% составляли небольшие библиотечки, умещавшиеся в одном книжном шкафу. Из 77,6 тысяч массовых библиотек только 17,7 тысяч имели книжный фонд более тысячи книг и одного платного работника.

С первых же дней войны советские библиотеки подчинили свою работу интересам Красной армии и фронта и задачам перестройки тыла на военный лад.

26 июня 1941 г. было опубликовано правительственное обращение ко всем работникам просвещения страны. Главная мысль этого документа — всю деятельность работников культуры, библиотекарей полностью подчинить интересам обороны Родины, зажечь весь народ единой идеей: «Все для фронта, все для победы».

В отличие от правительства России 1914 г., не сумевшего воплотить в реальные и повседневные дела мощный патриотический подъем народа в августе 1914 г., твердое и последовательное государственное руководство СССР материализовало

идею полного самоотречения каждого ради спасения Отечества и победы в смертельной битве. Ясные и необходимые правительственные приказы, помноженные на сознательную волю, гигантскую работоспособность и деловой талант простых работников культуры и библиотек привели к интенсивному развертыванию идеологической и оборонной работы.

Великая Отечественная война сказалась на всех сферах общественной и культурной жизни страны, внесла серьезные изменения в состояние и организацию библиотечной сети. С первых ее дней условия работы библиотек резко осложнились. Гитлеровскими армиями были временно захвачены территории Прибалтики, Украины, Белоруссии, западных областей РСФСР. На этой территории располагалось около 30% от общего числа массовых библиотек страны.

На состояние библиотечной сети отрицательно повлияло уменьшение ассигнований на социально-культурные нужды, которые в первый военный год сократились на 38,1 миллиардов рублей [22].

Во многих библиотеках вышло из строя центральное отопление и прекратилась централизованная доставка топлива. Из-за полного или частичного отсутствия электроэнергии помещения библиотек освещались керосиновыми лампами, самодельными копилками.

Тяжесть военного времени, которая легла на плечи народа, огромные трудности, ставшие перед библиотеками в организации работы, вызывали сокращение общего числа читателей. Это объяснялось мобилизацией людей в Красную Армию, эвакуацией населения, увеличением рабочего дня, переходом ряда предприятий на казарменное положение.

Чтобы максимально приблизить книгу к населению в начальный период войны, основной акцент работы ряда библиотек был смещен в сторону организации библиотек-передвижек. Никогда ранее сеть передвижек не охватывала столько организаций, как в военное время. Они действовали в воинских частях, частях народного ополчения, бомбоубежищах, на агитпунктах,

в домоуправлениях, парках, на предприятиях, госпиталях, общежитиях. Таким образом, с помощью передвижек удалось значительно расширить объем деятельности библиотек и в какой-то мере компенсировать сокращение библиотечной сети.

Одновременно с перестройкой работы библиотек в связи с войной принимались меры по обеспечению сохранности книжных фондов библиотек, особенно в районах прифронтовой полосы. В начале войны по решению правительства были эвакуированы в глубокий тыл наиболее ценные фонды крупнейших библиотек Москвы, Ленинграда и некоторых других городов.

Однако с территории, подвергшейся оккупации, удалось вывезти незначительную часть книг. Большое количество библиотек погибло при налетах фашистской авиации и во время боевых действий.

С первого дня войны в библиотеках из сотрудников (главным образом девушек и женщин) были организованы команды противовоздушной обороны (ПВХО). Спешно принимались противопожарные меры, устанавливались круглосуточные дежурства на крышах, чердаках и в зданиях библиотек. Библиотекари, бойцы команд ПВХО Ленинграда, Москвы и других городов потушили много зажигательных бомб, упавших на здания библиотек. Только в ГБЛ в 1941 г. было потушено более 200 таких бомб.

В научных и публичных библиотеках, находившихся под угрозой налетов фашистской авиации, наиболее ценные фонды, каталоги, справочные картотеки перемещались в подвалы и самые прочные части зданий. Так, например, сделали в библиотеке Московского университета. В книгохранилищах наиболее ценную литературу передвинули вниз, а на верхних ярусах и вблизи окон и наружных стен расставили менее ценные и дублетные фонды.

И когда у здания университета фашисты сбросили большую фугасную бомбу, внутри библиотеки от взрывной волны обрушилась часть потолков и стен, были выбиты все окна. Книги на стеллажах вблизи окон забило мельчайшими осколками стекла, но ущерб, причиненный библиотеке, был бы значительно большим, если бы не были приняты предупредительные меры.

В ГПБ в подвалы убрали генеральные каталоги, в подвалы с замурованными окнами сложили 2500 ящиков с рукописями и книгами в Библиотеке Академии наук. В городах, которые подвергались налетам фашистской авиации, библиотеки работали в бомбоубежищах, а в Москве — на подземных станциях метро.

Во время войны библиотеками широко велась рекомендательная библиография. В библиографических работах, выполненных библиотеками, главное место заняла тематика военного времени. Например, «Борьба с танками», «Артиллерия в наступательном бою», «Подготовка автоматчиков», «Боевые действия в лесах и болотах», «Боевые действия зимой», «Боевые действия ночью», «Бои за водные преграды», «Бои за населенные пункты».

Во время войны библиотечные работники доказали готовность к самоотречению, жертвенности и подвигам во имя идеи. Что значило только обеспечить бесперебойное библиотечное обслуживание воинов на передовой, работать с тяжелоранеными инвалидами. А библиотекари блокадного Ленинграда, невзирая на голод, отсутствие света и тепла, бесконечные артобстрелы и авианалеты, не только смогли спасти многие ценнейшие собрания литературы, но и не прекращали библиотечное обслуживание ленинградцев, своим примером укрепляя в них веру в окончательную победу. Ждут своего освещения подвиги библиотекарей и читателей по спасению книг и налаживанию библиотечной работы среди наших граждан на оккупированных территориях. Во всех бесчисленных примерах удивительного в годы страшной войны уважения к книге и библиотеке проявлялось устремление народа к высшему идеальному началу, сбережению духовных, культурных, интеллектуальных ценностей, запечатленных в печатном слове.

Гитлеровцы причинили огромный ущерб библиотекам СССР. Большинство библиотек на оккупированной территории было разгромлено, разрушено и уничтожено. В Смоленске погибло 646 тысяч книг в сожженных областных, городских, детских и других библиотеках. Библиотека Смоленского педагогического

института была замурована в подвале для сохранения от потерь во время бомбардировок. Фашисты эту библиотеку нашли и сожгли. В Калинин (Твери) в библиотеках было сожжено 564 тысячи экземпляров. Здесь сгорела областная библиотека, созданная при участии Салтыкова-Щедрина еще в 1860 г. В Орле гитлеровцы превратили в казарму областную библиотеку и отправили в Германию всю ценную литературу, в том числе из железнодорожной технической библиотеки увезли 15 тысяч книг [22].

Целиком погибли Воронежская и Сталинградская областные библиотеки. Библиотека Воронежского университета, имевшая 700 тысяч книг, вывозилась в Германию; часть книг этой библиотеки немцы при отступлении бросили в Курске. В Ростове сгорела богатейшая библиотека университета, а областную библиотеку фашисты ограбили и часть ее фондов сожгли.

В конце 40-х гг. стало известно, что из 97 тысяч массовых библиотек с общим фондом около 185 миллионов томов на территории Советского Союза в 1944 г. оставалось лишь 47 тысяч библиотек с фондом около 109 миллионов томов. Между союзными республиками потери распределяются неравномерно. В качественном отношении больше всех пострадала Украина: после войны она не досчиталась 50 миллионов книг, в РСФСР эта цифра составила 20 миллионов. Число разрушенных библиотек выглядит иначе: погибло 50–70 тысяч российских библиотек и 40–45 тысяч украинских. В РСФСР по крайней мере крупнейшие библиотеки могли быть эвакуированы в тыл. Катастрофически были потери для Белоруссии: около 95% ее книжных фондов было вывезено или уничтожено [22].

Сеть массовых библиотек была полностью восстановлена в послевоенной пятилетке и в 1950 г. превысила довоенные размеры на 15%. Число книг в массовых библиотеках в 1950 г. превысило довоенный уровень более чем на 5% и достигло почти 195 миллионов экземпляров.

В 1951–1955 гг. сеть массовых библиотек в СССР выросла еще почти на 20%. В общем числе массовых библиотек процент

библиотек Министерства культуры и профсоюзов поднялся до 82,2%. А книжные фонды возросли до 93,2%.

Число колхозных библиотек за эти годы уменьшились на 17,8%, доля этих библиотек в общем числе массовых библиотек снизилась до 12,4%, а доля их книжного фонда в общем книжном фонде всех массовых библиотек — до 2,3%, хотя книжный фонд колхозных библиотек увеличился более чем в два раза.

После войны значительно возросла роль и усилилась деятельность областных, краевых и республиканских библиотек и их методических кабинетов по оказанию повседневной помощи районным, сельским, колхозным и другим библиотекам села.

На селе библиотечная сеть развивалась быстрее, чем в городах. Особенно расширилась и окрепла сеть самостоятельных государственных сельских библиотек, только за 1950–55 гг. она увеличилась на 178%.

В связи с бурным ростом сети библиотек началось изучение проблем планирования и размещения библиотечной сети в городах и на селе. Выдвигалась задача разработать нормативы организации сети библиотек, установить принципы рационального размещения библиотек разных типов и видов в зависимости от экономико-географических условий районов и городов.

Важнейшим условием правильного размещения библиотек считалась «четкая мобилизующая установка» — организовать библиотечное обслуживание каждого населенного пункта и каждой колхозной семьи. Библиотекари добивались максимального привлечения сельского населения к чтению книг. С целью привлечения читателей из каждой колхозной семьи проводился подворный обход.

Библиобусы. С 1947 г. ГАЗ стал выпускать автобусы, специально оборудованные для разъездных библиотек. Библиотеки-автомобили получали комплекты хорошо подобранной литературы и передавались районным библиотекам для обслуживания наиболее отдаленных от райцентров сел и колхозов.

В 1948 г. в районах РСФСР впервые начали совершать свои рейсы библиотеки-автомобили, которые должны были разрешить

одну из сложнейших проблем библиотечного строительства в стране — организацию наилучшего обслуживания сельского населения книгой. Каждая из 55 библиотек-автомобилей имела хорошо скомплектованный книжный фонд в количестве 1100–1200 книг. В течение года этот фонд систематически пополнялся. В 1948 г. библиотеки-автомобили обслуживали книгой 1767 населенных пунктов, привлекли 45,9 тысяч читателей и выдали им около 310 тысяч книг. Много было сделано для организации библиотечной работы в районах освоения целинных и залежных земель.

В 1954 г. была организована Центральная республиканская библиотека для слепых, в 1952 г. — Государственная публичная научно-техническая библиотека, в 1966 г. — на базе юношеского филиала Государственной публичной исторической библиотеки открылась Государственная республиканская юношеская библиотека, а в 1969 г. — на базе районной детской библиотеки № 98 — Государственная республиканская детская библиотека.

К концу 60-х гг. относится начало организации сети юношеских библиотек (сейчас их насчитывается в РФ 33). Вообще создание в стране специализированного библиотечного обслуживания юношества — уникальное явление, не имеющее аналогов в мировой библиотечной практике. В идее создания специализированной юношеской библиотеки нашли отражение сложные, противоречивые процессы, характерные для современного общества того периода. В основе концепции библиотечного обслуживания юношества, тесно переплелись две тенденции: идеологическая и гуманистическая, сила которой превзошла даже соображения экономической целесообразности. Взаимодействие и борьба этих тенденций определяла характер развития юношеской библиотеки как социокультурного феномена до последнего времени.

Состояние библиотек также определялось тем, что в течение 25 лет (с 1934 по 1959 г.) не было принято ни одного правительственного документа, в котором выразилось бы отношение государства к библиотекам, их месту и роли в меняющемся обществе. А ведь именно в эти годы совершалась «культурная

революция». В результате сформировался «принцип остаточности» внимания органов Советской власти к материальной базе, оплате труда, выделению ассигнований, что привело к падению престижа библиотеки и библиотечной профессии.

Централизация занимает особое место в истории отечественного библиотечного дела. Ее внедрение — результат многолетнего масштабного эксперимента, у истоков которого стояли десятки научных сотрудников и методистов, сотни практиков-библиотекарей и работников органов управления.

Идея возвращения централизации в государственном масштабе появилась в первой половине 60-х гг. не случайно. Десятилетие, начавшееся с середины 50-х, стало первой «оттепелью» в социально-политической жизни страны. Под ее воздействием обновлялось общественное сознание, активно влиявшее на политическое и духовное развитие личности. В массовые библиотеки пришли новые читатели, значительную часть которых составляла техническая интеллигенция и учащиеся высших и средних специальных учебных заведений. К этому библиотеки не были готовы. Возникла проблема несоответствия фондов массовых библиотек информационным потребностям общества и читателей.

Положение усугубила тенденция развития сети мелких библиотек с маломощными книжными фондами. Только в России число таких с фондом от 1 до 6 тысяч экземпляров за 5 лет выросло в 3 раза. Разумеется, в создавшихся условиях удовлетворять, хотя бы частично, информационные потребности читателей не представлялось возможным.

Советские библиотековеды указывали, что повышение роли библиотек в решении новых задач, углубление и расширение их функций возможно лишь при условии объединения их усилий и ресурсов. Этого можно достичь путем изменения принципов организации сети, ликвидации обособленности библиотек, внедрения более прогрессивных методов управления ими. Наиболее экономичным и эффективным путем решения этой проблемы они признавали централизацию сети библиотек.

Существующая организация массовой библиотечной сети уже в известной мере не соответствовала тем социально-экономическим и культурным изменениям, которые произошли в стране, и поэтому являлась определенным тормозом для более полного удовлетворения потребностей населения в книге и для повышения качества обслуживания.

Централизация сети библиотек рассматривалась как качественно новый этап в развитии библиотечного дела, направленный на то, чтобы привести организацию и уровень работы библиотек в соответствие с запросами читателей на книгу и другие источники информации.

О.С. Чубарьян, в частности, указывал, что ЦБС — это не простое механическое объединение изолированно действующих библиотек, а образование качественно нового организма.

Библиотековеды полагали, что следующей ступенью вслед за построением ЦБС одного ведомства и одного типа будет организация юридически оформленных систем из библиотек разных типов, разных ведомств — единых территориальных библиотечных комплексов, идея которых была выдвинута Н.С. Карташовым.

Возрождение принципа централизации вселяло надежду на то, что при тех же ассигнованиях, рационально их используя в рамках ЦБС, удастся расширить круг изданий, создать условия для свободного доступа читателей к каждому изданию, имеющемуся в едином фонде, сформировать базу библиографической информации.

Многие ЦБС, особенно первые экспериментальные в России, а затем и в других союзных республиках, достигли отличных результатов, получили признание читателей. Среди них Шахтинская, Липецкая, Череповецкая, Новокузнецкая, Севастопольская. Первый этап был поистине прорывом в библиотечном деле. Пожалуй, впервые библиотеки стали объектом столь широкого внимания местных советских и партийных органов, которые вынуждены были безотлагательно решать многие большие вопросы. В эти годы библиотеки довольно часто привлекали внимание средств массовой информации.

И все же почему централизация не состоялась? Причин несколько — как глобального, так и частного характера. Основная состоит в том, что переход к построению сети по принципу централизации, и в 20-е, и в 60-е гг. осуществлявшийся в государственном масштабе, не был общегосударственной, общекультурной акцией, а носил практически чисто ведомственный характер. Ни одно ведомство, обеспечивающее жизнедеятельность библиотек, такие как Госкомиздат, Госснаб, Минфин, не было уполномочено правительством страны на непосредственное участие в этой акции и потому не несло никакой ответственности за ее результаты. Министерство культуры (как ранее Наркомпрос) стало заложником, так как выступает в роли постоянного просителя. Именно поэтому важнейший для библиотек вопрос снабжения их литературой (а также множительной техникой, сопутствующими материалами, транспортом), так и не был решен.

Более или менее успешно осуществлялась централизация государственных и профсоюзных библиотек, в результате которой создавались ЦБС с ЦБ и библиотеками-филиалами. Однако межведомственная централизация общедоступных библиотек оставалась незавершенной. В стране не сложилась даже единая сеть государственных, профсоюзных и общедоступных библиотек. Так, на централизации государственных общественных библиотек крайне отрицательно отразилась общая установка, что она должна проводиться без дополнительных материальных затрат. Новая система взаимодействия общедоступных библиотек в действительности оказалась менее эффективной, чем ранее созданная. В ЦБС ухудшилось комплектование новой литературой, которая оседала главным образом в ЦБ. ВСО был не налажен ввиду отсутствия автотранспорта, множительной техники, средств автоматизации.

В то же время, оценивая централизацию объективно, необходимо отметить, что без нее мы не достигли бы того, что имеем сейчас (каталогов и картотек, определенного уровня работы, налаженной методической помощи).

Большим событием в библиотечной жизни было принятие Положения о библиотечном деле в СССР, утвержденного Президиумом Верховного Совета СССР 13.03.84 г. Это был первый законодательный акт, определивший принципы построения библиотечной системы и гарантировавший права библиотек.

В 60–80-е гг. в библиотечном деле СССР нарастали кризисные явления. Они носили хронический характер и были обусловлены «остаточным принципом» финансирования библиотек. Были кризисы и до этого (в 20-х, 30-х, 50-х гг.), они нашли свое продолжение в 60–80 гг., когда в стране начался «новый этап» библиотечного строительства, связанный со значительным улучшением библиотечного обслуживания населения. При этом большое внимание обращалось на всестороннее раскрытие достижений и успехов советского библиотечного строительства, имеющиеся серьезные недостатки и отставание замалчивались, не акцентировались застой и стагнация в библиотечном деле. В 1960 г. развитие системы библиотечного строительства в СССР достигло своего апогея, в стране имелось 382 тысячи библиотек разных типов и видов, из них общедоступных — 136 тысяч. Казалось, что в последующие годы эти показатели должны были увеличиться, а в действительности произошло обратное.

По намеченным планам в 60–80-е гг. в стране началась ведомственная централизация, закономерным следствием которой должно было явиться создание единой общегосударственной системы библиотечного обслуживания населения. Однако ведомственную разобщенность в библиотечном деле преодолеть не удалось.

Практически ЦБС не оказали сколько-нибудь существенно влияния на улучшение библиотечного обслуживания населения. Уже в 80-е гг. начался спад основных его показателей. Так, общее число общедоступных библиотек с 135 тысяч в 1960 г. уменьшилось до 134,1 тысяч в 1985 г. Стало уменьшаться количество читателей и книговыдач. Со 150 миллионов читателей государственных библиотек в 1985 г. их число снизилось до

142 в 1988 г., число выданных книг упало с 3,2 до 2,9 миллиардов. Среднее число читателей на одну библиотеку с 1980 по 1988 г. не увеличивалось и составило 1,1 тысяч, а читаемость — 21. Понизился престиж библиотек среди населения, 80% которого предпочитало пользоваться домашними библиотеками, значительно увеличивалось число отказов на литературу. Таким образом, общедоступные библиотеки оказались не в состоянии удовлетворять всевозрастающие запросы читателей в новейшей литературе и информации.

В целом по СССР общее число всех библиотек с 382 тысяч в 1960 г. уменьшилось до 326 тысяч в 1985 г. Сеть школьных библиотек сократилась с 192 до 142 тысяч. Сеть научных, технических и специальных библиотек уменьшилась с 58,8 тысяч в 1970 г. до 50,2 в 1985 г. (в РСФСР с 34 до 28 тысяч). Эти библиотеки крайне недостаточно пополнялись иностранными изданиями, слабо использовали услуги МБА, новейшие средства механизации и автоматизации библиотечных процессов [24].

Серьезным недостатком библиотечного строительства в 60–80-е гг. являлось состояние материально-технической базы библиотек, оснащение их новым библиотечным оборудованием, почти полное отсутствие электронно-вычислительных машин. Число общедоступных библиотек, требующих капитального ремонта, с 115,4 тысяч в 1985 г. увеличилось до 1276, 3 тысяч в 1988 г. (в РСФСР с 4,3 до 5,4 тысяч). Росло число библиотек, находящихся в аварийном состоянии в РСФСР с 808 в 1985 г. до 936 в 1988 г. Из-за плохого состояния электрической и водопроводной сети нередкими явлениями стали пожары и наводнения в библиотеках (Исторической, Библиотеки Академии наук и др.).

В 60–80-е гг. особенно ярко стала проявляться техническая отсталость советских библиотек от зарубежных. Подавляющее большинство библиотек страны не имели множительной оргтехники, почти не снабжалось ЭВМ, библиотечные процессы выполнялись старыми ручными способами. В то время как за рубежом во многих библиотеках почти полностью были автоматизированы все библиотечные процессы, осуществлялась

централизованная каталогизация и систематизация литературы, составлялись электронные каталоги и другое. В СССР только отдельные научные и специальные библиотеки начали снабжаться электронной техникой. За рубежом разрабатывались библиотечно-информационные поисковые системы, появлялись централизованные сети библиотек OCLC, Вашингтонская библиотечная сеть, консорциум научных библиотек и др. Нам еще предстояло этот путь пройти. Словом, это период зафиксировал наше отставание от других стран в области библиотечного обслуживания населения.

Начало 90-х гг. — тяжелое время для библиотек: экономические трудности, инфляция, сложности с книгоснабжением и книгоизданием до сих пор дают о себе знать, после распада СССР в особенно сложном положении оказались библиотеки союзных министерств и ведомств. Многие партийные, профсоюзные, заводские библиотеки перестали существовать. В то же время появились библиотеки новых органов власти (Администрации Президента России, Парламентская). Библиотека упраздненного Института марксизма-ленинизма была преобразована в Государственную общественно-политическую библиотеку. Возникли библиотеки различных фондов, движений, организаций, а также новых учебных заведений. В 1996 г. создана уникальная библиотека — фонд «Русское зарубежье». Развитие библиотек продолжается, и Россия остается одной из самых библиотечных стран мира.

Развитие теории библиотековедения. Отечественное библиотековедение в течение советского времени пережило не менее сложный, продуктивный и одновременно драматический период. Принципиально новый этап в его развитии, вероятно, мог бы начаться с февральской буржуазно-демократической революции. Однако из-за ее быстротечности этого не произошло.

Самое сильное влияние на отечественное библиотековедение оказала Октябрьская революция. Постоктябрьский период стал самостоятельной вехой в его развитии. При всех различиях в оценках необходимо признать, что он означал рождение и

развитие во многом нового, относительно самостоятельного (социалистического) направления данной науки.

Последние годы интенсивно идет процесс всесторонней переоценки советского этапа отечественного библиотековедения. И это вполне нормально, естественно и необходимо. Однако абсолютизация отрицания, идеализация дореволюционного прошлого, попытки вновь начать развитие с «чистого листа», как показывает мировая история, еще никогда не приводили к каким-нибудь заслуживающим внимания результатам. Поэтому к оценке советского периода отечественного библиотековедения следует подходить с позиций научности, объективности, историзма.

Сложный и принципиально важный вопрос — выработка объективного взгляда на наследие Ленина и Крупской в области библиотечного дела. Это особенно важно в связи с тем, что отдельные деятели библиотековедения, всю свою научную деятельность построившие на восхвалении «великого наследия» Ленина и Крупской, с неожиданной легкостью теперь его отрицают. Оставив на их совести эти выпады, недопустимые с точки зрения этики науки и ее логики, отметим главную ценность названного наследия для библиотечной науки. Ленин и Крупская разработали и пытались осуществить программу библиотечного строительства, которая в основном носила прогрессивный для своего времени характер, а отчасти не устарела и теперь. Ее основу составлял передовой опыт зарубежья, или, как говорил сам Ленин, «швейцарско-американская система». Именно ее они настойчиво, хотя и далеко не всегда успешно, внедряли в постреволюционной России. Некоторые же их идеи были и вполне оригинальны. Не случайно в зарубежном библиотековедении Ленин и Крупская рассматриваются в качестве классиков библиотековедения, хотя и подвергаются определенной критике.

Вместе с тем представляется целесообразным пересмотреть многие положения, выдвинутые ими. Ныне российское общество характеризуется многопартийностью, отсутствием моноидеологии, поэтому совершенно неприемлем в рассматриваемом наследии принцип коммунистической партийности библиотеч-

ной теории и практики, возведенный в главный, всеобъемлющий и всепроникающий методологический принцип, которому целиком и полностью должны быть подчинены как теоретическая деятельность в области библиотековедения, так и работа каждой библиотеки.

Большевизм еще до захвата власти декларировал полную подчиненность библиотек партийной политике (известные выражения Ленина: статья «колесиком и винтиком», и «издательства и склады, магазины и читальни, библиотеки и разные торговли книгами — все это должно стать партийным, подотчетным», 1905 г.). Режим этот стал тоталитарным не в силу какого-то постепенного развития, а на основе первоначального стремления коренным образом преобразовать существующий порядок в соответствии со своей идеологией.

Начавшийся с октября 1917 г. новый этап в развитии страны и ее библиотечного дела базировался на совершенно новой основе, коренным образом отличавшейся от той, что существовала в дореволюционной России и буржуазных странах, а именно на принципах:

- коммунистической партийности — подчинении библиотечного дела задачам социалистического строительства;

- организованности — планомерной организации сети библиотек, государственного централизованного руководства ими.

К концу 20-х гг. в общественно-политической жизни страны постепенно укрепляется тоталитарная система руководства и принципы демократичности и организованности негласно заменяются единым принципом — государственного руководства библиотечным делом, то есть управления всеми аспектами деятельности библиотек и прежде всего содержательными, организационными и техническими.

Какие признаки характеризуют библиотеку в тоталитарном обществе?

Во-первых, библиотека возникает и развивается в условиях, когда одной партии предоставлено монопольное право на политическую деятельность. Для этого включаются и активно

функционируют в тоталитарном режиме все другие социальные институты, связанные с библиотекой:

- государственное управление библиотечным делом, которое вырабатывает и осуществляет общее руководство и контроль, а также подбор и расстановку кадров;

- цензура, проводящая не только текущую оценку рукописей, книг и других печатных документов, вливающих в фонд библиотеки, но и ретроспективную оценку (когда прежде изданные книги, журналы и газеты, даже разрешенные советской цензурой, в свете «новых» указаний изымались);

- система книгоснабжения библиотек;

- специальные хранения литературы в небольшом круге особо определенных библиотек, где собирались изъятые по распоряжению цензуры дореволюционные, советские и зарубежные издания, а в ряде библиотек — и изъятые при обысках и арестах;

- негласный контроль со стороны органов госбезопасности за чтением.

Во-вторых, библиотека имеет на вооружении идеологию, которой эта партия придает статус единственного авторитета. Подобная ситуация ведет к тому, что библиотека перестает предоставлять документы, отражающие все точки зрения на события и людей в прошлом и настоящем.

Вопрос о социальной роли библиотек был предметом активного обсуждения на всех съездах и совещаниях по внешкольному образованию и библиотечному делу. Уже в первые годы социалистического строительства библиотека рассматривалась как важное социальное учреждение, оказывающее существенное влияние на духовную жизнь общества, подчеркивалась социальная обусловленность содержания работы библиотек. Именно с этих позиций предпринимались первые попытки оценить роль библиотек на различных исторических этапах, осветить вопросы библиотековедения с социально-исторической точки зрения.

Уже в первое десятилетие Советской власти активно разрабатывался вопрос о сущности библиотековедения, его объекта

и предмета. Одновременно сравнительно широко развернулась научно-исследовательская работа по другим аспектам библиотековедения, были заложены основы высшего и среднего библиотечного образования. Начала формироваться профессиональная печать, освещающая вопросы библиотечной теории и практики.

Первым этапом научных обобщений была разработка методических пособий в помощь библиотекам. Большую роль в этом сыграли центральные издания, освещавшие вопросы библиотечного дела: «Коммунистическое просвещение», «Красный библиотекарь», «Книгоноша», «Книга и профсоюзы», «Библиотечное обозрение», «Библиографические известия», «В поход за библиотеку», «Помощь самообразованию» и другие.

Уже с начала 20-х гг. большое количество журналов и бюллетеней издавалось на местах: «Листок библиотекаря Вятского края», «Известия Музея библиотековедения» (Томск), «Челябинский красный библиотекарь», «Книгарь» (Кострома), «Друг книги» (Владимир), «Офеня» (Псков), «Иркутский библиотекарь», «Материалы Поволжского библиотечного объединения».

Большое значение имели проводившиеся в эти годы республиканские и губернские съезды и совещания, на которых рассматривались вопросы библиотечного строительства в стране и намечались его перспективы.

Возникают первые научно-исследовательские учреждения: институт библиотековедения ГБЛ, Научно-исследовательский институт книговедения при ГПБ в Ленинграде, Украинский НИИ книговедения, научно-исследовательские группы политико-просветительских институтов. Общее руководство научно-исследовательской деятельностью библиотечных учреждений всех типов и ее координация осуществлялись Библиотечной комиссией Государственного ученого совета Наркомпроса РСФСР, организованной в конце 1925 г.

В советское время доминирующими стали не техника и технология, а содержание общения с читателем, ориентированное на его политическое воспитание, просвещение и руководство чтением.

В корне изменились масштабы научно-исследовательской работы, predeterminedенные социально-экономическими и политическими преобразованиями, подъемом творческой энергии и самостоятельности широких слоев населения, массовостью библиотечной аудитории, реализацией лозунга «ликвидация неграмотности», введением всеобщего обязательного и бесплатного обучения.

Иначе говоря, возрастающая роль чтения после 1917 г. потребовала адекватного научно-методического обеспечения. Научно-методической работой занимались не единицы, а сотни и тысячи специалистов, она приобрела партийно-государственный характер, стала предметом забот Наркомпроса и его местных отделов, других ведомств и организаций. Несмотря на военное положение, разруху, голод, сложности восстановительного периода, нэп, в 1917–1927 гг. интенсивно закладывались основы организационно-управленческой базы научно-методической работы. Большую роль на этом этапе сыграли Внешкольный отдел Наркомпроса, его руководитель Крупская, сумевшая объединить усилия известных российских библиотековедов, управленцев и методистов-подвижников в центре и на местах.

Одновременно появились и отрицательные тенденции в развитии библиотековедения. Главная из них — идеологическая нетерпимость, направленная против внешних и внутренних «противников», нараставшая по мере усиления культа личности Сталина. Чрезмерная, неоправданно высокая идеологизация на десятилетия стала одной из отличительных черт советского библиотековедения, что в более мягкой форме сохранилось и после развенчания культа личности.

В этих противоречивых условиях, диктуемых моноидеологией правящей партии, резко обозначились разрыв между теорией и практикой библиотечного строительства, отставание первой от второй. Дореволюционные библиотековеды (Б.В. Банк, Г.К. Дерман, В.А. Невский, А.А. Покровский, Л.Б. Хавкина) как не владеющие методологией большевистской партийности были отвергнуты, а на их творчество навешаны оскорбительные

политические ярлыки типа «путаное», «прожекторское», «механистическое», «объективистское».

Полное утверждение новой официальной профессиональной системы ценностей, сориентированной на ценности текущего момента в отдельно взятой стране, стало возможным в результате организованных в начале 30-х гг. в профессиональной библиотечной печати дискуссий, разоблачений авторов, придерживающихся буржуазных взглядов, например Хавкиной, а также последовавших за этим репрессий.

Поскольку Ленин, а затем Сталин поощряли внедрение американских методов, в 1920 — начале 1930-х гг. пропаганда некоторых сторон деятельности американских библиотек считалась политически допустимой. Хавкина, глава библиотечной школы в ГБЛ, которая побывала в США в 1914 и 1926 гг., в хвалебных выражениях описывала массовый доступ и отсутствие ограничений по обслуживанию в американских публичных библиотеках.

Часть библиотекведов придерживалась мнения, отчетливо выраженного Хавкиной: «Русское библиотековедение еще так молодо, что приходится в значительной степени опираться на достижения западных стран, заимствуя у них и приспособляя для наших библиотек то, что является подходящим и приемлемым в наших условиях» [23].

Г.К. Дерман, последовательница Хавкиной, выпускница библиотечной школы Колледжа Симмонза в Бостоне (США), участвовала во внедрении в Книжной палате методов централизованной каталогизации Библиотеки Конгресса. А.Г. Кравченко, руководитель научно-исследовательского сектора ГБЛ, в 1928–1929 гг. была направлена на шесть месяцев в Калифорнию для изучения координационной деятельности библиотеки штата Калифорния по созданию централизованной региональной системы калифорнийских окружных библиотек и в 1931 г. создала в Самаре областную опытную региональную библиотечную систему. Но начатая Сталиным в 1931 г. кампания борьбы за идеологическую чистоту вскоре положила конец этому периоду сотрудничества: Хавкина была вынуждена оставить профессиональную

деятельность за пропаганду идей неограниченного обслуживания, Кравченко выступила с открытой критикой забвения американскими библиотеками интересов бедных и угнетенных, а Дерман в 1936 г. уже утверждала, что только в Советском Союзе могла быть создана истинно научная система книжной классификации.

В США в 1920-е гг. общее недоверие к Советскому Союзу как к стране с революционными ценностями привело к тому, что работники публичных библиотек настороженно относились к приобретению книг положительной ориентации в отношении СССР, а в ряде случаев даже изымали их из обращения. Публикации в печати по поводу указаний Крупской о роли массовых библиотек как бастионов распространения атеизма повергли в шок американских библиотекарей, которые стремились популяризировать разнообразие взглядов. Американские библиотекари, с их подозрительным отношением к советским массовым библиотекам как центрам пропаганды, стали неблагоприятной аудиторией для разных восторженных сообщений, публикуемых в американской библиотечной печати теми американскими библиотекарями, которые были свидетелями массовой работы по ликвидации неграмотности и обучению взрослых в начале 30-х гг. в СССР и с восхищением описывали такие достижения, как заводские библиотечные и образовательные учреждения, созданные ВГБИЛ.

В целом научно-исследовательская работа в этот и последний период представляла собой слепок политики. Поэтому все специалисты, используя научно-исследовательскую работу как орудие политической линии партии и правительства, стремились найти реальные профессиональные подходы к анализу проблем, связанных с притоком в библиотеки больших масс читателей, руководством их чтением, бурным формированием сети библиотек (особенно на селе, предприятиях и профсоюзах), новизной постановки библиотечного дела и управления им.

Несмотря на трудности, в короткий исторический период оформилась государственная методическая служба, определились

ее цели, принципы, методы, была создана разветвленная территориально-ведомственная система библиотек — научных методических центров всех уровней.

Научно-исследовательскую работу в области библиотековедения в 30-е гг. вел Институт библиотековедения при ГБЛ. В 1935 г. был организован самостоятельный Научно-исследовательский институт библиотековедения и рекомендательной библиографии.

Московский и Харьковский институты в конце 30-х гг. приступили к изданию своих «Трудов». Проблемы библиотековедения рассматривались также на страницах периодических изданий: «Красный библиотекарь», «Советская библиография», «Помощь самообразованию», «Книга и пролетарская революция», «Культурная работа профсоюзов», «Техническая книга», «Техническая пропаганда».

По инициативе Крупской в 1930 г. был открыт сектор аспирантуры при Ленинградском политико-просветительском институте. В 1934 г. организована аспирантура при Московском библиотечном институте и ГБЛ, в 1935 г. — при ГПБ, в 1936 г. — в Харьковском библиотечном институте. По настоянию Крупской в 1939 г. Московскому библиотечному институту, а затем и Ленинградскому политпросветинституту было представлено право присуждения ученых степеней.

В 30-е гг. определилось крепкое, довольно многочисленное ядро высококвалифицированных специалистов в разных отраслях библиотековедения и библиографии, которые своими трудами внесли значительный вклад в теорию советского библиотековедения и библиографии.

В целях широкого и глубокого обсуждения и разрешения важнейших теоретических проблем библиотековедения и библиографии в декабре 1936 г. в Москве по инициативе Наркомпроса РСФСР было созвано Всесоюзное совещание по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии. Подготовка совещания велась под руководством Крупской.

На пленарных заседаниях совещания обсуждались три вопроса:

1. Основные проблемы работы библиотек с читателями.
2. Задачи библиографии.
3. О каталогах в различных типах библиотек.

На секционных заседаниях были рассмотрены восемь вопросов: о принципах построения и разработки новой советской ББК, о специализации библиотечных работников и о подготовке библиотекарей и библиографов для массовых, своих научных и специальных библиотек, о библиотечных требованиях к издательствам, о расстановке и хранении книг в крупных библиотеках, о строительстве и оборудовании библиотек, о нормировании труда в библиотеках, о применении механизации в библиотечной работе и о принципах построения библиотечной сети в СССР.

Это совещание памятно еще и тем, что после него треть участников прожила всего один-два года. Материалы совещания, которые современники назвали энциклопедией библиотечного дела, были изъяты отовсюду и даже тезисы чудом сохранились в единственном экземпляре.

Анализ состояния библиотечного дела показал, что производственные мощности наших библиотек использовались далеко не в полной мере и охват населения ими был недостаточен. Надо было добиваться вовлечения в число читателей библиотек всего грамотного населения, а для решения этой задачи было необходимо, чтобы вопросы улучшения обслуживания читателей стали в центре внимания всех библиотек и теории библиотековедения и чтобы организация работы библиотеки во всех ее частях была подчинена этой главной задаче.

К началу 40-х гг. необычайно возрос круг специалистов, принявших ответственность за состояние научно-исследовательской работы. Сконцентрированная в государственных научно-методических центрах, она окончательно перестала быть уделом одиночек, становилась глубже по содержанию, масштабнее и эффективнее.

Постепенно, адекватно времени трансформировались проблематика и формы научно-методической работы. Первоначально в ней преобладали политико-просветительские темы,

направленные на организацию массового чтения («Ликбез и библиотека», «Деревенская библиотека», «Изба-читальня», «Рев-праздники в библиотеках», «Уголок библиотекаря в кабинете политпросветработы», «Как проводить громкую читку», «Практика деревенской политпросветработы»).

На рубеже 30–40-х гг. осмысливается и популяризуется система форм и методов работы библиотек всех видов и типов со специальной книгой (техника, сельское хозяйство, экономика), обобщается опыт удовлетворения информационных запросов конкретных производственных коллективов (характерными темами научно-методической работы становятся, к примеру, такие, как «Библиотека на службе Урала-Кузбасса», «На шахтах Донбасса», «Мартеновское производство», «Автоматическая сварка», «Библиотечная работа в социалистическом секторе сельского хозяйства»).

Во время войны затормозилась, но не оборвалась издательская и исследовательская деятельность. В 1941–1945 гг. вышли книги В.Н. Денисьева «Краткое руководство по библиотечному делу для начинающего библиотекаря», Н.В. Здобнова «История русской библиографии», А.В. Кленова «Краткое руководство по библиотечной технике для районных и сельских библиотек», Л.Н. Троповского «Десятичная классификация» (со схемой классификации материалов по Великой Отечественной войне), «Краткие таблицы десятичной классификации для небольших библиотек», Л.Б. Хавкиной «Сводные каталоги»; пять сборников директивных и инструктивных материалов «Работа политико-просветительских учреждений в условиях военного времени». Вместе с тем прервалось издание трудов научно-методических центров и журнала «Библиотекарь». В Московском государственном библиотечном институте были защищены 16 диссертаций, в том числе первая в СССР докторская по библиотековедению Е.И. Шамуриным. В центре и на местах состоялось немало научно-методических сессий, конференций, совещаний и семинаров.

После войны началось возрождение библиотечного дела, исследования его острых проблем, поиска эффективных органи-

зационно-методических решений. К сожалению, в эти годы специалисты столкнулись с новой волной идеологического давления, необходимостью экстраполяции на библиотечное дело лозунгов усиления борьбы против безыдейности, аполитичности, космополитизма. Пришлось преодолевать возросшие цензурные требования, последствия репрессий. В научно-исследовательской работе вновь господствующим стал принцип партийности, пронизавший руководство чтением, пропаганду книги, наглядную агитацию, организацию фондов и каталогов. Планомерно нагнеталась тенденциозность, политическая заданность, клише типа «Марксизм — ленинизм о...», «Сталин о...», «Крупская о...».

Отрицание зарубежного опыта приводило к тому, что в советской библиотечной практике зачастую не использовались организационные достижения, которыми в ряде случаев располагали библиотеки капиталистических стран.

50–80-е гг. — длительный по времени, насыщенный многими социально-экономическими и политическими событиями период. Их экстраполяция на научно-исследовательскую работу свидетельствует о конформизме, ибо вся она была ангажирована жесткими партийно-государственными установками. Но и в этих условиях советские библиотековеды сохраняли и планомерно наращивали профессиональный потенциал, сделали научно-исследовательскую работу самой эффективной, качественной и масштабной за все годы ее существования. В основном завершилось формирование целостной системы библиотек — научно-методических центров, включавших универсальные и отраслевые библиотечные учреждения союзного значения и аналогичные региональные. Каждый из центров ориентировал научно-методическую работу на сеть библиотек, создавал для них научно-методические основы и нормативную базу, объединяя усилия соответствующих специалистов. В качестве иллюстрации могла быть приведена Российская центральная библиотека для слепых. Она выработала методы социальной реабилитации через книгу лиц с физическими недостатками, вернула многогранную организационную и научно-методическую

работу, выпуск специализированных изданий (например, «Незрячие деятели науки и культуры»), выдвинула из своей среды теоретиков и методистов. Благодаря государственному, хотя и остаточному, финансированию, повсеместно вырос цех профессиональных исследователей и методистов.

В 1967 г. в ГБЛ был организован научно-исследовательский отдел библиотековедения. На него возлагалась разработка важнейших проблем библиотечного дела и координация научной деятельности крупнейших библиотек и кафедр библиотековедения вузов. Научно-исследовательские отделы, секторы или группы создавались и в других крупных библиотеках страны. В результате значительно оживилась научно-исследовательская работа в республиках, краях и областях, отражающая местные условия и национальную специфику, что внесло серьезные дополнения в теорию библиотечного дела.

Меры, направленные на активизацию и координацию научно-исследовательской работы, привели к новому качеству научных исследований — осуществлению их не отдельными специалистами, а силами больших научных коллективов.

В 60–70-е гг. был издан ряд учебников и учебных пособий, в которых нашли отражение итоги научной работы, расширилось издание «Трудов» институтов и крупных научных библиотек и проведение научных конференций по узловым вопросам библиотечного дела.

Усилению информационного обеспечения советского библиотековедения способствовала организация в 1969 г. при ГБЛ информационного центра по библиотековедению и библиографии, который в 1972 г. вошел в состав информационного центра по проблемам культуры и искусства.

Постоянно совершенствовались планирование, координация научно-исследовательской работы, внедрение ее результатов. В организации научно-методической работы положительную роль сыграла практика создания при Министерствах культуры и крупнейших научно-методических центрах временных межведомственных проблемных комиссий, позволившая

сконцентрировать усилия специалистов и достичь оптимальных результатов. Эффективным и долговечным оказался ежегодный Конкурс на лучшую научную работу по актуальным проблемам библиотековедения и библиографоведения, объявленный впервые Министерством культуры России в 1977 г. и действующий поныне.

Научно-методическая работа, безусловно, обогатилась с выходом в свет продолжающихся изданий «В помощь массовым библиотекам» (с 1973 г.), «Технические библиотеки СССР» (с 1961 г.), «Библиотечно-библиографическая информация библиотек АН СССР и АН союзных республик» (с 1951 г.) и пр.

Изучение зарубежного библиотечного опыта — непременное условие прогрессирующего развития отечественной научно-исследовательской работы. И хотя международные связи в данной сфере никогда не развивались планомерно, 50–80-е гг. ознаменовались переводом и внедрением УДК, работ по методике НТИ, обогащением информационного языка, масштабным расширением реферирования, распространением экспресс-информации, ИРИ, ДОР, началом внедрения компьютерной техники, ксерокопирования, механизации и автоматизации части информационно-библиотечных процессов. Развитию научно-исследовательской работы способствовал выход изданий, например, сборник «Библиотековедение и библиография за рубежом» (с 1954 г.), «Англо-русского библиотечно-библиографического словаря» М.Х. Сарингуляна (1958), «Истории иностранной библиографии» К.Р. Симона (1965), «Истории библиотечного дела за рубежом» О.И. Талалакиной (1982) и др.

В целом научно-методическая работа выполняла возложенные на нее задачи. Вместе с тем, как в любой сфере общественной жизни, она в значительной мере была бюрократической с ярко выраженными чертами диктата, распоряжения, подчас слабой компетенцией исполнителей, бумажными потоками, круговоротом согласований. Явно недооценивая творческие возможности библиотек — научно-методических центров, ученых и методистов, органы управления буквально засыпали их

тривиальными инструктивно-методическими указаниями и циркулярами по вопросам, которые были прерогативой библиотекаря-профессионала. Официально решения Государственной межведомственной библиотечной комиссии были обязательными для всех ведомств. На деле же часть их не исполнялась, они тонули в общем административно-бюрократическом водовороте, не оказывая должного влияния на постановку библиотечного дела.

Библиотечное дело развивалось как общественная наука. В нем активно использовались социологические и психологические методы. Большое внимание уделялось обоснованию принципа историзма.

Комплексное рассмотрение проблем библиотечного дела требовало системного подхода. Исследовались такие системные связи, как «Библиотека и общество», «Книга и человек».

Изучение библиотечной практики имело своей целью планомерное выявление, накопление и систематизацию фактического материала о деятельности библиотек, его критический анализ и обобщение. Определялись закономерности и перспективы развития на основе анализа и обобщения опыта. Библиотечное дело, изучая библиотечную работу, в то же время создает новый опыт, проверяя свои теоретические идеи на практике, прокладывая пути развития библиотечного дела.

В 60–70-е гг. советская библиотечная мысль впервые обращается к проблемам использования прогностических методов исследования: моделирования, метода экспертных оценок, экстраполяции. Были организованы специальные исследования, ориентированные на выявление тенденций развития читательских интересов, и научно обоснованный прогноз системы их удовлетворения, ведется прогнозирование развития крупнейших библиотек страны и библиотечного обслуживания в целом. Однако методология и процедурная часть библиотечных исследований с прогностической ориентацией разработаны пока еще недостаточно.

Таким образом, советским библиотечным делом были достигнуты серьезные успехи в разработке методологии и методики

исследований. Характерной особенностью рассматриваемого периода явилось то, что разнообразные методы, как применявшиеся ранее, так и новые, сами стали объектом библиотечных исследований.

В 60–70-е гг. особенно большие успехи были достигнуты в исследовании таких основополагающих проблем, как учение о социальных функциях библиотеки, теория руководства чтением, теория библиотечного обслуживания населения.

Вместе с тем для развития советского библиотечного дела в эти годы характерен науковедческий подход, то есть сосредоточение внимания на разработке общетеоретической и методологической проблем.

Однако в этот период не был решен вопрос о месте библиотечного дела в системе наук. Предложения о включении его в педагогику, книговедение или информатику не были в достаточной степени обоснованы. Развитие советского библиотечного дела все еще отставало от нужд библиотечной практики.

Во второй половине XX в. советское библиотечное дело развивалось наиболее успешно. До 90-х гг. в стране невиданно высокими темпами рос научный потенциал библиотечной науки. Были защищены десятки докторских и сотни кандидатских диссертаций. Окончательно сформировались важнейшие центры библиотечных исследований: ГБЛ (РГБ), ГПБ (РНБ), ГПНТБ, МГИК (МГУКИ), ЛГИК (СПГУКИ). Многократно возросло количество печатной продукции, посвященной теории и практике библиотечного дела. Серьезное развитие получила вся система высшего и среднего библиотечного образования. Значительно возрос международный авторитет советской библиотечной науки.

Усилиями отечественных библиотечников были решены многие крупные проблемы, имевшие как общегосударственное практическое, так и общетеоретическое значение (к примеру, централизация, депозитарное хранение, координация научно-исследовательской работы). Важный вклад удалось внести в исследование и частных разделов библиотечного дела. Благодаря

работам О.С. Чубарьяна был дан мощный толчок исследованиям в области общего библиотековедения, которое по уровню разработанности заняло ведущее место среди библиотечных школ других стран.

К началу 90-х гг. советское библиотековедение выступает уже как самостоятельная, официально признанная, зрелая по всем основным параметрам дисциплина общественного цикла, изучающая закономерности библиотечного дела.

Таким образом, советский период в истории отечественного библиотековедения был весьма продуктивен, хотя и не дал каких-либо окончательных решений некоторых принципиально важных общетеоретических вопросов библиотековедения. Пути его развития не были свободны от ошибок, заблуждений, преувеличений. И тем не менее в целом он должен рассматриваться как период самых серьезных теоретических достижений, обеспечивших поступательное движение библиотечной теории и практики.

Взгляды на комплектование. После революции в распоряжение государства поступили миллионы книг из национализированных, реквизируемых, закрывшихся библиотек (библиотек обществ, организаций и учреждений, прекративших свое существование после революции, библиотеки монастырей, личные библиотеки) и из реквизируемых и национализированных книжных складов и магазинов.

Для лучшей сохранности и более рационального распределения этой литературы между библиотеками в 1918 г. был организован Государственный фонд, книги которого хранились в Москве, Петрограде и других городах. В октябре 1919 г. в Москве в этом фонде было около 6 миллионов книг.

Из Государственного фонда научная, антикварная, иностранная литература, а также наиболее ценные собрания книг передавались в первую очередь крупным государственным, научным и публичным библиотекам (Румянцевской, Петроградской публичной, Библиотеке Академии наук, Исторического музея), библиотекам университетов и других вузов, центральных и местных

музеев, научных учреждений, а также крупнейшим губернским и городским публичным библиотекам. Книги из Государственного фонда распределялись также по массовым библиотекам.

Не останавливаясь на характеристике известных декретов Совнаркома 1918 г. «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР» и «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще», следует назвать менее известные документы. Это воззвание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов к гражданам России, в котором еще в 1917 г. говорилось о бережном отношении к дореволюционному наследию, о необходимости помнить, что это наша история, наша гордость; материалы заседания ВЧК «О мерах против расхищения художественных ценностей», опубликованные в газете «Известия» 05.11.1920 г. Одно перечисление указанных документов свидетельствует о высоких и гуманных целях, но их практическое осуществление связано с огромными потерями для национальной книжной культуры.

Мы все еще не можем осмыслить всю глубину трагедии, которая произошла с библиотеками. Гибель библиотек началась еще в 1917 г., задолго до организации государственной акции по их охране и реквизиции. Многие сгорело в огне революции, многое, что оказалось в провинциальных усадебных библиотеках, погибло из-за ужасных условий хранения, немало было вывезено бывшими владельцами за границу.

Богатый материал о составе крупных частных библиотек содержится в докладе П.П. Шибанова «Обзор усадебных библиотек в их прошлом и настоящем». В этой работе дана характеристика 34 библиотек и описание хранящихся там книжных сокровищ. Так, например, Шибанов пишет о библиотеке Н.Б. Юсупова в Архангельском: «Библиотека требует самой верной охраны и самого трепетного сбережения». Он указывает на то, что до 1920 г. библиотека была в полном составе, но в 1920–1921 гг. Румянцевский музей изъял из нее до трех тысяч наиболее редких книг (инкунабулы, альды, эльзевиры, манускрипты). Шибанов отмечает, что даже после того, как часть

книг перешла в музей, «от созерцания сохранившегося кружится голова и думаешь о том, что же было, когда библиотека была в полном составе» [25]. В связи с этим нельзя не обратить внимание на следующее обстоятельство. При национализации усадебных библиотек, изымая из них и сохраняя наиболее ценные книги, разрушали целостность библиотеки как единой книжной коллекции, собираемой столетиями несколькими поколениями. При этом не учитывалось, что личные библиотеки — это своеобразный срез жизни общества в определенную эпоху, что лучшие усадебные библиотеки, сохранись они в полном составе, могли бы служить объектом изучения типографического искусства, архитектуры, скульптуры и пр.

Распыление крупнейших библиотек, недооценка их исторического значения явилась следствием культурной безграмотности, идеологической зашоренности. Уничтожались и объявлялись чуждыми книги по истории России, религии, философии, книги на иностранных языках; до сих пор мало что известно о фондах церковных библиотек.

Известный библиограф, писатель, общественный деятель С.Р. Минцлов, как и многие представители отечественной интеллигенции, был вынужден покинуть Родину после революции 1917 г. Находясь в эмиграции, он составил список русских библиотек, архивов, коллекций (главным образом частных), погибших в годы революций и братоубийственной войны. В этом труде, названном по православной церковной традиции «Синодик», перечислено несколько десятков фамилий владельцев, чьи книжные, документные и художественные собрания, находившиеся в разных концах страны, были разграблены и сожжены. Наряду с частными собраниями усадеб Минцлов упомянул и некоторые архивы государственных и церковных учреждений.

Изданный в середине 1920-х гг. в Париже, затем небольшим тиражом перепечатанный в Берлине, труд Минцлова остался практически неизвестным на Родине автора. Один из экземпляров берлинского издания находится в РГБ, куда он поступил еще в 1947 г.

Быть непосредственным свидетелем описанных им событий Минцлов не мог и, составляя «Синодик», пользовался рассказами других людей. Сообщая о гибели архива и библиотеки доктора Куриса (Бессарабская губерния), автор прямо ссылается на слова очевидцев — офицеров Добровольческой армии, передававших Минцлову, что «два колодца на барском дворе они нашли битком забитыми книгами» [25].

Сравнение данных Минцлова с информацией других источников говорит о большой степени достоверности «Синодика». Так, сообщение о гибели архива духовной консистории полностью подтверждается докладной запиской, согласно которой архив был уничтожен при размещении в зданиях консистории воинской части. Прибывшие красноармейцы нашли помещение удобным для себя и решили освободить его от всех дел минувшего и настоящего времени упрощенным способом: все книги (метрические и другие), связки дел были выброшены со второго этажа здания во двор. Само собой разумеется, что выброшенные дела тотчас же превратились в беспорядочную кучу, а частью расхищены детьми из ближайших домов для отопления. Огромная площадь и дорога перед зданием консистории была усеяна обрывками старинных и современных дел, бумаг, книг и пр.

Таким образом, у нас есть все основания считать «Синодик» Минцлова весьма ценным и достоверным источником.

Национализация библиотек и мероприятия по их охране, осуществленные в 1918–1920-х гг., вообще требуют изучения, так же как деятельность организации «Международная книга», которая в ответе за распродажу книжных богатств, накопленных тысячелетиями. Ведь среди конфискованной литературы имелись средневековые русские летописи, немало инкунабул, подлинники писем царей и императоров, выдающихся исторических лиц, великих писателей, поэтов и художников, собрания старинных атласов, карт, нот, гравюр, редчайшие, единичные издания, в том числе на древнегреческом, латинском, санскритском языках.

Подобные произведения, попади они на приличные западные аукционы, могли потянуть на сотни миллионов долларов.

После Февральской революции в Москве, Петрограде и других крупных городах появилось множество западных (более всего американских) оптовиков, скупавших книги и иные культурные ценности. Действовали они вполне гласно. Летом 1917 г. в газетах появились объявления, предлагавшие продавать старинные вещи, в том числе книги, представителям американских фирм.

Даже М. Горький, возглавлявший в то время издательское дело, не смог молчать. В статье «Американские миллионы» он писал: «Лавина американских денег несомненно вызовет великие соблазны не только у темных людей Александровского рынка, но и у людей более грамотных, более культурных. Не будет ничего удивительного в том, если разные авантюристы организуют шайки воров специально для разгрома частных и государственных коллекций художественных предметов. Американское предприятие — его, конечно, поведут с американской энергией — это предприятие грозит нашей стране великим опустошением, оно выносит из России массу прекрасных вещей... ценность которых выше всяких миллионов. Правительство должно немедленно опубликовать акт о временном запрещении вывоза из России предметов искусства». Но правительство почему-то не торопилось, и американцы наступательно расширяли свой варварский, но очень прибыльный бизнес [25].

Не свернулись они и после октября 1917 г., подозрительно свободно продолжая махинации и при этом тесно контактируя с высшим советским комиссариатом. Благодаря такому «взаимопониманию» были существенно пополнены библиотеки Конгресса США, Гарвардского университета и др. Что касается частных западных библиотек, то в них осела гигантская, немереная масса русских книжных богатств, купленных по дешевке.

С другой стороны, в то же самое время рядовые американцы направляли в Советскую Россию гуманитарную помощь. Масштабное проникновение американских изданий в советские библиотеки началось в виде даров после обращения М. Горького в июле 1921 г. к странам Европы и Америки с просьбой о предоставлении продуктов питания и медикаментов для голодающего

населения России. Под эгидой Администрации американской помощи, которая действовала в России в 1921–1923 гг., Американский комитет помощи советским ученым к июню 1923 г. направил в советские библиотеки 445 ящиков с американской научной литературой. А в 1924–1925 гг. Комитет по книгам для Европы при Американской библиотечной ассоциации, который финансировался Мемориальным фондом Лоры Рокфеллер, оплачивал подписку на американские периодические издания для библиотек Московского и Ленинградского университетов, Публичной библиотеки в Ленинграде и Библиотеки Румянцевского музея.

За счет конфискации личных библиотек развивалась сеть общедоступных. Так, в Москве сеть библиотек по сравнению с дореволюционным периодом уже в 1919 г. возросла более чем в 3 раза с 140 до 448, в том числе резко возросли фабрично-заводские библиотеки (с 16 до 84), городские публичные библиотеки (с 44 до 74) [10].

Часть книжного фонда личных библиотек уничтожалась как «явная контра». Как правило, уничтожалась литература на иностранных языках и религиозная. Об этом свидетельствуют многочисленные документы и инструкции, подписанные Н.К. Крупской, М.М. Сперанским, запрещающие для чтения Платона, И. Канта, А. Шопенгауэра, В.С. Соловьева, И. Тэна, Ф. Ницше, Л.Н. Толстого, Н.С. Лескова и еще многих подобных «еретиков». А что касается отдела религии, то он должен был содержать только антирелигиозные книги.

Еще трагичнее оказалась судьба личных библиотек интеллигенции и русской буржуазии в 1930-е гг. Многие из этих библиотек были разбросаны по всему свету и проследить их судьбу и найти очень трудно; другие затеряны в книжных собраниях библиофилов, государственных библиотеках России и за рубежом, а некоторые исчезли навсегда. Таким образом, были уничтожены культурные ценности из личных собраний в России.

В 1918–1921 гг. много ценных библиотек и книг получила Петроградская публичная библиотека. В их числе были библиотека Петербургской духовной академии, собрания рукописей и

старопечатных книг Кирилло-Белозерского монастыря и Новгородского Софийского собора.

Много книг и книжных собраний поступило также в библиотеки Академии наук и университетов. Ценными книгами обогатились библиотеки Саратовского, Томского, Иркутского университетов, а также губернские публичные библиотеки и библиотеки местных музеев.

В Вятке губернская публичная библиотека за первые два года после революции получила в 1,5 раза больше книг, чем за 80 дореволюционных лет. Первый губернский съезд Советов постановил считать эту библиотеку национальным достоянием и присвоил ей имя ее фактического организатора — Герцена.

Официально старые научные библиотеки обвинялись в академической замкнутости. Новые же должны были раскрыть свои фонды широким массам трудящихся. Соответственно, научные библиотеки в центре и регионах должны были предоставить им свои богатые фонды, значительно возросшие за первые годы советской власти.

Однако в 20-е гг. начинается масштабная работа по ограничению пользования этими фондами. Активизация работы связана с разработкой и утверждением в 1923 г. инструкции по пересмотру состава фондов библиотеки. Особая роль отводится отделам специального хранения. Масштабы, в которых стали вести чистку фондов научных библиотек, ошеломляют даже Крупскую, подписавшую эту инструкцию. С конца 20-х гг. начинается массовое изъятие так называемой политически устаревшей литературы с целью ее конфискации.

Жесткая цензура библиотечного дела, вновь введенные в систему массовые чистки книжных фондов, организация спецхранов, ограничения в формировании библиотечных фондов, особенно зарубежной литературой наносили непоправимый вред организации массового чтения в России. Первые инструкции по изъятию неугодной литературы из библиотек были разосланы на места в 1920 и 1923 гг., в те же годы стали создавать спецхраны. Библиотечная цензура достигла самого широкого размаха

в 1940-е гг., когда по всем библиотекам страны периодически рассылались обширные списки произведений печати, подлежащих немедленному изъятию из общественного фонда и уничтожению. Вводились «примерные» читательские каталоги, осуществлялась политика единообразия формирования библиотечных фондов различных регионов, которым предписывалось приобретать произведения классиков марксизма-ленинизма, деятелей партии и правительства и другую общественно-политическую литературу, выписывать определенные названия газет, журналов.

По своим масштабам советская библиотечная цензура далеко превосходила аналоги царской России и современных буржуазных государств. Из круга чтения советских людей исключались миллионы произведений выдающегося значения. Нарушались права читателей, которых незаконно лишали возможности ознакомиться с подлинными книжными сокровищами.

Ленин подчеркивал, что библиотеки дореволюционной России находились под «врачебным надзором духовной цензуры», так как царское правительство издавало многочисленные циркуляры и правила, вводившие «сотни формальностей и ограничений для пользования книгами». Эту политику царизма Ленин справедливо характеризовал как политику «народного затмения», проводимую в целях «одичания страны».

Однако, пользуясь его выражением, «такое гнусное учреждение как цензура» в целостности и сохранности осталось в библиотечном деле и после октября 1917 г. Причем цензура приобрела тотальный характер и достигла таких масштабов, каких никогда не существовало нигде. Непосредственным ее результатом явились повсеместные массовые чистки произведений печати из библиотек с последующим их уничтожением.

Первая волна изъятия книг прокатилась по всей стране в период национализации и реквизиции книжных собраний, принадлежащих господствующим классам. Большая часть состава этих библиотек, как указывала Крупская, была признана устаревшей, потерявшей свое историческое значение и непригодной для библиотек, организующих чтение трудящихся. Тогда же

была проведена и первая массовая чистка книжных фондов бывших публичных и народных библиотек, из которых были изъяты «массы книг прямо враждебных — религиозных, монархических, лубочных». Все это привело к резкому сокращению числа библиотечных книг.

Целенаправленный и систематический характер цензура библиотечного дела стала приобретать в начале 20-х гг. после издания циркуляров об усилении партийного влияния на библиотеки и преобразования отдела внешкольного образования Наркомпроса в Главполитпросвет. Так, еще в 1920 г. политико-просветительский отдел комиссариата разослал на места первую государственную инструкцию, предлагавшую немедленно приступить к изъятию из библиотек контрреволюционной и другой враждебной советскому государству литературы. Эта инструкция не вызвала энтузиазма у библиотекарей на местах, о чем свидетельствовали присылаемые в Главполитпросвет отчеты, в которых «совершенно не упоминалось о работе по просмотру и изъятию книг и библиотек». В ряде губерний и уездов «потребовалось вмешательство ГПУ», чтобы принудить библиотекарей приступить к этой работе. Непопулярность цензурных мер объяснялась также и общим недостатком книг на местах, где констатировали «голод на книги не меньше, чем хлебный» [17].

Однако это не остановило партийные и охранительные органы, которые развернули массовую чистку книжных фондов библиотек. Инструкция 1923 г. о пересмотре книжного состава библиотек и изъятии контрреволюционной и антихудожественной литературы вызвала резко отрицательную оценку за рубежом. Буржуазные и социально-демократические издания выступили с ее обличением. Так, «Социалистический вестник» в заметке «Культурное варварство» назвал эту инструкцию «почти невероятным циркуляром», «далеко оставившим за собой, список запрещенных книг святых отцов римской католической церкви». Крупская в письме к М.И. Смушковой признавалась: «Говорят, меня изругали в “Социалистическом вестнике”, на чем свет стоит за знаменитый список книг. И ведь за дело» [17].

Какую же литературу предлагалось изъять из библиотек? По инструкции, в первую очередь следовало бы не допускать в чтение антимарксистскую литературу. Прежде всего произведения Платона, И. Канта, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра, В.С. Соловьева, Н.О. Лосского, П.Н. Флоренского, Н.А. Бердяева, Н.Ф. Федорова и других философов-идеалистов. Изымалась вся религиозная литература, включая Библию, Коран, Евангелие, Талмуд и другие классические клерикальные издания. Подлежали изъятию общественно-политические и публицистические труды Л.Н. Толстого, П.А. Кропоткина; не следовало иметь в библиотеках произведения Н.С. Лескова, Н.Н. Брешко-Брешковского, В.И. Немировича-Данченко. Исключалась и старая советская агитационная литература (издания 1918–1920-х гг.) по вопросам, которые «в данное время иначе решаются советской властью».

Учитывая нелюбимую зарубежную критику, Главполитпросвет был вынужден отменить разосланный список книг и пересмотреть пресловутую инструкцию. Окончательный ее вариант был напечатан в журнале «Красный библиотекарь» (1924, № 1). Были составлены и частично опубликованы новые списки подлежащих изъятию произведений печати.

Однако отдельные поправки нисколько не изменили общую антидемократическую направленность советской цензуры библиотечного дела. Проводившиеся Центральной библиотечной комиссией в конце 1923 г. специальные заседания, на которых обсуждались варианты инструкции и списки литературы, убеждают в стремлении их участников ужесточить надзор за книжными фондами библиотек. Так, на совещании в феврале 1924 г. в Москве было принято решение дополнить списки изымаемых книг произведениями Ф.М. Достоевского («Бесы», «Идиот»), Л.Н. Толстого («Воскресение», «Анна Каренина»), И.А. Гончарова («Обломов»), некоторыми сочинениями Л.Н. Андреева и др. Анекдотичным явилось предложение об исключении из библиотек всех книг, где в заглавии и тексте упоминались слова «бог», «мир божий» и т. п. Ужесточились и отдельные пункты инструкции. Так, по отделам философии, психологии, этики предлагалось

полностью исключить «книги в духе, враждебном революции, социализму и диалектическому материализму», изымались работы, в которых авторы признавали существование Бога, мирового творца, ратовали за объективность нравственных законов человеческой жизни. Преследования религиозной духовной мысли распространялись и на комплекс наук о растительной природе и животном мире (ботаника, зоология, биология и другие). По этим разделам изымались «книжки, смешивающие науку с религиозными вымыслами, с рассуждениями о премудрости Творца, безнравственности дарвинизма». Более того, в инструкциях имелась многозначительная фраза о чистке произведений художественной литературы, в том числе для детей, которые могли «возбуждать, укреплять и развивать узкосемейственные и религиозные чувства». Если учесть, что практически вся талантливая литература (как и произведения живописи, музыки и архитектуры) была вдохновлена религиозно-нравственными проблемами и сюжетами, то можно было, исходя из инструкций, вообще закрыть библиотеки.

Часть библиотек, например Покровский, утверждали, что фонд библиотеки должен включать литературу, отражающую любые точки зрения, что ни одна книга не может быть отвергнута только потому, что ее направление не нравится библиотекаря.

В период подготовки массовой коллективизации и форсированной индустриализации страны революционные пламя, яростно пожиравшее шедевры старого мира, стали понемногу гасить. 7 сентября 1925 г. ЦК РКП (б) издает постановление «О деревенских библиотеках и популярной литературе для снабжения библиотек», где, в частности, указано: «усилить внимание к проверке фондов библиотек на селе».

В 1926 г. Наркомпрос, по указанию ЦК, издает новую «Инструкцию по пересмотру книг в библиотеках», призванную исправить ошибки и перегибы, допущенные в ходе общероссийской кампании по чистке библиотек 1923–1924 гг. По результатам проверки работы целого ряда губерний и уездов выявлены серьезные недостатки. Так, «среди изъятых книг встречаются даже

сочинения Маркса, Энгельса, Ленина». В ходе чисток из библиотек выбрасывали сочинения «Пушкина, Гоголя, Толстого и многие другие ценные произведения». Инструкция должна была помочь библиотечным работникам исправить прошлые ошибки. В ней был дан список авторов и книг, которые могут быть оставлены в библиотеках, так как по ним читатель «получит знакомство с жизнью разных слоев буржуазного общества русской дореволюционной эпохи и недавнего прошлого на Западе» [17].

Однако свободное чтение представлялось властям, как и прежде, опасным делом. При местных политпросветах образовывались комиссии из представителей Главлита или ГПУ, партийного, профсоюзного, комсомольского комитетов. Они контролировали работу библиотекарей по изъятию и сами просматривали библиотечные фонды и каталоги. Но, как и во время большой чистки, Главполитпросвет принял своеобразные меры, реализовав на деле жесткую линию чистки. Вместе с инструкцией в качестве отдельного документа рассылалось письмо, в котором предписывалось изымать также агитлитературу, «потерявшую актуальность», и произведения, «недоступные крестьянам по содержанию, хотя они и хороши сами по себе». Это давало хороший повод наиболее активным библиотекарям, вольно толкуя ряд различных положений двух инструкций, заметно расширять изъятие библиотечной литературы.

Книги, изъятые из деревенских библиотек, должны были обязательно или уничтожаться (сжигаться), или вывозиться для последующей утилизации на бумажных фабриках. Любопытно, что эта процедура называлась «продажей», так как фабрики платили за сырье определенные копейки. О каждой партии книг, подлежащей «продаже», извещался местный представитель ГПУ, входивший в комиссию по изъятию библиотечной литературы.

Но сколько бы ни сжигали книг, наследие «безграмотной России» оказалось столь велико, что никак было не управиться. Поэтому печатался список сочинений авторов, который, оставаясь в уездных библиотеках, не должны были никому рекомендоваться, их распространение было «желательно пресечь». Таким

образом, в 20-е гг. было положено начало образованию в крупнейших библиотеках печально известных «спецхранов», куда по 1–2 экземпляра передавалась изъятая из остальных библиотек литература. Пользование этими изданиями обставлялось различными ограничениями, произведения печати выдавались читателями «под личную ответственность заведующего библиотекой» и исключительно в научных целях.

Инструкцию 1926 г. нельзя оценивать однозначно. Являясь идеологическим срезом своего времени, она показала борьбу двух «партий» в советских верхах. С одной стороны, в государстве (и в том числе в библиотечном деле) усиливаются стремления к прекращению межклассовых баталий, декларируется опора на все здоровые и созидательные силы общества, независимо от сословной и иной принадлежности. С другой стороны, остается еще очень сильной раннеревOLUTIONная идеология, непримиримо направленная на уничтожение до основания всего старого мира — и людей, и книг.

Только с середины 20-х гг. стало понятно, что гигантская страна не может развиваться без своей народной интеллигенции. Грандиозные планы по индустриализации и коллективизации остались бы пустышкой без должного роста образования и культуры народа, без возвращения ему книжных богатств. Взяв в опору себе классику, а не революционный «авангардизм», руководство СССР заложило предпосылки для резкого повышения созидательного потенциала народа, для быстрого экономического, военного и культурного роста.

Во второй половине 30-х гг. в связи с обострением политической борьбы, началом массовых репрессий цензура ужесточилась. С 1935 г. по распоряжению органов цензуры из фондов библиотек изымаются, в основном, книги репрессированных авторов, а также издания, содержащие их высказывания, фотографии и т. п.

Советские библиотеки пережили две волны массовых изъятий книг из общедоступных фондов: в 30-х гг. — в связи с репрессиями лидеров оппозиционных течений в партии

(Л.Б. Троцкого, Л.Б. Каменева, Г.Е. Зиновьева, Н.И. Бухарина), в конце 40-х — начале 50-х гг. — в результате фабрикации таких политических процессов, как «Ленинградское дело», «Дело врачей», борьба с космополитизмом и формализмом в науке, культуре и искусстве.

Таким образом, с первых лет существования социалистического государства в России стала прочно утверждаться цензура библиотечного дела, приводившая к сужению круга читаемой народом литературы, к его духовному обнищанию и задержке культурно-технического развития. Масштабы цензуры расширялись. За рубежом это заслуженно называлось культурным варварством, мракобесием, книжным читательским геноцидом, которому не могло быть места в подлинно народном и демократическом государстве.

В 20-е гг., особенно в период гражданской войны и военного коммунизма подписка на газеты не производилась, почти весь тираж распределялся между различными организациями бесплатно. Анализируя данные о распределении газет и книг за год, Ленин показывает, что оно производилось неправильно, так как до широких масс читателей газет доходило мало.

Ленин пишет, что если у нас будет на всю страну 50 тысяч библиотек и читален и если на каждую из них дать по 3 экземпляра «Правды» и «Известий», то, даже сократив тираж газет, можно через библиотеки и читальни предоставить возможность читать газеты всему населению. Тогда за счет экономии бумаги можно будет напечатать для народа серьезный и ценный литературный материал, лучшую и классическую беллетристику, учебники общеобразовательные, по сельскому хозяйству, по промышленности. Ленин пишет, что даже при нищете того времени можно дать народу по 2 экземпляра на каждую из 50 тысяч библиотек и читален всех необходимых учебников и всех необходимых классиков всемирной литературы, современной науки и техники.

Надо отметить, что вместо этого первое место среди издаваемой литературы занимала политическая и социально-экономи-

ческая, в том числе произведения Маркса, Энгельса, Ленина, а также агитационные издания.

В соответствии с развитием издательского дела осуществлялось комплектование библиотек. В августе 1918 г. на заседании коллегии отдела депутатов было принято решение: обязать все библиотеки, не исключая самых мелких, приобретать коммунистическую литературу.

С первых дней существования Красной армии военный отдел издательства ВЦИК снабжал ее части и приезжавших в Москву политработников и командиров политической литературой. Издательство ВЦИК имело специальных работников, которые срочно доставляли литературу воинским частям на фронт и в другие места их расположения. В дальнейшем снабжение армии литературой перешло к политическим органам армии, Центропечати и ее отделениям на местах. Литературой армию снабжали также Наркомпрос, местные органы народного образования и другие организации. Центральная учетно-распорядительная комиссия, распределявшая в Москве национализированные запасы книг, в первую очередь удовлетворяла потребности Красной Армии. ПУР имел собственные книжные склады, которые в 1919–1921 гг. распределили миллионы книг и брошюр. В 1918 г. началось издание литературы, предназначенной специально для красноармейцев нерусских национальностей. За год методическо-издательский отдел ПУРа выпустил свыше 18,6 миллионов экземпляров книг, брошюр, листовок, воззваний, плакатов, лубочных картин, журналов.

Были и негативные моменты. В 1920 г. Советским правительством было объявлено аннулирование денежных знаков Сибирского правительства, таким образом все залогов абонентов Иркутской городской публичной библиотеки оказались недействительными, что стало главной причиной невозврата книг. Библиотеке был нанесен большой урон (почти 2 тысячи томов). Лишь незначительная часть книг была возвращена.

Симбирский губисполком признает допустимым обмен книг, предоставление их для лотерей, доход от которых шел на

приобретение литературы для малограмотных. Зачастую книги, признанные специальной комиссией «ненужным и вредным хламом», приходилось просто прятать подальше. В 1932 г., например, руководство Дворца книги заключает договор с педагогическим институтом о передаче исторической части фонда в учебную библиотеку в обмен на обещание отремонтировать помещение Дворца. Процесс передачи книг уже начался, когда общественность города стала протестовать против столь необдуманного проекта.

Во время библиотечного подхода 1929–1930 гг. во многих городах проводился сбор книг среди населения для библиотек. Например, в Уфе такому сбору предшествовала подготовительная агитационная компания: на заводах, в мастерских, в столовых, учреждениях проводились собрания и летучие митинги, по городу были расклеены афиши, объявления, распространялись листовки. 110 пионерских отрядов собрали 20 тысяч книг. В ряде мест проводили вечера и киносеансы с платой за вход книгами. Некоторые организации выделяли библиотекам деньги, а затем пользовались из них книгами.

Тем не менее достаточных средств на покупку литературы у библиотек, особенно сети Наркомпроса, не было. С другой стороны, и книготорговые организации недостаточно хорошо снабжали библиотеки необходимой литературой. В результате читатели часто не могли получить нужных книг.

Шефские организации посылали в деревню много литературы. Так, в Нижне-Волжском крае только местные организации послали в подшефные колхозы 7 тысяч библиотечек. Кроме того, много литературы посылали крупнейшие заводы и фабрики Москвы и Ленинграда, шефствовавшие над отдельными районами этого края. В 1929–1934 гг. жители городов неоднократно собирали книги для деревни.

Для улучшения комплектования организовывались общие для библиотек отделов народного образования и профсоюзов библиотечные коллекторы, устанавливалось бронирование части тиражей новых изданий специально для снабжения библиотек, а массовую политическую литературу издательствам было

предложено рассылать районным библиотекам немедленно по выходе ее из печати.

Военное время оказало свое отрицательное влияние на состояние библиотечных фондов и их комплектование. Огромное количество книг осталось на территории, занятой гитлеровцами, часть книжных фондов пострадала во время налетов вражеской авиации, а также от перевода ряда библиотек в помещения, непригодные для хранения книг. Большие потери литературы произошли в самые первые месяцы войны. Они были связаны с тем, что читатели, мобилизованные в Красную Армию, ушедшие в ополчение и эвакуированные, не сумели вернуть в библиотеки книги. В 1942 г. из библиотек РСФСР по различным причинам (исключая прямой ущерб, нанесенный гитлеровцами) выбыло 1 миллион 243,2 тысячи экземпляров [22].

Уменьшилось количество новой литературы, поступившей в библиотеки. Это было обусловлено рядом причин. Значительно сократилась издательская деятельность. Изменился характер изданий, в основном выпускались брошюры военно-политического и военно-технического содержания.

Несмотря на решительные меры государственного Совета эвакуации, спасти многие уникальные книжные собрания научных и массовых библиотек Киева, Минска, Ростова-на-Дону, Риги, Таллина, Вильнюса и многих других городов СССР не удалось. Библиотеки понесли невосполнимые потери. Уничтоженные и похищенные нацистами документы представляли собой не только материально-художественную ценность, но и являлись важнейшей составной частью духовных традиций и культуры народа. И если в оккупированных странах Западной Европы нацисты еще как-то пытались соблюдать некоторую осторожность по отношению к памятникам культуры, то в Восточной Европе, а тем более в России уничтожение их велось целенаправленно, о чем свидетельствуют исторические факты.

В приказе фельдмаршала В. фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке» указывалось: «Основной целью похода против большевистской системы является полный разгром

государственной мощи и искоренение азиатского влияния на европейскую культуру». Не снимая тезиса о том, что Германия вела борьбу против большевистской идеологии, надо признать: целью нацистов было не только уничтожение чуждых им идей. Взорванные оккупантами музеи, памятники, усадьбы были созданы задолго до 1917 г. и не имели отношения к идеологии большевизма, но являлись памятниками национальной культуры.

На захваченных советских территориях начался тотальный грабёж и вывоз культурных ценностей, в том числе книг. Причем эти деяния не были стихийными. Целенаправленно и планомерно реализовывалась государственная политика третьего рейха. Секретная программа по разграблению церквей, книгохранилищ, музеев имела код «Линц». В ходе ее выполнения только ведомство А. Розенберга для начала затребовало почти 1,5 тысяч вагонов для вывоза из нашей страны художественных, научных и исторических ценностей. Активно работали в этом же направлении так называемое исследовательское и просветительское общество «Наследие» и генеральное посредничество «Восток» под руководством лично рейхсфюрера СС Г. Гимmlера. При германском МИДе по инициативе И. фон Риббентропа был организован батальон спецназначения СС, в котором проходили службу эксперты-культурологи. Специальная «Кунсткомиссия» выявляла и оценивала дворцовое имущество в оккупированных районах СССР для дальнейшего вывоза в Германию. Бурную деятельность развернули частные антиквары и букинисты. Грабили генералы, офицеры, солдаты.

Как свидетельствуют документы, для работы с фондами наших библиотек существовали специальные инструкции. Так, литературу пропагандистского характера предписывалось уничтожать или передавать в отделы пропаганды, экономическую — направлять в разведывательные органы, старопечатные книги, рукописи, уникальные издания, научную литературу пересылать в Германию. Принимались во внимание и личные интересы отдельных руководителей рейха по приобретению культурных ценностей.

Крупномасштабные перемещения книг с оккупированных территорий СССР осуществлялись штабом для создания так называемой Остбюхерай (Восточной библиотеки) в Берлине, основанной для сбора материала по изучению восточных земель. Для нее отбиралась литература, изданная до 1917 г., по марксизму, философии, еврейскому вопросу, географии, истории, искусству России.

Особый интерес для нацистов представляли издания, вышедшие после 1917 г., позволяющие изучать различные стороны жизни СССР. Для Восточной библиотеки предназначались и переводы с иностранных языков, «имеющие значительную гуманитарную ценность и содержащие большевистские введения» [22].

Из нашей страны были вывезены бесценные коллекции инабул, редчайшие рукописи абиссинской, персидской, китайской письменности, первые экземпляры книг русского первопечатника И. Федорова, первопечатные белорусские издания Ф. Скорины и многое другое. Были полностью вывезены дворцовые библиотеки из Павловска, Пушкина, Петродворца. Серьезно обеднели книгохранилища Софийского монастыря и Владимирского собора в Киеве.

В результате бомбардировок и артиллерийских обстрелов были уничтожены крупнейшие областные библиотеки России — Воронежская (400 тысяч томов), Ростовская (300 тысяч томов), Курская, Смоленская, Калининская.

Библиотекари спасали книги, как могли. Во время блокады Ленинграда, когда население распродало ценные книги, ГПБ старалась собрать все, заслуживающее внимания, и приобрела около 60 тысяч книг, 12 тысяч эстампов и другие материалы [22].

В Ленинграде оказалось много частных библиотек в домах, разбитых при налетах авиации и при артиллерийских обстрелах, а также в квартирах погибших жителей. Работники ГПБ, Библиотеки Академии наук разыскивали такие библиотеки, собирали и свозили к себе книги, обреченные на гибель. Так были спасены многие ценнейшие и уникальные частные библиотеки и собрания.

9 февраля 1943 г. ЦК ВКП (б) принял постановление о создании при Наркомпросе РСФСР Государственного четырехмиллионного книжного фонда для восстановления разрушенных библиотек.

Создание и деятельность Госфонда литературы являлось делом огромной государственной важности. Для работы в нем направлялись опытные специалисты библиотечного дела. По своей структуре Госфонд состоял из Центрального управления и 35 филиалов, организованных по всей стране на базе республиканских и областных библиотек. Центральное управление координировало работу всех филиалов. Оно располагало данными о состоянии библиотечной сети на освобожденной территории и давало соответствующие задания по сбору и отправке литературы.

На помощь разоренным районам пришла вся страна. Библиотеки тыловых областей выделяли для них книги из своих фондов. Для этой же цели проводился сбор книг среди населения, который осуществлялся в соответствии с инструкциями Госфонда о порядке выделения литературы из библиотек и организации ее отправки на места. Вся литература комплектовалась с учетом уцелевшей части фонда той библиотеки, для которой она предназначалась, и применительно к условиям данного района или области. Для областных библиотек предназначался комплект в 25 тысяч, для районных библиотек — 2,5 тысячи и городских — 5 тысяч.

В Госфонд свозили книги из полностью разрушенных библиотек, доставляли и дублиеты из библиотек, оставшихся невредимыми, а затем все эти книги распределялись между пострадавшими библиотеками. В 1945 г. Госфонд получил задание принять трофейную литературу из Германии и распределить ее по библиотекам. В составе комиссии, занимавшейся распределением этой литературы, были директор ГБЛ, Исторической библиотеки, Политехнической и ВГИБЛ. По прибытии поезда тотчас же брались под строгую охрану: было известно, что привезено. Сотрудники московских библиотек круглые сутки дежурили у вагонов.

Библиотеки замков Потсдама попали в ГБЛ, как и собрание Лейпцигского музея книги. В ГПИБ попала библиотека рейхканцелярии (большая ее часть).

По возвращении из Германии, где она находилась по 1 ноября 1946 г., директор ВГИБЛ М.И. Рудомино узнала, что книги, отобранные ею для своей библиотеки, в нее не попали. Например, 607 ящиков с книгами из библиотеки саксонских королей были переданы в ГПБ. Там, в частности, было единственное в своем роде собрание произведений Данте и монографий о Данте на всех языках мира — более 1000 названий. В течение трех месяцев Рудомино добивалась, чтобы эти ящики были возвращены из Ленинграда в Москву.

В Германии работало несколько групп советских специалистов, занимавшихся отбором и отправкой на территорию СССР книг из немецких библиотек. Они подчинялись различным организациям: АН СССР, Комитету по делам КПУ, Комитету по делам искусств и др. Эти группы осуществляли также и поиск советской литературы, оказавшейся на территории Германии.

Одной из самых квалифицированных по составу была группа Академии наук. Ею были обследованы хранилища в шахтах, отобраны книги из фондов Прусской библиотеки, библиотеки Берлинской медицинской академии, библиотеки Археологического института, книги Галльской академии «Леопольдина». Активно работали специалисты этой группы на складах немецкого обменного фонда и его филиалах.

Имеются различные сведения относительно того, сколько же всего книг было вывезено из Германии. Поскольку действовали различные трофейные группы, которые не были связаны между собой, все данные — а они довольно разноречивы — требуют уточнения. Государственные органы СССР несколько раз предпринимали попытки собрать и обобщить эту информацию, для этого они опрашивали различные ведомства, крупнейшие библиотеки. Огромным объемом информации располагал Главлит, поскольку каждая книга, поступившая из Германии, должна была пройти цензуру. По данным управления Главлита по Москве и

Московской области (1948), 272 московские организации получили значительное количество трофейной литературы. При перепроверке выяснилось, что Госфонд литературы получил более 2 миллионов экземпляров и очевидно, литература распределялась также и по периферийным библиотекам.

ГБЛ получила 760 тысяч томов. Эту цифру можно считать абсолютно достоверной, поскольку она идет через все архивные источники с 1946 г. до настоящего времени. Московский университет получил 13 вагонов литературы, Минздрав — 24 вагона. Интересно, что более 83 тысяч томов, принадлежавших Национально-социалистической партии Германии, попали в спецхран ГБЛ и находились под строгим надзором и контролем [22].

Среди документов ЦК ВКП (б) за 1948 г. находится документ, в котором Управление агитации и пропаганды предлагает объявлять строгие взыскания директорам тех библиотек, где трофейные фонды обрабатывались слишком медленно. В то время Агитроп расценивал это как безобразие и хотел, чтобы эта литература как можно быстрее вводилась в культурный оборот.

В справке о трофейных фондах, перевезенных в СССР в 1945–1946 гг. за подписью М.И. Рудомино говорится, что в СССР было перемещено около 10 миллионов книг, из них 5 — в Москву и Ленинград, 2 — в Минск, 3 — в Киев и 1 миллион книг остался «неучтенным». В ГБЛ, ГПБ, ВГБИЛ и ГПИБ попало 2,5 миллиона книг. Академия наук получила 1 миллион томов, причем сначала эти книги поступили в Библиотеку Академии наук в Ленинграде, затем часть их была переправлена в Москву в ИНИОН. Книги получило также Политическое управление Советской Армии (0,5 миллиона), Министерство высшей школы и Минздрав — 1 миллион книг. Медицинская литература была распределена в 1946 г. между 99 учреждениями различных городов страны, а в 1947 г. разошлась еще по 151 городу и учреждению. Списки получивших медицинскую литературу сохранились [22].

Советские эксперты, отбиравшие немецкие книги, совершенно искренне верили, что эти фонды в какой-то степени смогут

компенсировать потери наших библиотек. Никто из них не мог предположить, что вывезенные богатства будут лежать мертвым грузом.

Вывозимая из Германии литература рассматривалась как компенсация за наши книжные потери во время войны. Но явились ли эти книги на самом деле компенсацией? Увы, нет. Немецкие книги стали инородным телом для многих библиотек, и по этой причине остались невостребованными с 40-х гг. Так зачем же оказались они на нашей территории?

Дело в том, что вывоз многих научных изданий из Германии был связан с политикой ее научного разоружения с целью не допустить возрождения германского милитаризма. В 1957 г. правительственные делегации СССР и ГДР достигли договоренности о том, чтобы рассмотреть вопросы, связанные с возвращением ценностей, перемещенных в годы Второй мировой войны. ГДР представила в совет МИДа подробные списки того, что было вывезено в СССР. Образованная тогда решением Президиума ЦК КПСС специальная комиссия предложила вернуть в ГДР около 2 миллиона ценностей, включая сокровища «Большого троянского клада» — гораздо больше того, о чем просила ГДР.

МИД СССР настаивал, чтобы вернуть все; против выступали МВД и Минфин. Возвращено же было 1375 тысяч предметов искусства, поскольку, как говорится в документах ЦК КПСС, «германская сторона не приняла исчерпывающих мер для отыскания наших ценностей».

В 50–80-е гг. в библиотеки десятками, сотнями экземпляров хлынула литература, прославляющая вождей — от Сталина до Брежнева, просто конъюнктурные издания общественно-политического содержания. Ни имена авторов, ни пропаганда их всеми средствами устной, наглядной и печатной информации, ни присуждение им премий не могли заставить людей приобрести эти произведения в личные собрания, а вот библиотеки из года в год обязаны были выкупать их в огромном количестве.

Это и есть сегодня основная причина низкой эффективности фондов массовых библиотек: в некоторых из них неиспользуемая

литература составляет треть фонда. Перераспределить ее практически некуда — политика комплектования строилась для всех библиотек одинаково.

При мизерных средствах, негарантированности поступлений из централизованных источников, а для многих отсутствии таковых, стремлении каждой самой маленькой библиотеки иметь «все», неизбежны были случайные приобретения, дублирование на одной территории одних и тех же изданий, что резко сужало круг изданий для потенциального выбора.

Серьезным тормозом библиотечного обслуживания читателей являлась продолжающаяся идеологизация библиотечного дела, возрастающая цензура. По-прежнему по политическим причинам из библиотек изымалось огромное количество произведений печати, возрастал объем библиотечных спецхранов, строго контролировалась культурно-просветительная и научная деятельность библиотек. Из общественного использования исключались выдающиеся произведения общественно-политической, научной, художественной литературы, не отвечающие идеологическим требованиям. Особо ограничивалось приобретение иностранной литературы, составлявшее не более 5% издающихся произведений печати. Последнее слово в совершенствовании общественного пользования информационных богатств оставалось не за общественной инициативой библиотекарей и читателей, а за административными «волевыми» решениями партийных и государственных чиновников.

Частично решить проблему очищения фондов от дублетной, непрофильной литературы и одновременно получить дополнительные средства на комплектование стало возможно через организацию продажи населению книг и других произведений печати.

Каталогизационная мысль. В 1921 г. Главполитпросвет РСФСР принял постановление об обязательном применении всеми библиотеками международной десятичной классификации при расстановке фондов и создании систематических каталогов. В 1924 г. Главполитпросвет издал «Наглядное пособие

по библиотечной технике», которое по существу стало первой государственной инструкцией по унификации отдельных видов библиотечной техники на территории РСФСР. С 1926 по 1932 г. вышли три выпуска «Общероссийской инструкции по описанию произведений печати», создавшие предпосылки для единообразия библиографического описания в масштабах страны. В это же время Государственная центральная книжная палата приступила к изданию каталожных карточек на основе «Книжной летописи».

Со второй половины 20-х гг. вопросы стандартизации библиотечной техники начали рассматриваться в неразрывной связи с принципом коммунистической партийности. Резкой критике подверглись Б.С. Боднарский, Н.В. Здобнов и другие, считавшие, что десятичная классификация является только средством организации фондов и не должна отражать какую-либо идеологию и классификацию наук и что организация каталогов научных библиотек не может преследовать воспитательных, педагогических, агитационных или философских целей, а каталог служит лишь для того, чтобы помочь научному работнику отыскать нужную книгу.

Критикуя международную десятичную классификацию, С.Д. Масловский, Л.Н. Троповский, Л.Б. Хавкина, А.Д. Эйхенгольц указывали, что она есть продукт буржуазного общества, отражение идеалистической философии, что она не соответствует современному научному мировоззрению. Они требовали ее коренного пересмотра или создания новой марксистской классификации.

В Научно-исследовательском институте библиотековедения и рекомендательной библиографии была переработана таблица десятичной классификации применительно к потребностям массовых библиотек. Этот труд, требовавший большой эрудиции, был выполнен Троповским. Он ввел отдел «ЗК Марксизм-ленинизм», дополнил отделы философии, истории, политики. Проект разработанных им таблиц был опубликован в 1934 г. в журнале «Красный библиотекарь» и после всестороннего обсуждения был издан в 1938 г. Некоторые ученые (Д.Д. Иванов, Н.В. Русинов, Л.В. Трофимов и другие) также трансформировали

зарубежные схемы классификации фондов с учетом требований советского библиотековедения.

Институт вел работу по рекомендательной библиографии: печатал аннотированные карточки для каталогов, выпускал аннотированные рекомендательные каталоги по разным отраслям знания для районных библиотек, печатал рекомендательные указатели, издавал два библиографических журнала «В помощь сельскому библиотекарю и читателю» и «Что читать». Необходимо отметить, что во многих библиотеках каталоги находились в неудовлетворительном состоянии, а в некоторых библиотеках их совсем не было.

Создание хороших каталогов затруднялось недостаточной теоретической разработкой этого вопроса, отсутствием обязательных для библиотек единых государственных инструкций по каталогизации и книгоописанию, недостатками работы в области централизованной каталогизации. Необходимо было преодолеть имевшую довольно широкое распространение среди библиотекарей, особенно в массовых библиотеках, недооценку роли каталогов в обслуживании читателей и в организации фондов библиотеки.

На Всесоюзном совещании по теоретическим вопросам библиотековедения и библиографии (1936) было установлено, что каталоги каждой библиотеки должны представлять собой единую систему, при установлении которой учитывается также состояние справочно-библиографического аппарата библиотеки и система организации книжных фондов.

Система каталогов библиотеки устанавливается в зависимости от ее типа и размера. Основными являются систематический и алфавитный каталоги. Систематический каталог — главный каталог библиотеки. Предметный каталог необходим в специальных библиотеках.

Во время войны (в 1942 г.) вышло пятое издание книги Троповского «Десятичная классификация» со схемой классификации материалов о Великой Отечественной войне. Старейший библиотековед нашей страны Л.Б. Хавкина во время войны

завершила и в начале 1943 г. опубликовала крупный труд «Сводные каталоги».

Среди разнообразных проблем активного влияния на чтение особое место в 40–50-е гг. заняла проблема каталогов как средства руководства чтением. Была выдвинута идея «рекомендательного каталога», которую З.Н. Амбарцумян видел в том, что в читательские каталоги должны включаться лишь те произведения, которые способствуют повышению идейно-теоретического уровня трудящихся, отвечают научно-исследовательским и производственным интересам основных контингентов читателей, содействуют их учебным занятиям и самообразованию.

Е.И. Шамурин писал, что это определение нельзя признать правильным, так как оно полностью игнорирует справочно-информационные функции каталога, ведет к смешению функций каталога и рекомендательной библиографии. Позиция Шамурина была признана объективистской, а его самого обвинили в восхвалении теории каталогов буржуазного библиотековедения.

Дискуссия о рекомендательности читательских каталогов, начатая в конце 40-х гг., продолжалась и в следующее десятилетие. В результате идея рекомендательности систематического каталога подверглась резкой критике, так как увлекшись идеей создания рекомендательного систематического каталога, библиотеки удалили, то есть перевели в служебную часть карточки на огромное количество книг, представляющих интерес в научном отношении.

Библиотековеды считали, что разделение систематического каталога на две части — служебную и читательскую — наносит серьезный ущерб состоянию СБА и затрудняет читателям всестороннее использование фондов библиотеки. Чрезмерно прямолинейно трактовалось положение о каталоге как инструменте руководства чтением, в результате чего почти повсюду были ликвидированы предметные каталоги, как якобы не отвечающие требованиям рекомендательности.

После редактирования уже существующих, так называемых «буржуазных систем классификации» создается своя, библиотечно-библиографическая система, которую открывает раздел

«марксизм-ленинизм». Она создается на новых принципиальных основах; совершенствуются единые правила книгоописания (они выходят в 1949 г.), издаются «Типовые каталоги для районных, сельских, колхозных библиотек» (1948).

Самых реальных успехов в 60–80-е гг. удалось достигнуть в поиске путей совершенствования каталогов. Характерно, что несмотря на сильную атаку части руководителей, предпринятую по политическим мотивам на предметный каталог, ведущие библиотековеды отстаивали его, сделали немало в методологии и методике предметизации, развития словников, централизованной предметизации. Другая группа специалистов продолжала поиски вариантов экстраполяции УДК на советские каталоги.

ГПНТБ в конце 1960 г. осуществила полный перевод УДК; развернула широкую консультацию по ее применению в технических и специальных библиотеках, помогла им в практическом внедрении схемы.

В 1959 г. была создана большая межведомственная комиссия из ученых и практиков ГБЛ, ГПБ, БАН и других учреждений под руководством заместителя министра культуры РСФСР В.М. Стриганова, которая к концу 60-х гг. и успешно завершила огромную, кропотливую работу по созданию ББК. Труд получил профессиональное и общественное признание, а большая группа его создателей была удостоена Государственной премии СССР 1981 г. в области науки.

Библиотечные кадры. Как уже говорилось, новому государству нужна была другая библиотека, которая вела бы активную партийную пропаганду. Вся ее деятельность должна была подчиниться идее воспитания населения в духе коммунистической идеологии. Еще среди тех, кто пришел работать в библиотеку до 1917 г., были революционеры, поддерживавшие подобные взгляды. Тогда они были в меньшинстве. Теперь они отражали официальную идеологию.

Конфликт стал личной драмой для библиотекарей старой школы. Те, кто вырабатывал принципы библиотечного дела до революции, обучал целые поколения библиотекарей, создавал

библиотечные общества (Л.Б. Хавкина, Е.Н. Медынский), стали объектом резкой критики. «Реакционером» стал и А.А. Покровский — социалист, еще до революции создавший рабочие библиотеки, считавший необходимой пропаганду социалистических взглядов, но не желавший видеть библиотеку «инструментом партии». Оппонентами библиотекарей-традиционалистов стали такие значительные фигуры в новом обществе, как народный комиссар просвещения А.В. Луначарский, Н.К. Крупская.

Процесс изменения системы профессиональной деятельности мог бы затянуться или привести к развитию конфликта с властью, если бы не появление в 1918–1920 гг. совершенно другого поколения библиотекарей со своими профессиональными (если можно так сказать) установками.

В дореволюционные годы вместе с новой волной читателей из народа из этой же среды появился и новый библиотекарь. По происхождению — рабочий или крестьянин, по профессии часто — красноармеец, по образованию — ниже среднего. Этот библиотекарь пришел делать революцию в культуре. Он полностью разделял идеологические позиции новой власти и считал, что нужно создавать новую библиотеку. Отношение к библиотеке «старого времени» — резко негативное: «Нужно посмотреть, как было в буржуазной библиотеке и сделать все наоборот». О профессионализме часто нельзя было и говорить. Можно представить себе шок Хавкиной — библиотекаря-пропагандиста американского библиотечного опыта, создателя системы библиотечного образования до революции — когда она, спросив библиотекаря, как велика находящаяся в его ведении библиотека, получила ответ: «пудов с 30 будет» [10].

Происходила замена старых квалифицированных кадров библиотекарей на новые, вышедшие из «демократических» слоев населения, но не имеющие профессиональных знаний и опыта. Для первого поколения советских библиотекарей издавались как пособия общего характера, так и специализированные руководства по организации и систематизации фондов, учету и статистике в библиотеках и т. д.

Подготовка кадров для библиотек являлась предметом постоянной заботы правительственных органов. Большое внимание было уделено регулированию социального состава работников за счет привлечения рабочих и крестьян, закрепления в библиотеках оканчивающих комвузы и партийные школы. Подготовкой кадров в этот период в Москве занимаются курсы, кружки и объединения. Основой повышения квалификации были политические занятия. Особенно они получили развитие после постановления ЦК партии «Об усилении партийного влияния на работу библиотек» (октябрь 1923 г.).

Отмечая острую потребность в опытных библиотекарях, Крупская в этот период писала: «В силу характера своей профессии библиотекарь является агитатором и пропагандистом... Ему нужно быть сознательным марксистом, хорошим революционером тогда он принесет не вред, а пользу».

Однако профессиональные ценности библиотекарей дореволюционной поры не исчезли бесследно. Как сами библиотекари старой школы жили и работали (не всегда на виду) в библиотеках, так и принесенные ими идеи существовали в сознании нового поколения работников.

Так, в Румянцевской библиотеке, выросшей из первого публичного музея, традиции и новации естественно налагали отпечаток на кадровый состав библиотеки. До марта 1921 г. директором Государственного Румянцевского музея был князь В.Д. Голицын. С марта 1921 г. до осени 1924 г. — А.К. Виноградов, известный писатель. С февраля 1925 г. Библиотеку возглавлял В.И. Невский (в 1935 г. арестован, позже расстрелян), видный государственный партийный деятель, профессор Московского университета, историк. Он взял курс на поддержку старых библиотечных кадров, ведущих ученых института, пришедших работать в Библиотеку, на выдвижение новых кадров библиотекарей из «низов», пополнивших штат библиотеки крестьян, производственников. При Невском в библиотеке трудились бывшие дворяне, князья, почетные граждане, представители духовного сословия. Сбереженные в 20-е гг., многие из них продолжали трудиться в библиотеке до

своего естественного ухода. Немало этих высокообразованных людей трудилось и в годы войны. Их имена есть в «Книге памяти РГБ». Сам преданный книге, библиотеке, будучи незаурядной личностью, Невский объединял, поднимал людей на общее дело. В эти годы в Библиотеке служили известные историки Ю.В. Готье, С.В. Бахрушин, книговед Н.П. Киселев, астроном А.Я. Орлов. Их усилиями была начата работа над созданием систематического каталога, заложены основы ББК.

Можно сказать, что библиотекарям весь последующий период были присущи осознание своей миссии перед читателями, корпоративность, хотя и не реализованная; представление об особой роли библиотек в культуре, традиционализм. Но в своей профессиональной деятельности библиотекарь и библиотека были поставлены в условия полной зависимости от государства и господствующей идеологии.

Значительное влияние на развитие кадров оказали первый институт внешкольного образования в Петрограде (1918) и аналогичные институты в Иваново-Вознесенске и Костроме, педагогические институты, краткосрочные курсы и практикумы библиотечных работников, а также прообраз будущих НМО — методические объединения при губернских и центральных городских и уездных библиотеках. В их недрах действовали секции и кружки по всем видам библиотечной работы.

Методические объединения помогали повышению политического и общекультурного уровня библиотечных работников и их производственной классификации. В объединениях слушались доклады на политические темы, по художественной литературе, по методике библиотечной работы и самообразования. Чтобы помочь комплектованию библиотек и лучшему обслуживанию читателей, лучшей постановке работы с книгой проводились обзоры литературы, рецензировались книги.

В этих библиотеках и методических объединениях при них работало немало библиотекарей-энтузиастов, которые многое сделали для развития библиотечного дела и подготовки кадров советских библиотекарей. Из них особенно заслуживают

упоминания Преображенская, Покровский, Ф. Доблер (Москва), Ф.А. Каратыгин (Кострома), Д.А. Балика и Н.Я. Фридьева (Томск).

Кадры новых библиотекарей готовились политпросветинститутами в Москве и Ленинграде, педагогическим институтом в Нижнем Новгороде, совпартшколами. Уровень образования библиотечных работников в эти годы был невысок. Подготовка в стране специалистов только начинала развиваться, в 1928 г. в СССР было подготовлено всего 11,4 тысяч человек со средним образованием для работы в области просвещения и искусства, и 5,2 тысячи — с высшим. Из этого числа выпускников в библиотеках работали лишь единицы [16].

Первые годы нэпа привнесли в библиотечное дело катастрофические изменения. В той ситуации необходимо было привлечь внимание российского общества к библиотечным проблемам, гласно призывать не к показной, но реальной помощи библиотечному делу. Необходима была сплоченность и продуманная программа действий самих библиотечных сил. По мнению многих, выполнить такую задачу мог бы Всероссийский библиотечный съезд.

В феврале 1922 г. начало свою работу Оргбюро по подготовке Первого библиотечного съезда РСФСР. Представителем Оргбюро была назначена М.А. Смушкова, секретарем — М.И. Слуховский. В программе, разработанной Оргбюро, съезд представлялся крайне важным событием библиотечной жизни страны, охватывал широкий круг актуальных проблем. Важнейшими из них были проблемы преодоления материального кризиса, построения библиотечной сети, привлечения общественности к библиотечному строительству. Интенсивно проведя первый этап подготовительной работы в апреле, Оргбюро определило точный срок созыва съезда (сентябрь 1920 г.) и разослало в регионы предсъездовские материалы.

На местах библиотечные работники активно и очень серьезно подошли к Всероссийскому съезду и его подготовке. Они подчеркивали значение библиотеки и профессионала-библиотекаря для

культуры и всей жизни страны, народа. Библиотекари доказательно отвергали складывающуюся систему остаточного финансирования библиотек, требовали оказать им необходимую материальную поддержку. Были высказаны предложения по демократизации библиотечной жизни, возрождению библиотечных обществ. Библиотекари предлагали широко обсудить на съезде вопросы единой библиотечной сети, координации и кооперации библиотечной деятельности на местах и многое другое.

Большая часть библиотечных работников активно намеревалась превратить съезд не в рекламно-показное мероприятие, а в событие, имевшее шансы изменить положение библиотек. В сообщениях и письмах с мест и других архивных документах по съезду вопросы «коммунистической партийности» практически не затрагивались, разве только в начале и послесловии ставились 2–3 соответствующие дежурные фразы. Это понятно: сама ситуация в библиотечном деле требовала не борьбы со «лживыми буржуазными взглядами», не ширококомасштабной чистки библиотечных фондов, а совместных действенных усилий коммунистов и беспартийных по спасению важнейших учреждений культуры — библиотек.

Однако подготовка съезда начала сталкиваться с серьезными затруднениями. Примерно с середины года происходит массовый уход из библиотек ведущих специалистов — потенциальных делегатов съезда из-за сложных материальных условий. Из-за недостатка средств в регионах отменяются библиотечные конференции и съезды по обсуждению вынесенных на Всероссийский библиотечный форум вопросов, по выбору делегатов. Необходимых на нормальное проведение съезда финансов не было выделено.

В октябре — ноябре стало ясно, что в 1922 г. съезд состояться не сможет, и он был отложен на неопределенное время. Хотя с мест рядовыми библиотекарями в Москву было отправлено немало писем об острой необходимости проведения съезда, он так и не состоялся ни в 1922, ни в 1923 г.

Деньги на библиотечный съезд «нашлись» только в 1924 г. Съезд состоялся в Москве 1–7 июля 1924 г. На нем присутствовало 806 человек (530 делегатов и 276 гостей). 163 делегата были от Москвы и 367 — от провинции.

К этому времени в библиотечном деле произошло множество перемен, в том числе в кадровом составе и профессиональной идеологии. В 1924 г. основной акцент делался уже на классово-партийные функции библиотек. Итогом съезда стало провозглашение ленинского принципа партийности в качестве основы всей деятельности библиотек.

В свете этих принципиальных положений на съезде были рассмотрены вопросы об итогах, задачах и перспективах развития библиотечного дела, о библиотечной работе в деревне, о библиотеках профсоюзов, о комплектовании, о массовой политико-просветительской и передвижной работе библиотек, об участии читателей в работе библиотек, о библиотечном образовании и др. Были выделены секции: организационная, детских библиотек, научных библиотек и библиотечной техники.

К съезду была организована выставка, для которой от разных библиотек поступило свыше тысячи экспонатов. С большим докладом о библиотечной работе в деревне на съезде выступила Крупская.

Волостным библиотекам было рекомендовано вести справочную работу и работу с газетой: проводить громкие чтения и беседы; обслуживать население не только в стенах библиотеки, но и за ее пределами (на сходах, базарах, посиделках); особое внимание уделять крестьянке.

На первой конференции научных специальных библиотек в Москве в декабре 1924 г. рассматривался широкий круг организационных и методических вопросов: о научной разработке вопросов библиотечного дела; об управлении научными библиотеками; о положениях об этих библиотеках и уставах; об обязательном экземпляре; о систематических и предметных каталогах и централизованной каталогизации; о методах работы научных библиотек; о справочно-библиографической работе и книжных выставках; о правовом положении библиотекарей, требованиях к их подготовке. Одновременно с конференцией в Москве проходил Первый Всероссийский библиографический съезд.

В 1925 г. при Государственном ученом совете Наркомпроса РСФСР была создана библиотечная комиссия, которая помогала

разрешению вопросов работы научных библиотек и координации их деятельности

В решениях и положениях I конференции научных библиотек РСФСР, состоявшейся в декабре 1926 г. в Ленинграде, был подчеркнут принцип общедоступности научных библиотек для всех нуждающихся в научной книге. Было признано желательным, чтобы научный персонал библиотек приравнялся к научным работникам других специальностей и чтобы была создана единая номенклатура должностей для научных библиотек всех типов.

В 1928 г. Московский политехпросветинститут был влит в Академию коммунистического воспитания имени Крупской (АКВ), куда и перешла подготовка библиотекарей. Позднее АКВ объединилась с Ленинградским политехпросветинститутом имени Крупской. В вузах срок подготовки библиотекарей был трехгодичным (позднее его увеличили до четырех лет).

По постановлению СНК РСФСР от 10 июля 1930 г. был основан Московский библиотечный институт, ставший вскоре ведущим высшим учебным заведением в СССР. Институт готовил инструкторов и инспекторов библиотечного дела и библиотекарей для областных, крупных массовых, научных, специальных, вузовских, детских библиотек, а также преподавателей для библиотечных техникумов.

Для рабочих, желающих учиться в институте, организовали подготовительные курсы, позднее — рабфак. С 1931 г. при Московском библиотечном институте открылись вечернее и заочное отделения.

Квалифицированных библиотекарей, главным образом каталогизаторов для научных и специальных библиотек, готовили Высшие библиотечные курсы при ГПБ и при институте библиотечного дела в Москве. В 30-е гг. открывались новые библиотечные техникумы и библиотечные отделения при педагогических техникумах.

Сведения об образовательной подготовке работников библиотек нам дает всесоюзная библиотечная перепись 1934 г. Согласно данным переписи, среди кадров сельских библиотек начальное

образование имели 54,8%, среди районных и окружных — 15%, городских — 5%. Специальная подготовка кадров была еще слабее: в сельских библиотеках 75,7% работников не имели специальной подготовки, в районных и окружных — 52,7%, в городских — 38,1% [8].

Во время войны в Московском государственном библиотечном институте продолжались занятия (за исключением периода с октября по декабрь 1941 г.). Работать институту приходилось в тяжелых условиях военного времени — здания две зимы не отапливались, и все же занятия шли бесперебойно (часть института была эвакуирована в Стерлитамак).

Во время Великой Отечественной войны в библиотеках появилось много новых работников. Для них были изданы популярные руководства и пособия по библиотечному делу: Л.Н. Троповский — «Краткие таблицы десятичной классификации для небольших библиотек», А.В. Кленов «Краткое руководство по библиотечной технике для районных и сельских библиотек», В.Н. Денисьев «Краткое руководство по библиотечному делу для начинающего библиотекаря», ГБЛ в 1942 г. был издан «Указатель основной литературы для сельских библиотек».

Журнал «Красный библиотекарь» не выходил; в 1942 г. вышли 2 номера приложения к журналу «Политпросветработа» под названием «В помощь библиотекарю».

В период внедрения централизации проблема кадров так и не была решена. Из-за высокого уровня текучести пустовали места важнейших для ЦБС должностей методистов и библиографов. Основная причина текучести — низкая заработная плата.

Организация библиотечного обслуживания населения во многом страдала из-за недостатка библиотечных специалистов, на подготовку которых не выделялись необходимые материальные ресурсы. Библиотеки крайне недостаточно пополнялись высококвалифицированными кадрами. Так, уровень высшего образования библиотечных работников рос очень медленно и не отвечал потребностям развивающейся сети библиотек. Образовательный ценз работников общедоступных библиотек СССР в 1975 г.

составлял 14% (в том числе с высшим библиотечным — 9%), что по сравнению с 1965 г. составило рост только на 4% (в том числе библиотечным — 3%). Положение существенно не изменилось и в 80-е гг. — число библиотекарей с высшим образованием в 1987 г. составило 23% (с библиотечным — 17%) [23].

Эти показатели были гораздо ниже аналогичных в западных странах, особенно США. Высшие и средние библиотечные учебные заведения крайне недостаточно обеспечивались новейшим библиотечным оборудованием. Большинство из них не имело лабораторий и классов с вычислительной техникой. В числе преподавательского состава незначительное место занимали доценты, профессора, кандидаты и доктора наук.

Таким образом, кризисные явления 60–80-х гг. весьма убедительно показали просчеты и бесперспективность советской библиотечной политики, принципов партийности, руководящей и направляющей роли коммунистической партии в библиотечном деле, которая не принимала необходимых мер к укреплению материально-технической базы, создающейся системы общественного использования накопленных обществом книжных богатств.

* * *

В мае 1994 г. были приняты федеральные законы «О библиотечном деле» и «Об обязательном экземпляре документов», которые заложили основу законодательной базы для развития библиотек страны в условиях рыночной и других реформ. Эти законы отразили новую общественно-политическую ситуацию, сложившуюся в России, и подтвердили отказ от тоталитарных принципов управления библиотеками. В новых условиях библиотечная система стала строиться на сочетании трех уровней библиотек — федерального (то есть государственных библиотек), регионального (то есть библиотек субъектов Российской Федерации) и местного уровня. Каждый регион получил возможность разрабатывать собственную библиотечную политику с учетом специфики конкретного региона. Сейчас на территории России работает свыше 130 тысяч библиотек.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Как повлияли на развитие библиотек в XX в. такие исторические события, как революции, мировые войны?
2. Какие типы библиотек сложились в нашей стране в XX в.?
3. Что представляло собой государственное руководство библиотеками?
4. Как внедрялась централизация в библиотечном деле? Назовите основные этапы.
5. От чего зависело изменение состава фондов библиотек?
6. Какова была роль каталогов в советских библиотеках?
7. Как формировалась система подготовки кадров для библиотек?

Литература

1. *Абрамов К.И.* Библиотечное строительство в СССР в первые годы Советской власти: 1917–1920 / К.И. Абрамов. М., 1974.
2. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в СССР / К.И. Абрамов. М., 1980.
3. *Абрамов К.И.* Швейцарско-американская система и централизация библиотечного дела / К.И. Абрамов // Библиотека. 1992. № 9–10. С. 11–14.
4. *Абрамов К.И.* История библиотечного дела в России : учебно-метод. пособие / К.И. Абрамов. Ч. 2. М. : Либерея, 2001. 159 с.
5. *Афанасьев М.* На пике социальных потрясений: социальная динамика и традиции: российские библиотеки в переломные моменты истории — 1905, 1917, 1990-е годы / М. Афанасьев // Библиотека. 1994. № 6. С. 2–6.
6. *Ванеев А.Н.* Развитие библиотековедческой мысли в СССР / А.Н. Ванеев. Л., 1980. 232 с.
7. *Варфоломеева М.В.* Роль массовых библиотек в культурной революции в СССР (1928–1941) / М.В. Варфоломеева. М., 1974. 231 с.
8. *Васильченко В.Е.* История библиотечного дела в СССР : учебник / В.Е. Васильченко. М., 1958. 216 с.
9. *Володин Б.Ф.* Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. 2-е изд., доп. СПб. : Профессия, 2004. С. 246–293.
10. *Глазков М.Н.* Послереволюционная библиотечная политика / М.Н. Глазков // Московский журнал. 1993. № 7. С. 42–44.
11. *Глазков М.Н.* Первые попытки централизации библиотечного дела в России / М.Н. Глазков // Библиотековедение. 1994. № 2 (6). С. 117–126.

12. *Глазков М.Н.* Провал централизации библиотечного дела в России в 1922–1930 гг. / М.Н. Глазков // Библиотековедение. 1994. № 6 (6). С. 22–31.
13. *Глазков М.Н.* Массовые библиотеки в годы нэпа (1921–1925) : лекция / М.Н. Глазков ; МГУК. М., 1996. 37 с.
14. *Глазков М.Н.* О романтике в библиотечном деле 1917–1921 гг., или как нам сейчас возрождать библиотеки / М.Н. Глазков // Библиотековедение: вчера, сегодня, завтра. М., 1997. С. 56–66.
15. *Глазков М.Н.* Административный опыт «отца» серебряного века: Валерий Брюсов во главе отдела Наркомпроса / М.Н. Глазков // Библиотека. 1999. № 3. С. 64–67.
16. *Глазков М.Н.* Массовые библиотеки Советской России (1925–1929) : лекция / М.Н. Глазков ; МГУК. М., 1999. 33 с.
17. *Глазков М.Н.* Чистки фондов массовых библиотек в годы советской власти (октябрь 1917–1939 гг.) / М.Н. Глазков. М. : Пашков дом, 2001. 104 с.
18. *Глазков М.Н.* Цензура общедоступных библиотечных фондов в России в 1930 — начале 1940-х гг. : курс лекций / М.Н. Глазков ; Московский государственный ун-т культуры и искусств. М. : МГУКИ, 2007. 74 с.
19. История библиотечного дела в СССР : документы и материалы: 1918–1920. М., 1975. 277 с.
20. История библиотечного дела в СССР : документы и материалы: 1920–1929. М., 1979. 294 с.
21. *Каратыгина Т.Ф.* История технических библиотек : учебник / Т.Ф. Каратыгина. М., 1981.
22. *Мазурицкий А.М.* Очерки истории библиотечного дела периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / А.М. Мазурицкий. М., 1995. 210 с.
23. *Скворцов В.В.* Становление и развитие библиотековедения как науки / В.В. Скворцов // Библиотековедение. 1996. № 2. С. 29–42.
24. *Столяров Ю.Н.* В.И. Ленин: швейцарско-американская система или централизация? / Ю.Н. Столяров // Советское библиотековедение. 1991. № 5. С. 24–35.
25. Судьбы библиотек дореволюционной России: 20–30-е гг. XX века : конф. : тезисы сообщений (1–3 октября 1996 г.) СПб., 1996. 95 с.

Глава II

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА ЗА РУБЕЖОМ

§ 1 Библиотеки Древнего мира

Из столетия в столетие каждая эпоха формировала и использовала собрания письменных документов, чтобы сохранить и упрочить свои обычаи, интеллектуальные и традиционные ценности. Развитие культуры, которое составляет основу истории цивилизации, было определяющим фактором в формировании библиотеки, характере ее фондов, в способах организации и ведения этих фондов и видов обслуживания, предоставляемых библиотекой. Пройдя путь от глиняных табличек Шумера и Ниневии, папирусов Древнего Египта через скудное оснащение средневековых монастырей к собраниям учебников для первых школ, а от них к бесплатной публичной библиотеке нашего времени, библиотека претерпела длинный ряд преобразований, каждое из которых было обусловлено потребностями современного ей общества. Любая крупная перемена в общественном идеале порождала изменения в библиотеке. И все же, несмотря на все эти изменения, в библиотеке сохраняется также ряд постоянных моментов, которые придали ей институциональную цельность, по существу остающуюся неизменной.

Происхождение библиотеки окутано туманом доисторического прошлого, и из первых собраний документов письменности мы располагаем лишь разрозненными остатками глиняных табличек, которыми только и можно руководствоваться в этом вопросе. Но и эти сохранившиеся свидетели прошлого дают лишь намек на то, что могло существовать когда-то. Мы можем только предполагать, что в древней истории цивилизации имелись собрания документов, но такое предположение вполне логично в свете наших знаний о письменной истории.

Позволительно утверждать, что библиотеки возникли в Шумере, поскольку он был колыбелью нашей цивилизации, и отсюда, как видно, происходит «все на свете». В XXIV в. до н.э. Шумер превращается в мощную централизованную деспотическую монархию. От этой поры до нас дошло особенно много памятников письменности.

Несколько тысяч глиняных табличек с текстами обнаружены во дворце в Ниппуре. В Лагаше археологи нашли около 20 тысяч табличек, систематизированных по содержанию. Глиняные таблички дали возможность советскому ученому М.Н. Никольскому впервые в мировой науке составить перечень профессий Шумера, описать характер выполнявшихся населением работ. Собрание текстов из библиотеки в Шуруппаке позволило ученым составить и издать список архаических клинописных знаков.

В библиотеках Шумера хранились главным образом религиозно-культовые, хозяйственные документы. Но были и таблички с мифами, пословицами, поговорками, баснями о животных. Чаще эти произведения записывались на дощечках, поэтому многие из них не сохранились. Однако жемчужина древней поэзии — первые песни знаменитого эпоса о Гильгамеше — уцелела. Имелись таблички, представляющие собой своеобразные каталоги с пометками об утрате текстов.

В городах Шумера имелись школы писцов (при храмах и вне их), которые назывались «домами табличек». Мальчики-ученики или «сыновья домов табличек» овладели шумерским и аккадским языками, сложной системой письма, искусством копирования текстов, изучали богословие, математику, географию, медицину. При раскопках Урука, Шуруппака археологи обнаружили таблички со списками слов для заучивания (первые учебные пособия), школьные тексты, дидактические сочинения о школьной жизни: «День школьника», «Писец и его непутевый сын».

Библиотекари Шумера владели искусством хранения текстов. Глиняные таблички помещали в закрытые ящики или корзины, снабжая их этикетками о содержании и характере текста.

На рубеже III–II тысячелетий до н.э. цивилизация Шумера погибает. В XIX–XVI вв. до н.э. возвышается город Вавилон.

Фонды библиотек Вавилонского царства, которые создавались при храмах, во дворцах правителей, при школах, кроме документов хозяйственного назначения, содержали культово-богослужебные сочинения, труды по праву, среди которых особое место занимает сборник законов царя Хаммурапи. Тексты правового содержания имелись в библиотеках хеттов и других народов государств в Передней Азии, но ни в одной стране Древнего Востока за пределами Месопотамии не сохранилось такого большого числа юридических документов.

Наиболее полные сведения накоплены наукой о библиотеках Ассирии — наследницы шумерийской культуры. Богатые библиотеки составляют одну из культурных ценностей этой страны. В большинстве случаев библиотеки находились во дворцах царей, в храмах столичных и провинциальных городов. Особенно славились библиотеки в Кальху, Ашшуре. Небольшие библиотеки существовали в широко распространенных школах писцов, их фонды состояли из словарей, списков синонимов, трехколонных букварей, перечней клиновидных знаков, обозначающих животных, растения, металлические изделия; таблиц склонений и спряжений, таблиц умножения, учебников. Писцов обучали не только ассирийскому, но и мертвому шумерийскому языку, на котором было написано большинство литературных памятников.

Насколько можно судить по сохранившимся памятникам письменности, в поисках первых известных нам библиотек мы должны обратиться к Древнему Египту и его храмам. Центром всей египетской жизни был храм. Церковь и государство в Египте были объединены, в стране существовала теократическая форма правления.

Среди богов, которым поклонялись египтяне, был бог луны и мудрости Тот — покровитель писцов, знаний, письма; богиня Сешат — покровительница письма, библиотек; бог слова Ху; бог знания Сиа.

Египтяне имели великолепную литературу и обладали фактической монополией на выращивание папируса, который в то время был общепринятым материалом для письма. Диодор из Сицилии, описывая памятники Фив, упоминает библиотеку, на портале которой было написано: «Лекарство для души». На другом берегу Нила, под Карнаком, были обнаружены гробницы двух библиотекарей, отца и сына, по имени Миамун, которые служили при Рамзесе около 1200 г. до н.э. Эти гробницы дают основание полагать, что в Древнем Египте должность библиотекаря, подобно многим другим государственным должностям, могла быть наследственной. Сохранились лишь руины, которые могут рассказать нам о библиотеке в Карнаке, что находилась под покровительством бога искусств и наук и была известна как «Дом книги».

Однако библиотечное здание в Эдфу, которое было известно как «Дом папируса», все еще стоит, хотя ни одна из рукописей, некогда хранившихся в нем, не уцелела. На одной из стен этого здания был высечен каталог библиотеки. Он был представлен в двух частях. В первой перечислялось содержание 12 ящиков документов по различным вопросам, включая работы по управлению государством и его функциям. Во второй описывалось содержание 22 ящиков, в которых хранились работы, посвященные магии, мифам и тому, что в те дни считалось медициной и наукой, например, как противостоять крокодилам; как защищаться от пресмыкающихся и змей; гороскопы и «Книга всех таинств». Сохранению документов в Древнем Египте благоприятствовали теплый сухой климат, а также религиозная вера, которая поощряла хранить произведения письменности в гробницах в целях их использования умершими в загробном мире. Но папирус — хрупкий материал даже при самых благоприятных условиях его хранения, и потому-то мы, вероятно, знаем больше о библиотеках Вавилона и Ассирии, где писали на глине.

Во главе библиотек храмов и «домов жизни» стояли жрецы. Документы и книги в библиотеках сначала хранились в ящиках или в глиняных трубообразных сосудах, позднее — в нишах

стен. По содержанию библиотечные коллекции состояли из религиозной и светской литературы. Фонды разных библиотек — храмовых, дворцовых, библиотек «домов жизни», школ писцов, служащих — отличались по составу. Среди папирусов библиотеки храма Себека (г. Тебтунис) — произведения изящной словесности, поучения, сказки, сонники, медицинские тексты, деловые документы, письма.

Единственная крупная библиотека, о которой до нас дошли значительные сведения — они сохранились от культуры, некогда расцветавшей в долине рек Тигра и Евфрата, — относится примерно к VI в до н.э. То была царская библиотека в Ниневии, унаследованная и значительно приумноженная царем Ашшурбанипалом. Это огромное хранилище, которое, видимо, затмевало все прочие, содержало работы по грамматике, поэтике, истории, науке и религии. В царский дворец доставлялись большие собрания документов, многие из которых переписывались там учеными и затем возвращались по месту их происхождения.

У Ашшурбанипала работала очень большая группа ученых и писцов. За сравнительно короткий срок они создали первую в истории библиотеку из десятков тысяч «книг» по всем известным в то время отраслям знания. Самые спрашиваемые труды имелись в 2–3 и более копиях. Впоследствии это очень помогло ученым при восстановлении текстов сильно поврежденных табличек.

Собственность библиотеки бдительно оберегалась — на всех табличках значится: «Дворец Ашшурбанипала, царя царей, царя страны Ашшур, которому бог Набу и богиня Гаслиста даровали чуткие уши и зоркие очи, чтобы разыскивать творения писателей моего царства». Некоторые таблички имели надпись, содержащую предупреждение о каре богов за их хищение.

Библиотека занимала специальные роскошно отделанные помещения двух дворцов Ашшурбанипала, один из которых назывался «Дом наставлений и советов». Библиотека содержалась в образцовом порядке. Благодаря наличию каталога, системы хранения исследователи смогли соединить разрозненные таблички

одних и тех же произведений, кусочки разбившихся. Таблички каждого произведения хранились в отдельном деревянном ящике или глиняном ларе. Размещались они в систематическом порядке по рубрикам: грамматика, история, право, законы, обычаи, знания о природе (о животных, минералах), география, математика, астрономия, магия, догмы, религия, легенды и сказания. Поскольку в ту эпоху наука тесно переплеталась с магией, верой в чудеса, большую часть фонда библиотеки составляли культовые, заговорные и ритуальные тексты.

Раздел грамматики состоял из учебников клинописи, словарей. Летописи ассирийских царей, официальные документы, исторические трактаты составляли отдел истории. Значительным был массив законодательных и правовых материалов. Колорит эпохи своеобразно воссоздают географические сочинения, среди которых словари названий стран, городов, каналов, рек, гор, храмовых башен, городских стен (каждое название во многих словарях приводится на шумерийском и ассирийском языках), характеристики покоренных городов с указанием размера дани, которую они должны были выплачивать; путеводители, перечни населенных пунктов с указанием расстояния между ними для купцов, военных, послов, чиновников.

Обширен перечень математических работ: таблицы умножения (от 1 до 180 тысяч), деления, таблицы для возведения в степень и извлечения квадратного и кубического корня, сборники задач, земельные карты. Наличие табличек с текстами по астрономии — отражение повышенного интереса к этой науке, необходимой для эксплуатации ирригационных систем, кораблевождения, ориентации по звездам при переходе через пустыни. Сочинения по астрономии — в большинстве копии более древних книг, составленных за тысячу с лишним лет до основания библиотеки Ашшурбанипалом.

Медицинская литература была представлена лечебниками с перечнем болезней, рецептов, способов приготовления лекарств. В литературном разделе — таблички с легендами, сказаниями, мифами. Ведущее место принадлежит эпосу о Гильгамеше.

Фонд библиотеки, как сообщалось, в конечном итоге достиг десятков тысяч экземпляров. Но с наступлением периода, когда Ассирийская империя более не представляла собой силы на Древнем Востоке, дни глиняной таблички были сочтены. После падения этой империи наше внимание должно обратиться к Греции.

Греческий географ Страбон писал, что, насколько ему известно, «Аристотель был первым человеком, который собирал книги и научил египетских фараонов организации библиотек». Но следует заметить, что Страбон писал это спустя примерно 500 лет после смерти выдающегося философа, поэтому его слова необходимо воспринимать со значительной долей скептицизма. Все же греческое влияние на развитие библиотек в Египте, как мы увидим, было очень сильным.

Библиотеки Древней Греции и Рима. Первые крупные библиотеки мира, как и первые крупные собрания письменной литературы, были порождением греческого гения, хотя даже и в Греции до V в. до н.э. фактически не было читающей публики. И до этого времени, и, несомненно, в течение многих лет после народных массы узнавали о своем духовном наследии из уст странствующих певцов и сказителей. Общественные писцы составляли письма для отправителей и читали их получателям, а гонцы были «почтовой системой» того времени.

В Греции появилось само слово «библиотека». Самые ранние данные об античных библиотеках относятся ко второй половине второго тысячелетия до н.э. Одна из древнейших библиотек находилась при известной школе натурфилософии Пифагора. Богатую библиотеку имел правитель острова Самос Поликрат.

К концу V в. до н.э. («золотого века Перикла») в Греции было изобилие книг, хотя лишь во времена Аристотеля греческий мир перешел от устного обучения к практике чтения.

Потребность в книгах была велика. В V в. до н.э. в Афинах уже существовали книжные лавки, владельцы которых не только продавали рукописи, но и изготовляли их по заказам. Греческий

ученый Демофил создал труд «О книгах достойных приобретения» — своего рода рекомендательный библиографический указатель.

В Афинах, по-видимому, имелись многочисленные собрания книг, и, несомненно, некоторые из них были открыты для ученых того времени. Первая публичная библиотека в Афинах была основана в 330 г. до н.э. Ее построили, чтобы там можно было читать подлинные тексты великих греческих драматургов Эсхила, Софокла и Еврипида, чьи трагедии пользовались огромной популярностью, но были доступны публике только в очень неточных копиях. По словам историка Полибия, к III в. до н.э. в Афинах было так много библиотек, публичных и частных, что сицилийский историк Тимей потратил 50 лет, занимаясь в них научными исследованиями.

Но наиболее значительная библиотека Древней Греции была создана не в Афинах, а на территории Египта. Александр Македонский решил воздвигнуть в устье Нила крупный город, который мог бы соперничать с Афинами как средоточие культуры, но не дожидаясь до того, чтобы увидеть свой замысел реализованным. Тем не менее Александрия стала важным центром учености в царствование Птолемеев.

Птолемей I Сотер, действуя, предположительно, по совету ученого, государственного и политического деятеля Димитрия из Фалерома, соорудил великолепное здание вблизи царского дворца в аристократической части Александрии, известной под названием Брухиум. Это здание должно было использоваться как музей, библиотека и академия. В нем были сосредоточены не только книги, но также ботанические и зоологические образцы, различные произведения материальной культуры и искусства. Димитрию принадлежал план организации в нем лицеза в духе идеала Аристотеля, и именно Димитрию обычно приписывается развитие библиотеки. Библиотека по своему происхождению в такой же мере была восточной, как и греческой и вела свое происхождение от Птолемея и его воспоминаний о библиотечных учреждениях Востока. Таким образом, библиотека была

плодом трудов и Птолемея, и Димитрия, выступавших, соответственно, в роли инициатора и исполнителя.

Однако лишь в период правления Птолемея II (Птолемея Филадельфа) Александрийская библиотека достигла своего величия. Усердие, с которым Птолемей собирал книги, как сообщалось, было поразительным. Всякий раз, когда торговое судно возвращалось в гавань, делался досмотр для проверки наличия в грузе рукописей; когда рукописи обнаруживали, оригинал сдавался в библиотеку, а владельцу возвращалась точная копия. Во время голода в Афинах Птолемей согласился продавать грекам хлеб за официальные государственные экземпляры пьес греческих драматургов, за которые внес залог в золоте, гарантирующий их возврат. Но он пожертвовал залогом и возвратил в Афины копии, оставив оригиналы в Александрии. В Александрийской библиотеке были сосредоточены не только греческие рукописи, но и тексты на эфиопском, персидском, древнееврейском языках и на хинди. К работе с рукописями привлекались ученые, получавшие щедрое жалованье; они были призваны обеспечить точность копирования и не жалеть трудов, чтобы превратить библиотеку в «триумф древнего мира», как ее называли.

Пост библиотекаря в разное время занимали греческий филолог Зенодот Эфесский, ученый и поэт Аполлоний Родосский, поэт и ученый Каллимах, математик и географ Эратосфен из Кирен, филолог Аристофан из Византии. У библиотекаря было много помощников, обязанности каждого из которых были четко определены. Один осуществлял учет новых рукописей, другие разбирали и просматривали манускрипты, снимали копии с сочинений, которые невозможно было купить, следили за порядком, оберегали рукописи от моли и сырости.

Рукописи хранились в шкафах с горизонтальными полками, закрывающимися двухстворчатыми дверцами. Залы с книгами были украшены скульптурами, статуями, портретами писателей и ученых. К ним примыкали помещения для переписывания, сортировки рукописей, комнаты для помощников библиотекарей.

В 310–240 гг. до н.э. в Александрийской библиотеке работал Каллимах — ученый, поэт, автор 800 сочинений по истории, грамматике, поэзии. На должность библиотекаря он был приглашен Птолемеем I. Главным трудом, обессмертившим имя Каллимаха, стала работа библиографической тематики. Он создал знаменитые «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания и того, что они написали, в 120 книгах». Около 1/8 части фонда Александрийской библиотеки было отражено в «Таблицах», которые одновременно являлись и систематическим каталогом, и библиографическим указателем. Этот труд не дошел до нашего времени. Но сохранилась работа сотрудника той же библиотеки грамматика Аристофана из Византии «О таблицах Каллимаха».

Коллекция выросла до такого размера, что в храме Юпитера Сераписа была создана вторая библиотека (хотя первая имела гораздо более важное значение). К несчастью, в 47 г. до н.э. она погибла от пожара, вспыхнувшего в результате уличных сражений, когда город захватил Юлий Цезарь. И тогда главной библиотекой стал Серапиум. Одна из версий этой истории гласит, что, когда легионеры Цезаря попытались забрать книги из библиотеки, жители Александрии подожгли суда, стоявшие в гавани, чтобы воспрепятствовать вывозу книг, и пламя с горящих судов перекинулось на город и библиотеку.

Полагают, что Клеопатра с целью снискать расположение великого Цезаря передала книги из Александрийской в Пергамскую библиотеку. Считается, что одно время египтяне наложили эмбарго на вывоз папируса, чтобы воспрепятствовать росту конкурирующего собрания. Едва ли можно сомневаться, что Александриана, как ее называли, была крупнейшей библиотекой своей эпохи, и должно было пройти много веков, прежде чем появилась равная ей по размеру библиотека. Но сколько свитков содержалось в ней, никто не знает: называют цифры до миллиона. Имеются также различные версии истории ее разрушения. Согласно одной из них, Александриана была уничтожена по приказу патриарха Феофила в 391 г. до н.э., согласно

другой — сожжена в 646 г. н.э. во время нашествия мусульманского завоевателя Амира, действовавшего по указанию Омара.

Логика арабов заключалась приблизительно в следующем: «Если бы Александрийская библиотека содержала книги, враждебные Корану, она должна была быть уничтожена».

Если бы Александрийская библиотека содержала книги, согласные с учением Корана, то в них не было бы необходимости, и она должна была бы быть уничтоженной.

Книги в Александрийской библиотеке были или враждебны учению Корана, или согласны с этим учением.

Следовательно, Александрийская библиотека должна быть уничтожена».

Дж. У. Томпсон в своем трактате об истории древних библиотек указывает, что ранние христиане были столь же фанатичны, как мусульмане, и в равной мере способны отдать приказ об уничтожении библиотеки [5, с. 21]. По-видимому, в течение столетий она подвергалась многочисленным хищениям и разграблениям, пока оставшиеся книги в конце концов не рассеялись и не растерялись. Теперь можно лишь строить предположения о знаниях древнего мира, которые погибли с уничтожением библиотеки, или о богатствах эллинистической культуры, которыми мы уже никогда не сможем воспользоваться.

В Пергаме (северо-западном районе Малой Азии) Эвмен II воздвиг неподалеку от храма Афины вторую крупнейшую библиотеку классической древности, хотя нам известно о ней лишь благодаря исследованиям археологов XIX в. Обнаруженные остатки здания библиотеки помогли идентифицировать и другие сохранившиеся структурные элементы библиотеки, но о книгах, которые содержались в ней, мы можем только строить догадки. Здание имело открытый дворик с двухэтажным портиком и четырьмя примыкающими к нему помещениями, что указывает на древность архитектурной концепции библиотеки, построенной вокруг открытого пространства (практика, сильно выраженная даже в настоящее время).

Помещение, занимаемое библиотекой, делилось на книгохранилище, в мраморных стенах которого находились выложенные кедром (считалось, что кедр защищает рукописи от насекомых) ниши для книг, большой и малый читальные залы. В штате числились переписчики, переводчики, работники, следившие за сохранностью рукописей. При библиотеке существовала школа грамматиков Кратеса из Маллоса (II в. до н.э.), составителя каталога фонда библиотеки. Римский писатель и историк Светоний утверждает, что Кратес из Маллоса способствовал появлению библиотек в Риме и, возможно, обучал римлян каталогизации. Принято считать, что библиотека закончила свое существование, когда Антоний передал ее фонды Клеопатре, чтобы обогатить Александриану.

Римская культура выросла из греческой. Фактически на раннем этапе развития она была почти точной копией эллинистической культуры. В течение первых 500 лет своей истории Рим не имел библиотек и почти не имел письменной литературы. Римляне были в сущности своей практическими людьми, интересовавшимися сельским хозяйством и торговлей. Когда примерно во время Пунической войны (218–201 гг. до н.э.) начала создаваться письменная история Рима, она писалась на греческом языке; только позже она была переведена на латинский. Не следует преуменьшать вклад в мировую литературу таких римских авторов, как Вергилий, Гораций, Овидий. Римляне создавали обширную литературу. Но что касается библиотечных дел, таких как формирование и организация фондов, едва ли можно сказать, что римляне внесли в них что-то новое.

Считается, что приток книг в Рим начался с разгрома Луцием Эмилием Павлом македонского царя Персея при Пинде. С той поры книги постоянно становились добычей римских завоевателей по мере того, как они расширяли границы своей империи; но скорее всего не сами римляне, а проживавшие в Риме греки пользовались теми возможностями для ученых занятий, которые открывали эти поступления в книжные собрания Рима. Все же библиотека Аристотеля, которая досталась Сулле, когда он

захватил Афины во время первой войны Митридата в 88–85 гг. до н.э., намного превосходила по своему значению все остальные награбленные библиотеки.

История библиотеки Аристотеля, рассказанная Страбоном, представляет собой выразительный пример превратностей судьбы, которые преследовали библиотеки Древнего мира. После кончины Аристотеля его книжное собрание досталось по завещанию его любимому ученику Теофрасту, который в течение 35 лет продолжал руководить перипатетической школой своего учителя. После смерти Теофраста в 287 г. до н.э. книги перешли к его ученику Нилю, который впоследствии спрятал их в подвале, чтобы воспрепятствовать вывозу в библиотеку Пергама. Там они находились более 150 лет, подвергаемые действию сырости и вредителей, пока в 100 г. до н.э. не были проданы богатому жителю Афин Апелликону из Теоса. Новый владелец приказал реставрировать книги, которые сильно пострадали от долгого пребывания в подвале. Но вскоре после смерти Апелликона Афины захватил Сулла и эти сокровища были переправлены в императорский дворец в Риме. Два библиотекаря — Тираннинон, ученый друг Цицерона, и Андроник Родосский — продолжали реставрацию рукописей и систематизировали их по тематике. Тот факт, что Страбон был учеником Тираннинона, по-видимому, свидетельствует о подлинности этой истории.

Первая «публичная библиотека» в Древнем Риме была создана вскоре после 37 г. до н.э. в Артиум Либертатис. Ее основателем был Гай Азиний Поллион, который отказался от политической деятельности, чтобы стать покровителем искусств и литературы, второстепенным драматургом, историком и оратором. В юности он был другом поэта Катутла и обучался в Афинах. Основу фонда составили материалы из библиотек Суллы и Варрона, что вновь показывает, что рукописи кочевали от владельца к владельцу, почему столь трудно написать историю отдельной библиотеки. Идея публичной библиотеки принадлежала, однако, не Асинию Поллиону, а Юлию Цезарю, хотя его замысел и был реализован лишь в 33 г. до н.э., когда император Август

основал Октавианскую библиотеку, вслед за которой (в 28 г. до н.э.) была создана Библиотека Палатина.

Крупнейшей и самой знаменитой библиотекой Рима, единственной, которую можно поставить в один ряд с Александрийской и Пергамской библиотеками, была Библиотека Ульпиана, основанная императором Траяном. Она состояла из двух помещений: одного — для греческих, другого — для римских книг. Последующие римские императоры создавали публичные библиотеки, но многие из них, включая и только что упомянутые, были уничтожены пожарами, которые время от времени охватывали город. Важно также помнить, что термин «публичная библиотека» в древности не означал того, что понимается под ним сегодня. Эти библиотеки создавались для ученых, которые и пользовались их богатствами, но едва ли они были доступны для «человека с улицы» (впрочем, ему до них было мало дела). Публичная библиотека в современном смысле возникла лишь в XIX в.

При римском императоре Клавдии, заложившем основы бюрократического аппарата империи, в Риме создается центральное управление императорскими библиотеками с особым чиновником во главе — прокуратором. Прокураторами, как правило, назначались люди образованные. Должность эта хорошо оплачивалась. Подсобный персонал библиотек состоял из государственных или императорских рабов, специально подготовленных для библиотечной работы. В конце II — начале III в. появился специальный чиновник, который занимался хозяйственными нуждами библиотеки. Было создано единое управление библиотеками и единый центр использования подсобного библиотечного персонала.

Благодаря главе о библиотеках из книги М. Варрона «О государстве» и одному из разделов 10-томного сочинения архитектора Витрувия (I в. до н.э.), можно представить, как выглядели библиотеки Древнего Рима.

Обычно библиотеки размещались в портиках — крытых галереях больших мраморных построек вблизи храмов, при термах (общественные бани), или во дворцах и храмах. Главным

фасадом библиотеки были обращены на восток. Римский архитектор Витрувий объясняет это двумя причинами: во-первых, тем, что в библиотеках занимались утром в самое светлое время суток, и, во-вторых, таким расположением построек преграждался путь вредным для рукописей влажным ветрам с юга и запада. В противопожарных целях книгохранилища отделялись от других помещений большим коридором. Читальный зал обычно в форме прямоугольника или полукруга украшали бюстами и статуями богов, портретами великих людей, писателей. Скульптуры занимали специальные ниши, чтобы ничто не мешало чтению. Пол в читальном зале был из темного мрамора, потолки без позолоты, чтобы не раздражать глаза. Шкафы с книгами размещались вдоль стен, иногда в середине зала. В больших библиотеках шкафы не нумеровались. Полки в шкафах делились вертикальными перегородками на гнезда для свитков и пергаментных книг, которые хранились горизонтально в систематическом порядке. Библиотеки располагали каталогами.

Читатели — поэты, ученые, чиновники, знатные и богатые граждане — предпочитали изучать рукописи в читальных залах библиотек, несмотря на возможность получать книги на дом. Имелись пособия по комплектованию библиотек. Ученый Герений Филон создал сочинение в 12 частях «О приобретении и отборе книг», грамматик Телефос из Пергама — «Три книги о знании книг, в которых указывается, какие книги достойны приобретения».

В золотой век латинской литературы от I в. до н.э. в Риме было много частных библиотек, которые состоятельные люди и видные политические деятели создавали в своих роскошных поместьях. Собираательство книг наряду с покровительством наукам и искусствам стало символом престижа и богатства. Частные библиотеки были доступны и ученым, многие из которых располагали собственными библиотеками. В одном из многочисленных писем Цицерона Аттику говорится, что Цицерон купил новую виллу — их было у него 18 в различных частях Италии — и Аттик должен был послать своего библиотекаря, чтобы

перестроить и организовать библиотеку, реставрировать поврежденные рукописи и каталогизировать фонд. Многие римские библиотеки содержали рукописные собрания, насчитывающие тысячи свитков, и почти в каждой вилле, каждом поместье имелась собственная библиотека. Эти библиотеки были настолько многочисленными, что в конце концов римское законодательство стало предусматривать их передачу по наследству. Римская империя в апогее своего могущества представляла собой громадный комплекс общин, которые ранее были самостоятельными городами — государствами; многие из них имели собственные «публичные библиотеки». Топографическая съемка Рима в начале IV в. показала, что там существовало не менее 28 библиотек. Но уже к концу столетия начался упадок римского могущества: слабые правители оказались неспособны удержать империю от распада, и последний римский историк Марселлин писал, что библиотеки были «закрыты, подобно могилам».

Таким образом, библиотеки древнейших цивилизаций и государств — хранительницы научных и культурных достижений народов способствовали взаимообогащению культур различных стран, преемственности в развитии наук, литератур. И в наше время сохранившиеся сведения о библиотеках древности, их фондах нередко служат основой для новых научных открытий.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Что представляли собой библиотеки Древнего мира?
2. Чем отличались «дома мудрости», «дома жизни» от библиотек в современном понимании? в чем их специфика?
3. Что вы знаете о библиотеках эллинистического мира (Александрийской, Пергамской)?
4. Какие виды библиотек появились в Древнем мире?
5. Какие материальные носители информации использовались?

Литература

1. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. 2-е изд., доп. СПб., 2004. С. 17–36.
2. Глухов А.И. Из глубины веков : очерки о древних библиотеках мира / А.И. Глухов. М., 1971. 112 с.
3. Глухов А.И. Звучат лишь письмена: судьбы древних библиотек / А.И. Глухов. М., 1981. 207 с.
4. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом : учебник для библ. фак. ин-тов культуры / О.И. Талалакина. М., 1982.
5. Шира Д. Введение в библиотековедение / Д. Шира. М., 1983.

§ 2 Библиотеки Средневековья и эпохи Возрождения

Упадок науки в Римской империи начался еще до вторжения с севера варваров. Первые христианские фанатики одновременно ненавидели классическую ученость и боялись ее из-за языческого происхождения. К VII в. н.э. греческий язык стал практически мертвым языком. Классическая наука сохранялась усилиями нехристианской знати до тех пор, пока первоначальный фанатизм не ослабел настолько, что церковь смогла породить таких людей, как Кассиодор; он и ему подобные чтили ученость и делали монастыри и соборные школы местом ее средоточия. Мир науки находится в огромном долгу перед аристократами-нехристианами, ибо, хотя язычество и отмерло к V в., появились такие деятели христианства, как Сидоний Аполлинарий и другие, подобные ему епископы, которые были в душе гуманистами и достаточно преданными образованию людьми, чтобы противостоять фанатикам.

В Восточной Римской империи переход от Древнего мира к Средневековью был менее резким и в меньшей мере представлял собой закат классического образования, чем на Западе. Когда в 330 г. н.э. был основан Константинополь, император Константин предпринял шаги, чтобы создать в своей новой столице на Босфоре библиотеку. Но это было не очень крупное собрание. По-видимому, его больше интересовало создание хорошей библиотеки для своей огромной церкви, чем императорская библиотека. Сын Константина и последующие императоры проявили к императорской библиотеке больше интереса, чем ее основатель, и со временем она превратилась в значительное собрание книг, куда приглашали ученых для переписывания рукописей и общего поддержания фондов на высоком уровне.

К 475 г. в библиотеке было уже 120 тысяч текстов, среди которых списки поэм Гомера, написанные на змеиной коже золотыми буквами. К 477 г., когда во время восстания в Константинополе библиотека была уничтожена пожаром, ее фонд, как сообщалось, насчитывал более 100 тысяч свитков. Император Зенон, однако, восстановил библиотеку, и через несколько лет она вновь была в прекрасном состоянии. Следует упомянуть еще 2 крупные библиотеки того времени. Первая из них принадлежала Академии и просуществовала несколько столетий; после ее упадка на смену ей пришла библиотека университета в Константинополе. Университет, основанный около 850 г., стал одним из главных центров образования на Ближнем Востоке и, имея крупную библиотеку, играл важную роль в Византийском Возрождении XI в. Третья крупная библиотека в Константинополе принадлежала патриархам, считавшимся главами Восточной церкви. В империи имелись и другие церковные библиотеки, модель для которых в значительной мере была создана епископом Феодором из Студийского монастыря под Константинополем. Примерно в 825 г. Феодор организовал в Студии библиотеку и скрипторий для переписки рукописей, а также школу для обучения духовенства. Это была типичная монастырская библиотека позднего Средневековья.

К началу XIII в. слава Византии, которая за века своего существования пережила столь много войн — внешних и внутренних — медленно угасала. По некоторым сведениям, крестоносцы нанесли библиотекам и произведениям искусства больший ущерб, чем турки во время своих вторжений два века спустя. В 1204 г. они взяли штурмом город и ограбили его, волокли на копьях через город письменные принадлежности, уничтожали книги. Но значение Константинополя в истории западной цивилизации велико, ибо в эпоху Средневековья он сохранил массу произведений греческой литературы и искусства, утраченных в то время для Запада. Движение рукописей на Запад началось еще до 1200 г., но после падения Византийской империи книги стали важнейшим предметом торговли с Западной Европы.

Таким образом, можно сказать, что истоки Ренессанса фактически находились в Византии.

Однако в период Средневековья Константинополь был не единственным центром культуры Восточного Средиземноморья. В начале VII в. религия ислама охватила большую часть арабского мира, от Персии до Марокко. За восемь столетий арабы развили военную мощь и письменную культуру, которые поставили их в один ряд с восточными христианами в деле сохранения образованности. На распространение образования в арабском мире повлияли два фактора. Первый заключался в формировании литературного арабского языка, пригодного и для религиозной, и для светской письменности, что привело к переходу от преимущественно устной системы коммуникации к письменной литературе. Вторым фактором явилось появление бумаги из Китая, которую исламский мир заимствовал около 800 г. Технология производства бумаги быстро распространилась по Средиземноморью, достигнув Испании приблизительно в 950 г. Трудно переоценить значение этого перехода от устной системы коммуникаций к письменной одновременно с созданием легко доступного материала для письма. В истории человечества мало найдется периодов, когда бы книги были в таком почете среди зажиточных слоев населения, как в то время.

В Дамаске, первом центре мусульманского мира, династия Омейядов основала в VII в. Королевскую библиотеку, в которую стекалось большое количество как светской, так и религиозной литературы; труды по праву, медицине и наукам или брались на время для копирования, или приобретались. Библиотека служила также государственным официальным архивом, хотя позже он и был отделен от нее. Более того, арабы обнаружили в Персии крупный центр греческой культуры, созданный христианами-несторианами, когда они к концу V в. были вытеснены из Сирии императором Зеноном. Мусульмане переводили эти классические произведения на арабский язык, и примерно к 750 г. большая часть сохранившейся греческой литературы подверглась такого рода обработке.

Однако наибольшего расцвета мусульманская наука достигла во время правления Аббасидов, или халифов (с 750 по 1258 г.). Халифы сделали Багдад столицей мусульманского мира и основали в нем большой университет, особая заслуга в создании которого принадлежит Харуну ар-Рашиду, известному по сказкам сборника «Тысяча и одна ночь». Этот университет с его библиотеками и лабораториями достиг особо высокого уровня развития в период правления аль-Мауна Великого (813–833). Весьма большое значение придавалось наукам. Поиски соответствующих материалов велись во множестве библиотек, от Испании до Индии. Библиотеки Багдада были открыты для всех ученых независимо от направления их деятельности и к X в. служили образцом для всего исламского мира. Существовали библиотеки, именуемые «Домами мудрости», «Домами науки», функционировали библиотеки при школах (медресе), мечетях, мавзолеях, больницах, обсерваториях. Такие библиотеки называли присоединенными.

«Дома мудрости» возникают сразу же после образования Арабского халифата. Они основывались и содержались на средства халифов и размещались обычно во дворцах правителей. Читателями их были ученые, поэты, правоведы, которых халифы приглашали на службу ко двору. Они должны были изучать Коран (знание Корана — обязанность каждого жителя халифата), арабский язык, ставший одновременно языком мусульманской религии и языком науки народов Арабского халифата, создавать новые поэтические и научные работы.

С конца IX в. широкое распространение получили «Дома науки», в которых хранение книг, обслуживание читателей сочеталось с преподаванием и обучением. Географ Якут аль-Хамави, который посетил Мадрид в 1228 г., писал, что к услугам населения было около 20 библиотек, а правила книговыдачи были настолько либеральны, что ему разрешили взять на дом одновременно 200 томов. Повсюду в мусульманском мире библиотеки по своей численности и богатству фондов намного превосходили все, что мог предложить христианский мир Запада. Мусульманское

влияние простиралось на запад вплоть до Испании, где в Кордове, Севилье, Толедо и других городах сформировались библиотеки и центры мусульманской культуры и науки.

Библиотека в Кордове насчитывала 400 тысяч книг. Ее каталог, в котором указываются только заглавия и имена авторов, составляет 44 тома по 50 листов в каждом. У эмира была целая сеть агентов, которые отыскивали книги во всем мусульманском мире и пересылали их в Кордову. Многочисленный штат писцов под наблюдением важного придворного сановника умножал богатства библиотеки. В передней Азии славилась также библиотека «Дом мудрости» правителя Адуд ад-Даула. Ею ведали управляющий, библиотекарь и инспектор. В ней были собраны все известные к тому времени книги. Библиотека занимала длинный сводчатый зал с многочисленными пристроенными боковыми помещениями и большой вестибюль. Вдоль стен зала и боковых помещений стояли шкафы из дерева с дверцами, открывающимися сверху вниз. Книги каждой отрасли знания занимали отдельный шкаф. Допускались в библиотеку только именитые граждане. Многие ученые, поэты, чиновники для работы в библиотеке приезжали из разных городов халифата. При этом библиотекари очень заботились о приезжих читателях, обеспечивая их питанием и жильем.

Важной особенностью мусульманских библиотек помимо их распространенности была широта знаний, отраженных в их фондах. Хотя библиотекари и вдохновлялись религиозным рвением, оно не затмевало и не ограничивало их любви к учености, и в этом своем либерализме они были гораздо терпимее к неортодоксальным мнениям, чем их христианские коллеги и современники.

Даже с точки зрения теперешнего уровня библиотечного дела библиотеки мусульманской эпохи были удивительно современны. Хотя религии, разумеется, придавалось первостепенное значение, фонды библиотек отражали все области документированных знаний: поэзию, беллетристику, медицину, право, астрономию, алхимию, магию, философию, математику, ораторское

искусство, различные учебники и прописи. Основной формой книги был кодекс, хотя имелось много свитков папируса и пергамента. Фонды библиотек, очевидно, организованы по предметному признаку, и в самых больших библиотеках читальные залы распределялись по отраслям знания. Каталоги создавались в форме больших книг, достигая в размерах от 30 до 50 томов, и книги в них перечислялись в предметном порядке. Развивалось искусство переплета, каллиграфии, иллюминирования, и образцы этого высочайшего мастерства чаще всего обнаруживались в частных библиотеках состоятельных людей. Эти библиотеки тоже нередко были открыты для ученых.

Самым большим фондом в конце XI в. располагала просуществовавшая 30 лет библиотека «Дома науки» в Триполи. В ней хранилось более 3 миллионов книг, в том числе 50 тысяч экземпляров Корана, работали 180 сотрудников. Погибла она от пожара во время нашествия крестоносцев на побережье Сирии.

К сожалению, исламские библиотеки постигла та же участь, что и библиотеки Средиземноморья. Они погибали не только в результате многочисленных войн, но и вследствие того, что начиная с XII в. произошло снижение интереса к знанию, хотя в Северной Африке и Испании ученость сохраняла свои позиции еще в течение двух столетий.

В XI в. почти все школы (медресе), мавзолеи и больницы имели библиотеки. Известной для своего времени была библиотека медресе Мустансирийя (с 1233 г.). В ее фонде были собраны наиболее известные в то время книги по религии, точным наукам, грамматике, поэзии, литературе. Штат Мустансирийи состоял из директора, библиотекаря, помощника библиотекаря, подносчика книг. Читатели — профессора, студенты, которые здесь же слушали лекции. Профессора, студенты, сотрудники библиотеки обеспечивались питанием и ежемесячной стипендией.

Вина за самый крупный ущерб библиотекам падает на христиан-крестоносцев XI–XIII вв. В Сирии, Палестине и некоторых районах Северной Африки христиане были такими же

разрушителями библиотек, какими были варварские орды, которые столетиями раньше вторглись в Италию. Не было пощады библиотекам и во время нашествия монголов под предводительством Чингисхана в XIII в. Хотя монголы недолго господствовали в исламском мире (их отбросили назад в 1260 г.), они нанесли такие раны поработанной культуре, что та уже никогда полностью не восстановилась. Попытки возрождения делались в Багдаде в начале XIV в., но его культура была отброшена назад в результате нашествия Тамерлана в 1393 г. Исламская культура могла бы оказать гораздо большее влияние на западную цивилизацию и Ренессанс, если бы она не подвергалась такому полному разрушению. Тем не менее мусульманский мир, чье влияние шло в основном через Испанию, по своему значению (как предтечи Ренессанса) стоит, пожалуй, наравне с Константинополем. И хотя крестоносцы разрушили многие мусульманские библиотеки, они же оказались связующим звеном между Западной Европой и Восточным Средиземноморьем.

Прежде чем рассматривать библиотеки на Средневековом Западе, остановимся на библиотеках Китая, более ранних по периоду возникновения и более длительных по периоду существования.

В Китае были широко распространены монастырские библиотеки. Основу их фондов составляла буддийская литература, но имелись также сочинения по медицине, математике, астрономии, пособия для изучения иероглифов. Работа библиотек строилась на основе ряда общепринятых для того времени правил. Сохранившиеся описи фондов содержат сведения о названиях, именах авторов или переводчиков, количестве свитков каждого произведения. Книги имели шифры, которые присваивались единице хранения (связка или комплект из 10 свитков). Шифром становился порядковый номер на полке (проставлялся на ярлыке, прикрепляемом к футляру связки и на обложке каждого свитка). Составлялись описи пропавших книг, описи с пометками о степени сохранности рукописей. Специальные лица занимались восстановлением утраченных книг.

Пополнялись библиотеки за счет переписывания, пожертвований, передачи книг из одного монастыря в другой. Книги можно было купить. Одним из крупнейших книжных рынков в Китае был монастырь Сянго.

В Китае были богатые дворцовые книгохранилища, в которых велась литературная работа по комментированию, подготовке к изданию классических произведений древности, составлению описаний отдельных местностей империи.

Особый интерес к собиранию древних трудов проявляли Суйские и Танские императоры. Доставлявший в императорскую библиотеку свитки, содержащие классические произведения или их фрагменты, вознаграждался шелком. Специалисты восстанавливали плохо сохранившиеся тексты или переписывали их на бумаге. Китайские библиотеки имели сотни тысяч рукописей, ксилографические издания. Печатание с помощью резных досок (ксилография) начиная с VIII в. стало в Китае обычным. Это способствовало снижению цен на книги и их широкому распространению.

После варварских нашествий с Севера и окончательного упадка и крушения Римской империи по всей Западной Европе воцарились мрачные времена. Средние века представляют собой период, особенно трудный для нашего понимания, так как в культурном отношении мы гораздо ближе Древней Греции и особенно Риму, чем мрачному Средневековью. Средневековый мир сравнивают с огромным туннелем, в котором с одного конца вошла апостольская церковь, а с другого появилась римско-католическая церковь, и никто толком не знает, что же происходило внутри него. Феодалное общество породило новую феодальную культуру. Наука, искусство, литература постепенно приобретают черты, резко отличные от тех, которые были свойственны античной рабовладельческой культуре. Интеллигенцию этого нового общества представляло духовенство.

Основным видом литературного творчества на многие столетия оставались жития святых, основным видом исторического произведения — монастырские хроники. Вместо городов

центрами культуры становятся монастыри, которым удалось сбечь для современной культуры значительную часть литературного наследия древности.

Монастырь без книг — замок без оружия, гласит средневековая поговорка. Материалом для письма в Средние века служит главным образом пергамент, который в VII в. совершенно вытесняет папирус. Выделка пергамента достигла совершенства. Лучшим пергаментом считался выделанный из кожи неродившихся ягнят.

Писали каламусом и гусиными перьями (пенна). Особая кисть употреблялась для раскрашивания и золочения букв. Переписывание считалось спасительным и благоугодным делом. В одном из монастырей хранилась в качестве реликвии рука монаха, переписавшая не одну книгу; она считалась нетленной.

Никто не может точно сказать, когда именно из библиотеки классического мира возникла средневековая библиотека, но вероятно, первую в достаточной мере символизируют папирус и пергаментный свиток, а вторую — кодекс на пергаменте. Однако в течение нескольких столетий средневековая библиотека была весьма жалким явлением, уступая своей греко-римской предшественнице. Она представляла собой лишь немногим больше, чем скромное собрание ревностно охраняемых рукописей, старательно переписываемых монахами, которых зачастую назначали на эту работу в порядке наказания за нарушение монастырских правил. Эти собрания были настолько малы, что обычно хранились в сундуках. Те немногие книги, которые содержались в этих собраниях, в основном представляли собой копии библейских текстов, писания отцов церкви или требники, используемые в церковном ритуале. И все же, не выживи эти островки культуры, история западной культуры могла бы оказаться совершенно иной.

Известный теолог Фома Аквинский писал: «Настоящая сокровищница монастыря — библиотека, без нее он все равно, что кухня без котла, стол без яств, колодец без воды, речка без рыбы, плащ без другой одежды, сад без цветов, лоза без винограда, суд без часовых».

Мы привыкли представлять себе средневековый манускрипт как некое прекрасное творение, богато украшенное миниатюрами, золотом и красками, вроде «часословов», изготовливавшихся по заказу состоятельных людей. Но такие сокровища были редкостью; типичный же средневековый манускрипт являл собой в действительности очень унылую вещь, неряшливо переписанную монахами, работавшими в крайне неблагоприятных условиях. Когда пергамента не хватало, а монахов требовалось загрузить работой, старые тексты соскабливались и поверх них писались новые. Никто не в состоянии оценить масштабов того разрушения классических произведений, которое имело место в эти мрачные столетия европейской истории; во всяком случае ущерб должен был быть ошеломляющим, даже несмотря на миграцию книг на Восток. Историкам до сих пор неизвестно, как возникла предшественница Ватиканской библиотеки — Папская библиотека. Считается, что первоначально она относилась к Папскому архиву, хотя примерно до 700 г. мы не встречаем упоминания о должности библиотекаря.

Что касается истории библиотекарей, то первый значительной фигурой средневековья был Магнус Аврелий Кассиодор, который служил в качестве секретаря у Теодориха, остготского правителя Рима, и затем, после отхода от государственных дел, примерно в 550 г., основал монастырь в Виварии. Кассиодор использовал свою обширную личную библиотеку в качестве ядра монастырского собрания книг. Но еще важнее, чем создание самого монастыря, были сформулированные им правила и принципы управления монастырем, его библиотекой и скрипторием. Этот труд — «Духовные и мирские книжные учреждения» — содержит перечень книг, который можно рассматривать как первый трактат по отбору книг для библиотеки, соответствующей потребностям средневекового ученого. Кассиодору также приписывается заслуга введения умственных занятий в жизнь монастыря; вместе со своим современником Боэтием он явился инициатором классического образования в Западной Европе.

Современником Кассиодора был святой Бенедикт, трудившийся в монастыре в Монте Касино, основанном в 529 г. Из стен монастыря вышло много миссионеров, основавших монастыри и учебные заведения по всей Западной Европе. Еще большую роль, чем монастыри в Виварии и Монте Касино, сыграли в этой деятельности миссионеры, прибывшие в Северную Европу из Ирландии, которая была обращена в христианство святым Патриком в V в.

В Англии монастыри и их библиотеки были введены святым Августином, которого послал туда в 597 г. папа Григорий. Августин привез с собой небольшую коллекцию книг и библиотечные правила, составленные святым Бенедиктом. На этой основе была создана маленькая библиотека в Кентербери. В VII в. Бенедикт Бископ основал монастырь и библиотеку в Уирмуте. Рассказывают, что он совершил шесть путешествий в Рим, возвращаясь обратно с книгами для библиотек Уирмута и Джерроу. Примерно в то же время возникли и другие центры, сыгравшие существенную роль в росте монастырских библиотек: в Корби, во Франции (считается одной из лучших библиотек и скрипторием в Западной Европе), и в Боббио, в Северной Италии. Монастырь в Боббио возвысился в VII–VIII вв. В Германии святой Бонифаций в VIII в. основал монастырские библиотеки в Фульде, Хайденхайме и Фрицларе. Но несмотря на усилия нескольких религиозных деятелей, период с VI по IX в. не был временем активной библиотечной деятельности. Единственное исключение, может быть, составляла Испания, где открылся ряд монастырских библиотек. Наиболее крупной из них, пожалуй, была библиотека в Сивилье, где епископ Севильский Исидор собрал коллекцию по меньшей мере в несколько сот томов; многие из книг этой коллекции не носили религиозного характера. Исидор распределил книги таким образом: библии, отцы церкви, христианские поэты, современники Григория Великого, юристы. Выделены были книги по космографии, географии, грамматике, книги о животных и другие.

Эта библиотека пользовалась заслуженной славой из-за своих размеров и широты содержания. Над каждым шкафом с

книгами помещалось стихотворное послание к автору, а ко всему фонду было сочинено стихотворение, в котором, в частности, говорилось:

Здесь священные тексты соединены с другими достойными книгами;

Если вам нравятся поэты, читайте их, они к вашим услугам;

Луга мои полны шипов, но есть там и цветы;

Если вам не по сердцу шипы, пусть розы будут вашей долей;

Здесь и законы в томах благоговейно смотри;

Здесь хранится и новое и старое;

Читатель и болтуны не найдут согласия;

Поэтому праздной болтовне здесь не место!

Несомненно, монахи при всем своем благочестии были склонны к «праздной болтовне», но достойный епископ твердо намеревался не допускать ее в стены библиотеки.

В 782 г. в Тур прибыл ученый Ф.А. Алкуин, получивший образование в школе при Йоркском соборе (Англия) и приглашенный во Францию императором Карлом Великим, который сам глубоко интересовался наукой и образованием. В Туре Алкуин организовал школу и скрипторий и посылал в Англию за манускриптами в целях их копирования. Под влиянием Алкуина, ставшего епископом Турским, по всей империи Карла Великого создавались монастыри и библиотеки. У самого императора было две библиотеки: одна в Иль-Барб, другая в Аахене. Но это возрождение науки, известное под названием Каролингского Ренессанса, продолжалось недолго. Внук Карла Великого Карл Лысый, известный как первый царственный библиофил Средневековья, пригласил Дунса Скота в свою придворную школу для руководства учеными занятиями. Набеги скандинавов на Западную Европу положили конец этому преждевременному Ренессансу, и там вновь воцарился мрак.

Почти то же имело место в Англии, которую привели в состояние разрухи вторгшиеся датчане. Примерно тогда в Европу с Востока вторглись гунны и с юга — мусульмане. Монастырские библиотеки сумели пережить эти потрясения, но в течение всего

указанного периода средневековая библиотека как институциональная форма не сделала никакого прогресса.

На фонды библиотек составлялись каталоги, многие из которых сохранились. Библиотекари стали рассматривать каталог как своего рода справочное пособие, с помощью которого можно раскрыть состав фонда, отыскать книгу на полке. Появились сводные каталоги. Монахи-францисканцы Британских островов составили «Перечень книг Англии», содержащий сведения о книгах 183 монастырских библиотек. Иногда каталоги просто собирали вместе. Так, в монастыре Савиньи в 1210 г. имелось собрание каталогов монастырских библиотек Нормандии.

Уже с XIV в. в правилах для библиотек можно найти разрешение выносить книги из стен монастыря, а в каталогах поэтому заводятся специальные рубрики — «книги, не выпускаемые из монастыря».

Кафедральные школы, вырвавшие вокруг тех крупных церквей, которые являлись официальной резиденцией епископов и архиепископов, были своего рода университетами для подготовки духовенства и в меньшей мере даже мирян. Библиотеки этих школ возникли позже, чем библиотеки монастырей, и лучше финансировались, их фонды были крупнее, а содержание в меньшей степени ограничено религиозными рамками. Пожалуй, наиболее знаменитыми из них были библиотеки в Йорке, Кентерберии и Дареме (Англия), Нотр-Даме и Руане (Франция), Толедо и Барселоне (Испания). Однако в период позднего Средневековья церковь начала утрачивать монополию на умственную деятельность, и аристократия стала собирать библиотеки примерно так же, как это делала знать классической эпохи.

Предшественники университета, как и предшественники библиотек, много столетий назад представляли собой группки студентов, окружавших учителя и повсюду сопровождавших его, как в перипатетических школах. Примерно в XIII в. эти небольшие группы стали объединяться, образуя известные нам сегодня институты. Концепция учебного плана и ученых степеней как подтверждение академических успехов развивалась довольно

медленно. Таким образом, первые университеты были федерациями этих групп, объединявшими учеников и учителей; они во многом походили на цеха ремесленников, и сам термин университет происходит от латинского *universitas*, что значит любая организационная совокупность. Вполне возможно, что сама концепция университета, как она развивалась во Франции, Англии и Италии, пришла из мусульманской Испании. В этих первых университетах не было библиотек. Студенты и преподаватели приобретали книги каждый для себя.

Тогда даже не существовало выражения преподавать или слушать курс науки, а говорили, что преподаватель читает, а студент слушает какую-то книгу. Учащиеся должны были приходиться на лекцию с книгой. Университеты имели свои скриптории, отличающиеся большой рационализацией труда в сравнении с монастырскими и частными. При университетах также была организована торговля книгами.

Университеты были рассадниками образованности и одновременно центрами книжного производства. Здесь особенно были заинтересованы в размножении книг. Книготорговцы по старинным законам считались родственниками университета и приносили клятву подчиняться всем распоряжениям университетского начальства.

Перепиской книг ведали сами преподаватели. Студенты переписывали книги для себя. Университетские статусы весьма стесняли свободную торговлю. Цены на книги устанавливались университетом. За завышение цены полагался штраф.

Торговля книгами вокруг Парижского университета, например, была весьма выгодным делом, и городские власти приняли законодательство, упорядочивающее эту торговлю и гарантирующее студентам получение подлинных текстов. Обычай объединения студентов по признаку совместного проживания постепенно привел к идее «коллегиума» (отсюда пошла франц. «коллеж» и англ. «колледж»), и многие такие коллегиумы располагали небольшими собраниями книг, которыми пользовалась вся группа. В 1250 г. Робер де Сорбон сделал пожертвование на содержание

коллегиума (который сейчас носит его имя) в Парижском университете и передал ему свою собственную библиотеку вместе со средствами на ее пополнение. Фонд продолжал пополняться дальнейшими дарами, а в XIV в. и другие коллегиумы Парижского университета стали обзаводиться собственными библиотеками. Довольно сложная история у библиотеки Оксфордского университета. Огромным стимулом для ее развития явились книги, пожертвованные в 1350 г. Томасом Кобэмом, епископом Вустерским.

Самой примечательной частной библиотекой Англии была библиотека даремского епископа, воспитателя будущего короля Эдуарда III, государственного деятеля Ричарда де Бери. Предполагают, что на ее фонд из 1,5 тысяч томов был составлен каталог. С разрешения короля Ричард де Бери отыскивал книги в английских монастырях, церквях. Старые книги для него переписывались. В его распоряжении как епископа были художники-миниатюристы, переплетчики. Бывая с дипломатическими поручениями в Италии, Германии, Франции, он посещает книгохранилища, приобретает интересующие его работы. К розыску книг привлекает монахов нищенствующих орденов. Свою любовно созданную библиотеку Ричард де Бери решил отдать студентам Оксфордского университета, который он окончил и где некоторое время был хранителем библиотеки.

Его книжное собрание вместе с написанным небольшим практическим руководством «Филобиблионом» (Любокнижие) заняли почетное место в библиотеке Оксфордского университета.

Примерно такой же была история библиотеки Кембриджского университета: она выросла из маленьких собраний книг в отдельных колледжах, которые пополнялись за счет даров и завещаний.

Выдача книг из университетских библиотек была значительной. Правила библиотеки устанавливали порядок регистрации выдачи книг для чтения вне библиотеки, «чтобы нельзя было подменить одну рукопись другой той же внешности, но меньшей ценности». В ряде случаев библиотеки с учетом возможности

выдачи рукописей на дом делили фонд на две части. Такая практика наблюдалась в университетской библиотеке Кембриджа. Книги, предназначенные для чтения в библиотеке, были прикованы цепями к пюпитрам. В каталогах университетских библиотек (XIII–XIV вв. и позднее) нередко делались пометки: «Прикован». Это означало, что книга за пределы библиотеки не выдается.

В предисловиях к каталогам нередко объяснялось его назначение. Так, составитель первого каталога на фонд библиотеки Сорбонны (1289) отмечает, что, располагая численно большим фондом со множеством конволютов, рукописей с дефектными титульными листами, без каталога библиотека не могла бы раскрыть содержание своих богатств. И только каталог сообщал всем, изучающим науки, какие есть в библиотеке книги по предмету, какими авторами они написаны и какие имеют заглавия.

Без преувеличения можно сказать, что средневековые университеты оказались связующим звеном между поздним Средневековьем и тем периодом возврата классического образования, который стал известен как Возрождение. Из университетов и их библиотек, какими бы скромными они ни были, пришло то самое образование, что заложило фундамент Возрождения.

Итальянский ученый и гуманист Ф. Петрарка, который избрал Цицерона в качестве образца для подражания, представлял собой нечто большее, чем «утренняя звезда Ренессанса». Вместе со своим соотечественником Дж. Боккаччо он возвестил новую эру в развитии библиотек и оказал сильное влияние на Дж. Чосера и его эпоху. И Петрарка, и Боккаччо создали большие частные библиотеки и поощряли собирательство и чтение книг. Оба они отвернулись от Средневековья, целиком обратившись к классической древности. В 1362 г. Петрарка передал собственную библиотеку в базилику Сан-Марко в Венеции «для удобства умных и благородных людей, кои могут питать склонность к подобным вещам».

Однако своей вершины влияние Петрарки достигло в XV в., когда увлечение собирательством книг и идеями гуманизма

получило широкое распространение. Появились библиотеки и во Флоренции. Одна из них — библиотека Никколо Никколи, известного книголюбца, собирателя манускриптов, у которого постоянно работали писцы. Книги ему доставляли специальные уполномоченные из разных стран. Свою библиотеку он завещал Флоренции, но из-за долгов бывшего владельца ей грозила распродажа по частям. Спас собрание, расплатившись с кредиторами, богатый и образованный правитель Флоренции Козимо Медичи, который способствовал также открытию публичной библиотеки при монастыре Св. Марка. Пополнение фондов этой и других библиотек осуществлялось планомерно, на основе списка, составленного Томазо Парентучелли. Он считал, что все в библиотеке иметь невозможно, что собирать надо определенные сочинения. Правда, все перечисленные в списке труды приобрести для библиотеки монастыря Св. Марка не удалось. Козимо Медичи нанял 45 писцов, которые за 2 месяца переписали и богато украсили 200 книг. Библиотека получила прекрасное помещение. На весь фонд имелась опись.

Коллекция книг при его внуке Лоренцо Медичи превратилась в знаменитую библиотеку Лаурентину. И в других итальянских городах, помимо Венеции и Флоренции, знаменитые люди становились рьяными собирателями книг, и этот интерес сохранялся в продолжении всего XV в.

Однако самая крупная и влиятельная библиотека в XV в. была в Ватикане. Ватикан заново создал библиотеку, в свое время собранную авиньонскими папами и утраченную в период «великого раскола». Реальный толчок к созданию новой коллекции дал папа Николай V, который давно интересовался наукой и собирательством книг и с помощью своего библиотекаря Тортелли [3, с. 26] прочесывал все книжные аукционы Европы, с тем, чтобы вновь превратить Рим и Ватикан в важный центр библиотечного мира. Сикст IV продолжил работу Николая и сделал библиотеку доступной для всех желающих пользоваться ею для научной работы. Ватиканская библиотека по широте своего содержания была типичной библиотекой Возрождения,

на протяжении столетий она оставалась одной из крупнейших научных библиотек мира.

На Западе книгопечатание с помощью подвижных литер, предположительно изобретенное Иоганном Гутенбергом в Майнце около 1450 г., оказало громадное влияние на развитие библиотек. Оно разорвало многовековую связь между библиотекой и скрипторием — библиотека больше уже не была связана с выпуском книг. Более того, легкость массового производства книг даже в тот период, когда печатание было относительно трудоемким делом, настолько увеличила их выпуск, что отпала необходимость приковывать книги к столам или попитрам, как это часто приходилось делать в средние века, чтобы избежать хищений. Изменилась даже архитектура библиотек. Книги стали расставлять на полках вдоль галерей, окружавших внутренний дворик, куда свет проникал через застекленную крышу. В этом дворике помимо читательских столов имелось место и для экспонирования различных редкостей, что увеличивало связь библиотеки с музеем. Самое же важное — это то, что изобретение книгопечатания открыло мир книг гораздо более широкой аудитории, чем та, которая когда-либо прежде пользовалась ими. Монополия на образование, принадлежавшая только избранным, была разрушена, и это открыло путь к Реформации, подъему науки и Просвещению.

Можно сказать, что Реформация началась 31 октября 1517 г., когда Мартин Лютер прибил свои 95 тезисов к дверям собора в Виттенберге, бросив тем самым вызов верховной власти папы. Это революционное движение, сопровождавшееся Крестьянской войной в Германии, борьбой гугенотов во Франции и 30-летней борьбой протестантов и католиков в Англии, привело к развалу многих монастырей и их библиотек.

Монастырские библиотеки приходят в упадок. Их нищенское положение ярко характеризует свидетельство Боккаччо. Находясь в Апулии, он посетил древний монастырь Монте-Кассино, ожидая увидеть хорошую библиотеку. Но застал незакрывающиеся, затхлые, разграбленные монахами помещения. Монахи

соскабливали тексты рукописей и «производили» для продажи книжечки псалмов и молитвенники небольших форматов.

К моменту английской Реформации даже библиотеки Оксфордского и Кембриджского университетов не обладали сколько-нибудь значительными книжными собраниями. Изменения последовали лишь после проведения Генрихом VIII секуляризации (конфискация и передача светской власти) недвижимого и движимого имущества монастырей. Это одна из мер, подорвавших основы идеологического и экономического могущества католической церкви в стране. Но секуляризация монастырских книжных собраний мало способствовала обогащению других библиотек.

Еще до официального объявления о секуляризации король в 1533 г. поручил хранителю личной королевской библиотеки Джону Леленду-младшему обследовать библиотеки всех соборов, аббатств, колледжей, все хранилища древних рукописей и отобрать ценности для королевского собрания. Стремительность и торопливое желание короля завладеть богатствами монастырей наталкивалось на медлительность Леленда. Он в большинстве случаев прибывал в монастыри, когда монахи уже разбрелись, а имущество было расхищено. Поэтому ему удалось собрать всего несколько сотен книг, составляющих ничтожную часть богатств монастырских библиотек. Огромное число книг рассеялось, исчезло, было навсегда утрачено для истории культуры.

Множество книг, ревностно собиравшихся и добросовестно сохранявшихся в течение столетий, было погублено или рассеяно как «папистские писания». Но не все движущие силы Реформации носили разрушительный характер. В 1524 г., в письме, направленном бургомистрам и главам гильдий всех городов Германии, Мартин Лютер, в частности, сообщал: «Наконец, должно также принять во внимание, что не следует жалеть ни средств, ни трудов для создания хороших библиотек в подходящих зданиях, особенно в больших городах, которые могут позволить себе это». Лютер был отнюдь не одинок в таком умонастроении, и за словами последовали дела. Благодаря всему этому возникло

много новых городских библиотек, хотя они еще и не были публичными в современном понимании. Часто книги просто переходили от одного учреждения к другому. Но доступ к этим собраниям книг оставался привилегией немногих, а рост библиотек зависел в значительной мере от случайных обстоятельств и щедрости дарителей. Состоятельные люди тоже начали собирать книги для личных библиотек, примерно так же, как это было в классические времена.

Коллекционирование книг, особенно по науке и технике, не было чуждо ремесленникам. В XVI в. центром международной книжной торговли стала Германия, и каталоги знаменитой Франкфуртской книжной ярмарки обеспечивали полный перечень европейской литературы, доступной к тому времени. В 1545 г. немецкий врач и ученый — универсал Конрад Геснер положил начало научной библиографии своей *Bibliotheca Universalis* — систематизированной библиографией мировой литературы, два последних тома которой остались незавершенными из-за безвременной смерти автора во время чумы.

С XVI в. библиотекари Италии начинают уделять внимание теории создания каталогов. Первой из целой серии работ была книга монаха — бенедиктинца Флориана Трефлера, изданная в 1560 г. Автор был знаком с отечественным и иностранным опытом составления каталогов. Обязательными для библиотеки Трефлер считал каталоги: алфавитный; систематический, описывающий книги в последовательности их расположения на полках; предметный, представляющий собой перечень содержания имеющихся в фонде книг с алфавитным указателем к нему, и перечень книг, хранящихся на запасных полках.

Свирепствовала инквизиция. Борьбой с ересью занимались специальные монашеские ордены, и среди них иезуиты. Искоренителям ересей надо было досконально знать содержание еретических учений. Этому учили в специальных учебных заведениях, располагающих богатыми библиотеками. Одним из них была Королевская коллегия Коллеж Руайаль, основанная иезуитами с согласия Генриха IV. Король отдал под коллегия фамильный замок

Шатонеф. Библиотека укомплектовывалась с поистине царской щедростью. В этой библиотеке и в других подобных ей выделялись отдельные собрания запрещенной (языческой, еретической) литературы. Каждого, кому разрешалось читать еретические сочинения, можно было сразу узнать. Читающий рукопись неверного должен был по-собачьи почесывать себя за ухом. Во всех других случаях чтение и собирание в библиотеках книг, неудобных правящим силам, жестоко преследовались. В 1553 г. по приказу короля теологи Сорбонны составили список запрещенных книг, издание и чтение которых грозило отлучением от церкви, тюрьмой и даже костром. Инквизиторы периодически проверяли книжные лавки, частные библиотеки. Отобранные книги сжигались.

Во Франции Королевская библиотека процветала при наследниках Франциска I, и благодаря их любви к изящному многие книги были искусно переплетены французскими мастерами. Библиотека росла за счет коллекции, собранной Екатериной Медичи, а позже — за счет собрания книг кардинала Д'Амбуа. Большим шагом в развитии королевской библиотеки явился ее перевод из Фонтблэ в Париж, где она была передана в ведение библиотекаря Григо, который в 1622 г. составил каталог ее книг.

Однако в этот период Королевскую библиотеку намного превосходило личное собрание кардинала Мазарини, чей библиотекарь Габриэль Нодэ был завсегдатаем книжных аукционов всей Европы, создав благодаря этому самую знаменитую библиотеку своего времени.

Нодэ к обязанностям библиотекаря относился очень серьезно; он познакомился со всеми крупными библиотеками Европы. Этот выдающийся ученый был горячо предан идее собирания книг по всем отраслям знаний для своего влиятельного покровителя. В 1627 г. он опубликовал первое руководство или пособие по организации и формированию библиотеки — «Совет, как устроить библиотеку». Позже его перевел на английский язык известный мемуарист Джон Ивлин, и эту книгу до сих пор можно читать с пользой и удовольствием. Нодэ изложил свои взгляды

на собирательство книг, подчеркивая важное значение не только старинных раритетов, но и современных изданий, работ, поддерживающих церковные доктрины, и наряду с ними еретических работ. Он высказал убеждение в необходимости создания системы классификации для размещения книг по предметному принципу, который был бы легко понятным.

Нодэ писал: «Неорганизованное собрание книг, сколь бы большим оно ни было, нельзя называть библиотекой, как толпу в 30 тыс. человек без командиров и организации нельзя именовать армией, а груды камней и материалов — дворцом».

Поступив в 1642 г. на службу к Мазарини, Нодэ нашел возможность претворить свои идеи в жизнь. К несчастью, эта крупная коллекция, насчитывавшая около 40 тысяч книг, стала жертвой Фронды, когда Мазарини был отстранен от власти. Вновь придя к власти, кардинал пытался восстановить свою коллекцию, но к тому времени Нодэ уже умер. Его жизнь совпала с действительно благоприятным временем для библиотекаря, поскольку книги не только коллекционировались, но также изучались и использовались, а библиотека в полной мере выполняла свое назначение как лаборатория мыслителя и ученого. Нодэ сам признавался, что перед ним были замечательные примеры, которыми он мог руководствоваться.

Одним из них был сэр Томас Бодлей, типичный представитель елизаветинской эпохи, который учился, а затем и преподавал в Оксфорде и стал видным политическим и общественным деятелем. К концу своей жизни он решил, что величайшая услуга, которую он может оказать людям, это перестроить пришедшую в упадок библиотеку Оксфордского университета.

Дело в том, что в 1549 г. при Эдуарде VI университетские библиотеки сильно пострадали от «чистки». Библиотека Оксфордского университета перестала существовать. Около 50 лет университет не имел своей библиотеки. Лишь в конце XVI в. ее стали создавать заново. Английский дипломат и ученый Томас Бодлей в 1598 г. предложил заместителю ректора университета свои услуги в деле восстановления библиотеки. После того

как он провел пять лет в усердных трудах по сбору средств от жертвователей, формированию фонда и ремонту старого помещения, библиотека вновь начала работать. Совершенно заслуженно в знак признания его трудов она получила название Бодлеаны. Он убедил компанию издателей передавать в библиотеку по одному экземпляру всех новых опубликованных книг — первоначальная форма обязательного экземпляра — и в своем завещании отказал свое имущество библиотеке. Ныне Бодлеана — одна из знаменитых библиотек мира.

В тот же самый период архиепископ Миланский Федерико Борромео основал знаменитую библиотеку Амброзиану, среди сокровищ которой имелось много рукописей из библиотеки монастыря в Боббио. В течение XVII в. существенные приобретения сделала библиотека Ватикана, пополнив свои фонды за счет включения нескольких крупных библиотек более раннего времени.

Венгерский король Матиаш Корвин основал королевскую библиотеку, которая стала местом встреч гуманистов из многих стран. Здесь они имели возможность читать и обсуждать книги по вопросам государственного управления, философии, морали, истории, естествознанию.

Матиаш Корвин ревностно следил за пополнением фонда библиотеки, названной «Корвиной». Многие рукописи по его просьбе доставлялись из Флоренции. В Италии же для Корвины было куплено знаменитое собрание книг античных авторов и сочинений гуманистов короля Роберта Неаполитанского. Корвине передал свою библиотеку, состоящую из трудов гуманистов всех стран, канцлер венгерского королевства, гуманист Иван Витез.

Две трети книг Корвины были светского содержания. В ней работали 30 постоянных переписчиков, знающих древние языки. Королевская библиотека Венгрии оказала влияние на развитие гуманистической культуры в других странах. Так, кардинал-епископ Кракова просил дать ему для чтения историю Тита Ливия и сочинения Энея Сильвия.

Редкие и ценные рукописи Корвины переписывались для библиотек Чехии, Польши, Германии. Корвина — королевская библиотека в Буде достигла наивысшего расцвета между 1480–1490 гг. После разгрома Корвины турками часть ее сокровищ попала в частные руки.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какую роль в развитии библиотечного дела Средневековья играли монастырские библиотеки?
2. Какова была технология обслуживания в средневековой библиотеке?
3. Как развивались библиотеки в мусульманских странах?
4. Какие типы библиотек появились в Западной Европе в XIII–XVI вв.?
5. Что представляла собой «общедоступная библиотека» эпохи Возрождения?
6. Как повлияло изобретение книгопечатания на организацию библиотек?

Литература

1. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. 2-е изд., доп. СПб., 2004. С. 45–98.
2. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом : учебник для библ. фак. ин-тов культуры / О.И. Талалакина. М., 1982.
3. Шира Д. Введение в библиотековедение / Д. Шира. М., 1982.

§ 3 Библиотечное дело в новой истории

Эпоха Просвещения продолжалась приблизительно со второй половины XVII до XVIII в. Это было время интенсивного изучения физических и социальных явлений под руководством И. Ньютона, Т. Гоббса, Дж. Локка и И. Канта, дорогу которым проложили в числе прочих Г. Галилей, И. Кеплер, Ф. Бэкон и У. Гарвей. Это было время организации знаний и их систематизации, время интеграции. В этот период были основаны крупнейшие научные общества. В 1600 г. в Риме была учреждена Академия Линчеи (Академия рысьеглазых), которая просуществовала до 1650 г.; в 1666 г. в Париже была организована Академия наук; в 1660 г. в Лондоне — Королевское общество, обязанное своим происхождением идеям Фрэнсиса Бэкона о научном сообществе. Этот период дал не только новый импульс к формированию библиотечных фондов, но и породил значительный интерес к их организации. Во Франции великий министр Ж.-Б. Кольбер с помощью своего библиотекаря — историка Белюза [3, с. 40] — пошел по стопам кардинала Мазарини, и Королевская библиотека, которая в 1661 г. была передана в его ведение, сильно выросла и обогатилась. Под влиянием идей Фрэнсиса Бэкона об организации знаний возрастал интерес и к систематизации фондов Королевской библиотеки. В середине XVIII в. началась работа над великой энциклопедией Д. Дидро и Ж.Л. Д'Аламбера.

В этот период появилось значительное число работ по библиотечному делу. В преддверии Великой французской революции французские энциклопедисты определили новые качества библиотеки как учреждения, нужного обществу, подчеркнули роль книги как могучего оружия. Многотомная «Энциклопедия, или

Толковый словарь наук, искусств и знания» Дидро и Д'Аламбера содержала ряд статей о библиотеках.

В условиях, когда большая часть библиотек находилась в руках вельмож и церкви, энциклопедисты выступали за «открытые двери» библиотек, за пополнение их книгами, нужными для решения конкретных жизненных задач. Они высмеивали тщеславие собирателей, оценивающих литературу по переплетам и позолоченным обреза.

Благодаря влиянию аббата Жан-Поля Биньона было расширено помещение Королевской библиотеки, а фонды сделаны более доступными для ученых Просвещения.

В Англии по распоряжению О. Кромвеля университетам был передан ряд церковных библиотек. От него лично библиотека Оксфордского университета получила в подарок коллекцию редких рукописей, большей частью на греческом языке. Кромвель покровительствовал ученым в расчете на поддержку и преданную службу. В 1662 г. библиотеки Оксфордского и Кембриджского университетов получили право на обязательный экземпляр. Большое значение в пополнении фондов имели дары.

Английская буржуазная революция привела к развитию библиотек университетов, колледжей. Для некоторых из них возводились специальные здания. Так, в 1647 г. известный английский архитектор К. Рен был приглашен главой Тринити-колледжа в Кембридже для разработки проекта библиотечного здания. Проект считался образцовым для библиотек этого типа. Книг в библиотеке Тринити-колледжа было еще мало, но зато ими дорожили и берегли их «как принцев». К концу XVIII в. фонды библиотек Оксфордского и Кембриджского университетов были отражены в печатных каталогах.

Первая библиотека для общественного пользования была учреждена в Лондоне в 1684 г. Теннисоном, служителем культа в приходе св. Мартина. Теннисон построил специальный дом, верхний этаж которого отвел под библиотеку.

В 20-е гг. XVIII в. книготорговцы стали открывать небольшие платные библиотеки. По величине и характеру частные

коллекции были разными: от замечательного собрания Ханса Слоуна, известного врача, ботаника, коллекционера редких книг и рукописей по ботанике, зоологии, минералогии, истории медицины, в его коллекции насчитывалось 3516 рукописей и более 40 тысяч книг, до небольших книжных подборок в деревенских домах иоменов. Библиотека считалась неотъемлемой частью каждого хорошего дома.

В Лондоне и в провинциях, особенно в курортных местностях, открывались подписные библиотеки, которые выдавали книги на дом. Первая из них была открыта в 1740 г. Лучшими среди них были библиотеки Ливерпуля, Бата, Саутгемтона. С течением времени некоторые из них превратились в бесплатные публичные библиотеки.

О почтительном отношении к книге свидетельствует распространность книжных клубов, объединявших соседей и друзей. Но самым важным событием в развитии библиотечного дела явилось создание национальной библиотеки.

Если во Франции инициатива в улучшении Королевской библиотеки исходила от короля, то в Англии она шла от парламента. В течение XVIII в. было внесено несколько предложений о формировании большой национальной библиотеки в Лондоне, но за этим не последовало никаких действий. В начале XVIII в. Ричард Бентли предложил парламенту создать национальную библиотеку, но лишь поколение спустя благодаря усилиям королевского врача сэра Ханса Слоуна такой закон был принят. В своем завещании сэр Ханс передавал в общественное пользование свою прекрасную личную библиотеку в обмен на некоторую сумму денег, которая должна была быть выплачена его наследникам, и в 1753 г. парламент принял это предложение. Коллекция Слоуна была объединена с коллекцией сэра Роберта Брюса Коттона и Роберта Харли. В 1700 г. коллекция Коттона была передана в общественное пользование сыном сэра Роберта. Роберт Харли умер в 1724 г., и его очень ценное собрание книг было продано, но парламент принял решение о приобретении этого собрания рукописей. Наконец, Георг II передал в растущий фонд свою собственную библиотеку.

Вместе с нею библиотеке было передано право получения обязательного экземпляра всех книг, выходящих в Великобритании и Ирландии. Библиотека Британского музея получила также книги и рукописи из конфискованных в период Реформации монастырских библиотек. Был собран богатый фонд из печатных книг по медицине, естественной истории, истории Англии и других европейских стран. Библиотека стала хранилищем уникальных рукописных текстов. Таким образом, были заложены основы Британского музея, который впервые открыл свои двери в 1759 г. в Монтагю Хаус.

Для посещения музея достаточно было купить входной билет, но он не давал права входа в читальный зал. Сначала на вход в библиотеку требовалось получить разрешение у совета попечителей, позже — у директора библиотеки. Библиотека Британского музея предназначалась для лиц, занимающихся научной работой. Штат библиотеки был невелик. Хотя открытие библиотеки для публики состоялось в 1759 г., но только с 1831 г. она стала работать ежедневно, кроме воскресных и праздничных дней. В 1774 г. был открыт читальный зал на 120 мест. К концу XVIII в. фонд достиг 100 тысяч томов. Однако до начала XIX в. оставался нерешенным вопрос о бюджете библиотеки. Тем не менее библиотека Британского музея в XVIII в. становится национальной библиотекой страны.

Сегодня помимо того, что это национальная библиотека Англии, это один из крупнейших музеев, в коллекциях которого находится Розеттский камень, мраморные скульптуры, собранные лордом Т.Б. Элджином, и другие предметы материальной культуры и произведения искусства со всех концов земного шара.

В 1972 г. на основе ряда государственных библиотек была создана Британская библиотека, ставшая Национальной библиотекой Великобритании.

Германия второй половины XVII–XVIII вв. представляла собой феодальное государство, раздробленное на множество постоянно враждующих княжеств. Самым влиятельным и крупным среди них была Пруссия, которая осуществляла захватническую

политику и была оплотом реакции против антифеодального движения. Следствием политической раздробленности, децентрализации, нескончаемых междоусобиц, поражений в войнах явилась экономическая и культурная отсталость страны.

В библиотечном деле многое было утрачено: захирели возникшие в XVI в. городские библиотеки, в плохом состоянии находились библиотеки университетов, общее число которых в княжествах, королевствах, герцогствах Германии было значительным.

Обязанности библиотекаря в университетских библиотеках обычно поручались профессорам, которые, как правило, уделяли мало внимания библиотечной работе. Они игнорировали профессиональную специфику возглавляемого ими учреждения и долго не задерживались в этой должности, а некоторые, не отличавшиеся усердием, и совсем не появлялись в библиотеке. Один такой работник библиотеки Марбургского университета, ссылаясь на слабость здоровья, с 1779 по 1789 г. никогда не открывал библиотеку зимою. А университетская администрация и читатели покорно терпели подобные беспорядки.

Распространенные в этот период придворные библиотеки в большинстве своем представляли случайные, пополняющиеся нерегулярно собрания, в которых наряду с ценными книгами было много хлама.

Придворные библиотеки считались открытыми для всех желающих, но действительности это не соответствовало. Так, одно из правил Готской герцогской библиотеки гласило: «Если кто хочет ближе рассмотреть какую-нибудь книгу, то должен испросить разрешение библиотекаря, который ему эту книгу покажет, а может быть, даже разрешит ее почитать».

Не лучше обстояло дело даже в Берлинской королевской библиотеке, открытой для читателей в 1661 г. И без того скудный бюджет ее тратился на военные нужды. По распоряжению короля библиотекарям даже перестали выплачивать жалованье. В 1723 г. один из ученых справился, когда можно приехать для изучения интересующей его редкой рукописи. На это

библиотекарь ответил, что он, не получая никакого вознаграждения за труд, в библиотеке не бывает, поэтому приезжать не следует. В отдельные годы, правда, положение библиотеки улучшалось, она получала дотацию, а в 1784 г. для нее было выстроено специальное здание. Трех сотрудникам библиотеки в связи с переездом в новое помещение пришлось переставлять и перешифровывать 80-тысячный фонд, составлять альбомный рукописный каталог, обслуживать читателей. Внутренний распорядок деятельности библиотеки в целом, однако, не изменился и совсем не соответствовал надписи на фронтоне нового здания: «Пища духовная». С переходом в новое здание прекратилась выдача литературы на дом, а в читальном зале было всего 8 столов, 8 стульев и чернильниц. Только через два года по ходатайству Академии наук возобновляется выдача книг на дом, но в основном этот вид обслуживания по-прежнему оставался привилегией высокопоставленных лиц.

Лишь отдельные библиотеки Германии представляли собою образцово действующие учреждения. К их числу относится придворная библиотека герцога Вольфенбюттельского, которую в последнее 10-летие возглавлял великий мыслитель, соборник просвещения народных масс Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646–1716).

Библиотекарь Готфрид Вильгельм Лейбниц был великим вождем немецкого Просвещения и крупнейшим деятелем этого движения, основателем Берлинской Академии наук. Он заложил многие важные принципы, определяющие обязанности библиотекаря. В юности жадный читатель библиотеки своего отца, Лейбниц становится библиотекарем известного библиофила фон Бойнебурга из Майнца. В этой роли он впервые для того времени изложил свою мечту о полугодовых каталогах книг и их кумуляции в форме «Перечня человеческих знаний, содержащихся в книгах». Он верил в то, что подлинный прогресс знаний возможен только тогда, когда каждый ученый будет в состоянии быстро и легко обозреть всю совокупность достижений человечества, зафиксированных в документальной форме. Лейбниц

посетил Париж в то самое время, когда Ж.-Б. Кольбер создавал Королевскую библиотеку, и Белюз входил в круг его друзей. Тогда же он прочитал труд Г. Нодэ по организации библиотек. В 1676 г. Лейбниц назначается библиотекарем в Ганновере у герцога; он составил схему библиотечной классификации книг на основе предложенной им самим систематизации наук. 15 лет спустя он становится директором знаменитой Вольфенбюттельской библиотеки. Хотя он достиг весьма многого в деле формирования и организации фондов, наиболее значительный его вклад в библиотечное дело составляют принципы, изложенные в его переписке, и предложения, с которыми он обращался к царствующим принцам.

Первым в Германии он указал на необходимость регулярного пополнения книжных фондов: «Пополнение так же необходимо библиотеке, как пища живому организму». Ему удалось добиться постоянной сметы на комплектование, строительство здания. При нем в библиотеке был открыт читальный зал, создан алфавитный каталог, усовершенствована расстановка.

Безусловно, многие из идей Лейбница, касающиеся библиотек, принадлежали не ему самому, он свободно заимствовал их у своих предшественников и современников, но это отнюдь не умаляет значения его работ; в области комплектования, организации, каталогизации его влияние прослеживается во многих поколениях библиотекарей вплоть до наших дней.

Значительное влияние на улучшение библиотечного дела в Веймарском герцогстве оказал Гете. В 1797 г. он стал комиссаром «Верховного управления самостоятельными учреждениями по искусствам и наукам» при дворе герцога. Большое внимание Гете уделял придворной библиотеке, возникшей в конце XVIII в. Комплектуя библиотеку, Гете просматривал каталоги книжных аукционов и ярмарок, рекомендовал или отвергал приобретение конкретных книг, откликался на просьбы читателей о покупке книг, отсутствовавших в библиотеке.

Он подарил библиотеке полное собрание своих сочинений и много других книг. Книги приобретались для библиотеки

в книжных магазинах Веймара и Эрфурта, за рубежом. По замыслу Гете, с 1809 г. начал создаваться музей книги. Гете требовал тщательного ведения инвентаря на фонд библиотеки. По его распоряжению была проведена ревизия фонда и приняты новые правила пользования библиотекой.

Фонд Веймарской библиотеки был отражен в карточных каталогах: алфавитном, рукописей и инкунабул, восточных книг и рукописей, биографий и портретов, гравюр. К составлению каталогов привлекались консультанты. По распоряжению Гете каждый библиотекарь вел учет своей работы. В целях охраны фондов проверялась сохранность возвращаемых книг.

В библиотеке существовал заочный абонемент. За плату ученым, писателям, государственным деятелям высылались в другие города книги, извлечения из каталога, копии отдельных страниц рукописей, переписка которых также осуществлялась за счет абонентов. Веймарская библиотека была связана постоянным МБА с Иенской университетской библиотекой, которая тоже многим была обязана Гете. В Иене периодически устраивались выставки сокровищ Веймарской библиотеки.

Как комиссар «Верховного управления» Гете заботился о подборе достойных и подходящих для работы в библиотеках кандидатов, для которых был установлен испытательный срок. По мнению Гете, каждый библиотекарь должен был знать все виды работ и весь библиотечный процесс в целом. Этому обучали стажеров. Гете настаивал на зачислении в штат библиотеки молодых, дельных сотрудников.

Хотя ученые и сохранили интерес к новой науке, Просвещение как таковое, можно сказать, закончилось на пересечении романтизма и Французской революции. В отличие от прошлых революций революция, потрясшая Францию, не столько уничтожала библиотеки, сколько рассеивала их.

30 марта 1792 г. был издан декрет о конфискации имущества эмигрировавших сторонников короля. В руки государства попали богатые книжные собрания. Эту литературу направляли в так называемые «литературные депо», их было 8. Большую

роль в их создании сыграл Гюбер Паскаль Амейлон, библиотекарь Ратуши.

Чтобы приостановить продажу за бесценок библиотек эмигрантов, Конвент принял декрет от 10 октября 1792 г. о «приостановке продажи библиотек, картин и научных пособий, находящихся в домах эмигрантов». Знаменательно, что из 24 постановлений и законов Конвента о библиотеках шесть касались защиты книг. В период высшего этапа революции — диктатуры якобинцев — было принято специальное постановление о том, что виновные в уничтожении библиотечных ценностей, памятников искусств караются двухгодичным тюремным заключением.

Книги, конфискованные у эмигрантов и конгрегаций в период революции 1789–1794 гг., поступали прежде всего в Королевскую библиотеку, которую в 1795 г. Конвент провозгласил национальной. К этому времени в ней насчитывалось 300 тысяч томов. Как это ни странно, но революция нанесла национальной библиотеке и ущерб, так как вместе с другими налогами и подавными был отменен и закон об обязательном экземпляре. По отношению к типографиям закон восстановили в 1810 г., а на издатель его действие распространили только в 1925 г.

Много изданий попало в библиотеку Национального института наук и искусств, созданного Конвентом в 1795 г. вместо упраздненной Академии наук. Направлялась литература и в библиотеки, возникшие во всех главных городах.

Параллельно с созданием библиотек решалась задача перераспределения конфискованной литературы. Книги, предназначенные библиотекам, оценивались с точки зрения их политической, научной, практической полезности. Книги делились на 3 группы: полезные, число экземпляров которых не ограничивалось; бесполезные, оставшиеся для изучения в 1–2 экземплярах, вредные, отправляемые для переработки на бумажные фабрики.

По некоторым оценкам, в то время более 8 миллионов книг сменило своих владельцев, из них 2 миллиона в одном только Париже. С ноября 1789 г. до конца революции библиотеки

перераспределялись между городами и провинциями столь интенсивно, что даже сегодня ученый может найти удивительно ценные и редкие книги далеко от Парижа, в каком-нибудь богом забытом провинциальном городке.

Губительно влияли на библиотеки войны этой эпохи, грабежу подвергались библиотеки государств, потерпевших поражение. Когда в апреле 1796 г. войска Наполеона оккупировали значительную часть Италии, видный ученый, общественный деятель Франции Гаспар Монж получил от генерального секретаря иностранных дел Директории письмо: «Министр поручил мне, гражданин, сообщить Вам, что исполнительная Директория избрала Вас вместе с другими учеными и художниками для поездки с целью осмотра и отбора в странах, покоренных победоносными армиями Республики, всех произведений искусства и науки, которые вы считаете достойными включить в наши музеи и библиотеки».

Начало новой истории — время возникновения национальных библиотек, основу которых во многих странах составили королевские библиотеки. Получая обязательный экземпляр — законы об обязательном экземпляре действовали в ряде государств — национальные библиотеки собирали уникальные коллекции отечественной литературы.

Почти повсеместно росло значение университетских библиотек, обладательниц богатых книжных фондов. Небывалый до того времени рост фондов библиотек — некоторые насчитывали по 150 и более тысяч томов — стимулировал интерес к практическим проблемам организации фондов и каталогов.

Национальная и университетская библиотеки остаются основными очагами книжной культуры лишь до конца XVIII в. С начала XIX в. они начинают делить эту роль с библиотеками академий наук, литературных и научных обществ, отраслевыми и институтскими. Организуются библиотеки, собирающие все ценное с точки зрения теории и практики определенной отрасли знания. Это — библиотеки-музеи, имеющие не только книги, но и эстампы, медали, карты, планы, картины.

Широкое распространение в новую эпоху получили публичные библиотеки. Они ведут свое происхождение от появившихся еще в XVII в. подписных библиотек, открываемых на средства местных органов власти. В середине XVIII в. создаются на основе паевых взносов или подписной платы за чтение библиотеки обществ любителей книги и чтения. Характерны в этом плане небольшие библиотеки многочисленных обществ чтения Швейцарии. Основная задача таких обществ заключалась в приобретении на средства своих членов новейшей литературы и предоставление ее читателям, преимущественно занимающимся научной работой. В 30–40-е гг. XIX в. создаются библиотеки при чешских читательских обществах, которые выдавали книги не только членам обществ, но и желающим читать местным жителям.

В связи с развитием национальных систем образования в середине XIX в. возникают в ряде стран массовые библиотеки, являющиеся прообразом современных. Но развиваются они медленно. Часто между открытием первой такой библиотеки и временем их сравнительно широкого распространения проходили десятилетия. В Швеции первая массовая библиотека появилась в 1800 г., но только после принятия в 1842 г. закона о начальном образовании и роста грамотности среди населения массовые библиотеки получили сколько-нибудь значительное распространение в городах и отчасти в сельской местности.

Как уже говорилось, эксцессы Французской революции послужили причиной не столько уничтожения библиотек, сколько их перераспределения. Количество книг, конфискованных по правительственным указам и переданных на хранение в Национальную библиотеку, оценивается в миллионы. Несмотря на такое рассеяние библиотечных материалов, один из важнейших аспектов влияния революции на библиотеки заключался в росте Национальной библиотеки, чьи ресурсы сильно увеличились благодаря правительственной политике конфискации. Второй важный результат заключался в провозглашении и реализации принципа доступности книг для широкой

публики. Несомненно, значительная часть книжных сокровищ, по-видимому, была утеряна, причем не только во время революции, но и в последующие десятилетия. Однако одновременно утверждалась концепция публичной библиотеки как учреждения для всего народа.

В XIX в. в Германии господствовала традиция научной библиотеки, яркими примерами которой были библиотеки таких крупных университетов, как Геттингенский и Дрезденский. Библиотека Геттингенского университета по тщательности подбора книг, умелой постановке дела не имела себе равных. Фонд создавался обдуманно, пополнялся систематически. Библиотека была открыта ежедневно. Книги выдавались на дом. Под руководством библиотекарей — швейцарца Конрада Геснера и немца Христиана Готлоба Хейне в библиотеке была введена систематическая расстановка, с большой тщательностью составлены алфавитный и систематический каталоги. Библиотека способствовала расцвету Геттингенского университета, ею восторгались Г.Э. Лессинг, И.В. Гете.

Углубляющееся национальное самосознание и изменение социальной организации в Германии вели к убеждению, что библиотеки должны рассматриваться как общественные учреждения. Наряду с этим имел место общий рост научной деятельности, который мог бы оказаться благоприятным для библиотек. Но библиотеки были совершенно не подготовлены к этому подъему науки. Еще не существовало категории профессионально обученных библиотекарей, хотя библиотеки Геттингенского и Дрезденского университетов и выступали в качестве хороших образцов.

Эта немецкая система образования XIX в. распространила свое влияние на американскую систему высшего образования. В первое десятилетие XIX в. было довольно обычным, чтобы выпускники Гарвардского и других колледжей продолжали свое образование, путешествуя и обучаясь в знаменитых немецких университетах. Возвращаясь на родину, они приносили с собой принципы образования, которые и сегодня отчетливо прослеживаются в американских высших учебных заведениях.

В библиотечном мире Англии XIX в. господствовали два выдающихся деятеля: Антонио Паницци и Эдвард Эдвардс. Итальянец Антонио Паницци (1797–1879) — карбонарий, эмигрант. Реорганизовал всю работу библиотеки Британского музея, превратив ее во многих отношениях в образцовую для второй половины XIX — начала XX в. Он появился в библиотеке как читатель и в 1831 г. был назначен экстраординарным библиотечником Британского музея, в 1837 г. получил должность хранителя печатных книг, а в 1856 г. стал директором библиотеки. Он затронул библиотечное дело в Великобритании почти во всех его аспектах. «Британский музей, — считал он, — это не шоу, а учреждение, призванное распространять культуру. Это государственное учреждение, и его работа должна вестись в духе других государственных учреждений. Оно должно управляться с максимально возможной либеральностью».

За время его деятельности библиотечный фонд увеличился с 150–200 тысяч томов до миллиона. Он участвовал в проектировании и строительстве открытого в 1857 г. знаменитого круглого читального зала и окружающего его основного книгохранилища. А. Паницци способствовал составлению новых каталогов, ввел описание под коллективным автором, сформулировал две главные задачи алфавитного каталога, которые тот и поныне решает: отвечать на вопрос о наличии книг в библиотеке, объединять сочинения одного автора в единый комплекс.

А. Паницци добился увеличения ассигнований на комплектование, упорядочил поступление обязательного экземпляра, ввел обязательную регулярную регистрацию новых поступлений, добился повышения заработной платы сотрудникам. Библиотека Британского музея получала обязательный экземпляр и из всех колониальных владений Британской империи. Паницци считал, что каждая национальная библиотека наряду с отечественной должна приобретать и иностранную литературу. В идеале Библиотека Британского музея рисовалась ему обладательницей лучшей в мире коллекции зарубежных изданий. Для осуществления желаемого Паницци привлекал квалифицированных

сотрудников, которые «прочесывали» книжные магазины и библиотеки Европы в поисках ценных научных изданий. Благодаря Паницци были составлены превосходные коллекции русских, венгерских, голландских и других изданий.

Совершенствование библиотечного обслуживания, упорядочение деятельности библиотеки привлекло много новых читателей. В читальном зале от 12 до 15 часов часто не было свободных мест. В центре читального зала находился алфавитный каталог на весь фонд. Это 500 кожаных томов *in folio*, отлично переплетенных, состоящих из листов с наклеенными каталожными карточками. Нижние края переплетов оторочены листовым железом, чтобы они не портились от частого употребления. В каталог постоянно вливались сведения о новых поступлениях. Составлением и ведением каталогов ведало специальное отделение. Каждое описание дублировалось в четырех экземплярах (на тонкой бумаге, переложенной пластинками, пропитанными красками): для инвентаря, алфавитного каталога для читателей, служебного алфавитного каталога, для будущего систематического каталога. Библиотекари читального зала обязаны были оказывать помощь читателям в поисках книг. Нижний ярус шкафов по всей окружности читального зала (более 20 тысяч томов) предоставлялся читателям для самостоятельного пользования. Специальный служитель следил за правильностью расстановки подсобного собрания. Книги из основного хранилища к месту читателя подносили служители. По всему книгохранилищу были рассредоточены еще не заполненные шкафы, расстановка была систематической. Полки нумеровались не снизу вверх, как во многих библиотеках, а наоборот — сверху вниз. В отделении географических карт карты, наклеенные на коленкор, расставлялись в географо-систематическом порядке и хранились в шкафах с выдвигаемыми полками.

Хотя больше всего известен Паницци благодаря своим трудам, заложившим основы англо-американских правил каталогизации, от которых ведет начало и современная практика каталогизации, а также благодаря своей учености, позволившей ему

преобразовать Британскую библиотеку в ту, какой она является в наши дни.

Важнейшую роль в движении за публичные библиотеки в Великобритании сыграл Эдвард Эдвардс. Человек, сочетавший в себе глубину теоретической мысли с практическими способностями и замечательным трудолюбием, Эдвардс способствовал выработке законодательства в поддержку публичных библиотек и добивался от парламента помощи в достижении этой цели.

Эдвард Эдвардс (1812–1886) — английский рабочий-самоучка, был сотрудником библиотек Британского музея и Оксфордского университета, организовал библиотеку в Манчестере. Активно пропагандировал первый в Великобритании библиотечный закон 1855 г. Автор большого числа книг и статей; наиболее известна его 2-томная работа «Мемуары о библиотеках» (1859) — первая попытка дать связное изложение истории библиотек.

В 1850 г. британский парламент принял закон, разрешающий общинам, муниципалитетам, населенным пунктам с числом жителей более 10 тысяч человек учреждать по своей инициативе публичные библиотеки. В течение нескольких лет в промышленных городах Англии, Шотландии, Уэльса было основано 26 библиотек. Затем наступает некоторое затишье.

В первой половине XIX в. только отдельные публичные библиотеки имели специальные здания. Большая же их часть ютилась в тесных, плохо освещаемых, душных, неудобных помещениях. Именно поэтому библиотекари высказывались за стандартные нормы, которые бы регламентировали в каждой библиотеке площадь для справочного отдела, абонементов и читального зала. Рост фондов в основном обеспечивался дарами. По этой причине существовали диспропорции в их составе, накапливались издания, не отвечающие интересам и запросам читателей.

Публичными библиотеками пользовались главным образом рабочие, ремесленники, клерки, продавцы, то есть представители тех социальных слоев, которые не имели доступа к другим

библиотекам. Реже в них читали адвокаты, архитекторы, военные, врачи, миссионеры.

Большую часть запрашиваемой литературы (от 57 до 83% всей книговыдачи) составляла художественная. На втором месте стояла историческая литература и биографии, описания путешествий, на третьем — периодические издания и так называемая литературная смесь, на четвертом — книги по гуманитарным и естественным наукам.

Время от времени принимались и другие законы; их высшей точкой явился Закон о публичных библиотеках 1892 г., согласно которому каждый городской район и каждый приход в Англии и Уэльсе, не входящий в городской район, считался библиотечным районом. Примерно в то же время аналогичные законы были приняты для Шотландии и Ирландии. Британская библиотечная ассоциация была основана в 1877 г. — год 40-летнего юбилея царствования королевы Виктории. Годом раньше, в 1876 г. создание Американской библиотечной ассоциации совпало с празднованием 100-летия США.

К началу XX в. во многих странах уже существовали ассоциации библиотечных работников, которые способствовали установлению международных связей, внесли немалый вклад в дело организации постоянно действующих международных библиотечно-библиографических организаций.

Развитие публичных библиотек в Англии, как и в США, многим обязано пожертвованиям Эндрю Карнеги — американского миллиардера, владельца железных дорог и сталелитейных заводов. Известен пожертвованиями на строительство зданий публичных библиотек: за 20 лет он финансировал постройку более 2 тысяч таких зданий в США, Великобритании и других англоязычных странах. В специальных зданиях были выделены помещения для справочного отдела, абонементов, читального зала или зала периодических изданий, рабочие комнаты для сотрудников.

В 1913 г. в Соединенном Королевстве был учрежден Фонд Карнеги. Совершенно очевидно, что шотландец Эндрю Карнеги

относился к Англии иначе, чем доктор Джонсон относился к шотландцам. Наиболее важным фактором, имевшим общенациональное значение, явилось создание Национальной центральной библиотеки, впоследствии Национальной библиотеки — абонементов. Основанная в 1916 г. на средства Карнеги как Центральная студенческая библиотека, она является центром библиографической информации и центральным абонементом. Финансируемая английским Фондом Карнеги, библиотека продолжает расширять свои функции. Она оказывает большое влияние на развитие кооперации библиотек внутри Англии, равно как и в области кооперации Англии с другими странами.

XIX в. явился в Европе периодом беспрецедентного роста численности библиотек всех типов, особенно публичных, и литературы, которую они были обязаны собирать.

Общедоступные библиотеки имели немало особенностей в каждой из стран. Общей же со второй половины XIX в. была ориентация на просвещение широких кругов населения. Развитие народных библиотек было связано не с поддержкой государства, а с частной инициативой, с различными движениями. Взгляд на библиотеку как на могучий фактор народного просвещения укоренялся все прочнее, и движение за народные библиотеки принимало широкие размеры. Масштабы начинаний были различны, возможности народных библиотек оставались явно ниже потребностей общества. В каждой стране были просветительные общества, оказывающие этому делу большие услуги.

Первая фаза работы народных библиотек в Германии проходила под знаком филантропии. «Общество распространения образования в народе» раз в год созывало общий съезд представителей своих многочисленных филиальных отделений, разбросанных по всей Германии. Это общество организовывало народные лекции и курсы, но главной своей целью ставило устройство народных библиотек, преимущественно сельских, и снабжение их книгами. О деятельности общества можно судить по следующим цифрам: за 1892–1902 гг. оно основало 2055 библиотек с фондом 120 тысяч томов и передало 63 тысячи томов

в 2660 ранее существовавших библиотек. Общество не только покупало книги у издателей, но и периодически обращалось с воззванием о пожертвованиях, и полученные книги распределяло между народными библиотеками. Оно устраивало и передвижные народные библиотеки. По просьбе села или деревни туда посылалась запечатанная в ящик небольшая библиотечка. Общество издавало журнал с особым приложением, где велась систематическая хроника народных библиотек. В 1896 г. оно издавало руководство к устройству сельских народных библиотек и образцовые каталоги, которые, однако, по мнению современников, по качеству вошедших в них книг оставляли желать лучшего.

Значительную инициативу проявляло также «Германское общество этической культуры», существующее с 1892 г. Оно создавало народные читальни (без абонемента) в Берлине, Иене, Ульме, Фрейбурге, Кенигсберге и других городах. Так, берлинская читальня на седьмом году своего существования (1901) имела 109 тысяч посещений. Существовало общество им. Яна Амоса Коменского, а также городские кружки «Народное благо», «Общественная польза» и другие, организовавшие и поддерживавшие народные библиотеки. Большинство народных городских библиотек в Германии возникло по частной инициативе. Например, в Берлине они обязаны своим существованием профессору Фридриху фон Раумеру. После возвращения из Америки он задумал основать в Германии библиотеки по образцу американских, для чего организовал «Общество научных бесед». В 1850 г. на средства общества была открыта первая берлинская народная библиотека, а всего им было передано в кассу народных библиотек около 160 тысяч марок.

Народные библиотеки, создававшиеся на частные средства, отличались прекрасной постановкой дела и большим культурным значением для местного населения. Среди учредителей: Ф.А. Крупп фон Эссен, книгоиздатель И. Энгельгорн в Штутгарте, гласный думы Гуго Гейман. Члены названных обществ и отдельные деятели стали исключением в среде своего класса. Основная масса привилегированных носителей образования,

буржуазия с недоверием относилась к народным библиотекам. «Литературные суповые кухни» — ярлык, приклеенный к новому направлению.

Вторая фаза развития народных библиотек в Германии характеризуется расширением поля деятельности и превращением в общеобразовательные библиотеки. Ведущие деятели нового движения (Ф. Росс, Херренберг) высказывались против того, чтобы выделить читателей из простонародья и создавать для них отдельные библиотеки. Они стояли за единую библиотеку, то есть общенародную. В 1898 г. в Вене функционировала центральная библиотека, которая объединила в себе деятельность нескольких учреждений, прежде работавших порознь, и представляла одинаковый интерес для всех слоев населения. Подобно академическим библиотекам, она имела научные отделы, подобно народным — беллетристику и детские книги, подобно народным читальням — зал для чтения газет, журналов и книг.

Первый прусский указ 1909 г. относительно введения экзаменов с вручением диплома для среднего библиотечного персонала, а также для работников народных библиотек не делает различия между научными и народными библиотеками в вопросе подготовки кадров.

В начале XX в. народные библиотеки Германии вступили в третью фазу своего развития — разъединение, которое объясняется с точки зрения диалектики исторического развития. Это была борьба против порока необразованности за подлинно народное образование. Особенно интересен в этом отношении опыт немецкого библиотекаря и ученого библиотековеда Вальтера Хофмана по созданию свободной общедоступной библиотеки. Библиотекари народных библиотек не останавливались в этой борьбе даже перед разрывом весьма полезных связей. Но это были отдельные начинания, которые не меняли в целом ситуацию с народными библиотеками.

Взросшие масштабы научных исследований, главным образом во второй половине XIX в., обусловили потребность в улучшении доступа к научной литературе, в особенности к

стремительно увеличивающейся журнальной продукции. В свете усилившихся потребностей ученых в эффективной организации библиографической информации и следует рассматривать предпринятую Королевским обществом в 1851 г. публикацию «Каталога научных статей», который призван был отразить научные публикации XIX в. В последнее десятилетие XIX в. произошла знаменательная встреча Поля Отле и Анри Лафонтена и родились планы созыва Международной конференции по библиографии и организации в Брюсселе Международного библиографического института, который в конце концов превратился в Международную федерацию по документации.

Институт возник в 1895 г. по инициативе, как уже говорилось, видных на библиотечно-библиографическом поприще Бельгии деятелей: Анри Лафонтена (1854–1943), профессора университета, лауреата Нобелевской премии мира, и Поля Отле (1868–1944), юриста, преданного идее мирного сотрудничества человечества.

Полю Отле — автор нескольких сотен работ по проблемам теории и практики библиографии, библиотековедения и документации — считал, что международные организации призваны заниматься «унификацией и кооперацией в отдельных видах человеческой деятельности».

О том, насколько значительна была роль института, свидетельствуют следующие факты: филиалы института существовали в Швейцарии, Германии, Нидерландах, Польше и других странах; издавался «Бюллетень Международного библиографического института» (до 1915 г. вышло около 100 номеров с более чем 200 оригинальными статьями и обширной информацией о работе института), была создана и широко распространена УДК.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. В чем специфика развития библиотек в эпоху Просвещения?
2. Какой вклад в организацию работы библиотек внесли Лейбниц и Гете?

3. Какие типы библиотек появились в XVII–XVIII вв.?
4. Какую роль в развитии Библиотеки Британского музея сыграл А. Паници?
5. Как изменилось состояние библиотек Франции в результате революции конца XVIII в.?

Литература

1. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. 2-е изд., доп. СПб., 2004. С. 105–137, 151–175, 194–204, 213–229.
2. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом : учебник для библиотечного факультета ин-тов культуры / О.И. Талалакина. М., 1982.
3. Шира Д. Введение в библиотековедение / Д. Шира. М., 1982.

§ 4

Развитие библиотек в Америке

В США научные библиотеки, особенно те, которые относятся к учебным заведениям, строились в целом по модели, сложившейся в Европе, как и сама система высшего образования; но идея публичной библиотеки, доступной для всех и финансируемой из общественных фондов, была смелым новшеством. Американская публичная библиотека уходит корнями в классическую традицию, питаемую Ренессансом и Просвещением, и своего полного расцвета она достигла в демократической этике — веро в всеобщее образование населения и способность человека к совершенствованию.

Библиотеки колониального периода. Американская культура была (и в значительной мере все еще продолжает быть) порождением культуры английской. Хотя в конечном итоге она формировалась и трансформировалась под воздействием новой среды и последовательно накатывавшихся волн иммигрантов, английское наследие остается в ней очень сильным, если не господствующим фактором. Идея библиотеки не была исключением из этого правила: она тоже пришла из Европы в английском варианте.

Нет никаких документов, которые указывали бы на то, что, когда пилигримы высадились в Плимут-Роке, они привезли с собой какие-нибудь книги. Однако позже, в 1629 г., группа пуритан доставила в колонию Джона Эндикота в районе Массачусетского залива небольшое собрание книг, куда входило 8 книг неустановленных названий в виде дара от некоего Уильяма Бэксауса, 54 книги и брошюры религиозного содержания, 34 катехизиса. Никто не знает, с какой целью были привезены эти книги и как они использовались, хотя высказывалось предположение,

что они предназначались для обращения индейцев в христианство. В 1638 г. в Англии умер Джон Гарвард, который завещал свое имущество и библиотеку из 400 томов колледжу, основанному двумя годами раньше в Нью-Тауне, на берегах Чарльз-Ривер. В знак благодарности за этот дар новое учебное заведение было названо Гарвардским колледжем, а сам город впоследствии получил название Кембриджа. Это и другие собрания, время от времени пополнявшие библиотеку, находились в пользовании преподавателей, продвинутых учащихся и местных священников [4].

В 1656 г. согласно завещанию Теофилуса Итона колония Нью-Хейвена получила в дар книги от библиотеки, которые предназначались для будущего колледжа. К 1668 г. эта колония объединилась с колонией Коннектикута, и собрание книг, уже дополненное другими дарами, стало собственностью города Нью-Хейвена. В 1689 г. эта коллекция была продана священнику Нью-Хейвенской церкви преподобному Джеймсу Пирпонту за 40 фунтов ржи и 32 бушеля маиса.

Однажды воскресным вечером 1701 г. по установившейся традиции в доме Самюэля Рассела в Брэнфорде (штат Коннектикут) собралась группа мужчин. Каждый из них держал в руках несколько книг, а затем положил их на стол со словами: «Я дарю эти книги для основания колледжа в нашей колонии». Так было положено начало Йельскому университету. Джеймс Пирпонт был членом этого небольшого кружка, и существует мнение, что упомянутые книги Теофилуса Итона входили в его дар, однако это только предположение. Зато точно известно, что, когда несколько лет спустя колледж решили перевести из Брэнфорда в Нью-Хейвен, группа разгневанных горожан напала на повозки, перевозившие библиотеку, и пыталась захватить их с целью предотвратить утрату колледжа. В свалке погибло много книг, но те из них, что остались в целостности, и теперь хранятся в «Библиотеке 1701 г.», тщательно берегаемой в библиотеке Йельского университета [4].

В городском архиве Конкорда (штат Массачусетс) за 1672 г. имеется запись: «Беречь жития святых и другие книги, которые принадлежат городу», но это и все, что нам известно. В начале

XVIII в. один английский священник, преподобный Томас Брей, проявил глубокую озабоченность тем, что духовенство в американских колониях не имеет книг, необходимых для богослужения, и основал общество для приобретения книг; эти книги рассылались в приходы вдоль Атлантического побережья, главным образом в Мэриленд, Виргинию, Северную и Южную Каролину, хотя по меньшей мере одно книжное собрание попало в Королевскую капеллу в Бостоне (штат Массачусетс), где и поныне бережно хранится в Бостонском Атенеуме. Предполагается, что благодаря деятельности основанного Бреем Общества по распространению христианских знаний всего было послано около 35 тысяч книг примерно в 40 приходов. Вместе с этими дарами приходили и инструкции по организации и хранению фондов. Брей сам приезжал в Америку, чтобы убедиться, что эта работа ведется. Книги обычно хранились в доме приходского священника и в конце концов рассеивались и терялись, но в течение нескольких десятилетий они составляли своего рода библиотечную сеть или систему на границе продвижения переселенцев Нового Света.

Всего он открыл в различных городах 39 библиотек на свои личные сбережения и на средства, собранные по подписке в Англии. Защита и распространение религии были главной целью деятельности этих библиотек.

Общественные библиотеки. Следующий этап развития библиотек в Америке колониального периода связан с именем Бенджамина Франклина, выдающегося государственного деятеля, ученого, изобретателя и бизнесмена. Осенью 1727 г. Франклин, незадолго до того вернувшийся из Англии, где был подмастерьем у печатника, объединил группу таких же, как он, ремесленников с целью создать дискуссионный кружок, который регулярно собирался бы для обсуждения проблем дня. Вскоре стало очевидно, что кружку, получившему название «Джунто», нужна библиотека для справочных целей и информационного обеспечения этих дискуссий. Поэтому каждому члену было предложено принести в помещение клуба несколько собственных книг, которые бы хранились в нем и могли использоваться всеми членами

группы. Этот план, зародившийся в 1730 г., примерно через год потерпел неудачу по той простой причине, что молодые люди боялись лишиться своих книг. В 1731 г. Франклин основал Филадельфийскую библиотечную компанию. Члены этого добровольного объединения покупали акции, годовая стоимость которых служила источником средств на приобретение книг в общее пользование.

В американских городах книги были очень дороги, в основном это были учебники и календари, всю литературу выписывали из Англии. Первые книги для этого начинания поступили из Лондона 31 марта 1732 г. Старейшая подписная библиотека, которую в своей автобиографии (написанной примерно 40 лет спустя) Франклин назвал «матерью всех подписных библиотек Северной Америки», существует до сих пор. Она росла за счет многочисленных даров, среди которых самым значительным оказалась личная библиотека Джеймса Логина, в настоящее время представляет собой одну из наиболее примечательных библиотек в США. Однако следует предположить, что идея такого объединения заимствована в Англии, ибо, когда Франклин был там, ему, должно быть, попадались аналогичные «книжные клубы», которые были распространены в Лондоне и других английских городах.

Через несколько лет Франклин составил проект устава библиотек по подписке. Каждый участник должен внести первоначальный, а затем регулярно выплачивать ежегодные взносы. Книги на дом выдавались один раз в неделю. За пропажу взыскивали двойную стоимость издания. В стенах библиотеки каждый мог читать бесплатно.

К окончанию войны за независимость библиотека насчитывала уже 5 тысяч томов. Библиотека в Филадельфии явилась образцом для основания подписных библиотек в других районах страны.

Целевые установки этих библиотек были определены Б. Франклином: дать возможность образовываться большинству людей — тем, кто не в силах получить университетское образование или учиться в колледже.

Таким образом, Франклин — основатель не только первой библиотеки, но и клуба взаимного совершенствования в Филадельфии, стал первым известным американским библиотекарем. Он говорил, что собрание книг в клубе — общедоступной библиотеке — будет давать возможность всем ее членам пользоваться книгами, как если бы каждый из них имел все это богатство у себя лично.

В 80–90-х гг. XVIII в. расширению обмена изданиями между академиями наук США и России способствовало личное знакомство Е.Р. Дашковой, президента Российской академии наук, и Б. Франклина, которые неоднократно встречались в Париже и переписывались.

Академия наук России вела книгообмен и с другими научными учреждениями Америки, в частности, с американской Академией искусств и наук, основанной по инициативе одного из авторов Декларации независимости Джона Адамса (президента США) в 1780 г. в Бостоне.

Каким бы ни было происхождение этой идеи, принцип добровольных объединений применительно к библиотечным потребностям общества начал развиваться. В 1747 г. благодаря щедрости Абрахама Редвуда аналогичная библиотека была создана в Ньюпорте (штат Род-Айленд), и, подобно Филадельфийской библиотечной компании, она существует до сих пор, располагаясь в первоначально построенном здании; членство в ней является признаком социального престижа.

Мало-помалу эти группы людей, нуждавшихся в книгах, — обычно это были священники, учителя, юристы и другие представители интеллигенции и свободных профессий из городов, расположенных по Атлантическому побережью, — формировали библиотеки, которые достигли своего расцвета после войны за независимость и быстро распространились по внутренней территории вместе с миграцией людей на Запад. В настоящее время самой известной из этих сохранившихся общественных библиотек является Бостонский Атенеум, основанный в 1807 г., который занимает историческое здание на горе Бикон-Хилл, а его

акции обычно переходят из поколения в поколение как важная часть фамильного состояния.

Закономерно, что лица, нуждавшиеся в книгах, обратились к концепции добровольного объединения, ибо многие функции, которые считаются сейчас обязанностью правительства штата или органов местного самоуправления — забота о бедных, борьба с пожарами, наблюдение за соблюдением законов, водоснабжение, — ранее осуществлялись с помощью добровольных объединений, то есть групп людей, вступавших в соглашение для получения тех или иных выгод, которых невозможно было добиться, действуя в одиночку. Эти библиотеки объединений, или общественные библиотеки, приобретая в зависимости от их специфических целей различные формы, распространялись по всей стране и в ряде случаев существуют до настоящего времени. Так, были общественные библиотеки юристов, священников, молодежи, учеников механиков, приказчиков и даже общественные библиотеки для женщин. Начиная с конца XVIII в. и далее в XIX в. эти библиотеки были очень близки к системе публичных библиотек. В стране почти не было городов, которые в то или иное время не имели бы такого рода библиотеки, а во многих городах их бывало и по несколько. Нередко эти библиотеки регистрировались в качестве юридического лица: в колониальный период — постановлением колониальных властей и короны, а после войны за независимость — законодательными органами штатов. Во многих штатах были приняты законы, которые давали право создавать такие объединения, причем для этого не требовалось обращение в правительство штата с просьбой о принятии специального постановления о регистрации объединения в качестве юридического лица.

Одновременно с общественными библиотеками существовали так называемые абонементные библиотеки, которые ныне мы отнесли бы к разряду платных библиотек: читатели вносили определенную плату (обычно повременную) за право пользоваться книгами. Это были чисто коммерческие предприятия, которые обычно функционировали при книжных магазинах; их

фонды, как правило, составляли текущая беллетристика и другие «бестселлеры» того времени, то есть литература, пользовавшаяся спросом.

Из-за того, что владельцы этих библиотек стремились угодить вкусам публики и обычно заполняли полки романами далеко не высших литературных достоинств, они подвергались резкой критике, обычно со стороны духовенства. Но в Англии, где библиотеки имели тенденцию сосредотачиваться вокруг курортных городов, книжные фонды были еще хуже, так что Общество борьбы с пороком стало выступать за регламентацию деятельности платных библиотек, а родители были озабочены тем, что их дети пользуются ими. Пользовались этими библиотеками и женщины, притом столь широко, что высказывались серьезные сомнения в целесообразности обучения женского пола чтению: «Абонементная библиотека в городе — это вечнозеленое древо дьявольского знания, — жалуется сэръ Энтони Абсолют в пьесе Р.Б. Шеридана. — Она цветет круглый год! И будьте уверены, что те, кто так любит ласкать его листья, в конечном счете возжаждут и плода» [4].

Начало публичной библиотеки. К концу XVIII в. ни одна библиотека не была публичной в том смысле, что она бесплатно обслуживала всех жителей общины и существовала на общественные средства. Даже общественные библиотеки принимали в число своих читателей лишь тех, кто хотел и мог оплатить это право. Библиотека служила элите, ученому, образованному человеку или лицу, которому книги нужны были для работы или побочных занятий. Идея истинно публичной библиотеки возникла с утверждением в начале XIX в. принципа всеобщего народного образования.

К сожалению, эти библиотеки не оправдали тех надежд, которые питали инициаторы их создания. Налоговые поступления были слишком ограниченными, а величина годового дохода недостаточной для того, чтобы сохранить библиотеки жизнеспособными, и они часто становились жертвами довольно неэтичной издательской практики. Постепенно дело добровольного

финансирования библиотек школьных округов погубило бесславной смертью. Неопределенным и ненадежным оказалось положение и общественных библиотек, поскольку многие из них сумели просуществовать лишь короткое время, а их организаторы или теряли интерес к ним, или переезжали в другое место, или умирали. Тем не менее это движение оказалось удивительно упорным. Часто после исчезновения одной библиотеки вместо нее появлялась новая, а затем и она уходила в небытие. В некоторых местах насчитывалось до 3–4 поколений таких мелких библиотек, но они чересчур зависели от капризов судьбы отдельных людей, чтобы стать солидными учреждениями, если не считать таких редких исключений, как Филадельфийская библиотечная компания, Библиотека им. А. Редвуда в Ньюпорте и Бостонский Атениум. Эти библиотеки — исключение, но и им далеко не раз угрожал финансовый крах. Чтобы библиотеки для народа могли существовать, нужно было найти стабильный источник финансирования.

Штат Нью-Гэмпшир ввел в 1821 г. налог на основные фонды банков в штате, поступления от которых должны были пойти на создание университета штата. Однако это учебное заведение так и не было создано, и в 1828 г. накопившиеся деньги были возвращены городам, с тем чтобы использовать их на содержание общественных бесплатных школ и другие образовательные цели. Во всех городах, за исключением Питерборо, деньги были переданы непосредственно в школьный фонд: в Питерборо же городской совет 9 апреля 1833 г. проголосовал за то, чтобы выделить часть средств, получившую название Литературного фонда, на создание городской публичной библиотеки. Год спустя библиотека уже работала, и с тех пор город оказывал ей ежегодную финансовую помощь. Таким образом, город Питерборо претендует на честь создания первой подлинно публичной библиотеки, так как он организовал ее без помощи каких-либо пожертвований и постоянно, без перерывов, содержит ее до настоящего времени.

К началу XIX в. относятся первые законодательные акты, определяющие положение массовых библиотек в обществе. Так,

конституции штатов Индиана (1818), Мичиган (1835) предусматривали возможность создания бесплатных библиотек. В 1845 г. в Нью-Йорке был принят закон о финансировании массовых библиотек за счет налогов [4]. Тем не менее в США основным видом массовых библиотек в течение всего XIX в. была библиотека школьного округа.

Бостонская публичная библиотека, можно сказать, родилась в 1821 г., когда перед гражданами Бостона выступил довольно странный француз по имени Александр Ваттемар. Месье Ваттемар (он говорил на тему о публичной библиотеке и важном значении международного обмена официальными государственными документами как средства достижения мира и взаимопонимания между народами), большую часть своей сознательной жизни был всемирно известным чревовещателем, выступавшим под именем месье Александр. По окончании сценической деятельности он увлекся проблемой обмена документами между странами, что и послужило причиной его визита в Бостон. Вначале почтенные граждане Бостона не могли решить, принимать ли его идеи всерьез или игнорировать, как исходящие от шарлатана. Однако благодаря усилиям Ваттемара Бостон получил в 1847 г. от Парижа дар в виде коллекции документов.

В 1851 г. в Париже появилась Записка Александра Ваттемара, адресованная Национальной ассамблее, по вопросу научного и литературного обмена между Францией и Америкой. В ней говорилось: «Обмен литературой и научными ценностями полностью соответствует интересам нации. Он принесет пользу науке, философии и политике; он будет способствовать просвещению властей, сделает их пути более верными, а их действия более плодотворными, он обогатит сельское хозяйство новыми методами и новыми инструментами; он придаст еще больше активности промышленности и торговле». К таким выводам Ваттемар пришел на основе анализа 10-летней (1840–1850) успешной деятельности созданного им Центрального всеобщего агентства по международному обмену официальными изданиями. Поэтому его дар Бостону был принят, а в следующем году городской совет

Бостона обратился в законодательный орган штата с просьбой разрешить создать публичную библиотеку; разрешение было получено. Но лишь в 1852 г. совет наконец выделил средства на учреждение библиотеки. По примеру Бостона публичные библиотеки начали создаваться и в других городах. В 1849 г. — опять, возможно, под влиянием второго визита Ваттемара в Соединенные Штаты — штат Нью-Гэмпшир принял первый закон, разрешающий городам штата создавать публичные библиотеки; аналогичный законодательный акт в 1851 г. принял штат Массачусетс, в 1854 г. — Мен, в 1865 г. — Вермонт, в 1867 г. — Огайо. После 1870 г. законы о библиотечном налоге появились в центральных и западных штатах [4].

За немногими исключениями библиотеки создавались в столице штата, фонды их состояли, как правило, из правительственных и официальных изданий. В отдельных случаях библиотека штата обслуживала и детей.

В 1853 г. в Нью-Йорке на свое первое собрание собрались работники разных библиотек. Было решено содействовать открытию общественных библиотек в каждом городе, разработать пособие в помощь библиотекарям. Такое руководство появилось в 1858 г.

В 1851 г. была впервые проведена перепись библиотек страны. Ее осуществил библиотекарь Смитсоновского института Чарльз Коффин Джюветт (Смитсоновский институт — учреждение, созданное в середине XIX в. в Вашингтоне на деньги, завещанные английским химиком и минералогом Джеймсом Смитсоном, для поощрения и некоторой координации разрозненных научных исследований в стране. В настоящее время играет значительную роль в развитии американской науки, главным образом естествознания).

В США складывался особый вид публичной библиотеки, состоящей из центральной с читальным залом и абонементом библиотеки и нескольких филиалов. Между центральной библиотекой и филиалами развивался МБА, то, что сейчас называется внутрисистемный книгообмен.

Начало гражданской войны и период реконструкции серьезно затормозили рост публичных библиотек, но в конце XX в. они быстро распространились по всей стране, в значительной мере благодаря пожертвованиям Эндрю Карнеги. Библиотеки Карнеги организовывались везде, где общины соглашались брать на себя их дальнейшее содержание. Хотя публичные библиотеки, видимо, уже находились на подъеме в тот период, когда Карнеги предоставил свое состояние в их распоряжение, нельзя не задать себе вопрос, насколько быстро бы развивалось это движение, если бы щедрый шотландец не сколотил миллионы в сталелитейной промышленности и не помнил о книжном голоде своей юности, проведенной в горах родной страны.

В 1895 г. на средства Карнеги создается публичная библиотека в Питтсбурге, две трети населения которого составили уроженцы других стран. Центральная библиотека и сеть филиалов обслуживают американцев, ирландцев, немцев, поляков, итальянцев, хорватов, словаков. Это рабочие, служащие, инженеры-механики сталелитейных заводов, работницы текстильных, пробочных, сигаретных фабрик.

Работа, начатая Эндрю Карнеги, была продолжена Нью-Йоркской корпорацией Карнеги и другими фондами, интересующимися развитием библиотек, например, фондом Дж. Рокфеллера, фондом Г. Форда (через свой Совет по библиотечным ресурсам) и другими, менее богатыми агентствами.

В начале XX в. организация библиотечного дела в США получила положительную оценку В.И. Ленина. В статье «Что можно сделать для народного образования», анализируя отчет о деятельности Нью-Йоркской публичной библиотеки за 1911 г., он подчеркивает ее достижения в раскрытии фондов, организации обслуживания читателей, создании системы филиалов. Особо выделяет ее роль как центра всякого рода учреждений и организаций по народному образованию.

Экономику страны характеризовало возникновение и развитие мощных трестов, корпораций промышленников. Монополии

проникли и в сферу культуры. Создаются гигантские тресты, издающие газеты, журналы, книги.

Значительные преобразования произошли в деле создания массовых библиотек. Существовавшие с начала XIX в. библиотеки школьных округов, которые без учета условий просто насаждались администрацией штатов, имели скудные средства, ютились в непригодных помещениях, не были обеспечены подготовленными работниками. Они не могли способствовать удовлетворению возросшей потребности предпринимателей в грамотных рабочих.

Пример библиотечного дела Европы, развитие экономики страны по восходящей линии, значительная благотворительная помощь сыграли положительную роль в библиотечном строительстве США. Широкое распространение во всех штатах страны получили публичные библиотеки, обслуживающие читателей из средних слоев американского общества. Американские библиотеки в это время в один голос утверждают, что публичная библиотека общедоступна, действует «вне политики», охватывает своим влиянием широкие круги.

Библиотека рассматривалась как общедоступное средство непрерывного образования, как учреждение, способное обеспечить читателям отдых и развлечение.

Активно действуют библиотеки крупных промышленных центров. В 1895 г. из нескольких библиотек, открытых ранее на средства благотворителей, создается Нью-Йоркская публичная библиотека. Обслуживание читателей осуществлялось через абонемент, читальные залы, филиалы, передвижки и выдачные пункты, расположенные на площадках для игр, в школах, полицейских участках и тому подобных местах. Все ответвления библиотеки связывал МБА. Фонд центральной библиотеки и фонды филиалов пополнялись литературой по всем отраслям знаний. В зале текущих периодических изданий было сосредоточено 4,5 тысячи названий, 100 из них помещались на открытых витринах. В структуру библиотеки входили: библиотека для слепых, обслуживающая и иногородних жителей, отдел Востока, отдел

европейской литературы, славянский отдел, читальный зал для детей, справочный отдел с читальным залом и каталогами. На полках открытого доступа главного читального зала стояло 25 тысяч томов.

Первой из публичных библиотек крупных промышленных городов организовывала в 1870 г. систему филиалов Бостонская библиотека.

Все публичные библиотеки были хорошо оснащены имевшимися в то время техническими средствами, размещались в специальных зданиях. Например, в здании библиотеки в Милуоки действовали 4 лифта, телефон, о подаче книг читателей извещали с помощью светового табло, действовали механическая почта для передачи требований и электрическая дорога для доставки книг.

Большая часть населения (60%) США в 1900 г. — сельские жители. В отдельных районах страны для их обслуживания тоже создаются публичные библиотеки. Обычно это окружные публичные библиотеки с разветвленной сетью передвижек. Поскольку одному округу содержание библиотеки было не под силу, объединялись два или более округов. Первой окружной библиотечной системой в США считают систему округа Вашингтон (штат Мэриленд), открытую в 1898 г. К 10-м годам XX в. окружные библиотеки получили развитие в Калифорнии. Ящики с книгами — так выглядели тогда передвижки — можно было увидеть в лавках, школах, полицейских участках, церквях. Идея создания странствующих или передвижных библиотек возникла в конце XIX в. Большое значение такой форме библиотечного обслуживания придавал М. Дьюи и в 1892 г., возглавляя публичную библиотеку штата Нью-Йорк в г. Олбени, он опробовал ее. В последующие годы публичные библиотеки при организации передвижек опирались на опыт М. Дьюи [4].

Передовые библиотекари США Г. Патнэм, Дж. Дана, Ч. Кеттер, М. Дьюи подчеркивали, что библиотекарь должен как можно активнее распространять книги, идти навстречу читателям. Американские библиотекари много делали для привлечения

читателей: объявления в газетах, конкурсы на лучшие книжные выставки в витринах магазинов, публичные выступления библиотечарей. А в г. Уэко (штат Техас) была даже введена «библиотечная пересадка» — в трамваях пассажир получал бесплатный билет на дальнейший проезд, если он прерывал поездку для посещения библиотеки.

Большое внимание уделяли публичные библиотеки США удовлетворению запросов читателей, занятых в сфере производства: инженеров, техников, коммерсантов. Задача эта стала такой актуальной, что в 1889 г. на очередном съезде членов Американской библиотечной ассоциации заслушивается доклад об обслуживании публичной библиотекой нужд промышленности.

В 1891 г. публичная библиотека г. Аллигени (штат Пенсильвания) стала комплектовать свои фонды с учетом профиля основной промышленности города. В том же году Дж. Дана в руководимой им библиотеке Денвера положил начало созданию своеобразной коллекции чертежей, диаграмм, схем, рисунков из журналов. В здании торговой палаты Денвера он же организует отдел коммерческой литературы. В 1897 г. Дж. Дана, заведя публичной библиотекой г. Спрингфилда (штат Массачусетс), налаживает связь со школами, литературными, просветительскими, научными обществами, опрашивает сотни бизнесменов, выясняя степень воздействия на них чтения, библиотек. В результате такого изучения потребностей были организованы пункты выдачи литературы на предприятиях. Еще более значительные шаги по улучшению обслуживания бизнесменов он предпринимает, заняв пост руководителя публичной библиотеки Ньюарка. На основе изучения данных о читателях, читаемости Дж. Дана открывает «отдел для бизнесменов». В дальнейшем отдел стал эталоном деловой библиотеки фирмы. Такие же отделы создаются в публичных библиотеках Нью-Йорка, Цинциннати, Провиденса, Миннеаполиса, Сент-Луиса.

Публичные библиотеки подчинялись местным органам власти. В каждом штате имелся свой центр по руководству

библиотеками (комиссия или департамент в составе органов руководства народным образованием). Помимо этого, деятельность каждой публичной библиотеки регулировалась советом попечителей, который направлял ее в нужное общество русло.

Центром, объединяющим библиотечарей, способствующим подъему профессионального уровня их деятельности, стала созданная в 1876 г. Американская библиотечная ассоциация. Ее основные начинания: издание «Библиотечного журнала», пособий, сборников, монографий по библиотековедению, разработка единых правил каталогизации, сбор статистических сведений о состоянии библиотек, постановка специального образования, налаживание связей с зарубежными библиотеками, объединениями библиотечарей.

Экономическое развитие страны сопровождалось усложнением и расширением функций научных библиотек, появлением специальных. Один из видных библиотековедов современной Америки Джесс Шира отмечал, что специальные библиотеки «начали там, где остановились сотрудники публичных библиотек» [4]. К концу 10-х гг. XX в. в удовлетворении профессиональных запросов читателей прочное место заняли библиотеки научно-исследовательских учреждений, конструкторских бюро, деловых контор, страховых компаний, банков, промышленных фирм. Если в течение 1900–1909 гг. появилось 75 новых библиотек фирм, то в следующее неполное десятилетие — 300. Специальные библиотеки финансировались фирмами, являлись их структурными подразделениями, были открыты для специалистов только данной фирмы, комплектовали фонды литературой, отвечающей деловым интересам, обеспечивали доставку нужных изданий на рабочее место сотрудника. В некоторых самых крупных фирмах к 1919 г. имелось несколько научно-технических библиотек.

В 1909 г. в США создается Ассоциация специальных библиотек, ставшая их организационным и методическим центром. Первым ее президентом избирается Джон Коттон Дана. С 1910 г. во всех основных штатах страны, а также в Канаде (Монреаль,

Торонто) учреждаются местные отделы ассоциации. По инициативе Джона Дана эта организация разрабатывает принципы комплектования специальных библиотек, изъятия из фондов устаревающей литературы. В 1913 г. организованная в рамках ассоциации специальная группа изучала метод хранения и обработки газетных вырезок. С 1910 г. начинает выходить журнал «Специальные библиотеки».

На счету этой ассоциации такие важные начинания, как участие в проведении первой переписи специальных библиотек в 1910 г., создание в 1911 г. первого межотраслевого центра информации — Бостонского кооперативного информационного бюро, превратившегося в 1916 г. в автономную организацию пайщиков — Бостонский центр обмена информацией. Через несколько лет этот центр влился в Бостонскую публичную библиотеку.

В Нью-Йорке, кроме широко известной публичной и специальных библиотек, функционировали библиотеки ряда высших учебных заведений, музеев научных обществ.

Деятельность библиотеки Колумбийского университета тесно связана с именем известного библиотечного деятеля Мелвила Дьюи. Именно при нем в конце XIX в. в Америке получило свое развитие библиотечно-информационное образование. В то время библиотечное дело Америки развилось благодаря энтузиазму заинтересованных книжников и независимых состоятельных ученых — научных сотрудников, подвижников, которые владели книжными коллекциями и пополняли их, не имея у себя в штате библиотекарей-профессионалов.

М. Дьюи, один из пионеров библиотечного движения, сформировал ценности библиотеки так: «Наилучшее чтение для наибольшего числа людей при наименьших затратах».

При участии Дьюи в 1887 г. в Колумбийском университете создается первая библиотечная школа. В год организации в числе ее преподавателей были такие известные библиотековеды, как Ч. Кеттер, В. Фостер, Е. Ричарсон, М. Дьюи. В Кембридже, пригороде Бостона, единственного «средневекового» города (основан в 1630 г.) на севере страны продолжает развиваться

библиотека старейшего Гарвардского университета. Фонд ее превышает 200 тысяч томов. Большой объем фонда и связанные с этим трудности хранения и использования литературы натолкнули Ч. Элиота, президента Гарвардского университета, на мысль о необходимости разделения фондов библиотеки в зависимости от степени их обращаемости на две части: активную и редко спрашиваемую. В 1902 г. Элиот первым предложил вывезти редко спрашиваемые, «мертвые» издания в дополнительные помещения за городом.

Большая часть библиотек университетов и колледжей имела небольшие фонды (20–40 тысяч томов) и находилась в частных руках. Их возглавляли попечительские советы из банкиров, промышленников, полностью определяющие характер высшего учебного заведения и его библиотеки. Уровень деятельности таких библиотек был невысок.

В крупных университетах, финансируемых правительствами штатов, библиотечное обслуживание достигло более высокого уровня. Для читателей систематически организовывались занятия по использованию каталогов, широко практиковались выставки, в том числе выставки-просмотры. В университетской библиотеке Принстона на специальном большом столе в читальном зале экспонировалась литература для всеобщего обозрения.

Одной из ведущих среди библиотек высших учебных заведений в рассматриваемый отрезок времени стала библиотека Массачусетского технологического института в Бостоне. В 1878 г. в Бостоне была завершена работа по созданию сводного каталога текущих периодических изданий из фондов девяти крупных библиотек.

Некоторая часть научных библиотек государственных учреждений (Библиотека Конгресса, Национальная медицинская и департамента сельского хозяйства) финансировалась федеральным правительством.

С 1901 г. Библиотека Конгресса приступает к централизованному изданию карточек для своих каталогов. В связи с этим Американская библиотечная ассоциация ставит вопрос о

введении в библиотеках страны единых правил описания, согласованных с правилами Библиотеки Конгресса. Они появились в 1902 и 1904 гг. Издание 1904 г. основывалось на правилах описания, разработанных Ч. Кеттером, М. Дьюи и другими библиотековедами.

В централизованном порядке каталогизировались книги, интересные широкому кругу американских библиотек. Сразу 212 библиотек подписывались на эти карточки. Для их издания в типографии конгресса было организовано специальное отделение. С 1910 г. централизованная каталогизация приняла характер кооперации. Библиотеки (Национальная медицинская и департамента сельского хозяйства) начали посылать Библиотеке Конгресса описания приобретенных ими книг, на которые отсутствовали печатные карточки.

Централизованная каталогизация, удешевившая обработку литературы, освободившая библиотеки от значительных расходов, что было особенно ощутимо в годы Первой мировой войны и после нее, когда библиотеки испытывали значительные материальные затруднения, способствовала интенсивному распространению карточной формы каталогов как в США, так и в других странах.

В конце XIX — начале XX в. завершается разработка и внедряется в практику новая классификационная схема Библиотеки Конгресса. В скором времени эту схему принимают многие библиотеки США и ряд библиотек Европы.

По требованию правительства в национальной библиотеке создается специальная служба законодательной информации для обслуживания конгрессменов. Картина состояния библиотечного дела США будет неполной без характеристики вклада некоторых его представителей в библиотековедение.

Деятельность большой плеяды видных библиотекарей США была направлена на решение многообразных проблем, выдвигаемых библиотечной практикой. Теоретические труды многих из них способствовали распространению влияния американского библиотековедения за пределами страны. Среди них первое

место принадлежит по праву Чарльзу Кеттеру и Мельвилу Дьюи. Огромное значение для развития теории и практики каталогизации имела книга Кеттера о правилах описания, выдержавшая 4 издания (первое — в 1876 г., четвертое — в 1904 г.). Кеттер теоретически обосновал принцип описания произведения под коллективным автором, детализировал правила описания. Он разработал основы теории и методику составления алфавитного, предметного и систематического каталогов. В 1879 г. Кеттер опубликовал статью о своей «растяжимой классификации». Затем отдельными изданиями стала выходить сама классификация. Варианты «растяжимой классификации», над которыми автор не переставал работать, предназначались для библиотек с различными по объему фондами.

Предложенный им прием выделения типовых делений, встречающихся во многих разделах схемы, в самостоятельные вспомогательные таблицы, вошел впоследствии в практику библиотек под названием «системы определителей».

Классификация Кеттера была одобрительно встречена библиотекарями, но широкого распространения не получила. Ее применяли лишь крупные научные библиотеки и библиотеки колледжей. Кеттер работал над своей классификацией в течение 20 лет и опубликовал ее в расширенном варианте только в 90-е гг. XIX в., когда уже активно применялась классификация Дьюи.

С конца XIX в. и до 1903 г. Кеттер участвует в разработке новой классификации Библиотеки Конгресса. Ее выпуски начали выходить с 1911 г., в ней нашел широкое применение принцип алфавитного расположения материалов. Кеттер создал широко применяющиеся в библиотеках авторские таблицы.

Чарльз Кеттер принимал активное участие в деятельности Американской библиотечной ассоциации, в международных встречах библиотекарей, занимался вопросами профессионального обучения, был инициатором многих прогрессивных нововведений в библиотечной практике.

Государство поддерживает ряд работ Дьюи, который, учась в колледже Амхерста и работая в его библиотеке, в 1873 г. составил и передал в библиотечный совет колледжа докладную записку с изложением основных положений своей десятичной классификации. С 1874 г. классификация применялась в этой библиотеке. Объясняя причины, которые побудили его взяться за разработку схемы, Дьюи писал, что, посетив более 50 библиотек, он увидел, насколько велики затраты сил, времени, средств на обслуживание читателей в библиотеках с крепостной расстановкой фондов.

В 1876 г. вышло первое издание его классификации. При жизни автора схема переиздавалась 12 раз. Изобретение десятичной классификации стало крупным событием в области библиотечно-библиографического дела.

В 1876 г. Дьюи в Бостоне, среди основателей Американской библиотечной ассоциации. В течение 15 лет он занимал пост ее секретаря, а в 90-е гг. — президента. Тогда Дьюи начал работу по реализации своего проекта библиотечного образования. Ядром профессиональной подготовки стали прикладная библиография, книжное дело, чтение, сбор, индексация и классификация книг. Библиотечное дело как профессиональная область деятельности, направляемая Американской библиотечной ассоциацией, понималась как работа в больших библиотеках, причем преимущественно технологическая, библиографическая и административная, которую библиотекари время от времени прерывают для контактов с читающей публикой. Библиотекари воспринимались тогда преимущественно как достаточно образованные бизнес-менеджеры.

С целью обеспечения учреждениям и отдельным лицам квалифицированной информационной помощи Дьюи основывает в Бостоне контору, своего рода информационный центр, при участии трех организаций: Американской библиотечной ассоциации, Американского бюро метрических мер, участие которого способствовало применению международной системы мер и единиц, Американской ассоциации реформы правописания.

С помощью Дьюи организуются местные библиотечные ассоциации в городах и штатах. С 1876 г. при участии Дьюи, издателя и библиографа Ф. Лейполдта и при содействии владельца крупной издательской фирмы Р. Баукера начинает выходить «Библиотечный журнал» Американской библиотечной ассоциации. В течение 10 лет Дьюи — его редактор; кроме того, он редактировал «Библиотечные заметки».

Дьюи принадлежит идея стандартизации библиотечной карточки, мысли о необходимости единообразного сокращения слов, о стандартизации библиотечного оборудования.

Дьюи считал библиотечную работу самостоятельной профессией, подчеркивал важность связи теории с практикой, привлекал в библиотечные школы и в библиотеки женщин. В 1889 г. Дьюи переезжает в Олбени, куда переводится библиотечная школа из Колумбийского колледжа. В школе он проработал 11 лет.

Интересны первые вступительные экзамены, которые были проведены среди абитуриентов магистерских библиотечных программ. Тестирующимся предлагались вопросы следующего характера: перечислить авторов и названия трех известных книг, написанных иностранными специалистами об американских политических учреждениях; назвать имя одного современного русского новеллиста и одно, как минимум, его произведение; наметить контур концепции шекспировского театра; перечислить название 15 американских газет; назвать греческие пьесы, которые ставились на театральных сценах с указанием авторов и места постановок; написать небольшое эссе — собственное видение относительно назначения и задач публичной библиотеки. Статья с обработанными результатами опроса абитуриентов была опубликована в «Библиотечном журнале».

По замыслу основателя магистерской программы, выпускники школы должны были стать начитанными людьми, владеющими иностранным языком (немецким или французским) и способными утверждать имидж библиотеки как народного университета. Поэтому обучение было направлено на подготовку умелых менеджеров с технологическими навыками.

Одновременно исполняя обязанности главного библиотекаря штата, он руководил библиотечной ассоциацией штата, был деятельным сторонником кооперации библиотек, многое сделал для расширения международного библиотечного сотрудничества.

Федеральное правительство оказывало помощь библиотекам главным образом через посредство Управления образования США, Национального научного фонда, Национальных институтов здравоохранения и время от времени через различные специальные комиссии. Однако эра крупных пожертвований для библиотек, по-видимому, прошла, и в настоящее время субсидии большей частью направляются на стимулирование и развитие научных исследований, содействие библиотечному образованию, дотации и стипендии на библиотековедческие исследования. И все же в прошлом, благодаря Закону о библиотечном обслуживании и строительстве, многие, в особенности публичные библиотеки смогли значительно расширить свои филиальные системы и другие средства библиотечного обслуживания. Эра богатых покровителей — будь то частное лицо, корпорация или правительственное учреждение — оставила свой след и имена миллиардера Д.П. Моргана, железнодорожного магната А.М. Хантингтона, нефтяных магнатов Г. Фолджера и Р. Пратта вписаны крупными буквами в историю американского библиотечного дела.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. Какие типы библиотек характерны для библиотечного дела Америки?
2. Какое значение имело создание Библиотеки Конгресса США? в чем ее уникальность?
3. В чем специфика американских публичных библиотек?
4. Назовите ведущих американских библиотековедов; охарактеризуйте их деятельность.
5. Какую роль сыграли меценаты (Э. Карнеги, Д. Морган и другие) в создании и развитии американских библиотек?
6. Как повлияли общественные объединения (библиотечные ассоциации) на уровень профессиональной деятельности американских библиотек?

Литература

1. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. 2-е изд., доп. С. 186–194, 204—213.
2. Каневский В.П. Библиотека Конгресса США (исторический очерк) / В.П. Каневский // Библиотековедение и библиография за рубежом. 1990. Вып. 126. С. 101–118; 1991. Вып. 131. С. 3–36.
3. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом : учебник для библ. фак. ин-тов культуры / О.И. Талалакина. М., 1982.
4. Шира Д. Введение в библиотековедение / Д. Шира. М., 1982.

§ 5

Библиотечное дело за рубежом в период новейшей истории

В 1919 г. новый закон о публичных библиотеках принимает парламент Англии. Органам самоуправления было разрешено открывать и финансировать библиотеки графств. В соответствии с принятым законом с 1925 г. начинают организовываться центральные библиотеки графств, при этом продолжают существовать ранее открытые центральные библиотеки городов.

Созданная в 1916 г. в помощь организации библиотечного обслуживания студентов Национальная центральная библиотека с 1930 г. становится национальным центром межбиблиотечного абонементов для библиотек всех типов. При Национальной центральной библиотеке функционируют Британский национальный центр (British National Book Centre), организующий внутригосударственный книгообмен.

Благотворительные фонды Э. Карнеги, Джона Рокфеллера и другие жертвовали большие суммы на развитие библиотечного дела в США и зарубежных странах. Американская библиотечная ассоциация помогала реализовывать эти пожертвования, контролируя работу библиотек, способствуя внедрению в практику наиболее эффективных форм, способов и методов воздействия на читателей. В ряде штатов пожертвования превышали суммы библиотечного налога.

В городах США функционировали сети публичных библиотек, объединенные общим управлением, финансами, кооперацией в работе. Сеть библиотек большого города включала центральную библиотеку, десятки крупных филиалов, более сотни станций или выдачных пунктов, базы для городских, детских, школьных и иногда сельских передвижек, аудитории для клубной работы. Таких библиотек в 1929 г. было 6 тысяч.

Активно работали публичные библиотеки с детьми. Для их обслуживания создавались специальные отделы, интересно и с выдумкой изобретающие новые формы пропаганды книги.

Развитие библиотечного дела в Швейцарии в 20-е гг. XX в. замедлилось. Наиболее значительным событием явилось создание в 1920 г. по инициативе Объединения швейцарских библиотекарей Народной библиотеки в Берне для обслуживания населения всей страны и в первую очередь тех районов, которые не имели библиотек. Центральная библиотека находилась в Берне, а филиалы — в окружных городах каждого из библиотечных округов.

Законы о массовых библиотеках в Испании появились позже, чем в других странах. 8 и 23 августа 1931 г. правительство только что родившейся республики на первом этапе революции (1931–1936) издало два декрета об организации народных и передвижных библиотек. Главное внимание обращалось на создание библиотек в деревне. В 1934 г. в Барселоне начала работать трехгодичная библиотечная школа.

Правительство Бельгии, страны промышленно развитой, плотно населенной, с преобладанием городского населения, приняло в 1921 г. закон об организации с соблюдением ряда условий библиотек в каждой коммуне.

В неплохом положении находились массовые библиотеки кооперативов. Выделялась библиотека кооператива «Народный дворец» в Брюсселе. В 1920 г. в Брюсселе открылась первая детская библиотека. В последующие годы с американской помощью открылись еще 10 детских библиотек. Основную часть детей обслуживали специальные отделы библиотек для взрослых.

Энергичную работу в помощь библиотекам проводила Чехословацкая ассоциация библиотекарей. Она издавала профессиональный журнал, библиографические материалы, организовала библиотечную школу в Праге и курсы по подготовке библиотекарей в провинции.

Единство и кооперация деятельности массовых библиотек — основная идея первого библиотечного закона Дании, принятого в 1920 г. Он установил структуру сети библиотек, порядок их

финансирования, условия открытия новых библиотек, мероприятия в помощь подготовке библиотекарей. Публичные библиотеки находились в ведении Министерства просвещения. Библиотеками руководила Государственная инспекция во главе с государственным директором публичных библиотек и Библиотечным советом (совещательный орган Министерства просвещения).

С 1920 г. началась реорганизация библиотечного дела в Финляндии. Сейм принял закон о государственных субсидиях, которые могли назначаться в случае, если библиотека уже получала средства от местных властей. В 1921 г. появилась Государственная библиотечная комиссия. Ее исполнительный орган — государственное библиотечное бюро — разделило страну на пять библиотечных округов. В каждом из них работал консультант по вопросам библиотечного развития. Комплектование библиотек производилось через государственный книжный склад. В основном это была научная, а не художественная литература. Большая часть книг направлялась в сельские библиотеки.

Государственная библиотечная комиссия, обобщив опыт отечественных библиотек и изучив деятельность библиотек других скандинавских стран, подготовила библиотечный закон, который был принят в 1929 г. Он уточнил порядок финансирования библиотек: государство приняло на себя половину расходов на содержание библиотек, другую выделяли местные органы власти. Представлялись специальные субсидии на строительство, на более интенсивное развитие центральных библиотек.

Следует отметить, что в Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции правительства финансировали массовые библиотеки и до издания библиотечных законов. Правда, отпускаемые библиотекам средства были незначительными. Библиотечные законы скандинавских стран, в отличие от других, с самого начала устанавливали и вводили в практику нормативы библиотечной работы, требовали осуществлять руководство и контроль за библиотеками.

В 1929 г. начался необычайно глубокий и длительный мировой экономический кризис. Сократились, а в отдельных случаях совсем прекратились и без того недостаточные ассигнования,

отпускаемые библиотекам. Уменьшались суммы на оплату труда библиотекарей, на покупку литературы, на содержание филиалов, выдачных пунктов. Больше всего пострадали библиотеки, существующие на отчисления с местных налогов: публичные и народные. Библиотеки стали относить отдельные виды расходов на счет читателей, вводя плату за чтение художественной литературы, справочников, сокращали часы работы, упрощали в целях удешевления библиотечные процессы, отказывались от переплета книг. Среди библиотекарей началась безработица.

В то же время в условиях кризиса с особой силой проявилась жизненно важная социальная роль массовых библиотек. Во всех странах выросла их посещаемость, увеличивалась книговыдача. Среди читателей было много безработных. Библиотека сделалась необходимой. Одним библиотека была нужна, чтобы получить знания, в надежде с их помощью найти работу, другим — чтобы удержаться в числе работающих, третьим, не имеющим средств для оплаты занятий в школе, — чтобы самостоятельно получить общее образование.

В 20–30-е гг. в Италии, Болгарии, Польше, Румынии, Венгрии, прибалтийских государствах, Португалии, Германии и других странах утвердился фашизм. Грубая ликвидация немногих имеющихся гражданских свобод нанесла удар по библиотекам, прежде всего народным.

Приход нацистов к власти ознаменовался сожжением на кострах сотен книг из общественных и частных библиотек. В Берлине библиотечные книги сжигались на площади Берлинской оперы, напротив университета. В одном только Лейпциге, центре германского издательского дела и книготорговли, в 1933 г. было уничтожено около 500 тысяч книг, брошюр, журналов. За состоянием фондов библиотек был учрежден контроль тайной полицией. Нацисты закрыли профсоюзные библиотеки, запретили общественным библиотекам иметь литературу на еврейском и других языках.

В период новейшей истории росли фонды научных библиотек, менялся состав читателей, модернизировались способы обслуживания. Ведущее положение среди научных заняли

национальные библиотеки. Численно возросли, стали разнообразнее по видам носителей информации, по языковому составу их фонды. Появлялись все новые и новые отделы. Во многих случаях это потребовало реконструкции старых и строительства новых зданий, ввода в действие дополнительных книгохранилищ для размещения литературы, новых структурных подразделений библиотек, обеспечивающих в более значительных масштабах обращение накопленных книг.

В 1939 г. было построено дополнительное крыло для Библиотеки Конгресса в США. Старое и новое здание соединил тоннель. По закону, принятому конгрессом, национальная библиотека возглавила систему библиотечного обслуживания слепых. С 1934 г. библиотека перестала выполнять функции национального архива.

В 1935 г. переводится в новое помещение Национальная библиотека во Флоренции (Италия). Четырьмя годами раньше в специально выстроенное здание переезжает Национальная библиотека Швейцарии.

Конец 20-х–30-е гг. стали временем значительного расширения и улучшения деятельности Национальной библиотеки Франции. Жюльен Кэн, ставший в 1930 г. ее директором, вернул национальной библиотеке утраченную ею за последние 100 лет славу, возвратил библиотеку своей эпохе — XX в. Так говорил о Ж. Кэне в 1937 г. его друг Поль Валери. При участии и руководстве Ж. Кэна, с одобрения Министерства просвещения, в ведении которого находилась библиотека, составляется план реконструкции. Осуществление намеченных задач позволило в 1934 г. в Версале освоить восьмизэтажное дополнительное книгохранилище (20 км книжных полок) для провинциальных газет, ввести компактное хранение литературы, открыть новый справочный зал в реконструируемом здании в Париже, где разместились каталоги, картотеки, энциклопедии, библиографические издания, увеличить площади для выставок, обеспечить большую комфортность читателям.

Образование новых самостоятельных государств стимулировало появление новых национальных библиотек. В июне

1938 г. был опубликован декрет о создании Бельгийской Королевской библиотеки им. Альберта I в Брюсселе, центрального государственного хранилища всех национальных печатных изданий, эстампов, планов, карт. С мая 1939 г. она открылась для посетителей.

С 1919 г. начала собирать фонд национальной библиотеки независимая Польша. Она была открыта по специальному декрету правительства в 1928 г., а спустя два года приняла первых читателей.

По-разному решалась проблема национальной библиотеки в многонациональных государствах. Единой для валлонов и фламандцев — основных национальностей Бельгии, стала со дня основания Королевская библиотека. Национальная библиотека Швейцарии вела обслуживание на всех трех государственных языках (немецком, французском, итальянском).

То обстоятельство, что национальные библиотеки в ряде стран были созданы только в 30–40-е гг. XX в., не означает, что ранее их функции не выполнялись другими библиотеками. В Польше национальной считалась библиотека Ягеллонского университета, в Чехословакии — Публичная библиотека Пражского университета, которая с 1932 г. стала называться Национальная и университетская библиотека.

Сетью национальных библиотек, размещенных во всех областях страны, обладала Италия. В отличие от других европейских библиотек и Библиотеки Конгресса ни одна из национальных библиотек Италии не хранила всю печатную продукцию страны.

В некоторых случаях в странах с несколькими национальными библиотеками с санкции правительств осуществлялись мероприятия по согласованию их деятельности. Во Франции было создано объединение национальных библиотек, состоящие из Национальной библиотеки в Париже, Библиотеки оперы, Библиотеки консерватории и Библиотеки Арсенала. Согласно декрету с 1926 г. у них был общий бюджет. В 1927 г. была учреждена Комиссия по координации их деятельности. В ее задачу входило улучшение материального положения библиотек, вопросы

регулирования заработной платы, рационализация административно-технической стороны дела.

Библиотеки крупнейших университетов и вузов Америки становились богатейшими книгохранилищами научной литературы и не заботились о приобретении учебных пособий. Нередко библиотеки крупных вузов обслуживали специалистов той отрасли, которая соответствовала их профилю.

В отличие от США библиотеки университетов Великобритании обеспечивали литературой только профессию и студенчество, лишь в редких случаях изменяя этому правилу.

Публичный характер носили центральные библиотеки университетов Италии.

Библиотеки большинства университетов Японии, где веками недооценивалась роль библиотек в учебном процессе, формировались однобоко. Их основная цель — помощь в исследовательской работе профессоров, которые хранили у себя приобретаемые библиотекой издания.

Библиотеки канадских университетов обслуживали только учебный процесс. В канадских научных библиотеках не было даже литературы о Канаде, преподаватели университетов вынуждены были обращаться за ней в Библиотеку Конгресса, Нью-Йоркскую публичную или в библиотеку Гарвардского университета.

Ряд стран имел разветвленную сеть специальных библиотек. Членами созданной в 1924 г. Ассоциации специальных библиотек Англии были 2500 библиотек, в том числе около 1000 библиотек различных фирм. Показателем роста значения и расширения сети специальных библиотек во Франции явилось создание в 1932 г. Ассоциации специальных библиотек и документационных служб.

В 30-е гг. XX в. крупный немецкий ученый и библиотечный деятель Георг Лей четко сформулировал теоретическое положение об утопичности идеи всеобъемлющего комплектования. Научные библиотеки все увереннее встают на путь создания групп библиотек, сотрудничающих между собою в области комплектования.

В период между двумя мировыми войнами повышается роль межбиблиотечного абонемента. Во многих странах появляются сводные каталоги.

В этот период библиотековедение разрабатывает такие вопросы, как книгообмен, библиографическая и справочная деятельность библиотек, история создания и развития отдельных библиотек, открытый доступ, организация труда библиотекарей. В отдельных случаях в поле зрения библиотечников попадали и проблемы чтения.

Больше, чем раньше, внимания стало уделяться распространению профессиональных знаний, библиотечному образованию. Одним из известных деятелей в этой области был директор библиотеки Мичиганского университета и библиотечной школы при нем У.У. Бишоп.

Превращению библиотеки в полноценную университетскую много сил, знаний, времени отдал один из всемирно известных библиотечников Шиали Рамангитан (1892–1972). Специальное образование он получил в библиотечной школе Лондонского университета. Став в 1924 г. заведующим библиотекой Мадрасского университета, Рамангитан наладил высококвалифицированное обслуживание читателей. Практика, эксперименты, знакомство с постановкой библиотечного дела в Великобритании позволили ему сформулировать основы библиотековедения в получивших широкую известность пяти законах библиотечной науки. В практической деятельности и научном творчестве Рамангитан неутомимо боролся за претворение в жизнь своих идей. Ему удалось сделать читателей помощниками библиотекарей, рационализировать комплектование, управление библиотекой и производственные процессы. Опыт библиотеки Мадрасского университета служил примером не только для Индии, но и для других стран, в том числе и с высокоразвитым библиотечным делом [5].

Нет ни одной области библиотечной работы, в которой бы не сказал своего слова Рамангитан. Наибольший вклад он внес в теорию библиотечной классификации. Современная классификационная мысль в определенной мере развивается под влиянием идей Рамангитана, изложенных в его «Классификации при помощи двоеточия». Под эгидой Мадрасской библиотечной ассоциации в апреле 1929 г. Рамангитан организовал курсы для подготовки библиотекарей. Через 4 года курсы реорганизуются

в школу при Мадрасском университете. Здесь в лекциях Ранганатан впервые охарактеризовал свои знаменитые законы библиотекведения. Преподавание, считал он, должно в первую очередь дать глубокие теоретические знания в области библиотекведения, а затем уже научить практическим методам работы.

Насыщенный трагическими для человечества событиями шестилетний период (сентябрь 1939 — сентябрь 1945 г.) Второй мировой войны занимает особое место в истории библиотек. В войне участвовало 61 государство, военные действия велись на территории 40 стран. В огне сражений погибли невосполнимые духовные ценности огромного числа библиотек. В первый налет фашистской Германии на Белград (6 апреля 1941 г.) от зажигательных бомб сгорела до основания Народная библиотека Сербии. Навсегда была утеряна богатая коллекция (около 1300 ед.) кириллических рукописей XII–XVIII вв.

Взрывы авиабомб в 1940 и 1941 гг. привели к разрушению библиотек Лондона, Ковентри. В здании хранилища Британского музея было уничтожено около 250 тыс. томов ценных изданий, в том числе редкие славянские и русские издания. В результате бомбардировок погибли значительные части библиотечных фондов в Роттердаме, Гааге, Брюсселе. При отступлении немцы сожгли библиотеки монастырей, университетскую в Нименгене (Голландия). Во время бомбардировки в Софии сгорела самая крупная массовая библиотека Болгарии — городская.

Подчеркивая ликвидацию польской государственности, гитлеровцы объявили Варшаву «провинциальным городом». Библиотеки — национальная и Варшавского университета в 1940 г. стали единым учреждением. Во время Варшавского восстания 1944 г. гитлеровцы уничтожили фонды этой библиотеки. Польша лишилась собрания рукописей, старинных изданий, документов и материалов по истории Польши. Из 22,5 миллионов томов в польских библиотеках уцелело около 7,5 миллионов [3].

Во время войны и фашистской оккупации 5,3 миллиона книг и рукописей лишились библиотеки Чехословакии. Особенно пострадали массовые библиотеки.

Подпольно действующие Общество народных читален и Польская школьная матица пытались продолжать библиотечное обслуживание детей. Детские филиалы публичных библиотек подвергались наиболее жесткому разгрому. В 1943 г. книги из школьных библиотек были вывезены для переработки на бумажную фабрику. В немногих оставленных гитлеровцами школах не обучали ни истории, ни географии. Библиотечные книги поэтому стали единственным источником, из которых дети черпали сведения о прошлом и настоящем мира. Исключенные из фондов книги по истории и географии некоторые библиотекари брали домой и выдавали только надежным читателям.

В 1942 г. Библиотека Конгресса приступила к микрофильмированию карточного сводного национального каталога. С 1942 по 1946 г. вышло 167 томов. Создавался прочный фундамент для улучшения справочной работы. В Библиотеке Конгресса было введено круглосуточное обслуживание правительственных организаций.

Еще в ходе войны союзные державы предпринимали некоторые меры по оказанию помощи государствам, лишившимся большей части библиотек. В Лондоне при постоянном Международном бюро по народному просвещению действовала Комиссия по сбору книг и периодических изданий для библиотек стран, территории которых пострадали от варварских действий фашистов. Собранные книги передавались Лондонскому межсоюзному книжному центру для снабжения ими в первую очередь национальных и университетских библиотек, опустошенных войной.

Министерство иностранных дел США, Библиотека Конгресса явились инициаторами созыва конференции (1945) по основанию американского фонда помощи разоренным библиотекам зарубежных государств. Он был создан на средства Рокфеллеров.

У библиотечного дела военного времени всех стран мира есть общие черты: потеря квалифицированных сотрудников, частая смена работников, трудности в текущем комплектовании, прекращение издания бюллетеней, списков. И вместе с тем рост числа читателей публичных библиотек, книговыдачи технической

литературы, участие библиотек в сборе и обслуживании книгой армий, восстановление библиотек.

После войны процесс формирования мировой социалистической системы сопровождался коренными преобразованиями в духовной жизни.

22 июня 1945 г. был издан новый «Закон о народных читальнях» в Болгарии.

«Декрет о библиотеках и охране библиотечных фондов» сейма Польской Народной Республики от 17 апреля 1946 г. потребовал, чтобы общедоступные библиотеки обслуживали всех граждан, в том числе и детей.

В ноябре 1945 г. была открыта Немецкая библиотека в Лейпциге, а в октябре — Государственная библиотека в Берлине.

Библиотека Конгресса — национальная библиотека США стала центром научных библиотек страны. Одной из главных ее функций было координирование комплектования фондов научных библиотек иностранной литературой. Библиотека Конгресса возглавила реализацию общенациональной программы микрофильмирования иностранных газет. Был налажен их систематический библиографический учет. В 1948 г. начал выходить указатель «Газеты на микрофильмах», один из основных элементов общегосударственной системы микрофильмирования.

В конце 1947 г. специально сформированная из представителей Библиотеки Конгресса и Американской библиотечной ассоциации консультативная миссия подготовила рекомендации о создании Парламентской библиотеки Японии, прототипом которой явилась Библиотека Конгресса. 5 июня состоялось открытие этой единственной, состоящей на бюджете государства, библиотеки Японии.

Следуя примеру Библиотеки Конгресса, Национальная парламентская библиотека Японии со дня основания развернула справочную и информационную работу, соблюдая строгую очередность в выполнении заявок: члены парламента, правительственные учреждения и организации, прочие организации, библиотеки, научные работники. С 1948 г. библиотека — центр национальной

библиографии. В 1950 г. выходит новое издание японской десятичной классификации, начинается подготовка карточной базы для национального сводного каталога.

Национальная библиотека Великобритании — единственная из развитых национальных библиотек мира осталась верна традиции выдавать литературу только через читальные залы.

В 1960 г. начала формировать свой фонд через Библиотеку Британского музея, а в 1966 г. официально включена в состав ее отдела печатных изданий Национальная справочная библиотека по естественным наукам и изобретательству. В ее функции входит обслуживание читателей литературой по естественным наукам и технике.

К 1962 г. относится начало деятельности Национальной научно-технической библиотеки-абонемента (The National Lending Library for Science and Technology), основная задача которой — оперативное обслуживание ученых и специалистов отечественной и зарубежной литературой через межбиблиотечный абонемент и путем фотокопирования.

Учет и регистрацию отечественных книг и журналов на основе обязательного экземпляра Библиотеки Британского музея осуществляет созданная в 1949 г. Служба британской национальной библиографии [4].

Приведенная краткая характеристика деятельности библиотек Великобритании позволяет судить о том, что, начиная с первой четверти XX в., в стране предпринимаются попытки компенсировать недостатки обслуживания, осуществляемого Библиотекой Британского музея. Эта библиотека, выполняющая функцию главного национального хранилища страны, не осуществляла целого ряда других функций, присущих национальной библиотеке.

В 1972 г. был одобрен новый документ «Белая книга Британской библиотеки», согласно которому пять библиотечных учреждений — Библиотека Британского музея, Справочная библиотека по естественным наукам и изобретательству, Национальная центральная библиотека, Национальная научно-техническая

библиотека-абонемент в Бостон-спа, Служба британской национальной библиографии должны быть объединены в единый национальный орган под названием «Британская библиотека». В апреле 1973 г. Британская библиотека была официально открыта.

Повсюду в университетах, институтах, колледжах появляется много новых библиотек отделений, факультетов. Для университетских библиотек США, Франции, Великобритании, ФРГ, скандинавских стран проектируются и строятся новые здания. Библиотеки получают возможность пользоваться новейшим оборудованием, внедрять механизацию, автоматику в технологические процессы.

В некоторых странах библиотеки университетов и вузов сталкиваются с множеством трудностей. Так, финансовые затруднения частных (Гарвардский, Колумбийский) университетов США вынуждали их брать плату за пользование библиотеками, не обслуживать студентов других университетов. Многие библиотеки университетов Франции располагали скудными ассигнованиями на покупку новой литературы, не имели достаточных площадей и надлежащим образом оборудованных помещений, необходимого числа сотрудников.

Но в этих затруднениях была и положительная сторона: библиотеки вынуждены были кооперировать свою деятельность. Так создаются центры для совместного хранения менее спрашиваемой читателями литературы. Одним из первых стал функционировать депозитарий для библиотек университетов Новой Англии в Бостоне (США). В 1951 г. аналогичный центр был создан университетскими библиотеками Среднего Запада. Его задачи не ограничивались хранением. Он также оказывал библиотекам помощь в приобретении и обработке некоторых видов изданий. Затем такие центры были созданы в Великобритании, Франции, скандинавских странах.

ВОПРОСЫ ДЛЯ САМОПРОВЕРКИ

1. В каких странах были приняты библиотечные законы?
2. Как развивались научные и специальные библиотеки за рубежом?
3. Какие потери понесли библиотеки во время Второй мировой войны?
4. Как осуществлялось международное библиотечно-библиографическое сотрудничество?
5. В чем суть изменений, происходивших в библиотечном деле в XX в.?

Литература

1. Багрова И.Б. Библиотеке Конгресса — 200 лет / И.Б. Багрова // Библиотековедение. 2000. № 2. С. 93–102.
2. Володин Б.Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. 2-е изд., доп. С. 246–254, 281–291.
3. Назмутдинов И.К. Библиотеки Польши / И.К. Назмутдинов // Библиотековедение и библиографоведение за рубежом. 1989. Вып. 121. С. 57–67.
4. Оськина В.М. Современные тенденции развития библиотечного дела и библиотековедения в Великобритании / В.М. Оськина // Библиотековедение и библиографоведение за рубежом. 1980. Вып. 77. С. 38–45.
5. Ратькова Е.В. Библиотечное дело в Индии / Е.В. Ратькова // Библиотековедение и библиографоведение за рубежом. 1978. Вып. 70. С. 36–51.
6. Современное профессиональное библиотечное образование в США и Великобритании / сост. Е.А. Набатникова. М., 1986. 32 с.
7. Талалакина О.И. Международное библиотечно-библиографическое сотрудничество : учеб. пособие / О.И. Талалакина. М., 1981. 78 с.
8. Талалакина О.И. История библиотечного дела за рубежом : учебник для библ. фак. ин-тов культуры / О.И. Талалакина. М., 1982.
9. Шира Д. Введение в библиотековедение / Д. Шира. М., 1982.

Заключение

История библиотек — это во многом история цивилизации, культуры, общества в целом. Пройдя путь от глиняных табличек Шумера и Ниневии, папирусов Древнего Египта через скудное оснащение средневековых монастырей к собраниям учебников для первых школ, а от них к бесплатной публичной библиотеке нашего времени, библиотека претерпела длинный ряд преобразований, каждое из которых было обусловлено потребностями современного ей общества.

В данной работе достаточно подробно рассматривается, как библиотеки на протяжении почти четырех тысяч лет служили науке, образованию и культуре, как менялись их роль, оснащение, методы работы.

Теперь библиотеки — не просто хранилища земной мудрости. Современная система библиотечно-информационного обслуживания ориентирована на повышение уровня информированности всех слоев населения — от высших управленческих структур до конкретной личности. Общество перестает воспринимать библиотеку как учреждение, где хранятся и выдаются печатные издания. Для все более широкого числа пользователей библиотека сегодня — это информационный центр.

В библиотеках произошли действительно глобальные изменения. Архитектура и техническое оснащение кардинально отличаются от классической библиотеки прошлого. Фонды и каталоги существенно изменились за счет внедрения компьютерно-коммуникационных технологий. Взаимоотношения с читателями в информационном обществе, где значительно возросли возможности доступа к различным каналам передачи информации, тоже требуют переосмысления. Библиотекари переходят от философии воздействия на читателя к философии доступности информации, становятся информационными посредниками. В библиотечное дело смело вошли такие понятия, как менеджмент, маркетинг, инновационная деятельность.

Это будет уже следующая страница истории библиотечного дела. Ее предстоит написать тем, кто сейчас трудится в библиотеках или учится на библиотечно-информационных факультетах. И в отличие от нас, собиравших материалы в разнообразных, но в своем большинстве малодоступных источниках, им будет значительно проще работать с информационными базами.

Пожелаем успехов энтузиастам, которые откроют новую страницу в истории отечественного и мирового библиотечного дела.

Указатель имен

- Аббасиды, династия 327
Абрамов К. И. 9, 10, 11
Аввакум, протопоп 38
Август, римский император 319
Августин Кентеберийский 334
Адамс Дж. 373
Аделунг Ф. Г. 108
Адуд ад-Даул, правитель Кордовы 328
Александр I, российский император 91, 96
Александр II, российский император 117, 153
Александр III, российский император 155
Александр Македонский 314
Александра Федоровна, российская императрица 113
Алексей Петрович, царевич 66, 70
Алеша Попович 18
Алкуин Ф. А. 335
Алчевская Х. Д. 189, 191, 200
аль-Мамун Великий 327
Альберт I, король Бельгии 397
Амбарцумян З. Н. 292
Амейлон Г. П. 356
Амир 317
Амосов А. А. 34
Анастасевич В. Г. 139
Андреев Л. Н. 275
Андрей Боголюбский, великий князь Владимирский 22
Андроник Родосский 319
Аничков Д. С. 79
Анна Петровна, царица 66, 80
Антокольский М. М. 104
Антоновский М. И. 86
Апелликон 319
Аполлоний Родосский 315
Арескин Р. 83, 84
Аристотель 30, 113, 313, 314, 318, 319
Аристофан 113
Аристокл Византийский 315, 316
Арсеньев В. К. 117
Архимед 116
Аттик 321
Афанасий, книгохранитель 48
Ашшурбанипал, ассирийский царь 311, 312
Баженов В. И. 112
Байрон Дж. Г. 189
Бакмейстер И. Г. 85
Балакирев М. А. 104
Балика Д. А. 297
Балобанова Е. Б. 197, 200
Банк Б. В. 255
Батюшков К. Н. 91, 97
Баукер Р. 210, 389
Бахрушин С. В. 296
Безбородко И. А. 91
Белинский В. Г. 104, 113, 127, 147

- Белов А. М. 199
 Белокуров С. А. 34
 Белоусова Т. М. 34
 Белюз 348, 354
 Бенедикт, монах 334
 Бенедикт Нурсийский 334
 Бентли Р. 350
 Берви-Флеровский В. В. 104, 127
 Бердяев Н. А. 152, 275
 Бердникова 131
 Бери Р. де 338
 Бестужев А. А. 92
 Бестужев-Рюмин М. П. 96
 Биньон Ж.-П. 349
 Бископ Б. 334
 Бишоп У. У. 399
 Блок А. А. 188
 Блюментрост Л. Л. 66, 81, 83, 84
 Богданов А. И. 85
 Богданов П. М. 173, 174, 187, 200
 Бодлей Т. 345
 Боднарский Б. С. 206, 290
 Бодянский О. М. 94
 Боккаччо Дж. 339, 341
 Бокль Г. Т. 105, 127
 Бонифаций, архиепископ 334
 Борович Б. О. 221
 Борromeo Ф. 346
 Боэтий А. 333
 Бреверн К. фон 81
 Брежнев Л. И. 228
 Брей Т. 371
 Брешко-Брешковский Н. Н. 275
 Брюллов К. П. 96
 Брюс Я. В. 66
 Брюсов В. Я. 114
 Булгаков С. Н. 152
 Булгарин Ф. В. 115
 Буслаев В. 18
 Буташевич-Петрашевский М. В. 123
 Бухарин Н. И. 279
 Бычков А. Ф. 104
- Бэкон Ф. 348
 Бэкхаус У. 369
- Вазов И.** 193
 Валери П. 396
 Варрон М. 319, 320
 Василий III Иванович, Московский великий князь 32
 Васильченко В. Е. 9
 Васнецов В. М. 104
 Ваттемар А. 377
 Вашингтон Дж. 178
 Вега Л. де 31
 Венгеров С. А. 104
 Венецианов А. Г. 91
 Верещагин В. П. 104
 Вергилий 318
 Ветгерман И. 32–33
 Виктория, королева Великобритании 363
 Викторов А. Е. 113
 Виноградов А. К. 295
 Витез И. 346
 Витрувий 320, 321
 Владимир Мономах 23
 Владимир Ярославич, новгородский князь 23
 Владимир Святославович, князь 18, 19
 Владиславлев И. В. 197
 Войнич-Сяноженцкий А. Р. 203
 Волконская З. А. 92
 Володин Б. Ф. 11
 Вольтер 56, 114
 Вольтер Э. А. 199
 Воронихин А. Н.
 Востоков А. Х. 97, 111, 116, 144
 Всеволод, великий князь Киевский и Владимиро-Суздальский 23
 Всеволод Ярославич, великий князь Киевский 23
 Вяземский П. А. 91

- Гай Азиний Поллион 319
 Галилей Г. 178, 348
 Гарвард Дж. 370
 Гарвей У. 348
 Гарибальди Дж. 107
 Гаршин В. М. 21, 127
 Гейман Г. 365
 Гейне Г. 114
 Генрих IV, французский король 343
 Генрих VIII 342
 Георг II, английский король 350
 Герений Филон 321
 Геродот 30
 Герцен А. И. 21, 92, 106, 113, 116, 117, 147, 155, 272
 Геснер К. 343, 359
 Гете И. В. 114, 236, 354, 355, 359
 Гильгамеш, шумерский правитель 308, 312
 Гиммлер Г. 283
 Гмелин Ф. 66
 Гнедич Н. И. 96, 98, 99
 Гоббс Т. 348
 Гоголь Н. В. 107, 113, 127, 178, 188, 236, 277
 Голицын В. Д. 295
 Голицын М. М. 54
 Головин Ф. А. 80
 Гомер 30, 116, 325
 Гончаров И. А. 105, 275
 Гораций 113, 318
 Горький А. М. 128, 188, 270
 Готье Ю. В. 296
 Грановский Т. Н. 147
 Греков Б. Д. 22
 Греч Н. И. 115
 Грибоедов А. С. 91, 111
 Григо 344
 Григорий, дьякон 24
 Григорий I Великий, папа римский 334
 Григорьев Ю. В. 11, 187
- Гутенберг И. 341
 Гуфье Ш. 95
 Гюго В. 114, 127
 Гюйссен Г. фон 66, 80
- Д'Аламбер Ж. Л. 348
 Д'Амбуа, кардинал 344
 Даль В. И. 102
 Дана Дж. К. 381, 382, 383, 384
 Данте А. 286
 Дарвин Ч. 128
 Дарденн 193, 194
 Дашкова Е. Р. 373
 Дежнев С. И. 178
 Дельвиг А. А. 97
 Демосфен 30
 Демосфил 314
 Денисьев В. Н. 260, 301
 Деренков А. С. 128
 Державин Г. И. 53, 96
 Дерман Г. К. 255, 256, 257
 Дерунов К. Н. 162, 193, 200, 201
 Джюветт Ч. К. 378
 Дидро Д. 348
 Диккенс Ч. 114, 189
 Димитрий из Фалерома 314
 Диодор 310
 Добрая 131
 Добржинский Е. Н. 201
 Добролюбов Н. А. 104, 127, 133
 Доблер Ф. 297
 Достоевский Ф. М. 113, 114, 127, 152, 155, 188, 275
 Дрейпер Дж. У. 127
 Дунс Скот И. 335
 Духовский И. В. 128
 Дьюи М. 187, 381, 384, 386, 387, 388, 389
- Еврипид** 314
 Екатерина II, российская императрица 24, 54, 56, 70, 94, 95

- Елизавета Петровна, российская императрица 67
 Ерыгин 130
- Жуковский В. А.** 91, 96, 117
- Забелин И. Е.** 34
 Загоскин М. Н. 97
 Закревский А. А. 115
 Залусские, братья (С. А., Ю. А.) 70, 94
 Зарубин Н. Н. 34
 Захаров А. Д. 91
 Здобнов Н. В. 38, 260, 290
 Зенодот Эфесский 315
 Зенон, византийский император 325, 326
 Зиновьев Г. Е. 279
 Златовратский Н. Н. 127
 Зобнин 125, 128
 Золя Э. 127
- Иван III Васильевич, русский царь** 34
Иван VI Васильевич Грозный, русский царь 24, 28, 32, 34, 36
 Иванов А. А. 104
 Иванов Д. Д. 290
 Ивлин Дж. 344
 Игорь, князь 18
 Изяслав, князь 24
 Иоанн, дьякон 22
 Исаков Н. В. 111
 Исидор, епископ севильский 334
 Итон Т. 370
- Кайданова О. В.** 190
 Калишевский А. И. 200, 201, 206, 207
 Каллимах 315, 316
 Каменев Л. Б. 279
 Кант И. 271, 275, 348
 Капнист В. В. 53
- Карамзин Н. М. 26, 79, 92
 Каратыгин Ф. А. 297
 Каратыгина Т. Ф. 10
 Карл Великий, король франков 335
 Карл II Лысый, западно-франкийский император 335
 Карнеги Э. 363, 364, 379, 392
 Каргашов Н. С. 246
 Катулл 319
 Кассиодор М. А. 324, 333, 334
 Каутский К. 129
 Кашкин Н. С. 123
 Квасков Я. Г. 184, 185
 Квинтилиан 116
 Кейзерлинг К. фон 81
 Кеплер И. 348
 Кетгер Ч. 207, 381, 384, 386, 387
 Киприанов В. А. 55
 Киприанов В. В. 55, 56, 58, 69, 71, 72
 Кирилл (Константин) Святой, просветитель 19, 130
 Киров С. М. 34
 Киселев Н. П. 296
 Клавдий, римский император 320
 Кленов А. В. 260, 301
 Клоссиус Ф. 34
 Ключевский В. О. 37, 114
 Княжнин Я. Б. 53
 Кобэм Т. 338
 Козловский М. И. 53
 Коль И. Х. 66
 Кольбер Ж.-Б. 348, 354
 Коменский Я. А. 365
 Кондоиди А. 66
 Кондоиди П. З. 69
 Константин, князь 23
 Константин I Великий, римский император 324
 Копысов Н. Я. 163
 Короленко В. Г. 104, 113, 188
 Корф И. А. 70–71, 81

- Корф М. А. 108, 112, 140
 Корф Н. А. 189
 Корш В. Ф. 112
 Костомаров Н. И. 102
 Коттон Р. Б. 350
 Кравченко А. Г. 256, 257
 Крамской И. Н. 104
 Красовский А. А. 134
 Кратес из Малоса 318
 Кромвель О. 107, 349
 Кропоткин П. А. 275
 Крупп Ф. А. 365
 Крупская Н. К. 216, 228, 251, 255, 257, 258, 261, 271, 272, 273, 274, 294, 295, 299, 300
 Крылов И. А. 96, 98, 144
 Куинджи А. И. 156
 Клеопатра, египетская царица 316
 Кулибин И. П. 53, 178
 Куприн А. И. 188
 Кэн Ж. 396
- Лабуле Э. Р.** 127
Ламбин П. П. 104
Ланге 66
Лассаль Ф. 104
Лафонтен А. 367
Лей Г. 398
Лейбниц Г. В. 353, 354
Лейполдт Ф. 389
Лекки В. Э. Г. 127
Леленд Дж. 342
Ленин В. И. 212, 215, 251, 252, 256, 273, 276, 280, 379
Лермонтов М. Ю. 127, 188
Лесков Н. С. 21, 271, 275
Лессинг Г. Э. 359
Лефорт П. 84
Лефорт Ф. 84
Ливий Т. 346
Лисовский Н. М. 104, 200, 201
Лихачев Н. П. 34
Логин Дж. 372
- Локк Дж. 348
 Ломоносов М. В. 53, 59, 66, 68, 78, 79, 85
 Лосский Н. О. 275
 Лужков А. И. 75, 85
 Луначарский А. В. 294
 Луппов С. П. 10
 Луций Эмилий Павел 318
 Лютер М. 341, 342
- Мазарини, кардинал** 344, 345, 348
Макарий, митрополит 36
Максим Грек 32
Макушин П. И. 153
Мария I Стюарт, королева Шотландии 107
Марк Антоний 318
Маркс К. 127, 128, 276, 280
Масловский С. Д. 173, 200, 290
Матиаш Корвин, венгерский король 346
Маттеи Х.-Ф. 147
Медици Екатерина, французская королева 344
Медици К. 340
Медици Л. 340
Медынский Е. Н. 221, 294
Межов В. И. 104
Менделеев Д. И. 104, 114
Меньшиков А. Д. 54
Мефодий, просветитель 19
Мечников И. И. 105
Миамун 310
Миллер Ф. И. 76
Милль Дж. 127
Мильтон Д. 31
Минцлов С. Р. 268, 269
Митридат VI Евпатор, понтийский царь 319
Мицкевич А. 189
Мичурин 191
Монж Г. 357

Морган Д. П. 390
 Мордвинов Н. С. 115, 116
 Мордовцев Д. Л. 127
 Мстислав, князь 22
 Мстиславец П. 28
 Муравьев М. Н. 94
 Муравьев Н. М. 94
 Мусоргский М. П. 104
 Мюнцер Т. 114

Надсон С. Я. 188

Наполеон I Бонапарт, французский император 97, 114, 357
 Нарышкин Е. Д. 153
 Наумов Н. И. 127
 Невский В. А. 255
 Невский В. И. 295, 296
 Немович-Данченко В. И. 275
 Некрасов Н. А. 113, 127, 188
 Нестор, летописец 19, 20, 22
 Ниенштедт Ф. 32
 Никитин А. 26
 Никколи Н. 340
 Николай I, российский император 92
 Николай II, российский император 155
 Николай V, папа римский 340
 Никольский М. Н. 308
 Никон, патриарх 37, 38
 Ниль 319
 Ницше Ф. 271, 275
 Новиков Н. И. 53, 69, 79, 114
 Нодэ Г. 344, 345, 354
 Ньютон И. 178, 348

Овидий 318
 Огарев Н. П. 106, 113
 Одоевский В. Ф. 103, 111, 112, 113, 148
 Олег, князь 18
 Оленин А. Н. 95, 96, 97, 100, 107, 136, 137, 138

Омар (Умар), мусульманский правитель 317
 Омейяды, династия 326
 Омуревский И. В. 127
 Орлов А. Я. 296
 Орлов В. И. 191
 Осаф, книгохранитель 48
 Остерман А. И. 66, 80
 Островский А. Н. 105, 113
 Остромир, посадник 24
 Отле П. 367

Павел I, российский император 95
 Павленков Ф. Ф. 153
 Павлов И. П. 104
 Паницы А. 360, 361
 Парентучелли Т. 340
 Патнэм Г. 381
 Патрик, святой 334
 Паузе И. В. 66
 Пашков П. Е. 112
 Персей, македонский правитель 318
 Петр I, российский император 23, 52–55, 57–61, 70, 82–84, 89
 Петрарка Ф. 339
 Петров П. Я. 94
 Пирогов Н. И. 10, 12
 Пирпонт Дж. 370
 Писарев Д. И. 105, 127
 Пифагор 313
 Плавильщиков В. А. 114
 Платон 271, 275
 Плутарх 30
 Погодин М. П. 115, 155
 Подбельский П. 124
 Покровская А. К. 207
 Покровские, братья (Вас. К., Владим. К., И. К., Н. К., П. К.) 125
 Покровский А. А. 10, 132, 164, 174–176, 179, 185–187, 192, 193, 207, 222, 255, 276, 294, 297

Полевой К. А. 115
 Ползунов И. И. 53
 Полибий 314
 Поликрат 313
 Поллион Г. А. 319
 Полонский Я. П. 188
 Полоцкий С. 38
 Полторацкий С. Д. 94
 Попов, гимназист 125
 Прагт Р. 390
 Преображенская 297
 Прокопович Ф. 54, 66, 82, 86
 Птолемей I Сотер, царь эллинистического Египта 314, 315, 316
 Птолемей II Филадельф 315
 Пушкин А. С. 91, 96, 99, 108, 111, 127, 155, 178, 188, 236, 277

Рабле Ф. 31
 Радищев А. Н. 53
 Рамзес 310
 Ранганатан Ш. Р. 399–400
 Расин Ж. 31
 Рассел С. 370
 Раумер Ф. фон 365
 Редвуд А. 373, 376
 Рейсс Ф. Ф. 93, 133, 134, 139, 145
 Рейхенау В. фон 282
 Рен К. 349
 Репин И. Я. 104
 Решетников Ф. М. 127
 Риббентроп И. фон 283
 Римский-Корсаков Н. А. 104, 107
 Ричардсон Е. 384
 Роберт, король неаполитанский 346
 Розенберг А. 283
 Рокотов Ф. С. 53
 Рокфеллер Дж. 379, 392
 Рокфеллер Л. 271
 Росс Ф. 366

Росси К. И. 91
 Рубакин Н. А. 10, 132, 162, 174, 176, 179–183, 186, 192, 194–197, 199, 200
 Рубинский К. И. 132, 149, 173, 174, 199, 200, 201
 Рудомино М. И. 224, 286, 287
 Румянцев Н. П. 110, 111, 118
 Румянцев С. П. 110, 111
 Русинов Н. В. 290
 Руска Л. 95
 Рыбаков Б. А. 25
 Рылеев К. Ф. 92

Савва, старец 32
 Садко 18
 Саллюстий 116
 Салтыков Б. М. 56
 Салтыков Ф. С. 57, 86
 Салтыков-Щедрин М. Е. 127, 155
 Санди Ф. М. 66
 Сапунов Б. В. 20, 24, 25, 30
 Сарингулян М. Х. 263
 Светоний 318
 Святополк, князь 23
 Святослав Ярославич, великий князь 20, 21, 22
 Селивановский 114
 Семон 164
 Сенковский О. И. 91
 Сервантес М. де 31
 Сергей Радонежский 29, 30
 Сеченов И. М. 105
 Сидоний Аполлинарий 324
 Сикст IV, папа римский 340
 Симон К. Р. 263
 Скорина Ф. 284
 Скотт В. 114
 Слоун Х. 350
 Слуховский М. И. 10, 34, 297
 Смилович П. Г. 167
 Смирдин А. Ф. 114

- Смирнова-Россет А. О. 92
 Смитсон Дж. 378
 Смушкова М. И. 274, 297
 Снегирев И. М. 94
 Соболевский А. И. 34
 Сობольщиков В. И. 97, 109, 132, 140, 146, 147, 148, 173
 Соколов Е. Т. 95
 Соллогуб Ф. Л. 94
 Соловьев В. С. 152, 271, 275
 Соловьев С. М. 94
 Сопиков В. С. 81, 97, 144
 Сорбон Р. де 337
 Софокл 30, 116, 314
 Софья Палеолог, великая княгиня московская 34
 Сперанский М. М. 96, 271
 Сперанский Н. Н. 271
 Сталин И. В. 255, 256, 261, 288
 Стасов В. В. 10, 106, 110, 111, 112, 133, 134, 139, 141, 142
 Стеллецкий И. Я. 34
 Стобаус Л. К. 66
 Столяров Ю. Н. 11
 Страбон 313, 319
 Страхов Н. Н. 94
 Стриганов В. М. 293
 Строганов А. С. 95
 Струве В. Я. 102
 Суворов А. В. 178
 Сулла Луций Корнелий 318, 319
 Сумароков А. П. 53
- Тайлор Э. Б.** 128
 Талалакина О. И. 263
 Тамерлан 330
 Тагишев В. Н. 66, 71, 86
 Тауберт И. 84, 85
 Тацит 116
 Телефос из Пергама 321
 Теннисон 349
 Теодорих, остготский король 333
- Теофраст 319
 Торопов А. Д. 130
 Тимей 314
 Тимирязев К. А. 105, 114
 Тираннинон 319
 Тихомиров М. Н. 34
 Толстая С. А. 113
 Толстой А. К. 193
 Толстой И. И. 200
 Толстой Л. Н. 21, 104, 113, 114, 127, 188, 190, 271, 275, 277
 Томпсон Дж. У. 317
 Торопов А. Д. 131
 Тортелли 340
 Траян, римский император 320
 Трефлер Ф. 343
 Тропинин В. А. 91
 Троповский Л. Н. 260, 290, 291, 301
 Трофимов Л. В. 290
 Трощкий Л. Б. 279
 Тургенев И. С. 105, 107, 113, 127
 Тэн И. 271
 Тютчев Ф. И. 113, 188
- Ульянова М. И. 168
 Успенский Г. И. 127
 Ушинский К. Д. 224
- Федоров И.** 28, 284
 Федоров Н. Ф. 114, 275
 Федосеев Н. Е. 128, 129
 Феофил, патриарх 316
 Феофор, епископ 325
 Фирдоуси Х. 107
 Флавий И. 30, 36
 Флоренский П. Н. 152, 275
 Фолджер Г. 390
 Фома Аквинский 332
 фон Бойнебург 353
 фон Мекк К. Ф. 94
 Фонвизин Д. И. 53, 188
 Форд Г. 379

- Фостер В. 384
 Франклин Б. 371, 372, 373
 Франциск I, французский король 344
 Фридьева Н. Я. 297
- Хабаров Е. П.** 178
 Хавкина Л. Б. 10, 156, 162, 163, 171–175, 183, 184, 189, 193, 194, 197–200, 205, 207, 208, 209, 230, 255, 256, 260, 290, 291, 294
 Хаммурапи 309
 Хантингтон А. М. 390
 Харжевская 131
 Харли Р. 350
 Харун ар-Рашид 327
 Хейне Х. Г. 359
 Хемницер И. И. 53
 Херасков М. М. 53
 Херренберг 366
- Циммерман В.** 127
 Циолковский К. А. 114
 Цицерон 319, 321, 339
- Чаадаев П. Я.** 113
 Чайковский П. И. 107
 Чачина О. И. 167, 168, 218
 Чеботарев Х. А. 79
 Чернышов, гимназист 124, 125
 Чернышевский Н. Г. 127
 Чертков А. Д. 108
 Чехов А. П. 113, 114, 188, 236
 Чингисхан 330
 Чосер Ч. 339
 Чубарьян О. С. 246, 266
 Чудновский 119
- Шамурин Е. И.** 187, 260, 292
 Шаняевский А. Л. 205, 207, 210
 Шахов Н. А. 205
- Швейцер И. Б. 127
 Шекспир У. 178, 236
 Шеллер-Михайлов А. К. 104, 127
 Шереметев Б. П. 54
 Шеридан Р. Б. 375
 Шибанов П. П. 267
 Шиллер Ф. 105, 189, 236
 Шира Дж. 11, 383
 Шлоссер Ф. К. 105
 Шмидт С. О. 34
 Шопенгауэр А. 271, 275
 Шпильгаген Ф. 127
 Шубин Ф. И. 53
 Шумахер И. Д. 66, 68, 72, 84, 84, 85
- Щербатов И. А.** 79
- Эвмен II**, пергамский царь 317
 Эдвардс Э. 360, 362
 Эдуард III, английский король 338
 Эдуард VI, английский король 345
 Эйлер Л. 66
 Эйхенгольд А. Д. 290
 Элджин Т. Б. 351
 Элиот Ч. 385
 Энгельгорн И. 365
 Энгельс Ф. 129, 276, 280
 Эндикот Дж. 369
 Эней Сильвий 346
 Эратосфен 315
 Эркман Э. – Шатриан А. 127
 Эсхил 113, 314
- Юлий Цезарь** 316, 319
 Юсупов Н. Б. 80, 266
- Якут аль-Хамави** 327
 Ярослав Мудрый, великий князь Киевский 19, 20, 22

Учебное издание

Балкова Ирина Викторовна

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА

Директор издательства *И.И. Шестопалов*
Заведующая книжной редакцией *Л.И. Дорогова*

Редактор *И.П. Ерёмченко*

Художник *В.В. Покатов*

Технический редактор *Н.В. Соловьева*

Верстка *В.Н. Спиридоновой*

Корректор *А.Н. Макаров*

Подписано в печать 06.06.2013. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times»
Усл. печ. л. 26. Тираж 500 экз.
Изд. № I-6-2012. Заказ

ФГБУ «Российская государственная библиотека»,
издательство «Пашков дом»
119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5
Тел./факс: 8-495-695-59-53
E-mail: pashkov_dom@rsl.ru